

ЦИЦЕРОН
и
ДИАЛОГИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

M.TVLLI CICERONIS

DIALOGI

DE RE PVBLICA - DE LEGIBVS

ЦИЦЕРОН

ДИАЛОГИ

О ГОСУДАРСТВЕ ~ О ЗАКОНАХ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
И. Н. ВЕСЕЛОВСКИЙ, В. О. ГОРЕНШТЕЙН
и С. А. УТЧЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА
МОСКВА • 1966

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Академики:

Н. И. Конрад (председатель),
М. П. Алексеев, В. В. Виноградов, С. Д. Сказкин;

члены-корреспонденты АН СССР:

И. И. Анисимов, Д. Д. Благой, В. М. Жирмунский,
Д. С. Лихачев, А. М. Самсонов;

член-корреспондент АН Таджикской ССР *И. С. Брагинский;*

доктора филологических наук: *А. А. Елистратова, Ю. Г. Оксман;*

доктор исторических наук *С. Л. Утченко;*

кандидат филологических наук *Н. И. Балашов;*

кандидат исторических наук *Д. В. Ознобишин*

(ученый секретарь)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

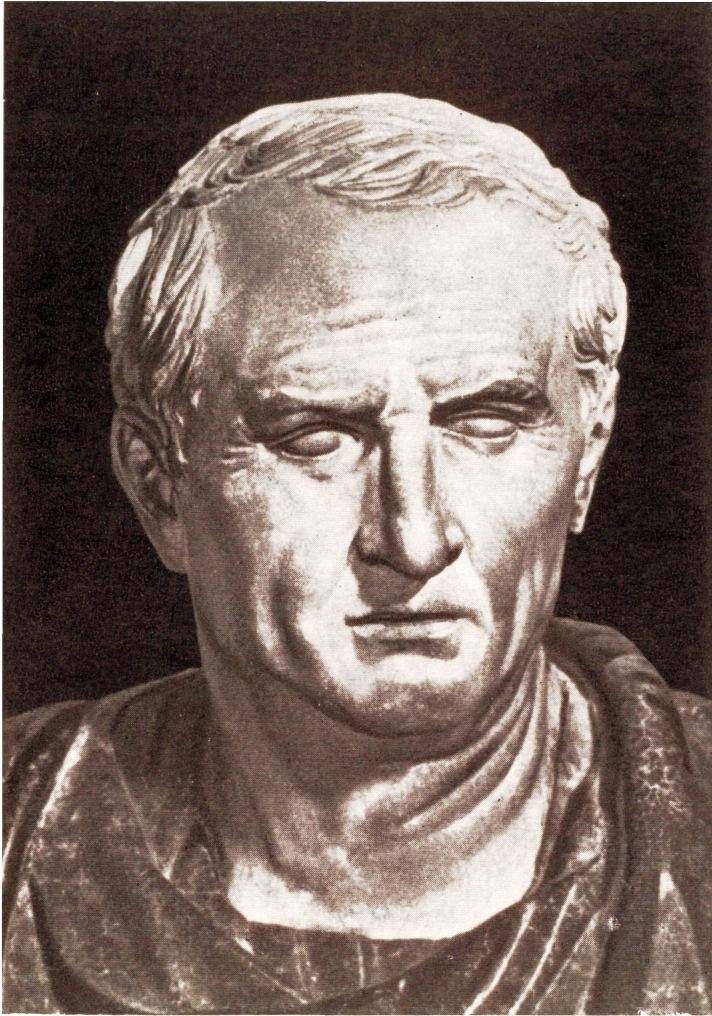
С. Л. УТЧЕНКО

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемые вниманию читателя два политико-философских произведения Цицерона — «О государстве» и «О законах» служат превосходным образцом римской прозы и содержат изложение теорий государства и права античной Греции и Рима. Они написаны как диалоги, т. е. беседы: диалог «О государстве» ведут Сципион Африканский Младший и его друзья, члены так называемого «Сципионовского кружка»; диалог «О законах» ведут сам автор, Марк Цицерон, его брат Квинт Цицерон и Тит Помпоний Аттик.

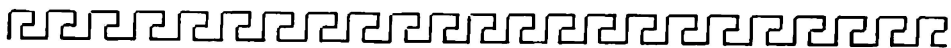
Эти сочинения Цицерона, в свое время имевшие также и политическую направленность, оказали большое влияние на писателей эпохи раннего христианства, на писателей и ученых эпохи Возрождения и на французских просветителей (например, на «Дух законов» Монтескье). Оба диалога представляют собой выдающиеся памятники мировой культуры.

Комментарий к диалогам содержит вводную статью и примечания.

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН
(106—43)

Мрамор. Флоренция, Уффици

О ГОСУДАРСТВЕ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

КНИГА ПЕРВАЯ

[Если бы предки наши не ставили блага государства превыше всего, то Марк Камилл не] избавил бы Рима от нашествия [галлов, Маний Курий, Гай Фабриций и Тиберий Корунканий не спасли бы его от нападения Пирра¹.] (I, 1) Гай Дуелий², Авл Атилий³ и Луций Метелл⁴ — от ужаса, который Риму внушал Карфаген, а двое Сципионов⁵ кровью своей не потушили бы начинавшегося пожара второй пунической войны, Квинт Максим⁶ не добился бы перелома в военных действиях, когда они возобновились после увеличения сил врага, Марк Марцелл⁷ не сломил бы противника, а Публий Африканский⁸ не перенес бы войны в стены вражеских городов, отбросив ее от ворот нашего города.

Далее, Марку Катону⁹, человеку малоизвестному и новому¹⁰, который всем нам, проявляющим такие же стремления, как бы подает пример настойчивости и доблести, право, было дозволено наслаждаться досугом¹¹ в Тускуле, здоровой местности близ Рима; но он, человек безрассудный, как думает кое-кто¹², предпочел, хотя его и не заставляла необходимость, до глубокой старости носиться по волнам в бури¹³, а не вести приятнейшую жизнь в тишине и на досуге. Не говорю уже о бесчисленном множестве мужей, из которых каждый служил благу нашего государства; о тех кто [не] забыт нашим поколением, я упоминать не стану, дабы никто не мог посетовать на то, что я пропустил его или кого-нибудь из его родных. Утверждаю одно: природа наделила человека столь великим стремлением поступать доблестно¹⁴ и столь великой склонностью служить общему благу, что сила эта одерживала верх над всеми приманками наслаждений и досуга.

(II, 2) Но отличаться доблестью, словно это какая-то наука, не достаточно, если не станешь ее применять. Ведь науку, хотя ее и не применяешь, все же возможно сохранить благодаря самому знанию ее; но доблесть зиждется всецело на том, что она находит себе применение, а ее важнейшее применение — управление государством и совершение на деле, а не на словах,

всего того, о чем кое-кто твердит в своих углах. Ведь философы не говорят ничего такого (я имею в виду то, что говорится действительно по справедливости и чести), что не было бы создано и подтверждено людьми, составившими законы для гражданских общин. И в самом деле, откуда возникло понятие о долге и кем была создана религия? Откуда появилось право народов¹⁵ и даже наше право, называемое гражданским, откуда правосудие, верность, справедливость? Откуда добросовестность, воздержность, отвращение к позорным поступкам, стремление к похвалам и почету? Откуда стойкость в трудах и опасностях? Да ведь все это исходит от тех людей, которые, когда это благодаря философским учениям сложилось, обычаями подтвердили одно, другое укрепили законами. (3) Более того, Ксенократ¹⁶, один из самых известных философов, на вопрос о том, чего достигают его слушатели, будто бы отвечал: они добровольно делают то, что им велят делать законы. Следовательно, тот гражданин, который своим империем¹⁷ и страхом перед карой по закону заставляет всех людей делать то, к чему философы своей речью могут склонить разве только немногих, заслуживает предпочтения перед самими любителями наставлять, обсуждающими такие вопросы. И в самом деле, какую их речь, как бы отточена она ни была, можно было бы предпочесть правильному устройству гражданской общины, основанному на публичном праве¹⁸ и на обычаях? И в самом деле, как «большие и могущественные города» (как их называет Эний¹⁹), по моему мнению, следует предпочитать деревенькам и крепостцам, так тех, кто благодаря своей мудрости и авторитету стоит во главе этих городов, следует именно за их мудрость ставить гораздо выше людей, чуждых какой бы то ни было государственной деятельности. А так как нас неудержимо влечет к умножению средств существования человеческого рода и мы, помыслами и трудами своими, стараемся сделать жизнь людей более безопасной и более богатой, причем искать этой радости нас побуждает сама природа, то будем держаться пути, по которому всегда шли все лучшие люди, и не станем слушать призывов тех, кто трубит к отступлению, желая повернуть вспять даже тех, кто уже продвинулся вперед.

(III, 4) Этим столь определенным и столь ясным доводам люди, несогласные с нами, противопоставляют труды, которые приходится совершать в защиту государства; для бдительного и деятельного человека это, конечно, препятствие небольшое и не только на таком важном поприще, но и при занятиях обыденных и при выполнении обязанностей частного человека или даже в личных делах заслуживающее пренебрежения. Говорят они и об опасностях, грозящих жизни, причем на позорный страх смерти указывают храбрым мужам, которым естественное угасание в старости кажется уделом более жалким, чем случай, когда им пришлось бы жизнь свою, которую рано или поздно придется отдать природе, именно за отечество отдать²⁰. В этом вопросе они признают себя особенно красноречивыми, когда пере-

числяют несчастья, постигшие прославленных мужей, и обиды, нанесенные им неблагодарными согражданами. Отсюда и примеры из истории греков: Мильтиад, победитель и усмиритель персов, когда у него еще не зажили те раны на груди, что он получил в час величайшей победы, жизнь свою, сохраненную им от вражеских копий, окончил в оковах, наложенных на него согражданами²¹; Фемистокл, с угрозами изгнанный из отечества, которое он спас, бежал не в гавани Греции, сохраненные им, а в глубь варварской страны, которую он когда-то сокрушил²². Ведь в примерах непостоянства афинян и их жестокости к виднейшим гражданам недостатка нет. Такие события, происшедшие там и часто повторявшиеся, — говорят эти люди, — многократно совершались также и в нашем могущественном государстве. (6) Упоминают и об изгнании Камилла²³, и о злобном отношении к Агале²⁴, и о ненависти к Насике²⁵, и об изгнании Лената²⁶, и об осуждении Опимия²⁷, и о бегстве Метелла²⁸, и о величайшем несчастье, постигшем Гая Мария²⁹, [а по его возвращении] об убийстве первенствовавших людей, и о происшедшей вскоре после этого резне, унесшей много жертв³⁰. При этом теперь не избегают называть также и меня и, пожалуй, именно потому, что мудростью моей и ценой грозившей мне опасности считают себя спасенными для этой мирной жизни, еще сильнее и с большей любовью ко мне сетуют на мои злоключения³¹. Но мне трудно сказать, почему, когда сами они, для получения образования или ради ознакомления, ездят за море, ... [Лакуна]

(IV, 7) [Когда] я, слагая с себя полномочия консула, на народной сходке поклялся в том, что государство было спасено, причем римский народ поклялся в том же³², я, пожалуй, был вполне вознагражден за волнения и тяготы, связанные со всеми обидами. Впрочем, в злоключениях моих было почта больше, чем лишений, и не столько было тягот, сколько славы, и я от тоски, испытываемой честными людьми, почувствовал радость бóльшую, чем была боль, причиненная мне радостью бесчестных³³. Но если бы, как я уже говорил, случилось иначе, то как мог бы я сетовать на это, когда на мою долю не выпало ничего такого, чего я не предвидел ранее, и — в сравнении с моими столь великими деяниями — ничего более тяжкого, чем я ожидал? Ведь я был таким человеком, что я, — хотя мне ввиду разнообразных приятных занятий, которым я предавался с отроческих лет³⁴, либо можно было получать от своего досуга плоды бóльшие, чем те, какие получают другие люди, либо, если бы всех постигло более тяжкое несчастье, пришлось бы испытать не какие-то особенные превратности судьбы, но равные тем, какие испытали бы и другие, — что я, ради спасения граждан, не поколебался встретить грядущую сильнейшую бури и чуть ли не удары молний и, сам подвергаясь опасностям, принеся спокойствие всем остальным³⁵. (8) Ибо отечество³⁶ породило, вернее, взрастило нас не с тем, чтобы не ждать от нас никакой поддержки и только, служа нашим выгодам, создавать для нас

безопасное убежище для жизни на досуге и спокойное место для отдохновения, но для того, чтобы оно само, себе на пользу, взяло в залог многие и притом величайшие силы нашего духа, ума, мудрости и предоставляло нам для наших личных потребностей лишь столько, сколько может оставаться после удовлетворения его собственных нужд³⁷.

(V, 9) Далее, к тем отговоркам, к каким эти люди прибегают для оправдания, дабы им еще легче было полностью наслаждаться досугом, конечно, менее всего следует прислушиваться, раз, по их словам, к государственной деятельности большей частью стремятся люди, совершенно недостойные честного дела, люди, равняясь с которыми унижительно, а сражаться, особенно когда толпа возбуждена, опасно и чревато несчастьем. Поэтому, по их мнению, мудрому человеку не следует принимать бразды правления, раз он не в силах сдерживать безумные и неукротимые стремления черни, а свободному, борясь не на жизнь, а на смерть с подлыми и свирепыми противниками, не за чем подвергаться ударам оскорблений или ожидать несправедливостей, нестерпимых для мудрого; как будто у людей честных, храбрых и наделенных большим мужеством, может быть какое-нибудь основание посвятить себя государственной деятельности, которое было бы более справедливым, чем желание не покоряться бесчестным людям и не позволять им раздирать государство на части³⁸, [чтобы не оказаться в таком положении,] когда они сами уже не будут в силах ему помочь, даже если и захотят.

(VI, 10) Но кто может одобрить этот отказ от деятельности? Ведь, по их словам, мудрый не станет принимать никакого участия в делах государства, если только обстоятельства и необходимость не заставят его³⁹. Словно кто-нибудь может столкнуться с большей необходимостью, чем та, с какой столкнулся я!⁴⁰ Что смог бы я тогда сделать, не будь я в то время консулом? Но как мог бы я быть консулом, если бы с отроческих лет не держался в жизни того пути, идя по которому, я, происшедший из всаднического сословия, достиг высшей почетной должности?⁴¹ Следовательно, хотя государству и грозят опасности, возможность прийти ему на помощь не появляется вдруг или по нашему желанию, если не занимаешь такого положения, что так поступить ты вправе. (11) Но в высказываниях ученых людей мне обычно кажется наиболее странным то, что они, когда море спокойно, держать кормило отказываются, так как не обучались этому и никогда не старались овладеть таким умением, но что они же объявляют о своем намерении встать у кормила, когда на море разыграется сильнейшая буря. Ведь они склонны открыто говорить и даже превозносить себя за то, что никогда не обучались ни устройению, ни защите государства, не обучают этому других и полагают, что знание всего этого следует предоставить не людям ученым и мудрым, а искушенным в этом деле. Как, в таком случае, возможно обещать государству свое содействие только тогда, когда тебя к этому принудит необходимость, раз ты — что было бы гораздо проще — управлять

государством при отсутствии необходимости не умеешь? И право, если бы и было верно, что мудрый не склонен добровольно снисходить до занятий делами государства, но в том случае, когда обстоятельства заставят его сделать это, в конце концов все же не отказывается от этих обязанностей, то я все-таки полагал бы, что пренебрегать познаниями в государственных делах мудрому человеку отнюдь не следует, так как он должен овладеть всем тем, что ему, пожалуй, рано или поздно еще придется применять.

(VII, 12) Я изложил все это весьма обстоятельно по той причине, что решил выступить в этих книгах с рассуждением о государстве. Чтобы оно не оказалось бесполезным, я прежде всего должен был устранить сомнения насчет того, следует ли вообще заниматься государственной деятельностью. Но все же, раз существуют люди, которые считаются с авторитетом философов, то пусть они на короткое время возьмут на себя труд послушать тех, чьи авторитет и слава в глазах ученых людей величайшие. Хотя некоторые из этих последних сами государственными делами не ведали, я лично — так как они рассмотрели много вопросов и много писали о государстве — все же думаю, что они выполнили некое обязательство перед государством. И право, тех семерых, кого греки называли мудрецами⁴², я, можно сказать, воочию вижу в самой гуще государственных дел. Ведь ни в одном деле доблесть человека не приближается к могуществу богов более, чем это происходит при основании новых государств и при сохранении уже основанных.

(VIII, 13) Поэтому, так как мне посчастливилось, ведя дела государства, достигнуть некоторых успехов, достойных того, чтобы о них помнили, а развивая положения о гражданственности, приобрести некоторую подготовку благодаря не только своей деятельности, но и своему стремлению учиться самому и обучать других, ... [Лакуна] [то задачу, взятую мною на себя, я нахожу для себя посильной.] ... авторитеты, между тем как из моих предшественников одни были весьма изощрены в рассуждениях, но их деяния нам не известны, а другие за свою деятельность снискали одобрение, но в изложении своих взглядов были неискусны. Мне же предстоит не установить свои собственные, новые, мною самим придуманные положения, а по памяти привести беседу между прославленными мудрейшими мужами нашего государства, принадлежавшими к одному поколению. О этой беседе мне и тебе⁴³ в наши юные годы сообщил Публий Рутилий Руф, когда мы провели вместе с ним в Смирне несколько дней, причем он, по моему мнению, не пропустил ничего такого, что имело большое значение для этого вопроса в целом.

(IX, 14) Когда, в консульство Тудитана и Аквиллия, знаменитый Публий Африканский, сын Павла, проводил дни Латинских празднеств⁴⁴ в своей загородной усадьбе, а его ближайшие друзья обещали ему часто навещать его в эти дни, во время самих празднеств к нему рано утром первым явился Квинт Туберон, сын его сестры. С радостью увидев его, Сципион

ласково сказал: «Что же ты, Туберон, так рано? ⁴⁵ Ведь эти празднества, пожалуй, дали тебе полную возможность предаться своим литературным занятиям».

ТУБЕРОН.— Книги мои в моем распоряжении в любое время; ведь они никогда не бывают заняты; но застать тебя на досуге — дело непростое, тем более при нынешних волнениях в государстве ⁴⁶.

СЦИПИОН.— Но ты все-таки меня застал, однако, клянусь Геркулесом, на досуге скорее от дел, чем от размышлений.

ТУБЕРОН.— Все же тебе следует отдохнуть также и помыслими. Ведь мы — а нас много — готовы (если только это тебе приятно) воспользоваться вместе с тобой этим досугом, как мы и намеревались.

СЦИПИОН.— Я, конечно, буду рад, что мы, наконец, сможем вспомнить кое-что из философских учений.

(X, 15) **ТУБЕРОН.**— И вот, так как ты как бы приглашаешь меня и подаешь мне надежду на твое участие, то не согласишься ли ты, Публий Африканский, чтобы мы, пока соберутся остальные, сперва поговорили о втором солнце ⁴⁷, о котором было доложено в сенате? Ведь нашлось немало и притом далеко не легковерных людей, которые, по их словам, видели два солнца, так что следует не столько отказывать им в доверии, сколько искать объяснения этому явлению.

СЦИПИОН.— Как я сожалею о том, что среди нас нет нашего Панэтия! ⁴⁸ Ведь он склонен тщательнейшим образом изучать, помимо других вопросов, также и эти небесные явления. Но я (тебе, Туберон, я скажу откровенно, что думаю) во всем этом вопросе не вполне согласен с этим нашим другом, который утверждает, что все то, свойства чего мы можем только предполагать на основании догадок, он воочию видит и чуть ли не трогает рукой. Тем большую мудрость склонен я признавать за Сократом, так как он отказался от всякого стремления постигнуть все это и заявил, что вопросы о явлениях природы либо не доступны человеческому разуму, либо не имеют отношения к жизни людей ⁴⁹.

(16) **ТУБЕРОН.**— Не понимаю, Публий Африканский, почему нам сообщают, что Сократ вообще отказался рассуждать об этом и был склонен рассматривать вопросы только о жизни и нравах людей. Можем ли мы сослаться на более авторитетное свидетельство о нем, чем свидетельство Платона? Ведь в книгах Платона, во многих местах, Сократ, рассуждая о нравах и добродетелях и даже о государстве, все же старается связать с этими вопросами числа, геометрию и гармонию, следуя Пифагору ⁵⁰.

СЦИПИОН.— То, что ты говоришь, — правильно, но ты, Туберон, думаешь мне, слышал, что после смерти Сократа Платон, для приобретения знаний, поспешил сперва в Египет, а затем в Италию и Сицилию, чтобы тщательно изучить открытия Пифагора, что он много общался с Архимом Тарентским и с Тимеем Локрийским ⁵¹, раздобыл записи Филолая и, так

как в те времена слава Пифагора была велика в этой стране, общался с его учениками и посвятил себя этим занятиям. Поэтому, так как он глубоко почитал Сократа и был готов приписать ему все, он и сочетал в себе обаяние и тонкость рассуждений Сократа со свойственной Пифагору темнотой и его хорошо известной глубиной в большинстве областей знания.

(XI, 17) Сказав это, Сципион вдруг увидел, что к ним идет Луций Фурий. Поздоровавшись с Фурием, Сципион дружески взял его за руку и предоставил ему место на своем ложе. А когда в это же время пришел Публий Рутилий, сообщивший нам об этой беседе, Сципион, поздоровавшись также и с ним, предложил ему сесть рядом с Тубероном.

ФУРИЙ.— Что вы обсуждаете? Неужели наш приход прервал вашу беседу?

Да нет же,— сказал Публий Африканский,— ведь ты усердно занимаешься вопросами этого рода, которые Туберон недавно начал изучать; что касается нашего друга Рутилия, то он даже под стенами Нуманции не раз беседовал со мною о таких вещах.

О чем же была речь? — спросил Фил.

СЦИПИОН.— Об этих двух солдках. Я очень хотел бы, Фил, узнать твое мнение о них.

(XII, 18) Едва Сципион сказал это, как молодой раб возвестил, что к нему направляется Лелий, который уже вышел из дому. Тогда Сципион, надев башмаки и верхнее платье⁵², вышел из спальни и, походив некоторое время по портику⁵³, встретил приближавшегося к нему Лелия и сопровождавших его Спурия Муммия, которого он очень любил, и Гая Фанния и Квинта Сцевола, зятьев Лелия, образованных молодых людей в возрасте квесториев⁵⁴. Поздоровавшись с ними всеми, Сципион повернул назад по портику и повел Лелия рядом с собой; ибо в их дружбе соблюдалось своего рода правило: в походах Лелий, как бога, почитал Публия Африканского за его исключительную военную славу, дома же Сципион, в свою очередь, как отца, чтит Лелия, старшего летами. Затем, после того, как они немного походили взад и вперед по портику, причем Сципион испытывал огромную радость от их прихода, им захотелось, так как время было зимнее, посидеть на лугу, ярко освещенном солнцем. Когда они уже собирались это сделать, к ним подошел Маний Манилий, сведущий муж, к которому все они относились с большим расположением и любовью. Сципион и другие встретили его дружескими приветствиями, и он сел рядом с Лелием.

(XIII, 19) **ФИЛ.**— Не вижу причины, почему мы из-за прихода друзей должны искать другого предмета для беседы. Думаю, что нам следует обсудить этот вопрос более тщательно и высказать нечто достойное их внимания.

ЛЕЛИЙ.— Что именно вы обсуждали, вернее, о чем была беседа, которую мы прервали?

ФИЛ.— Сципион спросил меня, каково мое мнение насчет того, что были видны два солнца, как все знают.

ЛЕЛИЙ.— Что ты, Фил? Разве мы уже изучили все то, что относится к нашим домашним делам и к государству, и потому хотим знать, что происходит на небе?

ФИЛ.— Неужели ты не считаешь для нас важным знать, что происходит и совершается в доме, которым является не пространство, ограниченное нашими стенами, а весь этот мир, данный нам богами как жилище и общее с ними отечество⁵⁵, — тем более что, если мы не будем знать всего этого, мы окажемся несведущими во многих и притом важных вопросах? Но ведь меня да и тебя самого, клянусь Геркулесом, Лелий, и всех жаждущих мудрости радует само познание и рассмотрение.

(20) **ЛЕЛИЙ.**— Я не против этого, тем более что теперь дни у нас праздничные. Можем ли мы, однако, что-нибудь послушать или же мы пришли чересчур поздно?

ФИЛ.— Пока еще мы ничего не обсудили, и так как мы еще не начинали, то я охотно дам тебе, Лелий, возможность высказать свое мнение.

ЛЕЛИЙ.— Да нет же, послушаем тебя, если только Манилий не сочтет нужным составить интердикт насчет двух солнц, — дабы они владели небом по тому праву, по какому каждое из них вступило во владение⁵⁶.

МАНИЛИЙ.— А ты, Лелий, не перестаешь издеваться над той наукой, в которой, во-первых, ты сам превосходишь других, и без которой, во-вторых, никто не может знать, что принадлежит ему и что чужое? Но об этом — немного погодя. Теперь послушаем Фила, которого, вижу я, спрашивают о вещах более важных, чем те, о каких советуются со мной или с Публием Муцием⁵⁷.

(XIV, 21) **ФИЛ.**— Я не сообщу вам ничего нового или придуманного или открытого мною самим. Ведь я помню, как Гай Сульпиций Галл⁵⁸, учнейший человек, как вы знаете, когда была речь о таком же наблюдении, а он случайно был в доме у Марка Марцелла, который вместе с ним когда-то был консулом, велел принести сферу, которую дед Марка Марцелла, завоевав Сиракузы, вывез из этого богатейшего и роскошно украшенного города, в то же время не доставив оттуда в свой дом ни одного другого предмета из столь значительной военной добычи. Хотя я очень часто слышал рассказы об этой сфере, так как с ней было связано славное имя Архимеда⁵⁹, сама она не особенно нравилась мне; более красива и более известна в народе была другая сфера, созданная этим же Архимедом, которую тот же Марцелл отдал в храм Доблести⁶⁰. (22) Но когда Галл начал с большим знанием дела объяснять нам устройство этого прибора, я пришел к заключению, что сицилиец обладал дарованием большим, чем то, каким может обладать человек. Ибо Галл сказал, что та другая, сплошная сфера без пустот была изобретена давно и что такую сферу впервые выточил Фалес

Милетский⁶¹, а затем Евдокс Книдский⁶², по его словам, ученик Платона, начертал на ней положение созвездий и звезд, расположенных на небе; что спустя много лет Арат⁶³, руководясь не знанием астрологии, а, так сказать, поэтическим дарованием, воспел в стихах все устройство сферы и положение светил на ней, взятое им у Евдокса. Но — сказал Галл — такая сфера, на которой были бы представлены движения солнца, луны и пяти звезд, называемых странствующими и блуждающими⁶⁴, не могла быть создана в виде сплошного тела; изобретение Архимеда изумительно именно тем, что он придумал, каким образом, при несходных движениях, во время одного оборота сохранить неодинаковые и различные пути. Когда Галл приводил эту сферу в движение, происходило так, что на этом шаре из бронзы луна сменяла солнце в течение стольких же оборотов, во сколько дней она сменяла его на самом небе, вследствие чего и на небе сферы происходило такое же затмение солнца, и луна вступала в ту же мету⁶⁵, где была тень земли, когда солнце из области... [Лакуна]

(XV, 23) **СЦИПИОН.** — ...так как я и сам почитал этого человека, и знал, что отец мой Павел⁶⁶ особенно уважал и любил его. Помнится, в моей ранней юности, когда мой отец, в то время консул, находился в Македонии и мы стояли лагерем, наше войско было охвачено суеверным страхом вследствие того, что в ясную ночь яркая и полная луна вдруг затмилась. Тогда Галл, бывший нашим легатом — приблизительно за год до того, как его избрали в консулы, — на другой день не поколебался во всеуслышание объявить, что это вовсе не было знамением и произошло и всегда будет происходить через определенное время — тогда, когда солнце окажется в таком месте, что его свет не сможет достигнуть луны.

Правда? — спросил Туберон, — он смог объяснить это, можно сказать, невежественным людям и перед неискушенными решился выступить с такой речью?

СЦИПИОН. — Да, и он сделал это с большой... [пользой для нашего войска.]

(24) ...и это не было ни дерзкой похвалой, ни словами, не подобающими человеку, занимающему высшее положение; ведь он достиг большого успеха, заставив встревоженных людей отбросить пустой суеверный страх.

(XVI, 25) Нечто подобное, по преданию, произошло и во время той величайшей войны, которую афиняне и лакедемоняне вели между собой, напрягая все свои силы⁶⁷: знаменитый Перикл⁶⁸, первый в своем государстве по авторитету, красноречию и мудрости, когда солнце померкло и внезапно наступила тьма, а афиняне охватил ужас, будто бы объяснил согражданам то, что сам он узнал от Анаксагора⁶⁹, чьим учеником он был, — что это происходит в определенное время и неизбежно всякий раз, когда вся луна заслоняет нам круг солнца; вот почему это, хотя бывает, правда, не в каждое новолуние, возможно только в определенные новолуния. Рассмотрев этот

вопрос и дав объяснения, он избавил людей от страха, охватившего их; ибо это было необычное и в те времена неизвестное объяснение — что затмение солнца происходит вследствие промежуточного положения луны; как говорят, первый это открыл Фалес Милетский. Впоследствии это не ускользнуло от внимания нашего Энния; как он пишет, на триста пятидесятом году по основании Рима.

Ночь и луна закрыли солнце в июньские ноны⁷⁰.

И в этом вопросе достигнута такая точность расчетов, что, начиная с того дня, как мы видим, указанного Эннием и записанного в «Больших анналах»⁷¹, было вычислено время предшествовавших затмений солнца, начиная с того, которое в квинктильские ноны произошло в царствование Ромула; среди этого мрака природа, правда, похитила Ромула с тем, чтобы он окончил свое человеческое существование, но его доблесть, говорят, вознесла его на небо⁷².

(XVII, 26) ТУБЕРОН.— Не правда ли, Публий Африканский, то, насчет чего у тебя совсем недавно было иное мнение, ...

[Лакуна] СЦИПИОН.— ...то, что могут видеть другие. Но что может считать великим в делах человеческих тот, кто обозрел эти царства богов, или же долговременным тот, кто познал, что́ вечно, или же достославным тот, кто увидел, как мала земля — прежде всего земля в целом, а затем та часть ее, которую населяют люди? Ведь по ней, как надеемся мы, утвердившиеся на ее незначительной части, хотя и совершенно неизвестные большинству племен, имя наше должно летать и широко распространяться. (27) Но сколь счастливым следует находить человека, не склонного ни считать, ни называть богатствами ни земельные угодья, ни постройки, ни скот, ни неизмеримые запасы серебра и золота, так как выгода от них кажется ему ничтожной, польза — малой, права собственности — ненадежными, причем часто всем этим, не зная меры, владеют самые дурные люди! Ведь ему одному действительно дозволено не на основании квинтского права⁷³, а на основании права мудрых притязать на это, как на свою собственность, и притом в силу не гражданского обязательства⁷⁴, а общего для всех естественного закона, запрещающего, чтобы какая бы то ни было вещь принадлежала кому-либо, кроме людей, умеющих с ней обращаться и ею пользоваться. Каким счастливым следует считать человека, полагающего, что империй и наши консульские полномочия следует брать на себя для совершения дел необходимых, а не желательных, что их следует добиваться ради выполнения долга, а не ради наград или славы⁷⁵; словом — человека, который может сказать о себе то же, что, как пишет Катон, говаривал дед мой Публий Африканский⁷⁶, — что он никогда не делает больше, чем тогда, когда не делает ничего, и никогда не бывает менее один, чем тогда, когда он один. (28) Ибо кто действительно поверит, что Дионисий⁷⁷, отняв с вели-

чайшими усилиями у своих сограждан свободу, достиг чего-то большего, чем его согражданин Архимед, изготовив эту самую, уже упомянутую нами, сферу, когда он, казалось, ничего не делал? Но кто не согласится с тем, что люди, у которых нет никого, с кем они, находясь в толпе, заполняющей форум, хотели бы поговорить⁷⁸, более одиноки, чем те, которые, не подвергаясь ничьему суду, беседуют сами с собой или как бы присутствуют в собрании ученейших людей, наслаждаясь их открытиями и сочинениями? Поистине, кто сочтет кого-либо более богатым, чем человека, не испытывающего недостатка ни в чем таком, чего требует его природа, или более могущественным, чем человека, достигающего всего того, к чему он стремится, или более счастливым, чем человека, избавленного от всяческих душевных волнений⁷⁹, или более удачливым, чем того, кто владеет лишь таким имуществом, которое он, как говорится, может унести с собой даже после кораблекрушения?⁸⁰ И какой империй, какие магистратуры, какую царскую власть возможно предпочесть положению, когда человек, презирая все человеческое и находя это менее ценным, чем мудрость⁸¹, не помышляет ни о чем, кроме вечного и божественного, и убежден в том, что, хотя другие и именуются людьми, но люди — только те, чей ум изощрен в знаниях, свойственных просвещенному человеку? (29) Таким образом, известные слова Платона (а может быть, это сказал и кто-нибудь другой) кажутся мне весьма удачными. Когда буря вынесла его из открытого моря к берегам неизвестной ему страны и выбросила на пустынный берег, то он, между тем как его спутники были обьяты страхом, не зная, куда они попали, говорят, обнаружил начертанные на песке какие-то геометрические фигуры; заметив их, он воскликнул, что спутники его могут быть спокойны, так как он видит признаки присутствия людей; он, очевидно, усмотрел их в наличии не посевов, а признаков учености. Вот почему, Туберон, мне были всегда по душе и ученость, и образованные люди, и твои занятия.

(XVIII, 30) ЛЕЛИЙ.— Я не решаюсь, Сципион, в ответ на это сказать, что ты, или Фил, или Манилий в такой мере... [Лакуна]

ЛЕЛИЙ.— ...к роду его отца принадлежал наш известный друг, достойный подражания,—

Редкостный ум и опыт в делах — таков был Секст Элий⁸².

Ведь человеком редкостного ума и опытным в делах Эний назвал его не потому, что Секст Элий искал того, чего никогда не мог бы найти, но потому, что он давал ответы, избавлявшие тех, кто его спрашивал, от забот и затруднений, а когда Секст Элий осуждал занятия Галла⁸³, то у него на устах всегда были известные слова Ахилла из «Ифигении»⁸⁴:

Астрологов знаки в небе, смысл их он понять желает:

Капра, Скорпион восходят, с ними и другие звери.

Что у ног, никто не видит, озирает страны неба.

Однако этот же муж (ведь я подолгу и охотно слушал его) говорил, что известный Зет у Пакувия⁸⁵ относился к учености чересчур враждебно; ему больше был по душе Неоптолем у Энния, говоривший, что «философствовать он хочет, но немного, так как вообще это ему не нравится»⁸⁶. Но, хотя учения греков так нравятся вам, существуют и другие, более простые и более доступные всем, и мы можем применять их либо в своей частной жизни, либо с пользой для государства. А ваши науки, если они чего-нибудь и сто́ят, то только в том отношении, что они немного обостряют и как бы изощряют умы молодежи, чтобы ей было легче изучать более важные вопросы.

(XIX, 31) **ТУБЕРОН**.— Не спорю с тобой, Лелий, но хотел бы знать, что́ ты считаешь более важным.

ЛЕЛИЙ.— Скажу это, клянусь Геркулесом, и ты, пожалуй, станешь меня презирать, так как именно ты спросил Сципиона об этих небесных явлениях. Но я полагал бы, что больше следует изучать то, что, как нам кажется, находится перед нашими глазами. И в самом деле, почему внук Луция Павла⁸⁷, родившийся в знатнейшей ветви рода и в нашем столь славном государстве, в присутствии этого вот своего дяди спрашивает здесь, каким образом были видны два солнца, но не спрашивает, почему в одном государстве существуют два сената и, можно сказать, два народа? Ибо, как вы видите, смерть Тиберия Гракха и еще раньше все его стремления как трибуна⁸⁸ разделили единый народ на две части. А хулители и завистники Сципиона, после того, как этому положили начало Публий Красс⁸⁹ и Аппий Клавдий⁹⁰, даже после их смерти поддерживают в одной части сената несогласие с вами, причем этим руководят Метелл⁹¹ и Публий Муций, а этому вот человеку⁹², который один в силах это сделать, они, подняв союзников и латинян⁹³, нарушив союзные договоры, не позволяют оказать государству помощь, когда мятежные триумвиры⁹⁴ изо дня в день замышляют перевороты, а честные мужи находятся в смятении из-за столь опасных событий.

(32) Поэтому, если вы, юноши, меня послушаетесь, вы не станете бояться второго солнца; ведь оно либо не может существовать, либо, пусть даже существует,— раз его видели,— только бы оно не было людям в тягость; либо мы не состоянии познать это, а если и приобретем величайшие познания, все же, благодаря этим знаниям, не сможем стать ни лучше, ни счастливее. Но то, чтобы у нас были один сенат и один народ⁹⁵,— осуществимо, и очень огорчительно, если этого нет, а что этого действительно нет, мы знаем и понимаем, что мы, если это будет достигнуто, сможем жить лучше и счастливее.

(XX, 33) **МУЦИЙ**.— Что же мы, по твоему мнению, Лелий, должны изучать, чтобы быть в состоянии совершать именно то, чего ты от нас требуешь?

ЛЕЛИЙ.— Такие науки, которые могут сделать нас полезными государству; ибо это, по моему мнению, самая славная задача мудрости и величай-

шее проявление доблести и ее обязанность. Поэтому для того, чтобы эти праздничные дни были нами посвящены беседам, полезнейшим для государства, попросим Сципиона нам разъяснить, какое государственное устройство он считает наилучшим. Затем рассмотрим и другие вопросы. Обсудив их, мы, надеюсь, постепенно дойдем до нынешнего положения вещей и разберем сущность того, что нам теперь предстоит рассмотреть.

(XXI, 34) Когда Фил, Манилий и Муммий это вполне одобрили, [Лакуна]

Не существует образца, с которым мы предпочли бы сравнить государство (Диомед).

..поэтому спустись, пожалуйста, в своей речи с неба и обратись к этим, более близким вещам. (Ноний, 85, 19).

ЛЕЛИЙ.—...я пожелал этого не только потому, что было бы разумно, чтобы о государстве говорил первенствующий в нем человек, но также и потому, что ты, как я помню, очень часто рассуждал об этом с Панэтием в присутствии Полибия⁹⁶ (а оба эти грека были, пожалуй, самыми искушенными в вопросах государственного устройства), и ты приводил много соображений и учил, что наилучшим является государственный строй, оставленный нам предками. Так как ты подготовлен к такому рассуждению лучше, чем мы, то ты (скажу также и от лица присутствующих), изложив нам свое мнение о государстве, обяжешь всех нас.

(XXII, 35) **СЦИПИОН.**— Я, право, должен сказать, что я никаким иным размышлением не предаю столь усердно и охотно, как именно этим, о которых ты, Лелий, мне говоришь. И право, когда я вижу, что всякий выдающийся мастер своего дела направляет все свои думы, помыслы и заботы только на то, чтобы лучше овладеть им, то, коль скоро мои родители и предки оставили мне одно это занятие — заботы о государстве и управление им⁹⁷, не придется ли мне признать, что я менее деятелен, чем любой мастер, если к величайшему искусству приложу меньше труда, чем тот труд, какой мастера прилагают к самым малым? (36) Но я и не удовлетворен теми сочинениями по этому вопросу, какие нам оставили выдающиеся и мудрейшие люди Греции, и не решаюсь ставить свои взгляды выше их воззрений. Поэтому прошу вас слушать меня как человека, и не совсем чуждого учения греков, и не предпочитающего их нашим, — тем более в этом вопросе, — но как одного из носящих тогу⁹⁸, получившего благодаря заботам отца весьма широкое образование и уже в отрочестве загоревшегося стремлением к учению, однако изоощрившего свой ум гораздо больше благодаря своей деятельности и наставлениям, полученным дома, чем благодаря чтению книг.

(XXIII, 37) **ФИЛ.**— Я, клянусь Геркулесом, не сомневаюсь, что тебя, Сципион, умом не превзошел никто; опытом своим в важнейших делах государства ты превыше всех; каким занятиям ты себя всегда посвящал, мы знаем. Поэтому, если ты, по твоим словам, направил также и помыслы свои

на эту науку и как бы искусство, то я глубоко благодарен Лелию; ибо надеюсь, что сказанное тобою будет для нас гораздо полезнее, чем все, написанное греками.

СЦИПИОН.— Право, ты возлагаешь на мои слова огромные надежды — тяжелейшее бремя для всякого, кто будет говорить о важных вещах.

ФИЛ.— Хотя мы и питаем великие надежды, ты все же их превзойдешь, по своему обыкновению. Ибо не приходится опасаться, что тебе, когда ты станешь рассуждать о государстве, изменит красноречие.

(XXIV, 38) **СЦИПИОН.**— Я исполню ваше желание, как сумею, и приступлю к рассуждению, руководясь правилом, которым, полагаю, следует руководствоваться при обсуждении всех предметов, если хотят избегнуть ошибки: если насчет названия предмета исследования все согласны, то надо разъяснить, что именно обозначают этим названием; если насчет этого тоже согласятся, то только тогда будет дозволено приступить к беседе; ибо никогда нельзя будет понять свойства обсуждаемого предмета, если сначала не понять, что он собой представляет. Поэтому, так как мы исследуем вопрос о государстве, рассмотрим сперва, что собой представляет именно то, что мы исследуем.

Когда Лелий это одобрил, Публий Африканский сказал:

Но я, рассуждая о предмете, столь знаменитом и столь известном, не стану обращаться к тем первоначалам, из которых в подобных вопросах обыкновенно исходят ученые люди, и мне не за чем начинать с первой встречи между мужчиной и женщиной⁹⁹, затем говорить о продолжении рода и каждый раз определять сущность предмета и то, какими способами возможно обозначить его отдельные свойства. Так как я говорю перед людьми просвещенными, в походах и на родине вершившими важными делами государства, то я постараюсь, чтобы моя беседа была не менее ясной, чем тот предмет, о котором я рассуждаю. Ведь я не брал на себя задачи подробно изложить все до конца, как это делает школьный учитель, и не обещаю, что в этой беседе не будет пропущена ни одна мелочь.

ЛЕЛИЙ.— Я, со своей стороны, жду именно такого изложения, какое ты нам обещаешь.

(XXV, 39) **СЦИПИОН.**— Итак, государство есть достояние народа¹⁰⁰, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов. Первой причиной для такого соединения людей является не столько их слабость¹⁰¹, сколько, так сказать, врожденная потребность жить вместе¹⁰². Ибо человек не склонен к обособленному существованию и уединенному скитанию, но создан для того, чтобы даже при избытке всего необходимого не... [удаляться от подобных себе.]

И чтобы сама природа к этому не только призывала; но также и призывала (Ноний, 321, 16).

(40) Что такое государство, как не достояние народа? Итак, достояние общее, достояние, во всяком случае, гражданской общины. Но что такое гражданская община, как не множество людей, связанных согласием? У римских авторов мы читаем:

Вскоре множество людей, рассеявшихся по земле и скитавшихся по ней, благодаря согласию превратилось в гражданскую общину (Августин, Послания, 138, 10).

Усматривали не единственную причину для закладки города. Одни говорят, что люди, первоначально происшедшие из земли, блуждая по лесам и полям, не будучи связаны друг с другом ни речью, ни правом и пользуясь ветками и травой как ложем, а пещерами и ямами — как домами, оказывались добычей диких зверей и более сильных животных; затем, что те люди, которые спаслись, хотя и получили ранения, и видели, как их близкие были растерзаны зверями, присоединились, поняв грозившую им опасность, к другим людям и молили их о защите; вначале они объяснялись знаками, затем стали делать первые попытки говорить; потом они, давая названия тем или иным отдельным вещам, понемногу усовершенствовались в своей речи. Видя, что им не защитить народа от диких зверей, они начали даже строить города, дабы обеспечить себе покой ночью и отворачивать нападения диких зверей, не вступая с ними в схватки, а строя валы.

(18) Иным людям это объяснение показалось нелепым, каким оно и было, и они говорили, что причиной объединения был не страх быть растерзанным дикими зверями, но скорее сама человеческая природа, и что объединились они потому, что человеческая природа избегает одиночества и стремится к общению и союзу (Лактанций, «Institutiones divinae», VI, 10, 13—15, 18).

(XXVI, 41) ... [Ибо, не будь у человека], так сказать, семян [справедливости], не возникло бы ни других доблестей, ни самого государства. Итак, эти объединения людей, образовавшиеся по причине, о которой я уже говорил, прежде всего выбрали для себя в определенной местности участок земли, чтобы жить на нем. Используя естественную защиту и оградив его также и искусственно, они назвали такую совокупность жилищ укреплением, или городом, устроили в нем святилища и общественные места.

Итак, всякий народ, представляющий собой такое объединение многих людей, какое я описал, всякая гражданская община, являющаяся народным установлением, всякое государство, которое, как я сказал, есть народное достояние, должны, чтобы быть долговечными, управляться, так сказать, советом, а совет этот должен исходить прежде всего из той причины, которая породила гражданскую общину. (42) Далее, осуществление их следует поручать либо одному человеку, либо нескольким выборным или же его должно на себя брать множество людей, то есть все граждане. И вот, когда верховная власть находится в руках у одного человека, мы называем этого одного царем, а такое государственное устройство — царской властью. Когда она находится в руках у выборных, то говорят, что эта гражданская община управляется волей оптиматов. Народной же (ведь ее так и называют)

является такая община, в которой все находится в руках народа¹⁰³. И каждый из трех видов государства — если только сохраняется та связь, которая впервые накрепко объединила людей ввиду их общего участия в создании государства,— правда, не совершенен и, по моему мнению, не наилучший, но он все же терпим, хотя один из них может быть лучше другого. Ибо положение и справедливого и мудрого царя, и избранных, то есть первенствующих граждан, и даже народа (впрочем, последнее менее всего заслуживает одобрения) все же,—если только этому не препятствуют несправедливые поступки или страсти,—по-видимому, может быть вполне прочным.

(XXVII, 43) Но при царской власти все прочие люди совсем отстранены от общего для всех законодательства и принятия решений, да и при господстве оптиматов народ едва ли может пользоваться свободой, будучи лишен какого бы то ни было участия в совместных совещаниях и во власти, а когда все вершится по воле народа, то, как бы справедлив и умерен он ни был, все-таки само равенство это не справедливо, раз при нем нет ступеней в общественном положении. Поэтому хотя знаменитый перс Кир¹⁰⁴ и был справедливейшим и мудрейшим царем, все же к такому «достоянию народа» (а это, как я уже говорил, и есть государство), видимо, не стоило особенно стремиться, так как государство управлялось мановением и властью одного человека. Если масилийцами, клиентами нашими¹⁰⁵, с величайшей справедливостью правят выборные и притом первенствующие граждане, то все-таки такое положение народа в некоторой степени подобно рабству. Если афиняне в свое время, отстранив ареопаг¹⁰⁶, вершили всеми делами только на основании постановлений и решений народа, то, так как у них не было определенных ступеней общественного положения, их община не могла сохранить своего блеска.

(XXVIII, 44) И я говорю это о трех видах государственного устройства, если они не нарушены и не смешаны один с другим, а сохраняют черты, свойственные каждой из них. Прежде всего, каждый из этих видов государственного устройства обладает пороками, о которых я уже упоминал; далее, ему присущи и другие пагубные пороки; ибо из указанных видов устройства нет ни одного, при котором государство не стремилось бы по обрывистому и скользкому пути к тому или иному несчастью, находящемуся недалеко от него. Ведь в упомянутом мною царе, терпимом и, если хотите, достойном любви,— Кире (назову именно его) скрывается, так как он волен изменять свои намерения, всем известный жесточайший Фаларид¹⁰⁷, по образцу правления которого единовластие скользит вниз по наклонному пути и притом легко. К знаменитому управлению государством, осуществлявшемуся в Массилии малым числом первенствовавших людей, близко стоит говор клики тридцати мужей, некогда правившей в Афинах¹⁰⁸. Что полновластие афинского народа, когда оно превратилось в безумие и произвол толпы, оказалось пагубным, ...[показали дальнейшие события.]

(XXIX, 45) [Лакуна] ... [государственное устройство] наихудшее, и из этой [формы правления] обыкновенно возникает правление оптиматов, или тираннической клики, или царское, или (даже весьма часто) народное и опять-таки из него — один из видов правления, упомянутых мною ранее, и изумительны бывают круги и как бы круговороты перемен и чередований событий в государстве¹⁰⁹. Если знать их — дело мудрого, то предвидеть их угрозу, находясь у кормила государства, направляя его бег и удерживая его в своей власти, — дело, так сказать, великого гражданина и, пожалуй, богами вдохновенного мужа. Поэтому я и считаю заслуживающим наибольшего одобрения, так сказать, четвертый вид государственного устройства, так как он образован путем равномерного смешения трех его видов, названных мною ранее¹¹⁰.

(XXX, 46) ЛЕЛИЙ.— Я знаю, что таково твое мнение, Публий Африканский! Ибо я часто слышал это от тебя. И все же, если это тебе не в тягость, я хотел бы узнать, какой из этих трех видов государственного устройства ты находишь наилучшим. Ведь будет полезно для понимания [Лакуна]

(XXXI, 47) СЦИПИОН.— ...и каждое государство таково, каковы характер и воля того, кто им правит¹¹¹. Поэтому только в таком государстве, где власть народа наибольшая, может обитать свобода; ведь приятнее, чем она, не может быть ничего, и она, если она не равна для всех, уже и не свобода. Но как может она быть равной для всех, уж не говорю — при царской власти, когда рабство даже не прикрыто и не вызывает сомнений, но и в таких государствах, где на словах свободны все? Граждане, правда, подают голоса, предоставляют империй и магистратуры, их по очереди обходят, добиваясь избрания¹¹², на их рассмотрение вносят предложения, но ведь они дают то, что должны были бы давать даже против своего желания, и они сами лишены того, чего от них добиваются другие; ведь они лишены империя, права участия в совете по делам государства¹¹³, права участия в судах, где заседают отобранные судьи¹¹⁴, лишены всего того, что зависит от древности и богатства рода. А среди свободного народа, как, например, родосцы¹¹⁵ или афиняне¹¹⁶, нет гражданина, который [сам не мог бы занять положения, какое он предоставляет другим.] [Лакуна]

(XXXII, 48) ...когда в народе находился один или несколько более богатых и более могущественных человек, тогда — говорят они¹¹⁷ — из-за их высокомерия и надменности¹¹⁸ и создавалось вышеуказанное положение, так как трусы и слабые люди уступали богатым и склонялись перед их своеволием. Но если народ сохраняет свои права, то — говорят они — это наилучшее положение, сама свобода, само благоденствие, так как он — господин над законами, над правосудием, над делами войны и мира, над союзными договорами, над правами каждого гражданина и над его имуществом¹¹⁹. По их мнению, только такое устройство и называется с полным осно-

ванием государством, то есть достоянием народа. Поэтому, по их словам, «достояние народа» обычно освобождается от владычества царей и «отцов», но не бывает, чтобы свободные народы искали для себя царей или власти и могущества оптиматов. (49) И право, говорят они, ввиду пагубных последствий, связанных с необузданностью народа, не следует отвергать вообще всего этого вида свободы для народа; нет ничего более неизменного и более прочного, чем народ согласный и во всем сообразующийся со своей безопасностью и свободой; но легче всего согласие это достижимо в таком государстве, где всем полезно одно и то же; из различия интересов, когда одному подходит одно, а другому другое, возникают раздоры¹²⁰; поэтому, когда властью завладевали «отцы», государственный строй никогда не бывал прочен; но еще менее бывает так при царской власти, когда, по утверждению Энния¹²¹,

...ни общности во власти нет священной, ни верности.

Поэтому, если закон есть связующее звено гражданского общества¹²², а право, установленное законом, одинаково для всех, то на каком праве может держаться общество граждан, когда их положение не одинаково? И в самом деле, если люди не согласны уравнивать имущество, если умы всех людей не могут быть одинаковы, то, во всяком случае, права граждан одного и того же государства должны быть одинаковы. Да и что такое государство, как не общий правопорядок?

(XXXIII, 50) [Лакуна] А остальные государства, по их мнению, не следует называть теми именами, какими они сами желают называться. И в самом деле, почему мне называть царем — по имени Юпитера Всеблагого — человека, жаждущего владычества и исключительного империя и властвующего над народом, угнетаемый им, а не называть его тиранном?¹²³ Ведь и тиранн может быть милосерден в такой же мере, в какой царь нестерпим, так что для народов имеет значение лишь одно: у милостивого ли властителя они в рабстве или у сурового; но совсем не быть в рабстве они не могут. Каким же образом прославленному Лакедемону в те времена, когда его государственное устройство считалось образцовым, удавалось обладать хорошими и справедливыми царями, если приходилось иметь царем всякого, кто только происходил из царского рода?¹²⁴ Далее, кто стал бы терпеть оптиматов, которые присвоили себе это наименование не с согласия народа, а в своих собственных собраниях? В самом деле, на каком основании человека признают «наилучшим»?¹²⁵ Ввиду его образования, интереса к наукам, стремлений ... [Лакуна]

(XXXIV, 51) Если [государство] будет руководиться случайностью, оно погибнет так же скоро, как погибнет корабль, если у кормила встанет рулевой, назначенный по жребию из числа едущих¹²⁶. Поэтому, если свободный народ выберет людей, чтобы вверить им себя, — а выберет он, если только

заботится о своем благе, только наилучших людей,— то благо государства, несомненно, будет вручено мудрости наилучших людей¹²⁷ — тем более, что сама природа устроила так, что не только люди, превосходящие других своей доблестью и мужеством, должны главенствовать над более слабыми, но и эти последние охотно повинуются первым.

Но это наилучшее государственное устройство, по их словам, было ниспровергнуто вследствие появления превратных понятий у людей, которые, не зная доблести (ведь она — удел немногих, и лишь немногие видят и оценивают ее), полагают, что богатые и состоятельные люди, а также и люди знатного происхождения — наилучшие. Когда, вследствие этого заблуждения черни, государством начинают править богатства немногих¹²⁸, а не доблести, то эти первенствующие люди держатся мертвой хваткой за это наименование — оптиматов, но в действительности не заслуживают его. Ибо богатство, знатность, влияние — при отсутствии мудрости и умения жить и повелевать другими людьми — приводят только к бесчестию и высокомерной гордости, и нет более уродливой формы правления, чем та, при которой богатейшие люди считаются наилучшими. (52) А что может быть прекраснее положения, когда государством правит доблесть; когда тот, кто повелевает другими, сам не находится в рабстве ни у одной из стотей¹²⁹, когда он проникся всем тем, к чему приучает и зовет граждан, и не навязывает народу законов, каким не станет подчиняться сам, но свою собственную жизнь представляет своим согражданам как закон? И если бы такой человек один мог в достаточной степени достигнуть всего, то не было бы надобности в большом числе правителей; конечно, если бы все сообща были в состоянии видеть наилучшее и быть согласными насчет него, то никто не стремился бы иметь выборных правителей. Но именно трудность принятия решений и привела к переходу власти от царя к большому числу людей, а заблуждения и безрассудство народа — к ее переходу от толпы к немногим. Именно при таких условиях, между слабостью сил одного человека и безрассудством многих, оптиматы и заняли среднее положение, являющееся самой умеренной формой правления. Когда они управляют государством, то, естественно, народы благоденствуют, будучи свободны от всяких забот и раздумий и поручив попечение о своем покое другим, которые должны о нем заботиться и не давать народу повода думать, что первенствующие равнодушны к его интересам. (53) Ибо равноправие, к которому так привязаны свободные народы, не может соблюдаться (ведь народы, хотя они и свободны и на них нет пут, облакают многими полномочиями большей частью многих людей, и в их среде происходит значительный отбор, касающийся и самих людей, и их общественного положения), и это так называемое равенство в высшей степени несправедливо¹³⁰. И действительно, когда людям, занимающим высшее, и людям, занимающим низшее положение, — а они неминуемо бывают среди каждого народа — оказывается одинаковый почет,

то само равенство в высшей степени несправедливо; в государствах, управляемых наилучшими людьми, этого произойти не может. Приблизительно вот это, Лелий, и кое-что в таком же роде обыкновенно и приводят в доказательство люди, особенно превозносящие этот вид государственного устройства.

(XXXV, 54) **ЛЕЛИЙ**.— А ты, Сципион? Какой из упомянутых тобою трех видов государственного устройства ты одобряешь больше всего?

СЦИПИОН.— Ты с полным основанием спрашиваешь, какой из трех видов государственного устройства наиболее одобряю я; ведь ни одного из них самого по себе, взятого в отдельности, я не одобряю и предпочитаю каждому из них то, что как бы сплавлено из них всех, взятых вместе. Но если бы понадобилось выбрать какой-нибудь один строй в чистом виде, то я одобрил бы царскую власть [и поставил бы ее на первое место.] [Если говорить о видах власти,] названных здесь, то имя царя напоминает мне как бы имя отца, заботящегося о согражданах, как о своих детях, и охраняющего их тщательнее, чем [Лакуна] вас поддерживает заботливостью одного наилучшего и выдающегося мужа. (55) Но вот встают оптиматы, чтобы заявить, что они делают это же самое лучше, и сказать, что мудрости будет во многих больше, чем в одном, а справедливость и честность та же. А народ, оглушая вас, кричит, что он не согласен повиноваться ни одному, ни немногим, что даже для зверей нет ничего сладостнее свободы, и что ее лишены все те, кто находится в рабстве, независимо от того, чьи они рабы — царя или оптиматов. Так благоволением своим нас привлекают к себе цари, мудростью — оптиматы, свободой — народы, так что при сравнении трудно выбрать, чего можно желать больше всего.

ЛЕЛИЙ.— Разумеется; но, если ты не доведешь своего рассмотрения до конца, нам едва ли удастся разобраться во всем остальном.

(XXXVI, 56) **СЦИПИОН**.— Итак, уподобимся Арату, который, приступая к рассуждению о важных предметах, считал нужным начинать с Юпитера¹³¹.

ЛЕЛИЙ.— Почему с Юпитера? Лучше сказать, какое сходство со стихами Арата имеет наша беседа?

СЦИПИОН.— Лишь такое, что мы с полным основанием можем начать свою речь с того, кого одного и все ученые, и все неученые люди единогласно признают царем всех богов и людей.

Почему? — спросил Лелий.

СЦИПИОН.— По какой же иной причине, как не потому, что это очевидно? Если первенствующие в государствах люди ради житейской пользы заставили всех верить, что на небе есть единственный царь, наклонением головы сотрясающий весь Олимп, как говорит Гомер¹³², и считать его царем и отцом всех, то существуют авторитетные и многочисленные (если только под многочисленными можно разуметь всех) свидетели тому, что народы

согласились (очевидно, на основании решений первенствующих людей) в том, что лучше царя не бывает никого, так как, по их мнению, всеми богами правит воля одного. Если же это, как нас учили, основано на заблуждении неискушенных людей и похоже на сказания, то послушаем всеобщих, так сказать, учителей образованных людей; ведь они как бы воочию видели то, что мы с трудом познаем, когда об этом слышим.

Кто же они? — спросил Лелий.

СЦИПИОН. — Те, которые, изучая всю природу, поняли, что всем этим миром правит разум. [Лакуна]

(57) [Платон] стоит за монархию, говоря, что существует единый бог, создавший и по своему изумительному замыслу упорядочивший мир. Аристотель, ученик Платона, признает существование единого разума, правящего миром. Антисфен говорит о существовании единого божества — природы, правящей всем миром. Много времени заняло бы рассмотрение всего того, что в прошлом высказали о высшем божестве Фалес, или Пифагор, или Анаксимен, а впоследствии стоики Клеанф, Хрисипп и Зенон, а из наших — Сенека, последователь стоиков, и сам Туллий; ведь все они пытались определить, что собой представляет бог, и утверждали, что он один правит миром и что он не подчиняется природе, так как вся природа создана им самим (Лактанций, Эпитома, 4, 1—3),

(XXXVII, 58) **СЦИПИОН.** — ...Но если хочешь, Лелий, я назову тебе свидетелей, не особенно древних и отнюдь не варваров ¹³³.

ЛЕЛИЙ. — Именно этого я и хочу.

СЦИПИОН. — Итак, знаешь ли ты, что с тех пор, как наш город существует без царей, прошло уже около четырехсот лет?

ЛЕЛИЙ. — Да, менее четырехсот лет ¹³⁴.

СЦИПИОН. — И что же? Разве эти четыреста лет существования города и гражданской общины — очень долгий срок?

ЛЕЛИЙ. — Нет, это едва возраст юности.

СЦИПИОН. — Итак, четыреста лет назад в Риме был царь?

ЛЕЛИЙ. — Да, и притом гордый ¹³⁵.

СЦИПИОН. — А до него?

ЛЕЛИЙ. — Справедливейший ¹³⁶, а ранее длинный ряд царей вплоть до Ромула, который был царем за шестьсот лет до нашего времени.

СЦИПИОН. — Следовательно, даже и он жил не очень давно?

ЛЕЛИЙ. — Совсем нет; в это время Греция уже начала стариться.

СЦИПИОН. — Скажи, разве Ромул был царем варваров?

ЛЕЛИЙ. — Если, как утверждают греки, все люди — либо греки, либо варвары, то он, пожалуй, был царем варваров; если же такое имя следует давать на основании нравов, а не на основании языка, то я не думаю, чтобы греки были варварами в меньшей степени, чем римляне.

СЦИПИОН. — Но мы, имея в виду предмет своей беседы, спрашиваем не о племени; о прирожденном уме спрашиваем мы. В самом деле, если

люди разумные и притом отнюдь не в древние времена пожелали иметь царей, то я располагаю свидетелями, не очень древними, не лишенными образования и не дикими.

(XXXVIII, 59) **ЛЕЛИЙ.**— Я вижу, что у тебя, Сципион, довольно много свидетельских показаний, но на меня, как на хорошего судью, доказательства действуют больше, чем свидетели.

СЦИПИОН.— В таком случае, Лелий, ты сам воспользуйся доказательствами, которые тебе дают твои чувства.

ЛЕЛИЙ.— Какие чувства?

СЦИПИОН.— Когда тебе, быть может, показалось, что ты на кого-нибудь разгневан.

ЛЕЛИЙ.— Да, это бывало чаще, чем я хотел бы.

СЦИПИОН.— Что же, тогда, когда ты в гневе, ты позволяешь этому гневу господствовать над твоей душой?

Нет, клянусь Геркулесом,— сказал Лелий,— но я подражаю знаменитому Архиту Гарентскому, который, приехал в свою усадьбу и найдя, что там все сделано не так, как он велел, сказал управителю: «О несчастный, да я засек бы тебя до смерти, не будь я в гневе»¹³⁷.

(60) Превосходно,— сказал Сципион,— итак, Архит, очевидно, по справедливости считал гнев, так сказать, мятежом души, так как он не согласуется с разумом, и хотел успокоить этот гнев мудростью. Прибавь сюда алчность, прибавь жажду власти и славы, прибавь страсти — и ты поймешь, что, если в душах людей будет царский империй, то это будет господство одного начала, то есть мудрости (ведь это лучшая часть души), но что, при господстве мудрости, нет места ни для страстей, ни для гнева, ни для необдуманных поступков.

ЛЕЛИЙ.— Да, это так.

СЦИПИОН.— Значит, ты согласен с тем, чтобы человеческий ум был в таком состоянии?

ЛЕЛИЙ.— Вполне согласен.

СЦИПИОН.— Значит, ты не был бы доволен, если бы, после того, как мудрость была бы изгнана, страсти (а им нет числа) или припадки гнева держали в своей власти все?

ЛЕЛИЙ.— Да, по моему мнению, это было бы величайшим несчастьем и для такой души, и для человека с такой душой.

СЦИПИОН.— Итак, согласен ты, чтобы все части нашей души находились под царской властью и управлялись мудростью?

ЛЕЛИЙ.— Да, я согласен на это.

СЦИПИОН.— В таком случае, почему ты не знаешь, какое мнение тебе следует высказать о государстве? Ведь если вершить делами в нем будет поручено нескольким лицам, то, как сразу можно понять, оно не будет управляться империем, который, если он не един, невозможен вообще.

(XXXIX, 61) *ЛЕЛИЙ*.— Какое, скажи пожалуйста, различие между одним властителем и несколькими, если справедливость в руках у нескольких лиц?

СЦИПИОН.— Так как я понял, Лелий, что мои свидетели не производят на тебя большого впечатления, то я не перестану брать в свидетели тебя самого, дабы подтвердить справедливость своих слов.

Меня,— спросил Лелий,— каким же образом?

СЦИПИОН.— А я заметил недавно, когда мы были в твоей формийской усадьбе, как строго ты наказывал своей челяди¹³⁸ слушаться только одного человека.

ЛЕЛИЙ.— Разумеется,— управителя.

СЦИПИОН.— Ну, а в городском доме? Разве несколько человек ведет твоими делами?

ЛЕЛИЙ.— Нет, один.

СЦИПИОН.— Далее, а разве всем твоим домом управляет еще кто-нибудь другой, помимо тебя?

ЛЕЛИЙ.— Конечно, нет.

СЦИПИОН.— Тогда почему ты не соглашаешься на это же в делах государственных — что владычество отдельных лиц, если только они люди справедливые, и есть наилучшее государственное устройство?

ЛЕЛИЙ.— Ты заставляешь меня почти согласиться с тобой.

(XL, 62) *СЦИПИОН*.— Ты, Лелий, согласишься со мною еще больше, если я,— отбросив сравнения, что поручить корабль одному кормчему, а больного одному врачу¹³⁹ (если только оба они владеют своим искусством) правильнее, чем поручать их многим,— перейду к более важным вопросам.

ЛЕЛИЙ.— К чему именно?

СЦИПИОН.— Разве ты сам не видишь, что из-за нестерпимого высокомерия одного человека — Тарквиния — само имя царя стало ненавистным для нашего народа?

Да, я это вижу,— сказал Лелий.

СЦИПИОН.— В таком случае ты видишь также и то, о чем я в нашей дальнейшей беседе намерен говорить подробнее: после изгнания Тарквиния народ неистовствовал ввиду, так сказать, крайней непривычки к свободе; тогда были отправлены в изгнание невинные¹⁴⁰, тогда имущество многих людей было расхищено, тогда появились консулы с годичными полномочиями¹⁴¹, тогда перед народом стали опускать ликторские связки¹⁴², тогда была введена провокация по всем делам¹⁴³, тогда из Рима уходил плебс¹⁴⁴, словом, тогда в большинстве дел народ обладал всей полной властью.

(63) *ЛЕЛИЙ*.— То, что ты говоришь, соответствует действительности.

Да,— сказал Сципион,— так бывает во времена мира и спокойствия;

ведь пока бояться нечего, можно и своевольничать, например, на корабле, а часто и при легкой болезни. Но подобно тому, как мореплаватель, как только по морю неожиданно начнут ходить волны, а большой, когда его состояние ухудшается, лишь одного человека молит о помощи, так и наш народ в мирное время и у себя дома повелевает и даже магистратам грозит, отказывает им в повиновении, совершает апелляцию¹⁴⁵ и провокацию, но во времена войны повинуется им, как повинуются царю¹⁴⁶; ибо чувство самосохранения сильнее своеволия. А во время более трудных войн наши граждане постановляли, чтобы весь империй был в руках у одного, даже оез коллеги¹⁴⁷, причем уже само название указывает на особенность его власти. Ибо диктатор так называется оттого, что его назначают, но в наших книгах¹⁴⁸, как ты знаешь, Лелий, его называют главой народа.

Знаю,— сказал Лелий.

СЦИПИОН.— Значит, те древние мудро [поступали]...

(XLI, 64) [Лакуна]... именно, когда народ теряет справедливого царя, то после кончины лучшего царя «сердцами надолго овладевает тоска по нем», как говорит Энний.

...между собою

Так толкуют они: «О Ромул, божественный Ромул!

Стражем каким для отчины боги тебя породили!

О родитель, отец, о кровь, рожденная небом!»¹⁴⁹

Тех, кому люди повиновались согласно закону, они называли не повелителями, не властителями, наконец, даже не царями, а стражами отечества, отцами, богами. И не без оснований. В самом деле, что говорят они дальше?

Ты народ наш увел в края, озаренные светом¹⁵⁰.

Они полагали, что справедливость царя даровала им жизнь, почет, украсила их. Такое же настроение осталось бы и у их потомков, если бы цари остались такими же и долее; но ты видишь, что из-за несправедливости одного из них¹⁵¹ рухнул весь тот вид государственного устройства.

ЛЕЛИЙ.— Да, я вижу это и стараюсь понять эти пути изменений не только в нашем государстве, но и во всяком другом.

(XLII, 65) **СЦИПИОН.**— Когда я выскажу свое мнение о том виде государственного устройства, который считаю наилучшим, мне вообще придется поговорить подробнее и о переменах в государстве, хотя в таком государстве они, по моему мнению, произойдут далеко не легко. Но при царском образе правления первая и самая неизбежная перемена следующая: когда царь начинает быть несправедлив, этот государственный строй тотчас же рушится, а этот же правитель становится тиранном¹⁵²; это худший вид государственного устройства и в то же время близкий к наи-

лучшему; если его ниспровергают оптиматы, как обыкновенно и случается, то государство получает второй из названных трех видов устройства; это — вид, уподобляющийся царской власти, то есть составленный из «отцов» совет первенствующих людей, заботящихся о благе народа¹⁵³. Если же народ своей рукой убьет или изгонит тиранна, то он бывает несколько умерен только до той поры, пока владеет своими чувствами и умом, радуется своему деянию и хочет защитить им же установленный государственный строй. Но если народ применил насилие к справедливому царю или лишил его царской власти, или даже (это бывает еще чаще) отвелал крови оптиматов и подчинил своему произволу все государство (не думай, Лелий, что найдется море или пламя, успокоить которое, при всей его мощности, труднее, чем усмирить толпу, не знающую удержу ввиду непривычного для нее положения), тогда и происходит то, что так ярко изобразил Платон¹⁵⁴, — если только мне удастся передать это на латинском языке; сделать это трудно, но я все же попытаюсь.

(XLIII, 66) «Когда,— говорит Платон,— ненасытная глотка народа пересохнет от жажды свободы, и народ, при дурных виночерпиях, вкусит не разумно размешанной, а совсем не разбавленной свободы, он начинает клеветать на магистратов и первенствующих людей, если они не особенно мягки и уступчивы и не дают ему полной свободы, начинает преследовать их, обвинять, называть своевластными, царями, тираннами»¹⁵⁵. Думаю, что это тебе известно.

ЛЕЛИЙ.— Да, мне это очень хорошо известно.

(67) СЦИПИОН.— Платон продолжает так: «Тех, кто повинуется первенствующим людям, такой народ преследует и называет добровольными рабами, а тех, кто, занимая магистратуры, хочет походить на частных людей, а также и тех частных людей, которые стремятся к тому, чтобы между частным человеком и магистратом не было никакого различия, они превозносят похвалами и возвеличивают почестями, так что в подобном государстве свобода неминуемо господствует над всем: частный дом не повинуется власти, и это зло распространяется даже на животных; даже отец боится сына, сын пренебрегает отцом, причем всякий стыд отсутствует; все совершенно свободны и нет различия между гражданином и иноземцем; учитель боится своих учеников и заискивает перед ними, а ученики презируют учителей; юноши напускают на себя важность стариков, а старики унижаются до юношеских забав, чтобы не быть юношам в тягость и не казаться чересчур важными. Вследствие этого даже рабы держат себя чересчур вольно, а женщины имеют те же права, что и мужчины; мало того, даже собаки, лошади, наконец, ослы, при такой вольности, так наускаивают на людей, что приходится уступать им дорогу. Итак,— говорит Платон,— это безграничное своеволие приводит к тому, что граждане становятся столь пресыщены и слабы духом, что они, если власти применят к ним

малейшее принуждение, раздражаются, и не могут это стерпеть, а потому начинают даже пренебрегать законами, так что оказываются без какого бы то ни было властителя».

(XLIV, 68) **ЛЕЛИЙ**.— Ты вполне точно передал нам содержание высказываний Платона.

СЦИПИОН.— Далее, возвращаясь к изложению своей мысли, я прибавлю: из этого крайнего своеволия, которое эти люди считают единственной свободой,— говорит Платон,— вырастает, словно из корня, и как бы рождается тиранн. Ибо, подобно тому, как из чрезмерного могущества первенствующих людей возникает угроза самому их существованию, так сама свобода поражает этот чересчур свободный народ в конце концов рабством. Так и всякий избыток приятного — будет ли он в погоде, или на полях, или в теле человека — большей частью превращается в противоположное состояние; это происходит более всего в делах государственных, и чрезмерная свобода как у народов, так и у частных людей рушится, превращаясь в чрезмерное рабство. Таким образом, величайшая свобода порождает тираннию и несправедливейшее и тяжелейшее рабство. Ведь из этого необузданного или, лучше сказать, свирепого народа большей частью выходит предводитель, обращающийся против первенствующих граждан, уже сбитых с места¹⁵⁶ и повергнутых ниц, человек отважный, бесчестный, жестоко преследующий людей, часто оказывавших государству большие услуги, отдающий народу и свое, и чужое достояние¹⁵⁷, и так как ему, пока он оставался частным человеком, грозили многие опасности, то ему дают империй, который возобновляют на новый срок, даже дают ему стражу, как это было в Афинах с Писистратом¹⁵⁸; наконец, такие люди становятся тираннами по отношению к тем, которые их выдвинули. Если этих тираннов, как это часто бывает, свергают лучшие люди, то государство возрождается; но если это совершают люди дерзкой отваги, то возникает хорошо нам известное правление клики, другой род тираннов, и такая же клика часто возникает из превосходного правления оптиматов, когда какие-нибудь пороки отвлекают самих первенствующих людей от их пути. Таким образом, государственную власть, словно мяч, выхватывают тиранны у царей, у самих тираннов — первенствующие люди или народ, а у народа — клика или тиранны, и государственное устройство в течение более или менее долгого времени никогда не сохраняется в одном и том же положении.

(XLV, 69) Ввиду всего этого, из трех указанных вначале видов государственного устройства, по моему мнению, самым лучшим является царская власть, но самое царскую власть превзойдет такая, которая будет образована путем равномерного смешения трех наилучших видов государственного устройства¹⁵⁹. Ибо желательно, чтобы в государстве было нечто выдающееся и царственное, чтобы одна часть власти была уделена и вручена авторитету первенствующих людей, а некоторые дела были предоставлены суждению

и воле народа. Такому устройству, прежде всего, свойственно, так сказать, [великое] равенство, без которого свободные люди едва ли могут долго обходиться, затем — прочность, так как виды государственного устройства, упомянутые выше, легко превращаются в свою порочную противоположность, — вследствие чего царь оказывается властелином, оптиматы кликой, народ изменчивой толпой, — и так как эти самые виды государственного устройства часто сменяются новыми, тогда как при этом объединенном и разумно смешанном государственном устройстве этого не случается почти никогда, разве только при большой порочности первенствующих людей. И действительно, нет причины для перемен там, где положение каждого прочно и ему некуда сорваться и свалиться¹⁶⁰.

(XLVI, 70) Но я боюсь, Лелий и вы, мои лучшие и просвещенные друзья, что моя беседа, если я и далее буду заниматься этими вопросами, покажется вам словами как бы наставника и учителя, а не человека, рассматривающего вопрос вместе с вами. Поэтому я приступлю к тому, что известно всем и уже давно нас занимает. Ведь я полагаю, думаю, утверждаю, что из всех государств ни одно — ни по своим основам, ни по распределению власти, ни по своему внутреннему укладу — не сравнимо с тем, которое нам оставили наши отцы, получив его уже от предков. И вот, так как вы желали услышать и от меня то, что и сами хорошо знали, я, с вашего позволения, опишу вам особенности этого государственного устройства, докажу, что оно — наилучшее, и, представив как образец наше государство, отнесу к нему, если сумею, всю свою речь о наилучшем государственном устройстве, которую мне предстоит произнести. И если мне удастся последовательно рассмотреть этот вопрос, то задачу, которую Лелий на меня возложил, я, думаю, мне, выполню с лихвой.

(XLVII, 71) *ЛЕЛИЙ*. — Задача эта тебе, Сципион, по силам, и притом одному тебе. В самом деле, кто мог бы лучше тебя говорить об установлениях предков, когда ты сам приходишь от прославленных предков?¹⁶¹ Или о наилучшем государственном устройстве? Ведь если у нас такое существует (впрочем, именно в настоящее время его нет), то кто мог бы занять более выдающееся положение, чем ты? Или о решениях, которые надо будет принимать? Ведь именно ты, дважды отведя от нашего города страшную опасность¹⁶², проявил свою способность предвидеть будущее.

Фрагменты из первой книги

1

Не [пишу я] для ученых. Чтoб Манилий, Персий
Прочитали, не хочу. Пусть Юний Конг читает¹⁶³.

2. И так, раз отчизна сулит нам больше благоденствий и является роди-
тельницей, более древней, чем тот, кто нас произвел на свет, то ей, конечно,

следует воздать благодарность большую, чем та, какую следует воздать родителю¹⁶⁴ (Ноний, 426, 9).

3. Усвой себе, заклинаю тебя Геркулесом, это обыкновение, стремления и высказывания (Ноний, 276, 5).

4. Конечно, все рассуждения этих людей, хотя и содержат богатейшие источники доблести и знаний, все же, при сопоставлении с их деяниями, пожалуй, не столько принесли им пользу, сколько развлекали их на досуге (Лактанций, «Institut. div.», III, 16, 5).

5. Да и Карфаген не обладал бы, без продуманных решений и распорядка, таким могуществом на протяжении почти шестисот лет¹⁶⁵ (Ноний, 526, 5).

КНИГА ВТОРАЯ

(I, 1) [Так как все горели желанием] послушать, Сципион начал свою речь так:

Вот слова старика Катона, которого я, как вы знаете, особенно почитал и перед которым глубоко преклонялся; ведь ему я, и по решению обоих своих отцов¹, и по своему собственному побуждению, с ранней юности посвящал все свое время²; беседой с ним никогда не мог я достаточно насладиться: так велик был его опыт в государственных делах, которые он очень успешно и весьма долго вел и в Риме, и в походах, и так велики были его сдержанность в речах и сочетавшееся с достоинством обаяние, а также и сильнейшее стремление учиться самому и обучать других, причем жизнь его вполне соответствовала тому, что он говорил.

(2) Катон обыкновенно говорил, что наше государственное устройство лучше устройства других государств по той причине, что в последних, можно сказать, отдельные лица создавали государственный строй на основании своих законов и установлений, например, у критян — Минос³, у лакедемонян — Ликург⁴, у афинян, чье государственное устройство весьма часто испытывало перемены, вначале — Тесей, затем Драконт, затем Солон, Клисфен⁵ и многие другие, а под конец совершенно ослабевшему государству не дал погибнуть ученый муж Деметрий Фалерский⁶; напротив, наше государство создано умом не одного, а многих людей и не в течение одной человеческой жизни, а в течение нескольких веков и на протяжении жизни нескольких поколений. Ибо, говорил Катон, никогда не было такого одаренного человека, от которого ничто не могло бы ускользнуть, и все дарования, сосредоточенные в одном человеке, не могли бы в одно и то же время проявиться в такой предусмотрительности, чтобы он мог обнять все стороны дела, не обладая долговременным опытом.

(3) Поэтому я, следуя его примеру, теперь поведу речь от «начал римского народа»⁷; ведь я охотно пользуюсь даже выражением Катона. А этой

цели мне легче будет достигнуть, если я представлю вам, как государство наше рождалось, росло, зрело и, наконец, стало крепким и сильным,— чем в том случае, если бы я придумал для себя какое-нибудь государство, подобно тому, как у Платона это делает Сократ⁸.

(II, 4) Когда все одобрили это, Сципион сказал:

Можно ли назвать какое-либо государство, основание которого было бы таким славным и столь широко известным, как закладка нашего города, совершенная Ромулом? Будучи сыном Марса, Ромул (согласимся со сказанием— тем более, что оно не только весьма древнее, но и мудро нам заведено предками для того, чтобы люди с большими заслугами перед государством считались не только наделенными божественным умом, но также и божественного происхождения), итак, Ромул, как только родился, говорят, был вместе с братом своим Ремом, по повелению альбанского царя Амулия, боявшегося ниспровержения своей царской власти, оставлен на берегу Тибра⁹; там его питал своим молоком хищный зверь¹⁰; после того, как Ромула взяли к себе пастухи и воспитали в суровых условиях жизни и среди лишений, он, по преданию, когда вырос, силой своего тела и неустрашимостью духа настолько превзошел всех остальных, что все, кто населял земли, где ныне стоит наш город, покорно и охотно начали ему повиноваться. Встав во главе их отрядов (перейдем теперь от сказаний уже к событиям), он, как говорят, захватил Альбу-Лонгу, в те времена сильный и могущественный город, и убил царя Амулия.

(III, 5) Стяжав такую славу, Ромул, по преданию, прежде всего задумал, совершив авспиции¹¹, заложить город и основать прочное государство. Что касается места для города, которое каждый, пытающийся создать долговечное государство, должен намечать весьма осмотрительно, то Ромул выбрал его необычайно удачно. Ведь Ромул не придвинул города к морю (а это было бы для него, при многочисленности его отряда, очень легко), дабы вторгнуться в область рутулов и аборигенов¹² и основать город в устье Тибра, куда через много лет вывел колонию царь Анк¹³; нет, этот муж, обладавший выдающейся способностью предвидеть, хорошо понимал, что приморское положение отнюдь не выгодно для тех городов, которые закладываются в надежде на их долговечность и могущество,— прежде всего потому, что приморским городам угрожают опасности не только многочисленные, но и скрытые. (6) Ведь твердая земля заблаговременно возвещает о приближении врагов — не только тех, которых ожидают, но и тех, которые нападают врасплох,— многими признаками: как бы гулом и даже грохотом; ибо ни один враг не может налететь по суше так, чтобы мы не могли знать не только о его прибытии, но также и о том, кто он и откуда явился. Между тем враг, приходящий с моря на кораблях, может появиться раньше, чем кто бы то ни было будет в состоянии заподозрить возможность нападения; при этом он, уже появившись, не дает понять, ни

кто он, ни откуда идет, ни даже чего он хочет; словом, нельзя усмотреть ни единого признака, чтобы судить, мирные ли это люди или враги.

(IV, 7) Далее, приморским городам свойственны, так сказать, порча и изменение нравов; ибо они приходят в соприкосновение с чужим языком и чужими порядками, и в них не только ввозятся чужеземные товары, но и вносятся чуждые нравы, так что в их отечественных установлениях ничто не может оставаться неизменным в течение долгого времени. Жители этих городов уже не чувствуют привязанности к насиженному месту; нет, крылатые надежды и помыслы увлекают их вдаль от дома, и даже тогда, когда они сами остаются на родине, в душе они все же удаляются прочь и странствуют. И право, ничто иное не повредило в большей степени уже давно поколебленным в своих устоях Карфагену и Коринфу¹⁴, чем эти странствия и рассеяние их граждан, так как они, из-за своей страсти к торговле и мореплаванию, перестали обрабатывать поля и разучились владеть оружием. (8) Кроме того, по морю в государства доставляется много предметов, порождающих пагубную роскошь; их либо захватывают силой, либо ввозят. Да и само приятное расположение города таит в себе много разорительных и склоняющих к праздности соблазнов, побуждающих людей удовлетворять свои страсти. И то, что я сказал о Коринфе, пожалуй, можно вполне сказать и обо всей Греции; ведь и сам Пелопоннес почти весь лежит у моря, и, за исключением жителей Флиунта¹⁵, нет такого племени, которое не соприкасалось бы с морем, а за пределами Пелопоннеса только эниане, доряне и долопы живут вдалеке от моря. К чему говорить мне о греческих островах, которые, будучи опоясаны волнами, чуть ли не сами носятся по ним вместе со своими гражданскими установлениями и укладом жизни? (9) Но это, как я уже говорил, относится к старой Греции. Что касается ее колоний, выведенных греками в Азию, во Фракию, Италию, Сицилию и Африку, то какой из них, кроме одной только Магнесии¹⁶, не омывают морские волны? Таким образом, побережье Греции кажется как бы пришитым к землям варваров; ведь из самих варваров ранее никто не жил у моря, кроме этрусков и пунийцев; одни из них жили у моря с целью торговли, а с целью разбоя — другие. Вот очевидная причина бедствий и переворотов, происшедших в Греции, — недостатки, связанные с приморским расположением городов, вкратце рассмотренные мною ранее. Впрочем с этими недостатками сочетаются большие преимущества: в город, где ты живешь, по морю могут доставляться произведения всего мира, и, наоборот, то, что произрастает на его полях, жители могут вывозить и посылать в любую страну.

(V, 10) Таким образом Ромул смог бы с более божественной мудростью использовать преимущества приморского расположения города и в то же время избежать его опасностей, как не тем, что заложил город на берегу реки, которая течет непрерывно и равномерно и, впадая в море, образует

широкое устье? Благодаря этому город мог и получать по морю все то, в чем нуждался, и отдавать то, чем изобиловал, и мог по этой же реке не только ввозить из-за моря все самое необходимое для пропитания и жизни, но и получать привезенное по суше; таким образом, Ромул, мне кажется, уже тогда предвидел, что наш город рано или поздно станет средоточием величайшей державы. Ибо городу, расположенному в какой бы то ни было другой части Италии, едва ли удалось бы с большей легкостью сохранить такое могущество.

(VI, 11) Далее, что касается природных средств защиты города, то найдется ли такой ненаблюдательный человек, который их не заметил бы и должным образом не оценил? Ведь как Ромул, так и последующие цари благодаря своей мудрости, использовав наличие крутых и обрывистых холмов, возвышавшихся со всех сторон, выбрали для городской стены¹⁷ такое направление, что единственное доступное место, находившееся между Эсквилинским и Квиринальским холмами, после того, как был насыпан огромный вал, опоясывалось широчайшим рвом, а обнесенная стеной крепость¹⁸ стояла так высоко на крутой и как бы обтесанной скале, что даже в памятные нам страшные времена галльского нашествия¹⁹ осталась невредимой и нетронутой. В этой области, страдавшей от болезней, Ромул выбрал место, и богатое родниками, и здоровое; ведь там много холмов, которые не только сами обвеваются ветрами, но и дают тень долинам.

(VII, 12) И Ромул совершил все это очень быстро. Он основал город, который он велел назвать Римом в свою честь, а для укрепления новой гражданской общины принял решение, несколько необычное и довольно суровое, но достойное великого человека, уже тогда отличавшегося большой способностью предвидеть все то, что касалось упрочения царства и благополучия народа: он велел похитить знатных сабинских девушек, в день Консуалий²⁰ явившихся в Рим, чтобы присутствовать на впервые тогда учрежденных Ромулом ежегодных играх в цирке²¹, и отдал этих девушек в замужество в лучшие семьи. (13) Когда сабиняне из-за этого пошли на римлян войной, успех в которой был переменным, а исход казался сомнительным, Ромул заключил договор с сабинским царем Титом Тацием, причем похищенные матроны сами умоляли об этом; по этому договору Ромул принял сабинян в число граждан, приобщив их к священнодействиям, и разделил свою царскую власть с их царем²².

(VIII, 14) А после гибели Тация, когда к Ромулу вернулась вся полнота власти, Ромул, хотя он вместе с Тацием ранее выбрал в царский совет первенствовавших людей, которые ввиду своего влияния были названы «отцами», и от имени своего, Тация и Лукумона, союзника, павшего в сражении с сабинянами, разделил народ на три трибы²³ и тридцать курий, дав этим куриям имена похищенных сабинских девушек, бывших представителями за заключение договора,— итак, хотя все это было именно так

установлено еще при жизни Тация, все же, после того, как он был убит, Ромул стал царствовать, еще более опираясь на авторитет и мудрость «отцов».

(IX, 15) Совершив это, Ромул прежде всего понял и признал правильным то же самое, что несколько ранее в Спарте понял Ликург: посредством единоличного империя и царской власти можно лучше повелевать и править государствами в том случае, когда к этому виду власти присоединяется авторитет всех лучших граждан. И вот, найдя себе опору и защиту в этом совете и как бы «сенате»²⁴, Ромул весьма удачно вел много войн с соседями²⁵ и, сам не унося ничего из добычи к себе в дом, не переставал обогащать своих сограждан. (16) Далее,— мы сохраняем это и поныне для вящей безопасности государства,— Ромул неизменно считался с авспициями. Ведь он и сам (что было вместе с тем и началом нашего государства) заложил город, совершив авспиции, а затем выбрал из каждой трибы по авгуру²⁶, чтобы тот, находясь при нем, совершал авспиции каждый раз, когда Ромул приступал к какому-нибудь государственному делу. Наконец, он также распределил плебс на клиенты²⁷ у первенствовавших людей (какую пользу это принесло, я рассмотрю впоследствии) и применял меры принуждения, налагая пеню в виде овец и быков (так как в те времена имущество состояло из скота и земельных владений, ввиду чего людей называли «богатыми скотом»²⁸ и «занимающими земли»²⁹), а не обращаясь к насилию и казням.

(X, 17) И вот Ромул, процарствовав тридцать семь лет³⁰, создав два прекрасных устоя государства — авспиции и сенат, достиг столь многого, что, когда он исчез во время внезапно происшедшего затмения солнца³¹, его причислили к сонму богов, а такой чести никогда не мог бы удостоиться ни один смертный, не снискавший выдающейся славы за свою доблесть. (18) И по отношению к Ромулу это было тем более изумительно, что все другие, по преданию, ставшие из людей богами, жили в менее просвещенные века, когда измышлять было легко, так как неискушенные люди были легковерны; Ромул же, как мы видим, жил менее шестисот лет назад, когда письменность и науки уже давно стали общим достоянием, а всяческие старинные заблуждения, связанные с диким образом жизни, исчезли. В самом деле, если Рим, как возможно установить на основании летописей греков, был основан во втором году седьмой олимпиады³², то Ромул жил в тот век, когда в Греции уже было много поэтов и певцов и люди относились к сказаниям — если только они не касались глубокой древности — с меньшим доверием. Ведь первая олимпиада была установлена через сто восемь лет после того, как Ликург начал составлять свои законы, и только ошибка в имени позволила некоторым думать, что она была установлена самим Ликуртом. А те, кто относит Гомера ко времени, более близкому к нам, полагают, что он жил приблизительно за тридцать лет до Ликурга³³. (19) Из этого следует, что

Гомер жил задолго до Ромула, так что, коль скоро люди уже были учеными, а сами времена — просвещенными, едва ли был какой-либо повод для вымыслов. Ведь только древность принимала сказания, иногда [даже и нескладно сочиненные, но век Ромула, уже образованный и особенно склонный смеяться над тем, чего не может быть, отверг бы их.] [Лакуна]

[Далее, Гесиод³⁴, хотя и жил через много веков после Гомера, все же, как известно, жил до Ромула. Через несколько лет после основания Рима родился Стесихор³⁵,] (20) внук Гесиода по дочери, как говорили некоторые; в год смерти Стесихора, в пятьдесят шестую олимпиаду, родился Симонид³⁶. Таким образом очевидно, что в бессмертие Ромула поверили тогда, когда жизнь людей уже вошла в колею, и они познали ее и приобрели опыт. И все же так велика была в Ромуле сила ума и мужества, что насчет него, со слов Прокула Юлия³⁷ человека простого, приняли на веру то, чему еще многими веками ранее не поверили бы, будь это рассказано о ком бы то ни было другом из смертных; говорят, правда, что Прокул по наущению «отцов», желавших отвести от себя подозрения в гибели Ромула, сказал на народной сходке, что видел Ромула на том холме, который теперь называется Квиринальским, и что Ромул поручил ему просить народ о том, чтобы на этом месте ему было устроено святилище: он — бог и именуется Квирином.

(XI, 21) Итак, не кажется ли вам, что благодаря мудрости одного человека новый народ не только появился на свет, но что Ромул оставил его не младенцем, плачущим в колыбели, но уже выросшим и, можно сказать, возмужавшим?

ЛЕЛИЙ. — Да, мы видим это, как и то, что ты вступил в рассуждения своих на необычный путь, о котором нигде не упоминается в книгах греков. Ведь тот выдающийся человек³⁸, которого еще никто не превзошел в своих сочинениях, мысленно выбрал участок земли, чтобы создать на нем, по разумению своему, государство, быть может, и превосходное, но далекое от уклада жизни людей и их нравов. (22) Остальные³⁹ рассуждали о видах государств и об их особенностях, не имея перед собой какого-либо определенного примера и формы государственного устройства. Но ты, мне кажется, намерен сделать и то, и другое. Ведь ты повел свое изложение так, словно предпочитаешь приписывать свои воззрения другим, а не прибегать к вымыслам (как у Платона поступает Сократ) и, говоря о местоположении города Рима, объяснять сознательным поступком то, что Ромул совершил случайно и по необходимости, и рассуждать, не отвлекаясь в сторону, а имея в виду лишь одно определенное государственное устройство. Поэтому продолжай так, как начал; ведь мне кажется, что я, пока ты будешь рассматривать правление остальных царей, уже буду видеть перед собой совершенное государство.

(XII, 23) Итак, — сказал Сципион, — когда сенат Ромула, составленный из оптиматов, которым сам царь воздал такую большую честь, что пожелал,

чтобы они именовались «отцами», а их сыновья — «патрициями»⁴⁰, после кончины Ромула сам, без царя, попытался управлять государством, то народ этого не стерпел и, в тоске по Ромулу, с тех пор не переставал требовать для себя царя. Тогда первенствующие люди, проявив благоразумие, придумали необычный и неслыханный среди других народов выход — учреждение междуцарствия⁴¹ — с тем, чтобы, пока не будет избран постоянный царь, государство и не оставалось без царя, и не имело царя на долгий срок, и чтобы ни у кого не было возможности, когда его власть уже приобретет давность, ни оказаться чересчур медлительным в своем отказе от империя, ни чересчур сильным, чтобы его за собой удержать. (24) И вот, в это время наш, правда, еще молодой народ все-таки понял то, что ускользнуло от внимания лакедемонянина Ликурга, который полагал, что следует не избирать царя (если только это могло быть во власти Ликурга), а иметь царем человека, каков бы он ни был, но лишь бы он вел свой род от Геркулеса; а наши предки, хотя они были тогда дики, поняли, что следует требовать царской доблести и мудрости, а не царского происхождения.

(XIII, 25) Так как шла молва, что именно этими качествами более, чем кто-либо другой, обладает Нума Помпилий, то сам народ, минуя своих собственных граждан, с одобрения «отцов» принял в царя иноземца и призвал его на царство — сабинянина в Рим из Кур⁴². Как только он сюда прибыл, он, хотя народ, постановлением куриатских комиций, и повелел ему быть царем, все же сам внес куриатский закон о своей империи⁴³, а увидев, что римляне, следуя порядкам, установленным Ромулом, горят желанием воевать, признал нужным несколько отучить их от этого.

(XIV, 26) Прежде всего он разделил между гражданами, по наделу на каждого мужчину, те земли, которые завоевал Ромул, и доказал, что, обрабатывая землю, возможно, не прибегая ни к разорению других народов, ни к грабежам, пользоваться изобилием всех благ; он внушил гражданам любовь к спокойствию и миру, которыми лучше всего укрепляется правосудие и верность и под сенью которых особенно хорошо обеспечиваются обработка полей и сбор урожая. Тот же Помпилий, учредив «большие авспиции», к прежнему числу авгуров прибавил двоих, священнодействия поручил пятерым понтификам из числа первенствовавших людей и, предложив эти законы, сохранившиеся в наших памятниках, религиозными обрядами смягчил нравы людей, привыкших к войнам и жаждавших воевать; кроме того, он к числу жрецов прибавил фламинов⁴⁴, салиев⁴⁵ и дев-весталок⁴⁶ и объявил все стороны нашего религиозного устава неприкосновенными. (27) Что касается самих священнодействий, то повелел, чтобы тщательное совершение их было трудным, а предметы, нужные для них, — очень простыми. Ведь он ввел много такого, что надо было знать наизусть и соблюдать; зато все это не требовало издержек⁴⁷. Так, в соблюдении религиозных обрядов он трудностей прибавил, затраты упразднил. Этот же царь учредил и торжища,

и общественные игры и нашел всяческие поводы к многолюдным собраниям. Всеми этими установлениями он людей жестоких, грубых и воинственных направил на путь человечности и мягкости. Процарствовав таким образом тридцать девять лет⁴⁸ в обстановке полного мира и согласия (мы здесь предпочитаем следовать нашему Полибию, наиболее точному в указании времени событий), он ушел из жизни, укрепив две величайшие основы долговечности государства — религию и милосердие.

(XV, 28) После того, как Сципион сказал это, Манилий спросил: Справедливо ли, Публий Африканский, предание, гласящее, что этот царь Нума был учеником самого Пифагора и, во всяком случае, пифагорейцем? Ведь мы часто слышали это от старших и полагаем, что таково всеобщее мнение, но мы, однако, не видим, чтобы это было подтверждено государственными летописями⁴⁹.

СЦИПИОН.— Все это неверно, Манилий, и не просто вымышлено, а вымышлено невежественно и нелепо. Ведь рассказы эти говорят не только о том, чего не было, но и о том, чего и вообще быть не могло, — этим они и нестерпимы. Ибо оказывается, что Пифагор приехал в Сибарис, Кротон⁵⁰ и эти области Италии тогда, когда Луций Тарквиний Гордый царствовал уже четвертый год. Ведь начало царствования Тарквиния Гордого и приезд Пифагора приходятся на одну и ту же олимпиаду — шестьдесят вторую⁵¹

(29) Из этого, рассчитав годы царствований, можно понять, что Пифагор впервые приехал в Италию приблизительно через сто сорок лет после смерти Нумы, и у тех, кто изучал летописи событий тщательно, это никогда не вызывало никаких сомнений.

Бессмертные боги! — сказал Манилий, — как велико это заблуждение и как оно укоренилось! И все же меня радует, что мы воспитаны не на заморских и занесенных к нам науках, а на прирожденных и своих собственных доблестях.

(XVI, 30) Но тебе будет легче понять это, — сказал Публий Африканский, — если ты обратишь внимание на то, как наше государство преуспевает и как оно, идя, так сказать, естественным путем, достигает наилучшего состояния. Более того, ты именно потому и сочтешь нужным прославлять мудрость наших предков, что многое, даже заимствованное из других мест, у нас, как ты поймешь, было намного улучшено в сравнении с тем, каким оно было там, где возникло впервые, и откуда было перенесено сюда; ты поймешь, что римский народ достиг своей мощи не случайно, но благодаря мудрости и старому порядку и притом не наперекор судьбе.

(XVII, 31) После смерти царя Помпилия народ, по предложению интеррекса, в куриатских комициях избрал царем Тулла Гостилия, а он, по примеру Помпилия, запросил народ по куриям насчет своего империя. Тулл Гостилий стяжал выдающуюся военную славу и совершил великие подвиги во время войн. На средства, полученные от продажи военной добычи, он

устроил и оградил комиций и курию⁵². Он установил правила для объявления войн; эти правила, весьма справедливые придуманные им, он подтвердил фециальным уставом⁵³, согласно которому всякая война, которая не была возведена и объявлена, признавалась несправедливой и нечестивой. А дабы вы поняли, сколь мудро уже наши цари предусмотрели, что кое-какие права должны быть даны народу (об этом нам придется сказать еще многое), я укажу, что Тулл Гостилий даже знаками своего царского достоинства решался пользоваться только по велению народа. Ибо на то, чтобы двенадцати ликторам было дозволено шествовать перед ним, [он просил согласия народа.] [Лакуна]

(32) Насчет Тулла Гостилия, который был после Ромула третьим по счету царем и был убит молнией, тот же Цицерон говорит в этих же книгах следующее: молве, что он, после такой смерти, был принят в сонм богов, не поверили потому, что установившегося мнения насчет Ромула, то есть твердой уверенности, римляне, быть может, не хотели оползать, то есть принизить, если оно будет с легкостью отнесено также и к другому (Августин, «О государстве божьем», III, 15).

Тулл Гостилий, третий римский царь, победив этрусков, первый ввел в Риме курульное кресло, сопровождение ликторов и вышитую тогу с пурпурной каймой — принадлежности этрусских магистратов (Макробий, «Сатурналии», I, 6, 7).

(XVIII, 33) **ЛЕЛИЙ** (?).—...ведь государство — в соответствии с тем, как ты начал свою беседу,— не ползет, а летит в своем стремлении к лучшему устройству.

СЦИПИОН.— После Тулла Гостилия народ избрал царем Анка Марция, внука Нумы Помпилия от дочери, и он также провел куриатский закон о своем империи. На-голову разбив латинян, он принял их в число граждан; он присоединил к Городу холмы Авентинский и Целий, захваченные им земли разделил, а все леса, расположенные у моря и им захваченные, объявил государственной собственностью. В устье Тибра он основал город⁵⁴ и укрепил его, поселив в нем колонов. Прощарствовав таким образом двадцать три года, он умер⁵⁵.

ЛЕЛИЙ.— Также и этот царь заслуживает хвалы; но темна римская история, так как, кто была мать этого царя, мы знаем, но нам не известен его отец.

СЦИПИОН.— Да, это верно, но от тех времен до нас дошли, можно сказать, одни только имена царей.

(XIX, 34) Но в эти времена граждане, по-видимому, стали более образованными сперва благодаря некоторым чужеземным учениям. Ведь в наш город притек из Греции не малый, я бы сказал, ручеек, а полноводная река наук и искусств. По преданию, был некто Демарат из Коринфа, несомненно, первенствовавший среди сограждан по своему почетному положению, авторитету и богатству. Не стерпев правления коринфского тирана Кипсела,

он будто бы бежал, захватив все свое большое имущество, и направился в Тарквинию, процветающий город Этрурии. А когда до него дошли вести об укреплении владычества Кипсела, он как человек свободолюбивый и храбрый отказался от отечества; он был принят тарквиниянами в число их граждан и поселился в этой городской общине. Когда его жена, бывшая родом из Тарквиниев, родила ему двух сыновей, он дал им хорошее образование в греческом духе⁵⁶ ... [Лакуна]

(XX, 35) легко получив права гражданства, он благодаря своей просвещенности и образованию стал другом царя Анка, так что его считали участником всех замыслов царя и чуть ли не его соправителем. Кроме того, он отличался величайшим дружелюбием, величайшей готовностью помогать всем гражданам, поддерживать и защищать их и даже щедро их одаривать. Поэтому, после смерти Марция, народ единогласно избрал его царем под именем Луция Тарквиния; именно так он изменил свое греческое имя, дабы казалось, что он во всех отношениях перенял обычаи нашего народа. Проведя закон о своем империи, он прежде всего удвоил прежнее число «отцов» и назвал уже ранее существовавших «отцами старших родов» (им он в первую очередь предлагал высказывать мнение⁵⁷), а тех, кого он сам принял в сенат, он назвал «отцами младших родов». (36) Затем он создал конницу по образцу, сохранившемуся и поныне⁵⁸, но не смог, хотя и очень желал этого, изменить наименования тициев, рамнов и луцеров⁵⁹, так как высоко прославленный авгур Атт Навий⁶⁰ на это не согласился. Также и коринфяне, знаю я, некогда, за счет подати с сирот и вдов, заботились о снабжении всадников конями и их прокорме за счет казны. Во всяком случае, он, прибавив к уже существовавшим отрядам конницы новые, довел ее численность до тысячи восьмисот всадников, то есть удвоил ее состав. Впоследствии он покорил большое и храброе племя эквов, угрожавшее наилучию римского народа, а сабинян, сбросив их от стен города Рима, рассеял своей конницей и разбил наголову. Он же, как мы знаем, первый устроил великие игры, названные Римскими⁶¹, а во время войны с сабинянами, во время самой битвы, дал обет построить в Капитолии храм Юпитеру Всеблагому Величайшему и умер, процарствовав тридцать восемь лет⁶²

(XXI, 37) ЛЕЛИЙ.— Вот и подтверждаются слова Катона, говорившего, что государство создается не сразу и не одним человеком. Ибо мы видим, как много благотельных и полезных установлений прибавил каждый из царей. Но после них правил царь, который, по моему мнению, был в государственных делах еще более прозорлив, чем все остальные.

Это верно,— сказал Сципион,— ведь после него, по преданию, впервые без избрания народом, царствовал Сервий Туллий, который будто бы родился от рабыни из дома Тарквиния, зачавшей его от одного из клиентов царя. Когда он, воспитанный среди рабов, прислуживал за царским столом, царь не мог не заметить искры ума, уже тогда горевшей в мальчике; так ис-

кусен был он и во всякой работе, и в беседе. По этой причине царь, дети которого были еще очень малы, полюбил Сервия так, что его в народе считали царским сыном, и с величайшим усердием обучал его всем тем наукам, которые когда-то постиг сам, и дал ему прекрасное образование по греческому образцу.

(38) Но после того, как Тарквиний погиб по проискам сыновей Анка, и Сервий начал царствовать, как я уже говорил, не в силу своего избрания гражданами, но по их желанию и с их согласия⁶³ (так как в то время, когда Тарквиний — как ложно утверждали — болел после ранения, но еще был жив, Сервий в царском уборе творил суд, на свои деньги освободил несостоятельных должников и, проявив большое дружелюбие, убедил народ в том, что творит суд по повелению Тарквиния), Сервий не стал доверяться «отцам», а после похорон Тарквиния сам спросил народ относительно себя и, получив повеление царствовать, провел куриатский закон о своем империи. Прежде всего он, пойдя войной на этрусков, покарал их за обиды. Когда он в этой войне [Лакуна] [захватил обширные земли, отняв их у цере-танов, тарквинян и вейентов, он распределил их между новыми гражданами; затем он учредил ценз, установление, полезнейшее для такого государства, которому судьбой назначено стать великим; на основании ценза подати и в мирное, и в военное время взимались не без разбора, а в соответствии с имуществом. Он учредил восемьдесят центурий, состоявших из граждан, имевших по 100 000 сестерциев и больше, то есть сорок старших и сорок младших центурий; к ним он присоединил центурии всадников в числе ...]

(XXII, 39) ... восемнадцати, с наибольшим имущественным цензом. Затем Сервий, отобрав большое число всадников из всего народа, разбил весь остальной народ на пять разрядов и отделил старшие разряды от младших⁶⁴; он распределил их так, чтобы исход голосования зависел не от толпы, а от людей состоятельных; он позаботился и о том, чтобы (этого всегда следует придерживаться в государственных делах) большинство не обладало наибольшей властью. Не будь это распределение вам известно, я разъяснил бы вам его. Но вы уже видите, что расчет был таким, чтобы центурии всадников вместе с шестью голосами и первый разряд, с прибавлением к ним центурии, для вящей пользы города Рима предоставленной мастерам-плотникам, вместе составляли восемьдесят девять центурий; если из ста четырех центурий (ведь в остатке было именно столько) к этим восьмидесяти девяти центуриям прибавлялось хотя бы восемь⁶⁵, то в народе создавался перевес, и остальное огромное большинство людей в составе девяноста шести центурий не отстранялось от голосования, что было бы проявлением выскомерия, но и не было чересчур сильным, что было бы опасно. (40) При этом Сервий внимательно отнесся также и к словам и даже к названиям: богатых он назвал «ассодателями» — от слов «асс» и «давать», а тех, кто при цензе либо предъявил не более тысячи пятисот ассов, либо не предъя-

вил ничего, кроме самих себя, он назвал пролетариями, чтобы было ясно, что от них ожидается потомство, то есть как бы продолжение существования государства⁶⁶. Но тогда в каждой цензурии из тех девяноста шести состояло, на основании ценза, больше людей, чем почти во всем первом разряде. Таким образом, с одной стороны, никто не лишался права голоса; с другой стороны, при голосовании наиболее влиятельными были те, кто был наиболее заинтересован в том, чтобы государство было в наилучшем состоянии. Более того, акценсам⁶⁷, вспомогательным войскам, трубачам, горнистам, пролетариям ... [он предоставил права.] [Лакуна]

(XXIII, 41) [Я считаю] наилучшим государственным устройством такое, которое, с соблюдением надлежащей меры будучи составлено из трех видов власти — царской, власти оптиматов и народной, и не возбуждает, наказывая, жестоких и злобных чувств ... (Ноний, 342, 28).

(42) [Это видел Карфаген,] бывший шестьюдесятью пятью годами древнее, так как был основан за тридцать девять лет до первой олимпиады⁶⁸. И знаменитый Ликург, живший в древнейшие времена, имел в виду почти то же. Итак, это равновесие и это из трех видов власти составленное государственное устройство, как мне представляется, были у нас общими с этими народами. Но то, что свойственно нашему государству и прекраснее чего ничто не может быть, я, если смогу, рассмотрю более подробно; ведь ничего, подобного этому, не найти ни в одном государстве. Ибо все начала, описанные мною ранее, правда, сочетались и в нашем государстве, и у лакедемонян, и у карфагенян, но далеко не равномерно. (43) Дело в том, что в государстве, где какой-либо один человек бессменно облечен властью, тем более — царской (хотя там существует и сенат, как это было в Риме во времена царей, как это было в Спарте по законам Ликурга), даже если народ обладает какими-то правами (как это было при наших царях), царская власть все же имеет наибольшее значение, и такое государство не может не быть и не называться царством. Но этот вид государства в высшей степени изменчив по той причине, что государство, подорванное порочностью одного человека, очень легко гибнет. Ведь царский образ правления сам по себе не только не заслуживает порицания, но, пожалуй, должен быть поставлен несравненно выше остальных простых видов государственного устройства (если бы я вообще одобрял какой бы то ни было простой вид государственного устройства), однако лишь до тех пор, пока он сохраняет свой строй. Но это такой строй, когда благополучие, равноправие и спокойствие граждан вверены постоянной власти, справедливости и мудрости одного человека, проявляющейся во всем. Вообще народу, находящемуся под царской властью, недостает многого и прежде всего свободы, которая состоит не в том, чтобы иметь справедливого владыку, а в том, чтобы не иметь никакого ...⁶⁹ [Лакуна]

(XXIV, 44) ...терпели [произвол Тарквиния.] Ведь этому несправедливому и суровому владыке⁷⁰ в течение некоторого времени сопутствовало сча-

стве: он завоевал весь Лаций, взял богатый, всем изобилующий город Суесу Помецию и, захватив большую добычу, состоявшую из золота и серебра, исполнил обет отца, построив Капитолий; он вывел колонии и, следуя обычаю предков, послал великолепные дары, как бы жертву, в Дельфы Аполлону⁷¹.

(XXV, 45) Здесь опять повернется тот круг, естественное движение и оборот⁷² которого вам следует научиться узнавать с самого начала. Вот основа государственной мудрости, составляющей все содержание нашей беседы: видеть пути и повороты в делах государства, дабы, зная, куда приведет то или иное из них, быть в состоянии задержать его ход и даже воспрепятствовать ему.

Ибо царь, о котором я говорю, запятнанный убийством лучшего царя⁷³, прежде всего не был в здравом уме⁷⁴ и, сам страшась высшей кары за совершенное им злодеяние, хотел, чтобы его страшились. Кроме того, он, полагаясь на свои победы и богатства, не знал удержу в своей заносчивости и не мог совладать ни со своими наклонностями, ни с развращенностью своих родичей. (46) И вот, когда его старший сын учинил насилие над Лукрецией, дочерью Триципитина и женой Конлатина, а целомудренная и знатная женщина, после такого оскорбления, сама покарала себя смертью, то Луций Брут, муж выдающегося ума и храбрости, сбросил с граждан это несправедливое ярмо жестокого рабства. Хотя Брут был частным человеком, он взял на себя все государственные дела и, первый в нашем государстве, доказал, что при защите свободы граждан нет частных лиц⁷⁵. По его предложению и под его началом граждане, вспомняв и свежие в их памяти жалобы отца и близких Лукреции, и гордость Тарквиния, и многие обиды, перенесенные и от него самого, и от его сыновей, повели и самому царю, и его детям, и Тарквиниеву роду удалиться в изгнание⁷⁶.

(XXVI, 47) Итак, разве вам не ясно, что царь превратился во владыку, и что вследствие порочности одного человека самый род государственного устройства из хорошего стал весьма дурным? Ведь именно такого владыку над народом греки и называют тиранном⁷⁷; ибо царем они склонны считать такого, который заботится о народе, как отец, и печется о возможно лучших условиях жизни для тех, над кем он поставлен; это действительно хороший вид государственного устройства, как я уже говорил, но все же склонный к переходу в пагубнейший строй и как бы катящийся вниз. (48) Ведь как только царь вступит на путь сколько-нибудь несправедливого владычества, он тут же станет тиранном, то есть самым отвратительным, самым омерзительным и самым ненавистным для богов и людей существом, какое только возможно вообразить себе. Хотя по внешности он — человек, но дикостью своих нравов превосходит самых лютых зверей⁷⁸. И в самом деле, кто по справедливости назовет человеком того, кто не хочет, чтобы у него были с его согражданами и вообще со всем человеческим родом какая-либо общ-

ность в праве, какое-либо объединение в человеческих отношениях? Но у нас еще будет другой, более подходящий повод поговорить об этом, когда сам предмет побудит меня высказаться против тех, кто, даже освободив граждан, стал добиваться владычества⁷⁹.

(XXVII, 49) Вот так впервые появляется тиранн; ибо такое наименование греки дали несправедливому царю, а мы, римляне, называли царями всех тех, кто обладал единоличной постоянной властью над народом. Поэтому и о Спурии Кассии⁸⁰, и о Марке Манлии⁸¹, и о Спурии Мелии⁸² говорили, что они захотели захватить царскую власть, а недавно [Тиберий Гракх]... [Лакуна]

(XXVIII, 50) ...Ликург в Лакедемоне назвал геронтами; их было, правда, очень мало — двадцать восемь⁸³. Он предоставил им высшее право совещательного голоса, тогда как высший империй принадлежал царю. Наши предки последовали примеру Ликурга и перевели на наш язык введенное им название: тех, кого он назвал старейшинами, они назвали сенатом; так (мы уже говорили об этом) поступил и Ромул, избрав «отцов». Но в таком государстве все же решительно преобладает могущество, власть и имя царя. Удели некоторую власть также и народу, как поступили Ликург и Ромул; свободой ты его не насытишь, но жаждой свободы зажжешь, если только дашь ему возможность вкусить власти. Однако над ним всегда будет тяготеть страх, что царь (как это большей частью и бывает) окажется несправедливым. Итак, не прочна судьба народа, когда она, как я уже говорил, зависит от воли, вернее, от нрава одного человека.

(XXIX, 51) Итак, пусть это будет первая форма, первый вид и первоисточник тирании, обнаруженный нами в том государстве, которое Ромул основал, совершив авспиции, а не в том, которое, как пишет Платон, для себя описал Сократ в своей известной изысканной беседе⁸⁴; вот каким образом Тарквиний полностью ниспроверг этот род государства с царем во главе — и не тем, что он захватил какую-то новую власть, но тем, что несправедливо использовал ту, какой располагал. Противопоставим Тарквинию другого мужа — хорошего, мудрого и искушенного во всем том, что касается пользы и достоинства граждан, и как бы опекуна и управителя государства. Ведь именно так следует называть всякого, кто будет «правителем и кормчим» государства. Умейте распознать такого мужа; ведь именно он, умом своим и деятельностью, способен охранять государство. Но так как название это пока еще малоупотребительно в нашем языке и нам еще не раз придется говорить о таком человеке в своей дальнейшей беседе, то...

(XXX, 52) [Платон] признал нужным и создал государство скорее такое, какого следовало желать, а не такое, на какое можно было бы рассчитывать, — самое малое, какое он только мог создать, не такое, какое могло бы существовать, а такое, в каком было бы возможно усмотреть разумные основы гражданственности. Но я, если только мне удастся, постараюсь, ру-

ководствуясь теми основаниями, какие усмотрел Платон, не по общим очертаньям и не по изображению гражданской общины, а на примере огромного государства как бы жезлом коснуться причин всякого общественного блага и всякого общественного зла.

Ибо по прошествии двухсот сорока лет правления царей⁸⁵ (а вместе с междуцарствиями⁸⁶ несколько больше) и после изгнания Тарквиния римский народ почувствовал к имени царя столь же сильную ненависть, сколь сильна была овладевшая им тоска после кончины, вернее, после исчезновения Ромула. И вот, как римский народ тогда не мог обходиться без царя, так он, после изгнания Тарквиния, не мог слышать имени царя. Но когда он получил возможность... [Лакуна]

(XXXI, 53) Итак, эти превосходные установления Ромула, прочно существовавшие около двухсот двадцати лет, ... (Ноний, 526, 7).

Поэтому они, не перенося владычества царя, учредили империй сроком на один год и должности двух императоров, которых называли консулами — от слова *consulere*, заботиться; их не называли ни царями — от слова «царствовать», ни владыками — от слова «владычествовать» (Августин, «О государстве божьем», V, 12).

...тот закон был отменен в целом. При таком состоянии умов наши предки затем изгнали ни в чем не виноватого Конлатина, ввиду подозрения, павшего на него в связи с его родством⁸⁷, а также и остальных Тарквиниев из-за их ненавистного имени. При таком же состоянии умов Публий Валерий велел первый опустить ликторские связки, когда начал говорить на народной сходке, и перенес свой дом к подошве холма Велии после того, как он, приступив к постройке дома на более высокой части Велии, где некогда жил царь Тулл, понял, что в народе возникают подозрения. Он же (этим он особенно оправдал свое прозвание «Публикола»⁸⁸) внес на рассмотрение народа закон, который был первым принят цензуриатскими комициями, — о том, чтобы ни один магистрат не имел права, вопреки провокации, ни казнить римского гражданина, ни наказать его розгами. (54) Но, как свидетельствуют понтификальные, а также и наши авгуральные книги, провокация применялась уже во времена царей⁸⁹. О дозволении совершать провокацию по любому судебному приговору и по наложению пени указывают и многие законы Двенадцати таблиц. А предание о том, что децемвиры⁹⁰, составившие эти законы, были избраны без возможности провокации по их решениям, показывает достаточно ясно, что на прочих магистратов право провокации распространялось. И консульский закон Луция Валерия Потита и Марка Горация Барбата⁹¹, разумно решивших, ради сохранения согласия, стоять за народ, установил, что ни один магистрат не может быть избран без того, чтобы по его решению не была возможна провокация, да и Пордиевы законы, три закона, предложенные троими Порциями⁹², как вы знаете, не прибавили ничего нового, кроме санкции⁹³.

(55) И вот Публикола, проведя этот закон о провокации, тотчас же велел убрать секиры из ликторских связок⁹⁴, а на другой день добился доизбрания Спурия Лукреция как своего коллеги и велел своим ликторам перейти к Лукрецию, так как тот был старше годами. Публикола установил первый, чтобы ликторы, которые шествовали перед консулами, каждый месяц переходили от одного из них к другому, дабы, при свободе для народа, знаков империя было не больше, чем их было при царской власти. Это был, по моему мнению, муж незаурядный, раз он, предоставив народу умеренную свободу, довольно легко сохранил за первенствующими людьми их значение.

И я теперь не без причины твержу вам о столь древних и столь известных событиях, а на примере знаменитых личностей и славных времен описываю вам людей и дела, чтобы в соответствии с ними направить свою дальнейшую беседу.

(XXXII, 56) Итак, в те времена сенат управлял государством так, что, хотя народ и был свободен, волей народа вершилось мало дел, а большая часть — решениями сената и по установившимся обычаям, и консулы при этом обладали властью, по времени лишь годичной, но по ее характеру и правам царской⁹⁵. А то, что имело наибольшее значение для упрочения могущества знати, соблюдалось строго: постановления народных комиций входили в силу только после одобрения их решением «отцов»⁹⁶. Кроме того, именно в эти времена, приблизительно через десять лет после избрания первых консулов⁹⁷, был назначен также и диктатор — Тит Ларций, что показалось беспримерным родом империя, весьма близким к царской власти и похожим на нее. Но как бы то ни было, всеми государственными делами — с согласия народа — с наивысшим авторитетом ведали первенствующие люди, и в те времена храбрейшие мужи, облеченные высшим империем, — диктаторы и консулы совершали великие подвиги на войне.

(XXXIII, 57) Но то, свершения чего требовала сама природа вещей, — чтобы народ, избавленный от царей, заявил притязания на несколько большие права, — произошло через короткий промежуток времени, приблизительно на шестнадцатом году после их изгнания, в консульство Постума Коминия и Спурия Кассия⁹⁸. Разумного основания для этого, пожалуй, не было, но в государственных делах сама их природа часто берет верх над разумом. Вы должны твердо помнить то, что я сказал вам вначале⁹⁹: если в государстве нет равномерного распределения прав, обязанностей и полномочий — с тем, чтобы достаточно власти было у магистратов, достаточно влияния у совета первенствующих людей и достаточно свободы у народа, то этот государственный строй не может сохраниться неизменным. (58) Ибо в те времена, когда среди граждан начались волнения из-за долгов, плебс занял сначала Священную гору, а затем Авентинский холм¹⁰⁰. Ведь даже порядок, установленный Ликургом, не удержал греков в узде; ибо и в

Спарте, в царствование Феопомпа¹⁰¹, было назначено пятеро человек, которых греки называют эфорами, на Крите — десять космов, как их называют; как задачей плебейских трибунов было сдерживать консульский империй, так задачей тех должностных лиц было сдерживать царский произвол.

(XXXIV, 59) У наших предков, при большом бремени долгов, быть может, и был тот или иной способ помочь должникам; такой способ незадолго до того не ускользнул от внимания афинянина Солона, а некоторое время спустя — и от нашего сената, когда из-за волнений, вызванных произволом одного человека, все кабальные обязательства граждан¹⁰² были отменены, а впоследствии эта форма обязательств была упразднена. И всегда, когда плебс, вследствие бедствий, постигавших государство, бывал разорен поборами, искали какого-то облегчения и помощи ради всеобщего блага. Но так как тогда такой меры не применили, то это дало народу основание умалить власть и значение сената, путем мятежа избрав двух плебейских трибунов. Значение сената оставалось, однако, все еще большим и важным, так как умнейшие и храбрейшие мужи охраняли государство оружием и своими мудрыми решениями, и их авторитет был в полном расцвете, потому что они, намного превосходя других людей своим почетным положением, уступали им в своем стремлении к наслаждениям и были выше их по своему имущественному положению. При этом доблесть каждого из них в делах государственных была людям тем более по-сердцу, что в частной жизни они заботливо поддерживали сограждан делом, советом, деньгами.

(XXXV, 60) При таком положении в государстве Спурий Кассий, необычайно влиятельный в народе человек, задумал захватить царскую власть; его обвинил в этом квестор и, как вы знаете, после того, как отец Спурия Кассия заявил, что он установил виновность сына, квестор, с согласия народа, обрек Спурия на смерть¹⁰³. Далее, консулы Спурий Тарпей и Авл Атерний приблизительно на пятьдесят четвертом году после первого консульства провели в цензуриатских комициях угодный народу закон о денежной пене и иске с внесением залога¹⁰⁴. Двадцать лет спустя, ввиду того, что цензоры Луций Папирий и Публий Пинарий, назначением пени, отняли у частных лиц много крупного скота и передали его в собственность государства, законом консулов Гая Юлия и Публия Папирия была установлена дешевая оценка скота при наложении пени¹⁰⁵.

(XXXVI, 61) Но несколькими годами ранее, когда сенат обладал высшим авторитетом, а народ соглашался и повиновался ему, было принято решение о том, чтобы консулы и плебейские трибуны отказались от своих магистратур, и чтобы были избраны децемвиры, облеченные величайшей властью и избавленные от возможности провокации, и чтобы они обладали высшим империем и составили законы. После того, как они составили десять таблиц законов¹⁰⁶, проявив при этом необычайную справедливость и проницательность, они провели выборы других децемвиров на следующий

год, но ни честность, ни справедливость последних не удостоились такой же высокой хвалы. Однако и в этой коллегии выдающуюся хвалу заслужил Гай Юлий; он потребовал представления поручителей от знатного Луция Сестия, в спальне которого в присутствии Гая Юлия, по его словам, был вырыт труп человека (хотя сам Луций Сестий обладал высшей властью, так как он, будучи одним из децемвиров, был избавлен от возможности провокации); Гай Юлий, по его словам, не собирался пренебречь превосходным законом, разрешавшим только в центуриатских комициях выносить постановление о жизни и смерти римского гражданина¹⁰⁷.

(XXXVII, 62) Наступил третий год децемвирата; оставались те же децемвиры, противившиеся избранию других на их место. При таком положении в государстве, которое, как я уже не раз говорил, не может быть продолжительным, так как всем сословиям граждан не предоставляется одинаковых прав, вся власть была в руках первенствовавших людей, так как во главе государства были поставлены знатнейшие децемвиры; им не были противопоставлены плебейские трибуны; при децемвирах не было никаких других магистратов, и не было сохранено права провокации к народу, если гражданину грозила казнь или наказание розгами. (63) И вот, вследствие несправедливости децемвиров, внезапно начались сильные потрясения, и произошел полный государственный переворот. Ибо децемвиры, прибавив две таблицы несправедливых законов, бесчеловечным законом воспретили браки между плебейями и «отцами», хотя обыкновенно разрешаются даже браки с иноземцами (закон этот был впоследствии отменен Канулеевым плебисцитом¹⁰⁸), и, в силу своего империя творя всяческий произвол, правили народом жестоко и своекорыстно. Всем, конечно, хорошо известно (об этом говорят и очень многие литературные произведения), как из-за необузданности одного из этих децемвиров некий Децим Вергиний своей рукой убил на форуме дочь-девушку и, охваченный горем, бежал к войску, тогда стоявшему на горе Альгиде¹⁰⁹; воины отказались продолжать военные действия, которые они вели, и с оружием в руках сперва заняли Священную гору (подобно тому, как некогда произошло в таком же случае), а затем и Авентинский холм... [Лакуна]

...после того, как Луция Квинкция назначили диктатором...¹¹⁰ (Сервий, к «Георгикам» Вергилия, III, 125).

...предки наши, я полагаю, и весьма одобрили, и с величайшей мудростью сохранили...

(XXXVIII, 64) Когда Сципион закончил, и все в молчании ждали продолжения его речи, Туберон сказал:

Так как присутствующие, которые старше меня, ни о чем не спросили тебя, Публий Африканский, позволь мне сказать тебе, чего я не нахожу в твоём изложении.

Да, конечно, — ответил Сципион, — я выслушаю весьма охотно.

ТУБЕРОН.— Ты похвалил, кажется мне, наше государство, хотя Лелий спрашивал тебя не о нашем, а о государстве вообще¹¹¹. Но я все же не узнал из твоих слов, какими порядками, какими обычаями или, лучше, какими законами можем мы сохранить то самое государство, которое ты превозносишь.

(XXXIX, 65) ПУБЛИЙ АФРИКАНСКИЙ.— Я думаю, Туберон, мы вскоре найдем более подходящий случай для подробного рассмотрения вопроса о том, как создают и сохраняют государства; что касается наилучшего государственного устройства, то я, как я полагаю, ответил на вопрос Лелия достаточно ясно. Ведь я прежде всего определил виды государств, заслуживающие одобрения, числом три, и столько же пагубных, противоположных трем, упомянутым выше, и указал, что ни один из этих видов не является наилучшим, но только тот, который представляет собой разумное сочетание трех первых, превосходит каждый из видов государства, взятый в отдельности. **(66)** А то обстоятельство, что я взял за образец именно наше государство, имело значение не для определения наилучшего государственного устройства (ибо это было бы возможно и без пользования образцом), а для того, чтобы на примере величайшего государства была ясно видна сущность строя, который я описал в своем рассуждении и беседе. Но если ты, не обращаясь к примеру в виде того или иного народа, спрашиваешь о самом роде наилучшего государственного устройства, то нам следует воспользоваться изображением, данным нам природой, так как это изображение города и народа тебя... [не удовлетворяет.] [Лакуна]

(XL, 67) ...которого я ищу уже давно и с которым желаю встретиться.

ЛЕЛИЙ.— Ты, пожалуй, ищешь разумного человека?

СЦИПИОН.— Именно такого.

ЛЕЛИЙ.— Среди присутствующих немало таких людей. Начни хотя бы с себя самого.

СЦИПИОН.— О, если бы во всем сенате было достаточно таких людей! Ведь разумен тот, кто, — как мы часто видели в Африке, — сидя на диком и огромном звере¹¹², укрощает и направляет его, куда только захочет, и ласковым словом и прикосновением заставляя это дикое животное повернуть.

ЛЕЛИЙ.— Знаю и часто видел это в бытность свою твоим легатом.

СЦИПИОН.— Итак, тот индеец или пуниец укрощает только одного зверя и притом поддающегося обучению и привыкшего к характеру человека; но ведь то начало, которое скрыто в душе человека и, будучи частью его души, называется рассудком, обуздывает и покоряет не просто одного зверя, с которым возможно совладать, — если только ему это удастся, что бывает весьма редко. Ибо и того дикого зверя надо держать в узде... [Лакуна]

(XLI, 68) ...[зверь,] который питается кровью, которого каждая жесто-

кость веселит так, что он с трудом может насытиться видом мучительной смерти людей, ... (Ноний, 300, 24).

...но жадному, стремительному, похотливому и погрязшему в наслаждениях... (Ноний, 491, 16).

...как четвертое по счету огорчение, переходящее в плач и печаль, всегда само себя возбуждающее... (Ноний, 72, 30).

...испытывать горе, быть постигнутым несчастьем, вернее, быть объатым страхом и страдать от трусости... (Ноний, 228, 19).

...подобно тому, как неопытный возница оказывается совлеченным с колесницы, раздавленным, израненным, уничтоженным... (Ноний, 292, 32).

(XLII, 69) ...можно было бы сказать.

ЛЕЛИЙ — Я уже вижу, какие обязанности и задачи ты готов поручить мужу, появления которого я ожидал.

Разумеется, — сказал Публий Африканский, — перед ним, пожалуй, надо поставить только одну задачу (ибо в ней одной, пожалуй, заключены и остальные): никогда не переставать учиться и обращать свой взор на себя самого, призывать других людей подражать ему, блистательностью своей души и жизни быть как бы зеркалом для сограждан. Ведь подобно тому, как при струнной и духовой музыке и даже при пении следует соблюдать, так сказать, лад различных звуков, изменения и нарушения которого нестерпимы для утонченного слуха, причем этот лад все же оказывается согласным и стройным благодаря соблюдению меры в самых несходных звуках, так и государство, с чувством меры составленное путем сочетания высших, низших и средних сословий (словно составленное из звуков), стройно звучит благодаря согласованию [самых несходных начал; тем, что музыканты называют гармонией в пении, в государстве является согласие¹¹³, эта теснейшая и наилучшая связь, обеспечивающая безопасность в каждом государстве и никоим образом не возможная без справедливости.] (Августин, «О государстве божьем», II, 21).

...по струнам надо ударять легко и спокойно, а не сильно и не вдруг (Помпей Трог).

(XLIII) И когда Сципион значительно подробнее и обстоятельнее разобрал вопрос о том, насколько справедливость полезна государству и как велик вред, какой ему нанесло бы ее отсутствие, слово взял Фил, один из участников беседы, и предложил, чтобы именно этот вопрос был рассмотрен еще тщательнее и чтобы о справедливости было сказано больше, так как всюду говорят о том, что править государством, не совершая несправедливости, невозможно (Августин, «О государстве божьем», II, 21).

(XLIV, 70) ...быть сама справедливость.

СЦИПИОН. — Я вполне согласен с вами и утверждаю вот что: мы должны признать, что все, донныне сказанное нами о государстве, ничего не стоит, и что нам некуда будет идти в своих рассуждениях, если не будет

доказана не только ложность мнения, будто государством не возможно править, не совершая несправедливости, но и глубокая правота мнения, что им никоим образом не возможно править без величайшей справедливости. Но, с вашего согласия, на сегодня достаточно. Дальнейшее (ведь остается еще довольно много) отложим на завтра.

Так как все согласились с ним, то в этот день беседа была прекращена.

ВТОРОЙ ДЕНЬ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Так как обсуждение этого вопроса было отложено на следующий день, то рассмотрение его в третьей книге вызвало оживленные споры. Сам Фил, предупредив с самого начала, что это мнение не следует приписывать именно ему, изложил взгляды тех, кто считает, что править государством, не совершая несправедливости, не возможно, и кто настойчиво высказывался в защиту несправедливости и против справедливости, на основании соображений, похожих на истину, и примеров пытаясь доказать, что первая государству полезна, а вторая не полезна. Затем, по просьбе всех присутствовавших, Лелий стал защищать справедливость и всячески доказывать, что нет ничего столь враждебного государству, как несправедливость, и что вообще государство может управляться, вернее, сохраняться, только благодаря великой справедливости¹. После того, как вопрос этот был рассмотрен, по общему признанию, достаточно, Сципион возвратился к тому, на чем он остановился, и повторил и предложил свое краткое определение государства, которое он назвал «достоянием народа»; но народ, по его мнению, не любое множество людей, а множество людей, объединенных согласием относительно права и общностью интересов. Затем он показал, как велика при обсуждении вопроса польза «определения», и на основании этих своих определений сделал вывод, что государство, то есть «достояние народа», существует тогда, когда им хорошо и справедливо правит либо один царь, либо немногочисленные оптиматы, либо весь народ. Но когда несправедлив царь, которого Сципион, по греческому обычаю, назвал тиранном, или несправедливы оптиматы, сговор которых он назвал кликой, или же несправедлив сам народ, который он, не найдя для него подходящего наименования, также назвал тиранном, то государство уже не только порочно, о чем говорилось накануне, но — как показывает вывод из приведенных определений — его вообще не существует, так как оно уже не достояние народа, раз его захватил тиранн или клика, да и сам народ в этом случае уже не народ, раз он не справедлив, так как это не множество людей, объединенных согласием относительно права и общностью интересов, каковое определение было дано народу (Августин, «О государстве божьем», II, 24).

(I, 1) В своей третьей книге о государстве этот же Туллий говорит, что человек рожден природой для жизни — словно она ему не мать, а мачеха — с телом нагим, хилым и слабым, с душой, робкой при трудностях, поддающейся страхам, нестойкой при

лишениях и склонной к чувствительности, с душой, которой, однако, присущ как бы внесенный в нее божественный огонь дарований и ума (Августин, «Против Юлиана Пелаг.», IV, 12, 60).

И в самом деле, какое существо находится в более жалком положении, чем мы, свергаемые в эту жизнь как бы нищими и нагими, с тщедушным телом, с робким сердцем, со слабым духом, пугливыми при тревогах, ленивыми в трудах, склонными к наслаждениям? (Амвросий, «О кончине Сатира», 2, 27).

(2) Хотя человек рождается хилым и слабым, ему все же не опасно ни одно бессловесное существо, а всем им, рождающимся сильными, все же, хотя они стойко переносят непогоду, опасен человек. Таким образом, разум приносит человеку пользу большую, чем та, какую бессловесным существам приносит природа, так как последних ни значительность их сил, ни стойкость их тела не могут избавить от истребления нами и подвластности нам. (19) Платон, мне думается, желая опровергнуть этих неблагодарных, высказал природе благодарность за то, что родился человеком (Лактанций, «De orificio Dei», III, 16, 17, 19).

(II, 3) [Лакуна] [Разум предоставил в распоряжение человека,] ввиду медленности его передвижения, повозки, а когда разум этот обнаружил, что люди беспорядочно издают нечленораздельные и невнятные звуки², то он разделил эти звуки, разбил их на части и, так сказать, как знаки оттиснул слова на предметах и людей, ранее между собой разобщенных, связал приятнейшими узами речи. Тот же разум обозначил и выразил все звуки человеческого голоса, казавшиеся бесчисленными, небольшим количеством знаков, которые он изобрел,— чтобы посредством их можно было сохранять и беседу с людьми отсутствующими, и изъявления воли, и записи прошлого. К этому прибавилось число, вещь и необходимая для жизни, и единственная, которая не изменяется и существует вечно. Число впервые подвигло нас и на то, чтобы мы, глядя на небо, не следили понапрасну за движением звезд, но, считая дни и ночи, ...[приводили в порядок календарь.] [Лакуна]

(III, 4) [Философы,] ...чей ум возвысился еще больше и смог совершить и придумать нечто достойное дара богов, как я уже говорил. Поэтому да будут для нас те, кто рассуждает о правилах жизни, великими людьми (какими они и являются), да будут они учеными, да будут они наставниками в истине и доблести, только бы истина и доблесть — независимо от того, придуманы ли они мужами, хорошо знакомыми с разными видами государственного устройства, или же изучались ими на досуге и по сочинениям (как это и было), — отнюдь не встречали пренебрежения к себе. Я имею в виду гражданственность и устройство жизни народов, которое вызывает (и весьма часто уже и вызывало) в честных сердцах появление, так сказать, необычайной и богами внушенной доблести. (5) Но если кто-нибудь к тем способностям своего ума, которые получены им от природы и благодаря

гражданским установлениям, признал нужным прибавить образование и более обширные познания,— как поступили те, кто занимается обсуждением этих вот книг,— то не найдется человека, который не предпочел бы таких людей всем остальным. И право, что может быть более славным, чем сочетание великих дел и опыта с изучением этих наук и познанием их? Другими словами, можно ли вообразить себе более благородного человека, чем Публий Сципион, чем Гай Лелий, чем Луций Фил, которые, дабы не пройти мимо всего того, чем достигается вся слава, выпадающая на долю знаменитых мужей, прибавили к обычаям отечественным и дедовским также и это чужеземное учение, исходящее от Сократа? (6) Следовательно, кто пожелал и смог добиться и того, и другого, то есть познать и установления предков, и философские учения, тот, по моему мнению, достиг всего того, что приносит славу. Но если следует избрать один из этих двух путей к мудрости, то — даже если спокойный образ жизни, протекающей в благороднейших занятиях и науках, кому-либо и покажется более счастливым,— все же жизнь гражданина более достойна хвалы и, несомненно, более славна, коль скоро за нее выдающихся мужей превозносят так, как, например, превозносили Манья Курия³ —

Тот, кого никто ни мечом не осилил, ни золотом.

Его никто — ни гражданин, ни гость —
За подвиги не сможет наградить⁴.

(IV, 7) [Лакуна.] ...[что оба пути] были мудростью, но различие между тем и другим заключалось в том, что одни люди воспитывали природные начала наставлениями и науками, а другие — установлениями и законами. Но одно наше государство дало большее число если и менее мудрых мужей (так как эти философы истолковывают это название столь ограничительно), то, несомненно, людей, достойных высшей хвалы, так как они почитали поучения и открытия мудрецов. И если мы — независимо от того, сколько существует и существовало государств, достойных хвалы (так как нужна величайшая и непревзойденная в природе мудрость, чтобы создать государство, которое может быть долговечным), — если мы в каждом из таких государств найдем хотя бы одного такого мужа, то какое тогда окажется великое множество выдающихся мужей! Но если мы пожелаем мысленно обозреть в Италии Лаций, или там же племена сабинян и вольсков, Самний, Этрурию, знаменитую Великую Грецию⁵, если мы затем обратим свой взор на ассирийцев, на персов, на пунийцев, на эти... [Лакуна]

(V, 8) ФИЛ.— Вы мне поручаете поистине превосходную задачу, желая, чтобы я взял на себя защиту бесчестности.

ЛЕЛИЙ.— Конечно, если ты выскажешь то, что обычно высказывают против справедливости, ты, пожалуй, можешь произвести впечатление, что

и ты такого же мнения, хотя сам ты — как бы исключительный образец древней порядочности и честности, и хотя хорошо известно твое обыкновение рассуждать с противоположных точек зрения⁶, так как, по твоему мнению, таким образом легче всего дойти до истины.

ФИЛ.— Ну, хорошо, я исполню ваше желание и сознательно испачкаюсь. Так как от этого не отказываются люди, ищущие золото, то мы, ищущие справедливости, которая гораздо дороже всякого золота, конечно, не должны страшиться трудностей. О, если бы мне, коль скоро я должен буду использовать чужие доводы, было дозволено поручить эту речь другому! Теперь Луций Фурий Фил должен сказать то, что Карнеад⁷, грек, привыкший выгодную ему мысль... [выражать] словами, ...[высказал против справедливости.] [Лакуна]

(9) ...чтобы вы ответили Карнеаду, который, по изворотливости своего ума, часто высмеивает наилучшие положения.

(VI) Кто не знает, как велика была убедительность доводов Карнеада, философа академической школы, и каким красноречием и остротой ума он отличался, тот именно это поймет из оценки, данной ему Цицероном, или же из оценки, данной ему Луцилием, у которого Нептун, рассуждая о труднейшем вопросе, указывает, что он не сможет его разъяснить, «если Орк⁸ не отпустит к нему самогo Карнеада». Когда Карнеад был прислан афинянами в Рим в качестве посла, он произнес обстоятельную речь о справедливости в присутствии Гальбы и Катона Ценсория, величайших ораторов того времени. Но этот же Карнеад на другой день опроверг свои положения противоположными положениями и справедливость, которую превозносил накануне, уничтожил и притом не убедительной речью философа, чье мнение должно быть твердым и незыблемым, но как бы ораторским упражнением, при котором рассуждение ведется с обеих точек зрения. Так он поступал обычно, чтобы быть в состоянии опровергнуть мнения других людей, отставивших любое положение. Рассуждение, которым отвергается справедливость, у Цицерона вспоминает Луций Фурий, мне думается, потому, что он рассуждал о государстве, чтобы выступить с защитой и прославлением справедливости, без которой, по его мнению, править государством невозможно. Но Карнеад для того, чтобы опровергнуть положения Аристотеля и Платона, поборников справедливости, в своей первой речи собрал все то, что высказывалось в защиту справедливости, чтобы быть в состоянии все это опровергать, как он и поступил (Лактанций, «*Instit. div.*», V, 14, 3—5).

(VII, 10) Большинство философов, а особенно Платон и Аристотель, высказало о справедливости многое, превозносило ее как истину и доблесть, достойную высшей хвалы, так как она воздает каждому свое и сохраняет равенство между всеми. И между тем как другие доблести как бы безмолвны и замкнуты в себе, справедливость — единственная доблесть, не замкнутая в себе и не скрытая, но обнаруживающаяся вся целиком и склонная к хорошим поступкам ради того, чтобы приносить возможно большую пользу. Как будто справедливость должна быть присуща одним только судьям и людям, облеченным какой-либо властью, а не всем! (11) Между тем нет человека даже среди самых

незначительных и нищих людей, который не мог бы приобщиться к справедливости. Но так как они не знали, что она собой представляет, откуда истекает, каково ее значение, то они эту высшую доблесть, то есть общее благо, объявили уделом немногих и заявили, что она не ищет своей пользы, а только благоприятствует чужим выгодам. И Карнеад, человек необычайного дарования и остроты ума, с полным основанием выступил, дабы доказать несостоятельность утверждений этих людей и отвергнуть значение справедливости, не имевшей прочного основания,— не потому, что он полагал, что справедливость заслуживает порицания, но с целью доказать, что поборники справедливости не выставили в ее защиту никаких определенных, никаких незыблемых доводов (Лактанций, Эпитома, 50 [55], 5—8).

Справедливость глядит наружу, вся выступает вперед и выдается... (Ноний, 373, 30).

...доблесть, которая вся более, чем все другие, стремится к служению другим и в этом и проявляется (Ноний, 299, 30).

(VIII, 12) ФИЛ.—...находил бы и защищал..., но другой⁹ рассуждениями своими о самой справедливости заполнил четыре весьма обширных книги. Ведь от Хрисиппа¹⁰ я не ожидал ничего великого и блестящего: он говорит, так сказать, в своем духе, рассматривая все по значению слов, а не по сущности вещей. Уделом тех героев¹¹ было оживлять эту доблесть, когда она лежит поверженная, и возводить ее на божественный престол рядом с мудростью; ведь одна она (если она существует), рожденная для других, а не для себя, весьма благотворна и щедра и всех любит больше, чем себя самое. (13) И ведь у них вовсе не было недостатка ни в желании (какое же у них было иное основание писать и вообще какое другое намерение?), ни в даровании, которым они превосходили всех; но действительность оказалась сильнее их желания и их способностей. Ведь право, которое мы исследуем, есть нечто, относящееся к гражданственности, но отнюдь не к природе¹². Ибо, если бы оно относилось к природе, то — подобно горячему и холодному, подобно горькому и сладкому — справедливое и несправедливое были бы одинаковыми для всех людей.

(IX, 14) Но теперь, если бы кто-нибудь «с колесницы, влекомой крылатыми змеями», как писал Пакувий¹³, мог обозреть с высоты и воочию увидеть многие и разные народы и города, то он прежде всего заметил бы, что египтяне, самый старозаветный из всех народов и располагающий летописями событий за очень много веков, считают божеством какого-то быка, которого они зовут Аписом. Такой человек увидел бы у тех же египтян и многие другие чудовища и разных зверей, причисленных ими к богам. Затем он увидел бы в Греции, как и у нас, великолепные храмы, посвященные богам в человеческом образе. Персы сочли это кощунством, и Ксеркс, как говорят, повелел предать огню храмы афинян по одной той причине, что считал кощунством держать взаперти богов, чей дом — весь этот мир¹⁴.

(15) Но впоследствии и Филипп, намеревавшийся воевать с персами, и Александр¹⁵, пошедший на них войной, оправдывали эту войну своим желанием отомстить за храмы Греции. Греки не считали нужным даже восстанавливать их, дабы у их потомков было перед глазами вечное доказательство злодеяний персов¹⁶. Как много было народов,— как, например, тавры на берегах Аксинского Понта¹⁷, как египетский царь Бусирид¹⁸, как галлы¹⁹, как пунийцы²⁰,— считавших человеческие жертвоприношения делом благочестия, весьма угодным богам!

И действительно, правила жизни настолько не сходны, что критяне и этолые считают морской разбой почетным делом²¹, а лакедемоняне объявляют своими все те земли, куда могло долететь их копье. Афиняне имели обыкновение клятвенно объявлять от имени государства, что им принадлежат все те земли, на которых растут оливы и хлебные злаки²². Галлы считают для себя постыдным сеять хлеб своими руками²³; поэтому они, вооруженные, снимают урожай с чужих полей. (16) А мы, якобы самые справедливые люди, не позволяем заальпийским народам сажать оливы и виноград, дабы наши сады оливо и виноградники стоили дороже²⁴. Когда мы так поступаем, то говорят, что мы поступаем разумно, но не говорят, что справедливо,— дабы вы поняли, что между благоразумием и справедливостью существует различие. Между тем Ликург, придумавший наилучшие законы и справедливейшее право, велел земли богачей обрабатывать плебеям, словно они были рабами²⁵.

(X, 17) Но если бы я пожелал описать виды права, установлений, нравов и обычаев, различные не только у стольких народов, но и в одном городе и даже в нашем, то я доказал бы вам, что они изменялись тысячу раз: наш истолкователь права Манилий²⁶ говорит, что насчет легатов²⁷ и наследств в пользу женщин ныне существуют одни права, а он сам, в свои молодые годы, говорил о других, когда Вокониев закон²⁸ еще не был издан. Именно этот закон, предложенный в интересах мужчин,— сама несправедливость по отношению к женщинам. И в самом деле, почему бы женщине не иметь своего имущества? Почему у девы-весталки наследник может быть, но его не может быть у ее матери? И почему — если для женщины следует установить предельную меру имущества — дочь Публия Красса²⁹, если она единственная у отца, могла бы, без нарушения закона, иметь сто миллионов сестерциев, а моя дочь не могла бы иметь и трех миллионов?... [Лакуна]

(XI, 18) [Если бы сама природа] для нас установила права, все люди пользовались бы одними и теми же [законами], а одни и те же люди не пользовались бы в разные времена разными законами. Но я спрашиваю: если долг справедливости человека и честного мужа — повиноваться законам, то каким именно? Всяким ли, какие только ни будут изданы? ³⁰ Но ведь доблесть не приемлет непостоянства, а природа не терпит изменчивости; законы же поддерживаются карой, а не нашим чувством справедливости. Таким

образом, право не заключает в себе ничего естественного; из этого следует, что нет даже людей, справедливых от природы. Или законы, как нам говорят, изменчивы, но честные мужи, в силу своих природных качеств, следуют той справедливости, которая существует в действительности, а не той, которая таковой считается? Ведь долг честного и справедливого мужа — воздавать каждому то, чего каждый достоин³¹. (19) Как же, следовательно, отнесемся мы прежде всего к бессловесным животным? Ведь не люди посредством ума, а выдающиеся и ученые мужи, Пифагор и Эмпедокл³², заявляют, что все живые существа находятся в одинаковом правовом положении; они утверждают, что тем, кто нанесет повреждение животному, грозит бесконечная кара. Итак, нанести вред дикому животному — преступление и это преступление... [для того,] кто [не] захочет [его избегнуть, оказывается пагубным.] [Лакуна]

(XII, 20) А если человек пожелает следовать справедливости, не будучи при этом сведущ в божественном праве, то он примет законы своего племени, словно они являются истинным правом, законы, которые при всех обстоятельствах придумала не справедливость, а выгода. И в самом деле, почему у всех народов приняты различные и отличающиеся одни от других законы, но каждое племя установило для себя то, что оно признало полезным для себя? Но в какой мере польза расходится со справедливостью, дает понять сам римский народ, который, объявляя войны при посредстве фециалов, нанося обиды законным путем и всегда желая чужого и захватывая его, завладел всем миром (Лактанций, «*Instit. div.*», VI, 9, 2—4).

Ведь всякая царская власть или империй, если я не ошибаюсь, добываются посредством войны и распространяются путем побед. Но война и победы основаны более всего на захвате и разрушении городов. Эти действия неизбежно связаны с оскорблением богов, таковы же и разрушения городских стен и храмов; им подобно и истребление граждан и жрецов, и с ними вполне сходно разграбление сокровищ священных и мирских. Следовательно, римляне совершили святотатств столько же, сколько у них было трофеев; триумфов по случаю побед над богами они справили столько же, сколько и по случаю побед над народами; добыча их столь велика, сколько до сего времени у них остается изображений плененных ими богов (Тертуллиан, «Апология», XXV, 14—15).

(21) Итак, Карнеад ввиду того, что положения философов были шатки, осмелился опровергать их, поняв, что опровергнуть их возможно. Его доказательства сводились к следующему: люди установили для себя права, руководствуясь выгодой, то есть права, различные в зависимости от обычаев, причем у одних и тех же людей права часто изменялись в зависимости от обстоятельств; но права естественного же существуют; все люди и другие живые существа под руководством природы стремятся к пользе для себя; поэтому справедливости либо не существует вообще, либо — если какая-нибудь и существует — это величайшая нелепость, так как она сама себе вредит, заботясь о чужих выгодах. И он приводил следующие доводы: всем народам, процветающим благодаря своему могуществу, в том числе и самим римлянам, чья власть простирается над всем миром,—

если только они пожелают быть справедливыми, то есть возвратить чужое,—придется вернуться в свои хижины и влачить жизнь в бедности и нищете (Лактанций, «*Institut. div.*», V, 16, 2—4).

(22) Благу отчизны всегда и во всем отдавать предпочтенье³³,

не обращая внимания на человеческие распри; правило это теряет всякий смысл. И действительно, что другое представляет собой выгода для отчизны, если не невыгоду для другого государства или для другого народа? Это значит расширять пределы отчизны, насильственно захватывая чужие земли; укреплять свою власть, взимать бóльшую дань. (23). Кто таким образом приобретет для отечества эти «блага», как они их называют, то есть, уничтожив государства и истребив народы, набьет казну деньгами, захватит земли, обогатит сограждан, того превозносят похвалами до небес и видят в нем высшую и совершенную доблесть; таково заблуждение не только народа и неискушенных людей, но и философов, которые даже преподают наставления в несправедливости, дабы неразумие и злоба не были лишены обоснования и авторитета (Лактанций, «*Institut. div.*», VI, 6, 19, 23).

(XIII, 23) Фил.—...ведь все, обладающие властью над жизнью и смертью людей,—тиранны, но предпочитают, чтобы их называли царями, по имени Юпитера Всеблагого³⁴. Когда же определенные люди, благодаря своему богатству, или происхождению, или каким-либо преимуществам, держат государство в своих руках, то это клика, но называют их оптиматами. А если наибольшей властью обладает народ и все вершится по его усмотрению, то это называется свободой, но в действительности это есть безвластие. Но когда один боится другого (и человек — человека, и сословие — сословия), то, так как никто не уверен в своих силах, заключается как бы соглашение между народом и могущественными людьми. Так возникает то, что Сципион восхвалял,—объединенный род государственного устройства; и в самом деле, мать справедливости не природа и не добрая воля, а слабость. Ибо, когда предстоит выбрать одно из трех — либо совершать беззакония, а самому их не терпеть, либо их и совершать и терпеть, либо не делать ни того, ни другого, то наилучший выход — их совершать, если можешь делать это безнаказанно; второе — их не совершать и не терпеть, а самый жалкий удел — всегда биться мечом, и совершая беззакония, и страдая от них. Итак, те, которые достичь первого [не могли, объединились на втором, и так возникло смешанное государственное устройство.] [Лакуна]

(XIV, 24) ...ибо, когда его спросили, какие преступные склонности побудили его сделать море опасным для плавания, когда он располагал одним миопароном, он ответил: «Те же, какие побудили тебя сделать опасным весь мир»³⁵ (Ноний, 125, 12).

(XV) ...Благоразумие велит нам всячески умножать свое достоинство, увеличивать свои богатства, расширять границы (в самом деле, какие основания были бы для хвалебных надписей, высекаемых на памятниках выдаю-

щимся императорам³⁶: «Границы державы он расширил»³⁷,— если бы он не прибавил некоторой части чужой земли?), повелевать возможно бóльшим числом людей, наслаждаться, быть могущественным, управлять, владычествовать. Напротив, справедливость учит щадить всех, заботиться о людях, каждому воздавать должное, ни к какой вещи, посвященной богам, ни к какой государственной или чужой собственности не прикасаться. Что же, следовательно, достигается, если станешь повиноваться голосу благоразумия? Богатство, власть, имущество, почести, империй, царская власть и для частных людей, и для народов. Но так как мы говорим о государстве, то для нас более очевидно то, что совершается от его имени, и так как сущность права в обоих случаях одна и та же, то, по моему мнению, следует поговорить о благоразумии народа. О других народах я говорить не стану. А наш народ, чье прошлое Публий Африканский во вчерашней беседе представил нам с самого начала и чья держава уже распространилась на весь мир? Благодаря чему он из незначительного стал величайшим — благодаря справедливости или благоразумию?... [Лакуна]

(25) *Фил.*— ...за исключением аркадян и афинян, которые, пожалуй, опасаясь, что когда-нибудь появится этот запрет, то есть чувство справедливости, придумали, что они возникли из земли,— ну, совсем так, как полевые мышки — из пашни³⁸.

(XVI, 26) На это прежде всего обыкновенно так возражают те, кто достаточно искусен в рассуждениях и пользуется в этом вопросе тем бóльшим авторитетом, что они — когда речь идет о честном муже, которого мы хотели бы видеть искренним и простым,— в беседе об этом не лукавы, не склонны к хитроумию, не коварны³⁹; они утверждают, что мудрый не потому честен, что его восхищают честность и справедливость сами по себе, но потому, что жизнь честных мужей свободна от страха, забот, тревог и опасностей; напротив, бесчестных мужей всегда гнетет забота, у них перед глазами всегда суд и казнь; но, по их словам, нет преимущества, нет выгоды, рожденной несправедливостью и столь значительной, чтобы стоило всегда бояться, всегда опасаться какой-то нависшей, грозящей кары, утраты... [Лакуна]

(XVII, 27) *Фил.*— Если перед вами два человека: один — доблестнейший муж, добросовестнейший, необычайно справедливый, на редкость верный своему слову, а другой — в высшей степени преступный и дерзкий, и если граждане заблуждаются, считая честного мужа преступным, злонамеренным, нечестивым, а в том, кто бесчестнее всех, видят высшую порядочность и верность слову, и если, вследствие такого мнения всех сограждан, честный муж терпит преследования, нападки, если его берут под стражу, выкалывают ему глаза, осуждают его, на него налагают оковы, его клеймят, изгоняют и обрекают на нищету, и если он, наконец, также и с полным основанием кажется всем людям самым жалким человеком, а бесчестного, напротив, все восхваляют, чтят и любят и со всех сторон воздают ему все поче-

сти, облачают его империем, вручают ему все средства, все богатства, словом, его, по всеобщему мнению, признают мужем наилучшим и вполне достойным самой счастливой судьбы, то — спрашиваю я — кто будет столь безрассуден, чтобы не знать, которым из двоих он предпочтет быть? ⁴⁰

(XVIII, 28) Что справедливо относительно отдельных лиц, то справедливо и относительно народов: не найдется государства, столь неразумного, чтобы оно не предпочло несправедливо повелевать, а не быть в рабстве по справедливости. Дальше я не пойду. Будучи консулом, я, когда вы были моими советчиками, спросил вас о нумантинском договоре. Кто не знал, что Квинт Помпей заключил подобный же договор и что Манцин был в таком же положении, как он? ⁴¹ Манцин как честнейший муж даже поддержал предложение, когда я внес его в силу постановления сената; Помпей ожесточенно защищался. Если мы ищем добросовестности, порядочности, верности своему слову, то все эти качества проявил Манцин; если же мы ищем обоснованности, обдуманности, проницательности, то Помпей его превосходит. Которого из них двоих... [Лакуна]

(XIX, 29). Затем Карнеад, оставив общие вопросы, перешел к частным. Если у порядочного человека, сказал он, есть раб, склонный к побегам, или дом в нездоровой местности, порождающей болезни, причем недостатки эти известны ему одному, и он потому и объявляет о продаже дома или раба, то как поступит он: заявит ли он о продаже раба, склонного к побегам, или дома, порождающего болезни, или же скроет эти недостатки от покупателя? Если он заявит о них, то его, конечно, сочтут порядочным человеком, так как он не обманывает, но все же глупым, так как он либо продаст свое имущество дешево, либо не продаст его совсем; если же он эти недостатки скроет, то он будет, правда, благоразумным, так как позаботится о своей выгоде, но окажется дурным человеком, так как обманет покупателя. Опять-таки, если он найдет человека, полагающего, что продает медь, в то время как это — золото, или же человека, полагающего, что продает свинец, в то время как это — серебро, то промолчит ли он, чтобы купить это по дешевой цене, или же скажет об этом, чтобы купить по дорогой? Предпочсть покупку по дорогой цене, несомненно, будет глупо. Из этого, по мысли Карнеада, следовало понять, что справедливый и порядочный глуп, а благоразумный — человек дурной, но все же возможно, что существуют люди, которые довольны своей бедной долей и при этом не чувствуют себя обиженными.

(XX, 30) Затем он перешел к более важным вопросам и указал, что никто не может быть справедливым, не подвергая своей жизни опасностям; он говорил: конечно, это справедливость — человека не убивать, к чужому имуществу вообще не прикасаться. Но как поступит справедливый человек, если потерпит кораблекрушение, а кто-нибудь, более слабый, чем он, ухватится за доску? Неужели он завладеет этой доской, чтобы взобраться на нее самому и, держась за нее, спастись, — тем более, что в открытом море свидетелей нет? Если он благоразумен, то он так и сделает; ведь ему самому придется погибнуть, если он не поступит так; если же он предпочтет смерть, лишь бы не совер-

шать насилия над другим, то он, конечно, справедлив, но неразумен, раз он своей жизни не оберегает, оберегая чужую. Опять-таки, если враги, прорвав строй, начнут насаждать, и наш справедливый человек встретится с каким-нибудь раненым, сидящим на коне, то пощадит ли он его, чтобы самому быть убитым, или же сбросит его с коня, чтобы спастись от врага? Если он это сделает, то он благоразумный, но при этом дурной человек; если не сделает, то он справедлив, но в то же время, конечно, неразумен. (31) Итак, разделив справедливость на две части и назвав одну из них гражданской, а другую естественной, Карнеад уничтожил обе, так как гражданская, правда, представляет собой благоразумие, но справедливостью не является; естественная же справедливостью, правда, является, но не является благоразумием. Все это, конечно, хитроумно и пропитано ядом, так что Марк Туллий не смог опровергнуть это; ибо, хотя он и заставляет Лелия отвечать Фурию и говорить в защиту справедливости, он, не опровергнув этого, обошел это, словно ров, так что Лелий, как кажется, защищал не естественную справедливость, которая стала отдавать неразумием, а гражданскую, которую Фурий согласился признать благоразумием, но несправедливым (Лактанций, «Instit. div.», V, 16, 5—13).

(XXI, 32) *Фил.*—...Я не колебался бы высказаться, Лелий, если бы не думал, что присутствующие этого хотят, и если бы я сам не желал, чтобы и ты принял некоторое участие в этой нашей беседе,— тем более, что вчера ты сам сказал, что даже превзойдешь наши ожидания. Но это никак не возможно; все мы просим тебя не отказываться от своего намерения (Геллий, I, 22, 8).

...но наше юношество вовсе не должно его слушать⁴²; ибо, если он думает то, что говорит, то он человек подлый; если — иное (что я предпочитаю), то его рассуждения все же чудовищны (Ноний, 323, 18).

(XXII, 33) *Лелий.*— Истинный закон — это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное, которое призывает к исполнению долга, приказывая; запрещая, от преступления отпугивает; оно, однако, ничего, когда это не нужно, не приказывает честным людям и не запрещает им и не воздействует на бесчестных, приказывая им что-либо или запрещая. Предлагать полную или частичную отмену такого закона — кощунство; сколько-нибудь ограничивать его действие не дозволено; отменить его полностью не возможно, и мы ни постановлением сената, ни постановлением народа освободиться от этого закона не можем, и ничего нам искать Секста Элия⁴³, чтобы он разъяснил и истолковал нам этот закон, и не будет одного закона в Риме, другого в Афинах, одного ныне, другого в будущем; нет, на все народы в любое время будет распространяться один извечный и неизменный закон, причем будет один общий как бы наставник и повелитель всех людей — бог, создатель, судья, автор закона. Кто не покорится ему, тот будет беглецом от самого себя и, презрев человеческую природу, тем самым понесет величайшую кару, хотя и избежит других мучений, которые таковыми считаются (Лактанций, «Instit. div.», VI, 8, 6—9).

(XXIII, 34) ...что наилучшее государство никогда само не начинает войны, кроме тех случаев, когда это делается в силу данного им слова или в защиту своего благополучия (Августин, «О государстве божьем», XXII, 6).

...Но от этих наказаний, которые чувствуют даже величайшие глупцы, — от нищеты, изгнания, тюремного заключения, наказания розгами — частные лица нередко избавляются, если им представляется возможность быстро умереть; для государств же карой является сама смерть, которая, как нам кажется, отдельных лиц избавляет от наказания; ибо государство должно быть устроено так, чтобы быть вечным. Поэтому никакая гибель не естественна для государства, как это бывает в отношении людей, для которых смерть не только неизбежна, но даже весьма часто желанна. Но когда уничтожается, разрушается, перестает существовать государство, то это — сравним малое с великим — как бы напоминает нам гибель и уничтожение всего этого мира (Августин, «О государстве божьем», XXII, 6).

(35) ...Несправедливы те войны, которые были начаты без оснований. Ибо, если нет основания в виде отпущения или в силу необходимости отразить нападение врагов, то вести войну справедливую не возможно (Исидор, Origines, XVIII, 1).

Ни одна война не считается справедливой, если она не возведена, не объявлена, не начата из-за неисполненного требования возместить нанесенный ущерб (Исидор, Origines, XVIII, 1; Etymol., XVIII, 12).

...Но наш народ, защищая своих союзников, уже покорил весь мир (Ноний, 498, 13).

(XXIV, 36) В тех же книгах о государстве ведется, несомненно, самый ожесточенный и самый смелый спор против несправедливости и в защиту справедливости. И так как, когда ранее говорилось в защиту несправедливости и против справедливости и высказывалось мнение, что государство может держаться и увеличиваться только несправедливостью, то было принято как прочнейшая основа, что несправедливо, чтобы одни люди были в рабстве у других людей, владычествующих над ними; однако, если несправедливости этой не станет придерживаться повелевающее государство, чья страна обширна, то оно не сможет управлять провинциями. От лица справедливости был дан ответ: это справедливо потому, что таким людям рабское состояние полезно и что это делается им на пользу, когда делается разумно; то есть, когда у бесчестных людей отнимут возможность совершать беззакония, то угнетенные окажутся в лучшем положении, между тем как они, не будучи угнетены, были в худшем. Чтобы подкрепить это положение, привели известный пример, взятый у природы, и было сказано:

Разве мы не видим, что всем лучшим людям владычество даровано самой природой к вящей пользе слабых? Почему же бог повелевает человеком, душа — телом, разум — похотью, гневом и другими порочными частями той же души? (Августин, «Против Юлиана Пелага», IV, 12, 61).

(XXV, 37) Но следует видеть различия и в том, как повелевают, и в

том, как подчиняются. Ибо, как душа, говорят, повелевает телом, как она, говорят, повелевает похотью (но телом она повелевает так, как царь своими гражданами или как отец своими детьми, похотью же — так, как рабами — их владыка, потому что душа сдерживает и смиряет ее), так власть царей, власть императоров, власть магистратов, власть отцов, власть народов правит гражданами и союзниками, как телом правит душа; но владыки подавляют рабов так, как наилучшая часть души, то есть мудрость, подавляет порочные и слабые части той же души, каковы страсти, вспышки гнева, другие треволнения....

...частям тела, ввиду их готовности повиноваться, приказывают, как сыновьям, а порочные части души, как рабов, принуждают более суровой властью (Августин, «О государстве божьем», XIV, 23).

...Существует вид несправедливого рабства, когда те, кто может принадлежать себе, принадлежат другому; но когда такие люди пребывают в рабстве, ... (Ноний, 109, 2).

(XXVI, 38) Если,— говорит Карнеад,— ты будешь знать, что где-нибудь скрывается змея, а кто-то, по неосмотрительности, хочет сесть на это место, причем его смерть будет тебе выгодная, то поступишь подло, не предупредив этого человека, чтобы он туда не сядил, хотя и останешься безнаказанным. И в самом деле, кто смог бы изобличить тебя в том, что ты об этом знал? Но мы говорим об этом чересчур много. Ведь очевидно, что, если справедливость, верность своему слову и правосудие не будут проистекать из природы и если все эти качества будут иметь в виду одну только выгоду, то честного человека нам не найти. Обо всем этом Леллий достаточно подробно высказался в моих книгах о государстве (Цицерон, «О пределах добра и зла», II, 59).

И если я, как ты мне напоминаешь, справедливо сказал в тех книгах, что благо — только то, что честно, и что зло — только то, что позорно, ... (Цицерон, «Письма к Аттику», X, 4, 4).

(XXVII, 39) Мне приятно, что твоя дочка доставляет тебе радость, и что ты согласен с тем, что желание иметь детей естественно. Право, если этого нет, то у человека не может быть естественной связи с человеком, а с уничтожением ее уничтожается и общность жизни. «Ну, и на здоровье!» — говорит Карнеад. Это скверно, но все же благопристойнее, чем то, что говорят Луций и Патрон⁴⁴, которые, относя все к себе, считают, что ничего никогда не делается для другого человека, и, утверждая, что честным мужем следует быть только для того, чтобы самому не терпеть бед, а не потому, что это хорошо от природы, не понимают, что говорят о хитром человеке, а не о честном муже. Но об этом, если не ошибаюсь, говорится в тех книгах, похвалив которые, ты прибавил мне силы духа (Цицерон, «Письма к Аттику», VII, 2, 4).

...В этих книгах я соглашаюсь с тем, что справедливость, порождающая тревогу и чреватая опасностями, не свойственна мудрецу (Присциан, VIII, 6, 32).

(XXVIII, 40) ЛЕЛИЙ.—...Доблесть явно желает почестей, а иной на-

грады за доблесть нет никакой. ...Награду она принимает охотно, но ее настоятельно не требует.

Какими богатствами прельстишь ты этого мужа? Каким империем? Какими царствами? Его, который считает их человеческими, а свое имущество признает божественным! ...Но если все неблагодарные люди, или многие завистники, или могущественные недруги отнимут у доблести ее награды, то ее все же будет многое радовать и утешать, и она более всего будет искать опоры в своей собственной красоте (Лактанций, «*Institut. div.*», V, 18, 4—8).

...Не тела их были взяты на небо⁴⁵; ведь природа не допустила бы, чтобы происшедшее из земли оставалось где-либо в другом месте, а не на земле (Августин, «О государстве божьем», XXII, 4).

...храбрости, настойчивости, упорства храбрейшего мужа никогда не... (Ноний, 125, 18).

...Щедрости Пирра, очевидно, недоставало Фабрицию; богатства самнитян — Курию⁴⁶ (Ноний, 132, 17).

...Когда наш знаменитый Катон приезжал к себе в Сабинскую область, он, как мы слышали от него самого, обыкновенно посещал его родной кров. Сидя подле его очага, Катон отверг дары самнитян, некогда своих врагов, а тогда уже клиентов (Ноний, 522, 26).

(XXIX, 41) ЛЕЛИЙ.—...[Каков] Тиберий Гракх был в Азии, таков же остался он по отношению к согражданам; он презрел права союзников и латинян⁴⁷ и договоры с ними. Если эта привычка к своеволию начнет распространяться все шире и заставит нашу державу перейти от законности к насилию, так что тех, кто пока еще повинуется нам добровольно, мы будем удерживать страхом, то, хотя люди нашего поколения, можно сказать, уцелели благодаря своей бдительности, я все же тревожусь за наших потомков и за бессмертие государства, которое могло бы быть вечным, если бы люди жили по заветам и обычаям «отцов».

(XXX, 42) После этих слов Лелия все присутствующие стали говорить, что он доставил им большое удовольствие, а Сципион, можно сказать, был в восторге.

Ты, Лелий,— сказал он,— часто выступал как защитник во многих судебных делах, так что я не сравню с тобой не только нашего коллегу Сервия Гальбу⁴⁸, которого ты, пока он был жив, ставил выше всех других, но даже ни одного из аттических ораторов — ни по приятности речи, ...[ни по ее силе.]

...двух качеств недоставало ему: уверенности в себе и голоса, что мешало ему говорить перед толпой и на форуме⁴⁹ (Ноний, 262, 22).

...от стонов заключенных в него людей бык, казалось, мычал⁵⁰ (Схолии к сатирам Ювенала, VI, 480).

(XXXI, 43) СЦИПИОН.—...[которого я намеревался] привезти назад [в Агригент.] Итак, кто назвал бы это «достоинством народа», то есть государством⁵¹, когда все были угнетены жестокостью одного и не было ни об-

щей связи в виде права, ни согласия, ни союза людей, собравшихся вместе, что и есть народ? Это же было и в Сиракузах. Этот знаменитый город, по свидетельству Тимея⁵², величайший из греческих городов и самый красивый из городов мира, его крепость, достойная изумления, гавани, воды которых омывают самое сердце города и его плотины, его широкие улицы, портики, храмы, стены⁵³ — все это, в правление Дионисия⁵⁴, никак не заслуживало того, чтобы называться государством; ведь народу не принадлежало ничего, а сам народ принадлежал одному человеку. Итак, где существует тиранн, там не просто дурное государство, как я говорил вчера, а, как мы теперь должны сказать на основании своих рассуждений, вообще не существует никакого государства.

(XXXII, 44) **ЛЕЛИЙ**.— Ты говоришь превосходно; я ведь уже понимаю, к чему клонится твоя речь.

СЦИПИОН.— Следовательно, ты понимаешь, что даже такое государство, которое полностью находится во власти клики, не может, по справедливости, называться государством.

ЛЕЛИЙ.— Таково, действительно, мое мнение.

СЦИПИОН.— И ты совершенно прав. В самом деле, где же было «достояние» афинян тогда, когда после великой пелопоннесской войны этим городом совершенно беззаконно правили тридцать мужей?⁵⁵ Разве древняя слава городской общины, или прекрасный внешний вид города, или театр, гимнасии, портики, или прославленные Пропилеи, или крепость, или изумительные творения Фидия, или величественный Пирей⁵⁶ делали Афины государством?

ЛЕЛИЙ.— Никоим образом, так как все это не было «достоянием народа».

СЦИПИОН.— Ну, а когда в Риме децемвиры в течение третьего года правили без того, чтобы по их решениям была возможна провокация, когда сама свобода утратила свою законную защиту?⁵⁷

ЛЕЛИЙ.— «Достояния народа» не было; более того, народ постарался вернуть себе свое «достояние».

(XXXIII, 45) **СЦИПИОН**.— Перехожу теперь к третьему виду государства⁵⁸, при рассмотрении которого, пожалуй, возникнут затруднения. Когда народ, как говорят, вершит всем и в его власти находится все, когда толпа обрекает на казнь всякого, кого захочет, когда людей подвергают гонениям, когда грабят, захватывают, расточают все, что только захотят, то можешь ли ты, Лелий, и тогда отрицать, что это есть государство, раз все принадлежит народу, так как мы условились считать, что государство есть «достояние народа»?

ЛЕЛИЙ.— Ни одному государству не откажу я в этом названии с такой легкостью, как именно этому, в котором все целиком находится в полной власти толпы. Ибо, если мы признали, что государства не существовало ни

в Сиракузах, ни в Агригенте, ни в Афинах, когда там правили тиранны, ни здесь, когда у нас были децемвиры, то я не понимаю, почему понятие государства более применимо к владычеству толпы; ибо, во-первых, для меня народом является только такой, которого удерживает вместе согласие относительно прав⁵⁹, как ты, Сципион, превосходно определил, но такое собрание людей, о котором ты упомянул ранее, есть тиранн в такой же мере, как если бы им был один человек, и это даже еще более отвратительный тиранн, так как нет более свирепого зверя, чем тот, который подражает внешнему виду народа и принимает его имя⁶⁰. И совсем не правильно, чтобы — в то время как имущество помешанных людей, по законам, находится во власти их родичей, так как... [они не могут распоряжаться им, — неразумной толпе была дана возможность распоряжаться «достоинством народа».] [Лакуна]

(XXXIV, 46) СЦИПИОН.—...[так что об оптиматах] можно сказать то же, что было сказано о царской власти, — почему их правление есть государство и «достоинство народа».

МУММИЙ.— И даже с гораздо большим основанием; ведь царь более походит на владыку еще и потому, что он один; но ни одно государство не может быть счастливее такого, где власть возьмут в свои руки несколько честных мужей. Но я даже царскую власть предпочту правлению «свободного» народа; ибо именно этот третий вид и есть самое дурное государство.

(XXXV, 47) СЦИПИОН.— Знаю я, Спурий, что ты настроен против народного правления⁶¹. И хотя терпеть его легче, чем это обычно делаешь ты, я все же согласен с тем, что из трех видов государственного устройства этот вид наименее всего заслуживает одобрения. Но я не согласен с тобой в одном — что оптиматы лучше царя. Ведь если государством правит мудрость, то какая же разница, будет ли это мудрость одного или же нескольких человек? Но мы, рассуждая так, становимся жертвой некоторого заблуждения. Ведь когда их называют «оптиматами», то их власть кажется «наилучшей»⁶². Ну, можно ли представить себе что-либо лучшее, чем наилучшее? Но стоит нам только упомянуть о царе, как в нашем воображении тут же появляется царь несправедливый. Но теперь, когда мы рассматриваем вопрос о государстве с царем во главе, мы о несправедливом царе не говорим. Итак, подумай о Ромуле, или о Помпилии, или о царе Тулле; ты, пожалуй, не станешь порицать этот государственный строй.

(48) МУММИЙ.— Какую же хвалу согласен ты воздать народному правлению в государстве?

СЦИПИОН.— А как же, Спурий, родосцы, у которых мы недавно были вместе с тобой?⁶³ Разве у них, по-твоему, нет государства?

МУММИЙ.— По моему мнению, есть и никак не заслуживающее порицания.

СЦИПИОН.— Ты прав. Но, если помнишь, все люди, правившие там

совместно, были то из плебса, то из сенаторов, причем они чередовались: в одни месяцы они выполняли обязанности народа, в другие исправляли должность сенаторов. Но в обоих случаях они получали жалование, причем в театре и в курии⁶⁴ одни и те же люди разбирали и уголовные, и все остальные дела. [Сенат] обладал такой же властью и таким же влиянием, какими обладала толпа, ...[Лакуна]

Фрагменты из третьей книги

1. В некоторых людях имеется, так сказать, мятежное начало, которое либо возбуждается при наслаждениях, либо при трудностях подавляется (Ноний, 301, 5).

2. Но для того, чтобы они сами испытывали свою душу, видя, что им, по их мнению, предстоит сделать, ... (Ноний, 364, 7).

3. Пунийцы первые, торгашеством и с товарами, ввели в Грецию алчность, роскошь и ненасытные страсти (Ноний, 431, 11).

4. Пресловутый Сарданапалл, пороками своими гораздо более отвратительный, чем даже своим именем⁶⁵ (Схолии к сатирам Ювенала, X, 362).

5. Разве только кто-нибудь захочет, в виде памятника, заново изваять Афон⁶⁶. Ведь какой Афон или Олимп столь велики, чтобы... (Присциан, VI, 13, 70).

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

(I, 1) Так как о теле и о душе уже было упомянуто, то я все же попытаюсь, насколько я, в скудоумии своем, это вижу, разъяснить сущность и того, и другого. Я нахожу нужным взять на себя эту задачу более всего по той причине, что Марк Туллий, муж выдающегося ума, попытавшись сделать это в своей четвертой книге о государстве, ограничил обширный материал узкими пределами, слегка коснувшись его краев, а дабы его никак не извиняли в том, что он не проследил этого вопроса до конца, он сам заявил, что у него не было недостатка ни в доброй воле, ни в старании. Ибо он сам в своей первой книге о законах, мимоходом коснувшись этого вопроса и подведя итог, говорит следующее: Сципион, мне кажется, достаточно ясно изложил этот вопрос в тех книгах, которые вы прочитали (Лактанций, «De orificio Dei», I, 11—13).

...и сам ум — тот, что грядущее предвидит, прошедшее помнит, ... (Ноний, 500, 9).

...И в самом деле, если нет человека, который не предпочел бы смерть превращению в какое-либо животное, — даже если бы он при этом сохранил человеческий ум, — то насколько более жалок удел, сохраняя человеческий образ, быть в душе зверем! Мне лично это кажется уделом более жалким

настолько, насколько душа выше тела (Лактанций, «*Instit. div.*», V, 11, 2).

...он не думает, что имущество агнца и имущество Публия Африканского представляет собой одинаковую ценность (Августин, «Против Юлиана Пелага», IV, 12, 59).

...и это же тело, становясь на пути как препятствие, создает ночной мрак для счета дней и для отдыха от трудов (Ноний, 234, 14).

...И когда осенью земля раскроется, чтобы принять семена, зимой разрыхлится, чтобы их сохранить, а в летней зрелости одно размягчит, а другое высушит, ... (Ноний, 343, 20).

...когда они поручают скот пастухам... (Ноний, 156, 16).

(II, 2) **СЦИПИОН**.— ...влияние. Как разумно распределены сословия, возрасты, разряды, всадники, вместе с которыми подают голоса и сенаторы!¹ Впрочем, есть уже немало людей, неразумно желающих упразднения этого полезного порядка. Они добиваются новой раздачи денег на основании какого-то плебисцита насчет возврата коней².

(III, 3) Теперь оцените, сколь мудро предусмотрено все остальное; ведь имелось в виду общество граждан, которые должны были жить счастливо и в почете. Ибо в этом и заключается первое основание для объединения людей³, и оно должно создаваться в соответствии с государственным устройством, отчасти в силу обычаев, отчасти на основании законов. Прежде всего было решено, чтобы для свободно-рожденных воспитание детей не было ни строго определенным законами, ни установленным от имени государства, ни единым для всех, между тем как греки напрасно затратили на это много стараний: а наш гость Полибий⁴ именно за это упрекает наши установления в невнимании; ибо...

...существовал обычай назначать поступающим в войска телохранителей, дабы они руководили молодыми людьми в течение первого года их службы (Сервий, к «Энеиде», V, 546).

...не только в Спарте, где мальчиков учат похищать и воровать⁵... (Ноний, 20, 12).

...для юношей было позором, если у них не было любовников... (Сервий, к «Энеиде», X, 325).

(IV, 4) **СЦИПИОН**.— ...[запрещалось, чтобы] юноша обнажался⁶. Столь издалека проистекают, так сказать, основания стыдливости. Что касается упражнений юношества, то как неразумны они в гимнасиях! Как легка пресловутая военная служба эфэбов!⁷ Как вольны и свободны прикосновения и проявления любви! Не стану говорить об элейцах и фиванцах, у которых страсть даже пользуется дозволенной и ничем не стесняемой вольностью, если она обращена к свободно-рожденным⁸. Сами лакедемоняне в любви к юношам позволяют все, кроме бесчестия, и отгораживают то, что запрещают, лишь очень тонкой стенкой; ибо они допускают объятия и совместное спанье, если между людьми положены плащи.

ЛЕЛИЙ.— Я прекрасно понимаю, Сципион, что ты, когда речь идет об этих учениях греков, которые ты осуждаешь, предпочитаешь оспаривать постановления самых знаменитых государств, но только не спорить со своим дорогим Платоном, которого ты даже не упоминаешь,— тем более, что...

(V, 5) Слушатель Сократа, Платон, которого Тулий называет богом философов и который, один из всех, в своей философии более других приблизился к истине, все же, не зная бога, во многом допустил большие ошибки и заблуждался сильнее, чем кто-либо другой, и прежде всего в том, что потребовал в своих книгах о государстве, чтобы у всех все было общим. Что касается имущества, то это еще терпимо, хотя и не справедливо; ибо никому не должно ни повредить, если у него благодаря его усердию есть больше, ни послужить на пользу, если у него по его же вине меньше. Впрочем это, как я уже сказал, еще возможно как-то перенести. Но будут ли общими также и жены, также и дети? Тогда не будет никакого различия по крови, не будет ни определенного рода, ни семьи, ни родства, ни свойства; нет, все будет перемешано и неразлично, как в стадах скота. Мужчины будут лишены воздержности, женщины — целомудрия. Какая возможна и в тех, и в других супружеская любовь, когда в них нет определенного и особого расположения друг к другу? Кто станет чтить отца, не зная своего происхождения? Кто будет любить сына, которого считает чужим? Более того, Платон даже сохранил за женщинами доступ в курию, разрешил им военную службу, магистратуры и империй. Сколь несчастлив будет город, в котором женщины присвоят себе обязанности мужчин! (Лактанций, Эпитома, 33[38], 1—5).

...а наш Платон пошел еще дальше, чем Ликург; ведь он требует, чтобы все было общим достоянием, дабы ни один гражданин не мог назвать ни одной вещи своей собственностью или принадлежащей лично ему⁹ (Ноний, 362, 11).

...Да, и туда же, куда Платон высылает Гомера, украшенного венками и умащенного благовониями, из того города, который он создает себе в своем воображении¹⁰, я... (Ноний, 308, 38).

(VI, 6) ...Замечание цензора почти не наносит осужденному ущерба, кроме того, что заставляет его покраснеть. Поэтому, коль скоро все это решение касается только доброго имени, то наказание и называется «утратой доброго имени» (Ноний, 24, 5).

...государство, как говорят, впервые ужаснулось от их суровости (Ноний, 423, 4).

...и к женщинам не следует приставлять блюстителя, каковые обыкновенно назначаются у греков, но должен быть цензор, который мог бы обучать мужей обращению с женами (Ноний, 499, 13).

...Столь большую силу имеет воспитание скромности: все женщины обходятся без вина (Ноний, 5, 10).

...Также если у женщины была дурная слава, то родители не целовали ее (Ноний, 306. 3).

...Таким образом наглость [petulantia] получила свое название от слова «просить» [petere], навязчивость [procacitas] — от слова «попрошайничать» [procare], то есть «требовать» [poscere] (Ноний, 23, 17 и 21).

(VII, 7) Я не согласен с тем, чтобы один и тот же народ и повелевал всем миром, и собирал в нем пошлины. Но наилучшим источником дохода как в частных хозяйствах, так и в государстве я считаю бережливость (Ноний, 24, 15).

Сооружение театров, портиков и новых храмов я осуждаю с некоторой сдержанностью из уважения к Помпею¹¹, но этого не одобряют ученейшие мужи, как сам Панэтий, которому я в этих книгах во многом следую, хотя и не перевожу его, а также и Деметрий Фалерский, порицающий Перикла, первого человека Греции, за то, что он истратил много денег на великолепные Пропилеи. Впрочем, я тщательно рассмотрел весь этот вопрос в книгах о государстве, которые я написал (Цицерон, «Об обязанностях», II, 60).

...Верность [fides], мне кажется, получила свое название потому, что сказанное делается [fit] (Ноний, 24, 11).

...В гражданине высокого положения и в знаменитом человеке лъстивость, угодливость и честолюбие, по моему мнению, — признак ничтожности (Ноний, 194, 26).

Все те, которые стараются приобрести уважение людей, устраивая для них угощения и пирушки и тратя деньги, открыто дают понять, что лишены истинного блеска, придаваемого доблестью и достоинством (Помпей Трог).

Останови на короткое время свое внимание именно на книгах о государстве, из которых ты почерпнул свое чувство преданнейшего гражданина, так как для честных людей не существует меры или предела в их заботах об отечестве, останови свое внимание, заклинаю тебя, и посмотри, сколь великая хвала воздается в них бережливости, воздержности, а также и верности узам брака и чистым, добропорядочным и честным нравам (Августин, Послания, 91, 3).

(VIII, 8) Я восхищаюсь изысканностью, не только содержания, но и слов. «Если они ссорятся», — говорится там¹². Столкновения между благожелательно настроенными людьми (не тяжба между недругами) называются ссорой... Итак, закон считает, что соседи ссорятся между собой, а не ведут тяжбу (Ноний, 430, 29).

...такие же пределы существуют для человеческих забот и жизни; так, согласно понтификальному праву, неприкосновенность места погребения... (Ноний, 174, 7).

...и так как они оставили непогребенными тех, чьих тел они не смогли найти в море из-за сильной бури, то они, хотя и были невиновны, были казнены¹³ (Ноний, 293, 41).

...и в этом споре я встал на сторону не народа, а лучших людей... (Ноний, 519, 14).

...Ведь не легко противодействовать сильному народу, если держишь его в полном или в почти полном бесправии (Присциан, XV, 4, 20)..

...О, если бы я предсказал ему будущее правильно, надежно и обстоятельно! (Ноний, 469, 16).

(IX, 9) Всякий раз, как до них дойдут крики и одобрение народа, словно он, так сказать, великий и мудрый наставник, то какую напускают они темноту, какие опасения внушают они, какие страсти разжигают! ¹⁴ (Августин, «О государстве божьем», II, 14).

Цицерон говорит, что, проживи он даже две жизни, у него все же не нашлось бы времени прочитать лирических поэтов (Сенека, Письма, 49, 5).

(X, 10) **СЦИПИОН**.—...Так как они считали сценическое искусство и театр вообще позорящими человека, то они постановили, чтобы такие люди не только были лишены почета, подобающего другим гражданам, но даже подлежали исключению из трибы на основании порицания цензора ¹⁵ (Августин, «О государстве божьем», II, 13).

(11) **СЦИПИОН**.— Комедии, если бы обычаи повседневной жизни не терпели их, не могли бы заслужить одобрения зрителей своими позорными представлениями. [Лакуна] ...кого комедия не затронула, вернее, не терзала? Допустим, что она задела народных вожаков, негодяев, питавших мятежные намерения по отношению к государству,— Клеона, Клеофонта, Гипербола ¹⁶. Стерпим это, хотя было бы лучше, если бы порицание таким гражданам высказал цензор, а не поэт. Но оскорблять Перикла после того, как он уже в течение многих лет, пользуясь величайшим авторитетом, во времена мира и войны стоял во главе своего государства, и произносить эти стихи на сцене было не более пристойно, чем если бы наш Плавт или Невий захотели поносить Публия и Гнея Сципионов ¹⁷, а Цецилий ¹⁸ — Марка Катона. ... (12) Напротив, наши Двенадцать таблиц ¹⁹, назначив смертную казнь лишь за очень немногие преступления, признали нужным назначить ее также и в том случае, если кто-нибудь станет распевать или сложит песню, поносящую и позорящую другого человека. Превосходно; ибо наша жизнь должна подлежать суду магистратов и рассмотрению по закону, а не суду поэтов, и мы должны выслушивать хулу только при условии, что нам позволят отвечать и защищаться в суде. ...Древние римляне не соглашались на то, чтобы кого бы то ни было, при его жизни, на сцене восхваляли или порицали (Августин, «О государстве божьем», II, 9).

(XI, 13) По словам Цицерона, комедия — подражание жизни, зеркало привычек, отображение истины (Донат, 22, 19).

...Афинянин Эсхин ²⁰, красноречивейший муж, после того, как в молодости играл в трагедиях, стал заниматься государственной деятельностью, а Аристодема, опять-таки трагического актера, афиняне не раз отправляли

послом к Филиппу для переговоров о важнейших делах мира и войны (Августин, «О государстве божьем», II, 11).

(XII, 14) Радость, какова бы она ни была, не заслуживает порицания и сама по себе не составляет цели музыки, но это движение души возникает как сопутствующее явление; конечная же цель — помочь доблести. Этого не заметили многие и прежде всего тот, кто в сочинении римлянина Цицерона «О государстве» осуждает музыку. Ибо я не склонен утверждать, что подобные взгляды высказал сам Цицерон. И в самом деле, кто решился бы утверждать, что Цицерон принижает музыку и, как нечто дурное, порицает искусство, различающее достоинства и недостатки гармоний и ритмов, Цицерон, которого игра актера Росция, славившегося одними только ритмами и к тому же неблагородными и дурными, тогда изумляла до того, что он был склонен приписывать появление Росция среди людей промыслу богов²¹. И если кто-нибудь скажет, что мысли, высказанные Цицероном в его сочинении «О государстве», соответствуют его собственным взглядам, а его высказывания о Росции — тогдашним обстоятельствам, то и нам ничто не помешает придать этим же словам обратный смысл. Но, несмотря на это, скорее можно было бы втайне отвергнуть мнение оратора, насколько оно относится к рассматриваемому нами вопросу, а не поддерживать его. Ибо, когда дело идет о поисках истины или справедливого решения вопроса, то не достоин доверия тот, кто в своем ответе сообразуется с окружением или со своим предвзятым мнением, а не с действительным положением вещей. Но я полагаю, что никто не стал бы — из-за наличия подкупленных людей среди ораторов — порицать само ораторское искусство. Точно так же, если некоторые художники, желая угодить толпе, исполняют неблагородные произведения, то это не укор искусству. Но ведь отечество самого Цицерона еще во времена Нумы и несколько позднее, когда люди были дикими, как говорит сам Цицерон, воспитывало их при посредстве музыки, которая в частной жизни сопровождала их пиры, в общественной — все священнодействия (Аристид Квинтилиан, «О музыке», II, стр. 69 слл. Мейб.).

ТРЕТИЙ ДЕНЬ

КНИГА ПЯТАЯ

(I, 1) Итак, в ту пору римское государство уже не было даже таким, каким его описывает Саллюстий, — наихудшим и низко павшим, как он говорит; нет, государства вообще не существовало — если рассматривать его с точки зрения, которая была высказана в беседе о государстве, состоявшейся тогда между выдающимися людьми. Так заявляет и сам Туллий, не приводя ни слов Сципиона, ни чьих бы то ни было еще, но говоря своими собственными, в начале пятой книги, сперва напомнив стих поэта Энния, гласящий (Августин, «О государстве божьем», II, 21):

Древний уклад и мужи — вот римской державы опора¹.

Стих этот, ввиду его краткости и правдивости, поэт, мне кажется, изрек, как бы уподобясь оракулу: ибо ни эти мужи, если бы гражданам не был

присущ такой уклад, ни уклад, если бы мужи эти не стояли во главе гражданской общины, не смогли бы ни основать, ни так долго сохранять столь великое государство, могущество которого столь далеко и столь широко распространялось. Поэтому еще до наших времен сам дедовский уклад привлекал лучших мужей к деятельности, а выдающиеся мужи хранили древний уклад и заветы предков. (2) Наше же поколение, получив государство как превосходную картину, но уже потускневшую от времени, по небрежности своей не только не обновило ее теми же красками, какими она была написана, но даже не позаботилось о сохранении хотя бы ее общего вида и как бы очертаний. И в самом деле, что остается от древнего уклада, этой, по выражению поэта, опоры римской державы? Ведь он, как мы видим, предан такому полному забвению, что его теперь не только не чтут, но уже и не знают. А о мужах что могу я сказать? Ведь сам уклад утрачен нами вследствие отсутствия мужей, и в этом огромном зле мы должны не только отдать отчет, но как бы и ответить перед судом, словно мы обвиняемся в государственном преступлении. Ибо мы, вследствие своих собственных пороков, а не какой-нибудь случайности, государство сохраняем на словах, но в действительности уже давно его утратили (Августин, «О государстве божьем», II, 21).

В своем сочинении о государстве Туллий говорит, что правитель государства должен быть выдающимся и ученым мужем; при этом он должен быть и мудрым, и справедливым, и воздержным, и красноречивым, дабы ему было легко своей непринужденной речью проявлять скрытые качества своего духа и править плебсом. Он также должен быть сведущим в праве, знать сочинения греков, что подтверждается примером Катона, который, в глубокой старости обратившись к изучению сочинений греков, доказал, сколь велика их польза (M. Tulli Ciceronis de re publica librorum fragmenta. Rec. Fr. Osannus. Göttingae, 1847. P. 349, из рукописного комментария к Цицерону).

(II, 3) *МАНИЛИИ* (?).— [Лакуна.] ...[Ничто не было в такой мере] признаком царской власти, как проявление справедливости²; оно включало в себя истолкование права, так как частные люди обыкновенно искали правосудия у царей, и по этой причине устанавливались границы пахотной земли, лесов и обширных и тучных пастбищ, которые должны были быть царскими и обрабатываться без усилий и труда царей; таким образом, никакая забота о личных делах не должна была отвлекать их от дел народа. И ни один частный человек не был ни судьей, ни арбитром по тяжбе; все вершилось царским судом. И, по моему мнению, наш царь Нума строго придерживался этого древнего обычая царей Греции. Ведь наши другие цари, хотя исполняли также и эти обязанности, все же значительную часть своего времени тратили на ведение войн и занимались законами войны; между тем продолжительный мир при Нуме был для нашего города матерью права и религии. Ведь Нума также составлял законы³, которые,

как вы знаете, сохранились, а это свойственно именно такому гражданину, о каком мы говорим... [Лакуна].

(III, 4) ...но все же ему, как и заботливому хозяину, нужен опыт в обработке земли, в возведении построек, в расчетах (Ноний, 497, 23).

(5) **СЦИПИОН**.— Разве тебе не будет приятно знать толк в деревьях и семенах?

МАНИЛИЙ.— Отнюдь нет, если только будет надобность в этом.

СЦИПИОН.— Неужели ты полагаешь, что все это — дело одного только управителя усадьбой?

МАНИЛИЙ.— Вовсе нет, так как его забот было бы весьма часто недостаточно для обработки земли.

СЦИПИОН.— Следовательно, как управитель усадьбой знает свойства земли, а счетовод сведущ в ведении записей, но оба они отказываются от удовольствия, получаемого от наук, и обращаются к полезной деятельности, так этот наш правитель, конечно, постарается изучить право и законы, во всяком случае, узнать их источники; он не должен постоянно задерживаться на разрешении вопросов, чтении и записях и этим лишать себя возможности ведать делами государства и быть в нем, так сказать, управителем усадьбой, как человек, владеющий основами права, без знания которых никто не может быть справедливым; он также должен хорошо знать гражданское право, но обладать таким же опытом, каким в движении звезд обладает кормчий, а в естестве — врач; ведь и тот, и другой используют эти знания для своего искусства, но не в ущерб исполнению своих обязанностей. Но муж этот поймет, что... [Лакуна]

(IV, 6) **СЦИПИОН** (?).—...государства, в которых лучшие люди добиваются хвалы и почестей, а от позора и бесчестия бегут. И их действительно отпугивает от преступления не столько страх перед карой, определенной законами⁴, сколько чувство стыда, данное человеку природой и как бы заставляющее его бояться вполне справедливого порицания. Это чувство стыда правитель государства усиливает общепринятыми мнениями и доводит до полной силы установлениями и философскими учениями, — дабы совесть не в меньшей мере, чем страх, мешала гражданам совершать преступления. И все это приносит славу; это можно было изложить более обстоятельно и более подробно⁵.

(V, 7) Но для повседневной жизни законными браками, рождением законных детей, святостью мест пребывания богов-пенатов и домашних ларов⁶ создан определенный порядок⁷ — с тем, чтобы все могли пользоваться и всеобщими, и своими личными выгодами, чтобы нельзя было жить без государства, хорошо устроенного, и чтобы самым счастливым было хорошо устроенное государство. Поэтому мне обыкновенно кажется весьма странным, что может существовать такое великое философское учение, ... [Лакуна]

(VI, 8) ...Как благоприятное плавание для кормчего, здоровье для врача, победа для императора ⁸, так для этого правителя государства служит целью счастливая жизнь граждан — с тем, чтобы она была обеспеченной средствами, богатой благодаря изобилию, великой благодаря славе и почетной благодаря доблести. Я хочу, чтобы он был исполнителем этого величайшего и прекрасного человеческого труда (Цицерон, «Письма к Аттику», VIII, 11, 1).

...И где он, так как и ваши писания прославляют этого правителя отечества, который заботится о пользе народа больше, чем о его желаниях? (Августин, Послания, 104, 7).

(VII, 9) ...наши предки, движимые жаждой славы, совершили много изумительных и великих подвигов (Августин, «О государстве божьем», V, 13).

...первенствующий в государстве человек должен вскармливаться славой, и государство стоит прочно до тех пор, пока все оказывают почет первенствующему человеку (Petrus Pictaviensis, Epist. ad calumniat. Bibl.).

...тогда он доблестью, трудом, настойчивостью своей оберегал бы природжденные качества выдающегося мужа, если бы его неукротимый характер каким-то образом чересчур настойчиво его не... (Ноний, 233, 39).

...Эта доблесть называется храбростью; она заключает в себе величие духа, а к смерти и страданию глубокое презрение (Ноний, 201, 29).

(VIII, 10) Марцелл, как человек сильный духом и воинственный; Максим, как человек осмотрительный и медлительный, ... (Ноний, 337, 34).

...включенных во весь мир... (Харизий, I, 139, 17).

...так как он мог бы уделить вашим семьям кое-что из тягот своей старости (Ноний, 37, 26).

(IX, 11) ...как лакедемонянину Менелаю была присуща, так сказать, сладостная приятность речи ⁹; ...пусть он, произнося речь, стремится к краткости (Геллий, XII, 2, 6 сл.).

СЦИПИОН.— И так как в государстве самым неподкупным должно быть голосование, высказывание мнения ¹⁰, то я не понимаю, почему тот, кто все это купит за деньги, заслуживает кары, а тот, кто купит это своим красноречием, даже удостоивается похвалы. Я лично полагаю, что в подкупе судьи речью больше зла, чем в его подкупе платой, так как подкупить честного человека деньгами не может никто, а подкупить речью может (Аммиан Марцеллин, XXX, 4, 10).

...Когда Сципион сказал это, Муммий вполне согласился с ним, так как чувствовал ненависть к риторам (Ноний, 521, 2).

...тогда превосходные семена были бы брошены в землю в надежде на прекрасный урожай (Аноним, комментарии к «Георгикам» Вергилия).

КНИГА ШЕСТАЯ

(I, 1) ...Если бы мне не было внушено этих помыслов о триумфе, которые также и ты одобряешь, то ты, право, не долго искал бы того мужа, который изображен в шестой книге. И в самом деле, к чему мне хитрить с тобой, проглотившим эти книги? Более того, именно теперь не поколеблюсь я отказаться от столь великого дела, если это будет более правильно. Но и то, и другое одновременно невозможно: честолюбиво добиваться триумфа и сохранять свободу в государственных делах (Цицерон, «Письма к Аттику», VII, 3, 2).

...Итак, ты ожидаешь от этого правителя полного предвидения, которое даже это свое наименование получило от слова «предвидеть» (Ноний, 42, 3).

...Вот почему этот гражданин должен подготовиться, дабы всегда быть во всеоружии против всего того, что колеблет государственный строй (Ноний, 256, 27).

...И этот разлад между гражданами, когда они бредут врозь,— одни к одним, другие к другим,— называется распрей (Ноний, 25, 3).

...И право, при раздорах между гражданами, когда честные люди представляют собой большую ценность, чем толпа, граждан, полагаю я, следует оценивать по их весу, а не по их числу (Ноний, 519, 17).

...Ибо жестокие властительницы помышлений наших — страсти — повелевают нами и толкают нас на все, что угодно; и так как страсти эти не возможно ни удовлетворить, ни насытить, то тех, кого они воспламенили своими приманками, они побуждают к любому преступлению (Ноний, 424, 31).

...который сломил его силу и эту необузданную дикость (Ноний, 492, 1).

(II, 2) И это проявлялось тем сильнее еще и потому, что, хотя они как коллеги были в одинаковом положении, они не вызывали одинаковой ненависти к себе; более того, любовь к Гракху смягчала ненависть к Клавдию¹ (Геллий, VII, 16, 11; Ноний, 290, 15).

...кто в этих выражениях обещал свою помощь множеству оптиматов и первенствующих людей, тот утратил строгое и полное достоинства звучание своих речей и свое высокое положение (Ноний, 409, 31).

...чтобы, как он пишет, изо дня в день тысяча человек в одеждах, окрашенных пурпуром, спускалась на форум² (Ноний, 501, 27).

...у них, как вы помните, при стечении жалкой толпы, собравшейся за деньги, неожиданно были устроены похороны³ (Ноний, 517, 35).

...Ведь предки наши повелели, чтобы браки были прочны и нерушимы (Ноний, 512, 27).

...Речь Лелия, которая имеется у всех нас, о том, сколь по-сердцу бес-
смертным богам ковши понтификов и, как он пишет, самосские чаши с руч-
ками⁴... (Ноний, 398, 28).

(III, 3) В подражание Платону, Цицерон в своем сочинении о государстве также описывает нечто подобное воскресению памфилийца Эра, который, когда его положили на костер, будто бы ожил и поведал людям много тайн о подземном царстве⁵.

Цицерон изложил это, не прибегая к встречающемуся в сказках правдоподобию, но создал свой рассказ путем, так сказать, искусного изображения сложного сновидения, то есть как ученый пояснил, что

то, что говорят о бессмертии души и о небе, не вымысел философов-мечтателей, и не рассказы, не заслуживающие веры и высмеиваемые эпикурейцами, а догадки мудрецов (Favonius Eulogius, Comment. ad Somnium Scip., p. 1, 5 Hold.).

(IV, 4) Некоторые из нас, любящие Платона за его редкостное красноречие и правдивые высказывания, говорят, что он, подобно нам, сказал кое-что и о воскресении мертвых. Этого касается Туллий в своих книгах о государстве, утверждая, что Платон

скорее шутил, чем хотел сказать, что его утверждения истинны (Августин, «О государстве божьем», XXII, 28).

(VIII, 8) Ведь самогó Сципиона следующий случай побудил рассказать о своем сновидении, о котором он, по его собственному свидетельству, до того времени молчал: когда Лелий стал жаловаться на то, что Насике не было в общественных местах воздвигнуто статуй в награду за убийство тиранна. Сципион, между прочим сказал:

Хотя для мудрецов само сознание того, что они совершили выдающиеся деяния, есть высшая награда за доблесть, однако это: богами внушенная доблесть требует не статуй, скрепленных свинцом, не триумфов с сохнувшими лаврами, но наград, более долговечных и невянущих.

ЛЕЛИЙ.— Какие же это награды?

СЦИПИОН.— Позвольте мне, так как уже наступил третий день празднеств, ...

И далее он переходит к рассказу о своем сновидении и разъясняет, что более долговечные и невянущие награды — те, которые он видел сам, награды, сохраненные для доблестных правителей государств (Макробий, Комментарии к сновидению Сципиона, I, 4, 2).

(VI, 6) Сохраняя этот порядок, Туллий оказался не менее умен, чем одарен. После того, как он во все времена — и на досуге от дел, и во время своей государственной деятельности — в рассуждениях своих отдал пальму первенства справедливости, он поместил священные обители бессмертных душ и тайны небесных областей на вершине законного им творения, указав, куда следует прийти, вернее, возвратиться тем, кто правил государством, проявляя мудрость, справедливость, храбрость и воздержность. А выведенный Платоном разгласитель тайн, по имени Эр, по происхождению памфилиец, солдат по роду занятий, вследствие ранений, полученных им в сражении, казалось, испустил дух; через двенадцать дней, когда ему, вместе с другими солдатами, павшими вместе

с ним, собирались оказать почести, разведя последний костер, он внезапно (получил ли он жизнь снова или не терял ее) поведал людям обо всем том, что делал и видел в течение дней, прошедших между его обенми жизнями, словно сообщал об этом властям. Хотя Цицерон, конечно, зная сам, где правда, жалеет, что невежественные люди высмеяли этот рассказ, он все же, избегая этого примера, который, ввиду своей нелепости, мог бы вызвать порицание, предпочел разбудить рассказчика, а не возвращать его к жизни.

(VII, 7) Но прежде чем истолковать содержание сна, нам следует разобраться в том, о каких людях, будто бы высмеявших рассказ Платона, упоминает Туллий, вернее, со стороны каких людей он не боится такого же отношения к себе самому. Ведь он не хочет, чтобы под этими словами понимали неискреннюю чернь, но имеет в виду людей, не ведающих истины, хотя и хвастающих своей ученостью; ведь о них было известно, что они, хотя и прочитали такие произведения, но склонны их осуждать. Итак, скажем, кто, по его словам, проявил, так сказать, легкомыслие, высказав устное порицание столь великому философу, и кто из них даже оставил обвинение в письменном виде...

Вся клика эпикурейцев, в своем общем для них заблуждении всегда далекая от истины и всегда считающая заслуживающим осмеяния то, чего она не знает, высмеяла священный свиток и глубоко почитаемые тайны природы. Колот же, среди слушателей Эпикура пользовавшийся довольно дурной славой и более известный своей болтливостью, даже изложил в виде книги все то, что он со злобной колючестью обо всем этом высказал. Но прочее, что он несправедливо заклеял и что не относится к сновидению, о котором здесь идет речь, мы можем в этом месте пропустить. Мы обратимся к той клевете, которая, если не будет опровергнута, останется в силе по отношению и к Цицерону, и к Платону. По его словам, философу не подобало придумывать басню, так как людям, возведающим истину, не пристал никакой вид вымысла. Почему же,—говорит он,—если ты захотел сообщить нам сведения о небесных явлениях и о состоянии душ, ты не избрал пути простого и совершенного изображения, но выведенное тобой действующее лицо, придуманная тобой необычность события и составленная тобой вымышленная картина осквернили ложью уже самые двери, ведущие к истине? Так как этот рассказ, когда он касается Эра, о котором пишет Платон, не дает покоя также и нашему Публию Африканскому, видящему сон, ...то окажем сопротивление нападающему; он должен быть отвергнут как злостный обвинитель — с тем, чтобы, когда будет развеяна клевета на одного, деяние обоих этих людей, как это и должно быть, сохранило свое достоинство в неприкосновенности (Макробий, Комментарии к сновидению Сципиона, I, 1, 8—2, 5).

Сновидение Сципиона

(IX, 9) СЦИПИОН.—Когда я прибыл в Африку под начало консула Манья Манилия⁶, в четвертый легион, как вы знаете, в качестве военного трибуна⁷, ничего я так не хотел, как встретиться с царем Масиниссой⁸, который с полным на то основанием был лучшим другом нашей ветви рода.

Как только я к нему явился, старец, обняв меня, прослезился; затем он обратил свой взор к небу и сказал: «Благодарю тебя, Высокое Солнце³, и вас, другие небожители, за то, что мне, прежде чем я уйду из этой жизни, дано увидеть в своем царстве и под этим кровом Публия Корнелия Сципиона, чье одно уже имя возвращает мне силы. Ведь в моей душе всегда живы воспоминания о том наилучшем и совершенно непобедимом муже»¹⁰. Затем я спросил его о его царстве, а он меня — о наших государственных делах, и весь этот день прошел у нас в оживленной беседе.

(X, 10) После этого, когда я был принят с царской пышностью, мы продолжили беседу до глубокой ночи, причем старец говорил только о Публии Африканском и, как казалось, помнил все его не только деяния, но и высказывания. Потом, едва мы расстались и легли спать, я, и утомленный дорогой, и бодрствовавший до глубокой ночи, заснул более глубоким сном, чем обычно. В нем мне — думаю, в связи с тем, о чем мы беседовали¹¹ (ведь вообще бывает, что наши помышления и разговоры порождают во сне нечто такое, о чем Энний пишет относительно Гомера¹², о котором он, по-видимому, часто размышлял и говорил наяву) — явился Публий Африканский в том виде, в каком он, по своему восковому изображению, мне знаком больше, чем по его живому облику¹³. Как только я узнал его, я содрогнулся, но он молвил: «Будь тверд, Сципион¹⁴, и отбрось страх, а то, что я тебе скажу, передай потомкам.

(XI, 11) Видишь ли ты вон тот город, который, хотя я и заставил его покориться римскому народу, снова вступает на путь войн и не может оставаться мирным?»¹⁵ При этом он с какого-то высоко находящегося и полног звезд, светлого и издалека видного места¹⁶ указал мне на Карфаген. «Осаждать этот город ты теперь явился сюда чуть ли не как простой солдат¹⁷. Ты как консул разрушишь его через два года, и у тебя будет тобой самим заслуженное прозвание, которое ты пока еще носишь как унаследованное от меня¹⁸. А после того, как ты разрушишь Карфаген, справишь триумф¹⁹, будешь цензором, как посол отправишься в Египет, в Сирию, в Азию, в Грецию, ты будешь вторично избран в консулы заочно²⁰, завершишь величайшую войну и разрушишь Нуманцию²¹. Но когда ты на колеснице въедешь на Капитолий, ты застанешь государство потрясенным замыслами моего внука²².

(XII, 12) Здесь именно ты, Публий Африканский, должен будешь явить отечеству свет своего мужества, ума и мудрости. Но я вижу как бы двойной путь, определенный роком на это время²³. Ибо, когда твой возраст совершит восемь семь оборотов и возвращений солнца²⁴, а эти два числа, из которых одно по одной, другое по другой причине считается полным²⁵, в своем естественном обороте завершат число лет, назначенное тебе роком, то к тебе одному и к твоему имени обратятся все граждане, на тебя будет смотреть сенат, на тебя — все честные люди, на тебя — союзники, на

тебя — латиняне²⁶; ты будешь единственным человеком, от которого будет зависеть благополучие государства, и — буду краток — ты должен будешь как диктатор установить в государстве порядок, если только тебе удастся спастись от нечестивых рук своих близких²⁷».

Тут у Лелия вырвался взглас, а остальные глубоко вздохнули, на что Сципион заметил с ласковой улыбкой: «Пожалуйста, соблюдайте тишину, а то вы меня разбудите. Немного внимания, дослушайте до конца».

(XIII, 13) «Но знай, Публий Африканский, дабы тем решительнее защищать дело государства: всем тем, кто сохранил отечество, помог ему, расширил его пределы²⁸, назначено определенное место на небе, чтобы они жили там вечно, испытывая блаженство. Ибо ничто так не угодно высшему божеству, правящему всем миром, — во всяком случае, всем происходящим на земле, — как собрания и объединения людей, связанные правом и называемые государствами²⁹; их правители и охранители, отсюда отправившись³⁰, сюда же и возвращаются».

(XIV, 14) Здесь я, хотя и был охвачен ужасом — не столько перед смертью, сколько перед кознями родных, все же спросил, живы ли он сам, отец мой Павел и другие, которых мы считаем умершими. «Разумеется, — сказал он, — они живы; ведь они освободились от оков своего тела, словно это была тюрьма, а ваша жизнь, как ее называют, есть смерть³¹. Почему ты не взглянешь на отца своего Павла, который приближается к тебе?» Как только я увидел его, я залился слезами, но он, обняв и целуя меня, не давал мне плакать.

(XV, 15) Когда я, сдержав лившиеся слезы, снова смог говорить, я спросил его: «Скажи мне, отец, хранимый богами и лучший из всех: так как именно это есть жизнь, как я узнал от Публия Африканского, то почему же я и долее нахожусь на земле? Почему мне не поспешить сюда к вам?» — «О, нет, — ответил он, — только в том случае, если божество, которому принадлежит весь этот вот храм³², что ты видишь, освободит тебя из этой тюрьмы, твоего тела, для тебя может быть открыт доступ сюда³³. Ведь люди рождены для того, чтобы не покидать вон того называемого Землей шара, который ты видишь посреди этого храма³⁴, и им дана душа из тех вечных огней, которые вы называете светилами и звездами; огни эти, шаровидные и круглые, наделенные душами и божественным умом³⁵, совершают с изумительной скоростью свои обороты и описывают круги. Поэтому и ты, Публий, и все люди, верные своему долгу, должны держать душу в тюрьме своего тела, и вам — без дозволения того, кто вам эту душу дал, — уйти из человеческой жизни нельзя, дабы не уклониться от обязанности человека, возложенной на вас божеством³⁶. (XVI, 16) Но, подобно присутствующему здесь деду твоему, Сципион, подобно мне, породившему тебя, блюди и ты справедливость и исполни свой долг, а этот долг, великий по отношению к родителям и близким, по отношению к отечеству величай-

ший³⁷. Такая жизнь — путь на небо и к сонму людей, которые уже закончили свою жизнь и, освободившись от своего тела, обитают в том месте, которое ты видишь (это был круг с ярчайшим блеском, светивший среди звезд) и которое вы, следуя примеру греков, называете Млечным кругом».

Когда я с того места, где я находился, созерцал все это, то и другое показалось мне прекрасным и изумительным. Звезды были такие, каких мы отсюда³⁸ никогда не видели, и все они были такой величины, какой мы у них никогда и не предполагали; наименьшей из них была та, которая, будучи наиболее удалена от неба и находясь ближе всех к земле, светила чужим светом³⁹. Звездные шары величиной своей намного превосходили Землю. Сама же Земля показалась мне столь малой, что мне стало обидно за нашу державу, которая занимает как бы точку на ее поверхности.

(XVII, 17) В то время как я продолжал пристально смотреть на Землю, Публий Африканский сказал: «Доколе же помыслы твои будут обращены вниз, к Земле? Неужели ты не видишь, в какие храмы ты пришел? Все связано девятью кругами, вернее, шарами, один из которых — небесный внешний; он объемлет все остальные⁴⁰; это — самое высшее божество, удерживающее и заключающее в себе остальные шары. В нем укреплены вращающиеся круги, вечные пути звезд; под ним расположены семь кругов, вращающиеся вспять, в направлении, противоположном вращению неба⁴¹; одним из этих кругов владеет звезда, которую на Земле называют Сатурновой. Далее следует светило, приносящее человеку счастье и благополучие; его называют Юпитером. Затем — красное светило, наводящее на Землю ужас⁴²; его вы зовете Марсом. Далее внизу, можно сказать, среднюю область занимает Солнце, вождь, глава и правитель остальных светил, разум и мерило вселенной; оно столь велико, что светом своим освещает и заполняет все. За Солнцем следуют как спутники по одному пути Венера, по другому Меркурий, а по низшему кругу обращается Луна, зажженная лучами Солнца. Но ниже уже нет ничего, кроме смертного и тленного, за исключением душ, милостью богов данных человеческому роду; выше Луны все вечно. Ибо девятое светило, находящееся в середине, — Земля — недвижимо и находится ниже всех прочих, и все весомое несется к ней в силу своей тяжести»⁴³.

(XVIII, 18) С изумлением глядя на все это, я, едва придя в себя, спросил: «А что это за звук, такой громкий и такой приятный, который наполняет мои уши?»⁴⁴ — «Звук этот, — сказал он, — разделенный промежутками неравными, но все же разумно расположенными в определенных соотношениях, возникает от стремительного движения самих кругов и, смешивая высокое с низким, создает различные уравновешенные созвучия. Ведь в безмолвии такие движения возбуждаться не могут, и природа делает так, что все, находящееся в крайних точках⁴⁵, дает на одной стороне низкие, на другой высокие звуки. По этой причине вон тот наивысший небесный круг, не-

суший на себе звезды и вращающийся более быстро, движется, издавая высокий и резкий звук; с самым низким звуком движется этот вот лунный и низший круг; ведь Земля, девятая по счету, всегда находится в одном и том же месте, держась посреди мира. Но восемь путей, два из которых обладают одинаковой силой⁴⁶, издают семь звуков, разделенных промежутками, каковое число, можно сказать, есть узел всех вещей. Воспроизведя это на струнах и посредством пения, ученые люди открыли себе путь для возвращения в это место — подобно другим людям, которые, благодаря своему выдающемуся дарованию, в земной жизни посвятили себя наукам, внушенным богами⁴⁷. (19) Люди, чьи уши наполнены этими звуками, оглохли. Ведь у нас нет чувства, более слабого, чем слух. И вот там, где Нил низвергается с высочайших гор к так называемым Катадупам⁴⁸, народ, живущий вблизи этого места, ввиду громкости возникающего там звука лишен слуха. Но звук, о котором говорилось выше, производимый необычайно быстрым круговращением всего мира, столь силен, что человеческое ухо не может его воспринять, — подобно тому, как вы не можете смотреть прямо на Солнце, когда острота вашего зрения побеждается его лучами».

(XIX, 20) Изумляясь всему этому, я все же то и дело переводил взор на Землю. Тогда Публий Африканский сказал: «Я вижу, ты даже и теперь созерцаешь обитель и жилище людей. Если жилище это кажется тебе малым, каково оно и в действительности, то на эти небесные края всегда смотри, а те земные презирай. В самом деле, какой известности можешь ты достигнуть благодаря людской молве, вернее, какой славы, достойной того, чтобы ее стоило добиваться? Ты видишь — на Земле люди живут на редко расположенных и тесных участках, и в эти, так сказать, пятна, где они живут, вкраплены обширные пустыни, причем люди, населяющие Землю, не только разделены настолько, что совершенно не могут общаться друг с другом, но и находятся одни в косом, другие в поперечном положении по отношению к вам, а третьи даже с противоположной стороны⁴⁹. Ожидать от них славы, вы конечно, не можете.

(XX, 21) Но ты видишь, что эта же Земля охвачена и окружена как бы поясами⁵⁰, два из которых, наиболее удаленные один от другого и с обеих сторон упирающиеся в вершины неба, скованы льдами; средний же и наибольший пояс высушивается жаром Солнца. Два пояса обитаемы; из них южный, жители которого, ступая, обращены к вам подошвами ног, не имеет отношения к вашему народу; что касается другого пояса, обращенного к северу, то смотри, какой узкой полосой он соприкасается с вами. Ведь вся та земля, которую вы населяете, суженная с севера на юг и более широкая в стороны, есть, так сказать, небольшой остров, омываемый морем, которое вы на Земле называете Атлантическим, Большим морем, Океаном; но как он, при своем столь значительном имени, все же мал, ты видишь. (22) Разве слава твоя или слава, принадлежащая кому-либо из нас, могла из этих

населенных и известных людям земель либо перелететь через этот вот Кавказ, который ты видишь, либо переплыть через вон тот Ганг⁵¹? Кто в остальных странах восходящего или заходящего солнца или в странах севера и юга услышит твое имя? Если отсечь их, то сколь тесны, как ты, конечно, видишь, будут пределы, в которых ваша слава сможет распространяться! А что касается даже тех, кто о нас говорит теперь, то сколько времени они еще будут говорить?

(XXI, 23) Но что я говорю! Если отдаленные поколения пожелают передать своим потомкам славу, полученную каждым из нас от отцов, то все-таки, вследствие потопов и сгорания земли⁵² (а это неминуемо происходит в определенное время⁵³), мы не можем достигнуть, не говорю уже — вечной, нет — даже продолжительной славы. Какое имеет значение, если те, кто родится впоследствии, будут о тебе говорить, когда о тебе ничего не сказали те, кто родился в твое время? (XXII, 24) А ведь они были и не менее многочисленными и, конечно, лучшими мужами — тем более, что ни один из тех самых мужей, которые могли услышать наше имя, не смог добиться памяти о себе хотя бы в течение года. Ведь люди обыкновенно измеряют год по возвращению одного только Солнца, то есть одного светила; но в действительности только тогда, когда все светила возвратятся в то место, откуда они некогда вышли в путь, и по истечении большого промежутка времени принесут с собой тот же распорядок на всем небе, только тогда это можно будет по справедливости назвать сменой года⁵⁴. Сколько поколений людей приходится на такой год, я не решаюсь и говорить. Ведь Солнце некогда, как показалось людям, померкло и погасло, когда душа Ромула переселилась именно в эти храмы⁵⁵; когда оно вторично померкнет с той же стороны и в то же самое время, вот тогда и следует считать, что, по возвращении всех созвездий и светил в их исходное положение, истек год. Но — знай это — еще не прошло даже и двадцатой части этого года.

(XXIII, 25) Поэтому, если ты утратишь надежду возвратиться в это место, где все предназначено для великих и выдающихся мужей, то какую же ценность представляет собой ваша человеческая слава, которая едва может сохраниться на протяжении ничтожной части одного года? Итак, если ты захочешь смотреть ввысь и обозревать эти обители и вечное жилище, то не прислушивайся к толкам черни и не связывай осуществления своих надежд с наградами, получаемыми от людей; сама доблесть, достоинствами своими, должна тебя увлекать на путь истинной славы; что говорят о тебе другие, о том пусть думают они сами; говорить они во всяком случае будут.

Однако все их толки ограничены тесными пределами тех стран, которые ты видишь, и никогда не бывают долговечными, к кому бы они ни относились; они оказываются похороненными со смертью людей, а от забвения потомками гаснут».

(XXIV, 26) После того, как он произнес эти слова, я сказал: «Да, Публий Африканский, раз для людей с заслугами перед отечеством как бы открыга тропа для доступа на небо, то — хотя я, с детства пойдя по стопам отца и твоим, не изменял вашей славе — теперь, когда меня ждет столь великая награда, я буду еще более неусыпен в своих стремлениях».

Он ответил: «Да, дерзай и запомни: не ты смертен, а твое тело⁵⁶. Ибо ты не то, что передает твой образ; нет, разум каждого — эти и есть человек, а не тот внешний вид его, на который возможно указать пальцем. Знай же, ты — бог⁵⁷, коль скоро бог — тот, кто живет, кто чувствует, кто помнит, кто предвидит, кто повелевает, управляет и движет телом, которое ему дано, так же, как этим вот миром движет высшее божество. И подобно тому, как миром, в некотором смысле смертным, движет самó высшее божество, так бrenным телом движет извечный дух.

(XXV, 27) Ибо то, что всегда движется, вечно⁵⁸; но то, что сообщает движение другому, а само получает толчок откуда-нибудь, неминуемо перестает жить, когда перестает двигаться. Только одно то, что само движет себя, никогда не перестает двигаться, так как никогда не изменяет себе; более того, даже для прочих тел, которые движутся, оно — источник, оно — первоначало движения. Но само первоначало ни из чего не возникает; ведь из первоначала возникает все, но само оно не может возникнуть ни из чего другого; ибо не было бы началом то, что было бы порождено чем-либо другим. И если оно никогда не возникает, то оно и никогда не исчезает. Ведь с уничтожением начала оно и само не возродится из другого, и из себя не создаст никакого другого начала, если только необходимо, чтобы все возникло из начала. Таким образом, движение начинается из того, что движется само собой, а это не может ни рождаться, ни умирать. В противном случае неминуемо погибнет все небо, и остановится вся природа, и они уже больше не обретут силы, которая с самого начала дала бы им толчок к движению.

(XXVI, 28) Итак, коль скоро явствует, что вечно лишь то, что движется само собой, то кто станет отрицать, что такие свойства дарованы духу? Ведь духа лишено все то, что приводится в движение толчком извне: но то, что обладает духом, возбуждается движением внутренним и своим собственным; ибо такова собственная природа и сила духа. Если она — единственная из всех, которая сама себя движет, то она, конечно, не порождена, а вечна. (29) Упражняй ее в наилучших делах! Самые благородные помышления — о благе отечества; ими побуждаемый и ими испытанный дух быстрее перенесется в эту обитель и в свое жилище. И он совершит это быстрее, если он еще тогда, когда будет заключен в теле, вырвется наружу и, созерцая все находящееся вне его, возможно больше отделится от тела⁵⁹. Ибо дух тех, кто предавался чувственным наслаждениям, предоставил себя в их распоряжение как бы в качестве слуги и, по побуждению страстей, по-

винующихся наслаждению, оскорбил права богов и людей, носится, выйдя из их тел, вокруг самой Земли⁶⁰ и возвращается в это место только после блужданий в течение многих веков»⁶¹.

Он удалился, а я пробудился от сна.

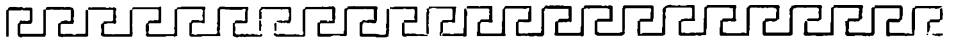
ФРАГМЕНТЫ ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ КНИГ

1. Если кому дано в небожителей веси подняться,
На небо мне одному вход широчайший открыт⁶².

..это верно, Публий Африканский! Ведь также и для Геркулеса этот же вход оказался открытым (Лактанций, «*Instit. div.*», I, 18, 11).

2. Для Фанния трудная задача — хвалить мальчика; ведь хвалить приходится не уже совершенное, а еще ожидаемое (Сервий, Комментарии к «Энеиде», VI, 875).

3. ...так как его реплика отвлекла нас от самой цели, ... (Сенека, Письма, 108, 32).

О ЗАКОНАХ

КНИГА ПЕРВАЯ

(1, 1) *АТТИК*.— Вон ту рошу и этот вот арпинский дуб я узнаю; о роше я не раз читал в «Марии»¹; если знаменитый дуб сохранился, то это он и есть; ведь он очень стар.

КВИНТ.— Да, дорогой Аттик, он сохранился и навсегда сохранится; ведь он был посажен воображением поэта. Ибо ни одному земледельцу, стараниями своими, не посадить дерева на такое долгое время, на какое это возможно сделать стихом.

АТТИК.— Каким же образом, Квинт? Вернее, что именно сеют поэты? Мне кажется, ты, хваля брата, за себя подаешь голос².

(2) *КВИНТ*.— Пожалуй, это верно; но все же, пока латинские письмена будут говорить, на этом месте всегда будет расти дуб, называемый «Мариевым», и, как говорит Сцевола в «Марии», написанном моим братом,

Много, много веков дуб сохранится сейдой³,—

конечно, если твои любимые Афины в своей крепости могли навеки сохранить оливу⁴, если на Делосе нам еще и теперь показывают ту же высокую и стройную пальму, которую гомеровский Улисс видел там своими глазами, как он говорит⁵, и если многое другое, что мы видим во многих местах, благодаря преданию существует дольше, чем это возможно по законам природы. Итак, пусть теперь это и будет тот знаменитый, приносящий желуди дуб, с которого некогда слетел

Бурный, дивный на вид, Юпитером посланный вестник⁶.

Но когда непогода и время уничтожат его, в этой местности все же останется дуб, который будут называть «Мариевым».

(3) *АТТИК*.— В этом я и не сомневаюсь, но спрашиваю уже не тебя, Квинт, а самого поэта: твои ли стихи посадили этот дуб или же ты, следуя преданию, только описал то, что произошло с Марием?

МАРК.— Конечно, я отвечу тебе, Аттик, но не раньше, чем ты сам ответишь мне. Правда ли, что Ромул, после своей кончины, бродя недалеко от места, где теперь стоит твой дом, сказал Прокулу Юлию⁷, что он бог.

и повелел называть его Квирином и воздвигнуть ему храм на этом месте? И верно ли, что в Афинах, опять-таки недалеко от твоего прежнего дома, Аквилон похитил Орифию? ⁸ Так ведь гласит предание.

(4) *АТТИК*.— К чему ты клонишь, вернее, зачем об этом спрашиваешь?

МАРК.— С единственной целью — чтобы ты не расспрашивал чересчур настойчиво о том, что до нас дошло благодаря преданиям.

АТТИК.— Но ведь в «Марии» многое вызывает вопрос, вымышлено ли оно или действительно произошло, а некоторые люди — так как это относится к недавнему прошлому и к уроженцу Арпина — хотят узнать правду именно от тебя.

МАРК.— Да и я, клянусь Геркулесом, не хочу прослыть лжецом. Однако кое-кто, мой дорогой Тит, поступает неразумно; это те, кто в том вопросе требует истины от меня не как от поэта, а как от свидетеля, и я не сомневаюсь, что эти же люди верят в то, что Нума беседовал с Эгерией ⁹, а орел надел на Тарквиния головной убор фламينا ¹⁰.

(5) *КВИНТ*.— Как я вижу, брат мой, по твоему мнению, в историческом повествовании следует соблюдать одни законы, в поэзии — другие.

МАРК.— Разумеется, Квинт! Ведь в первом все направлено на то, чтобы сообщить правду, во второй большая часть — на то, чтобы доставить людям удовольствие. Впрочем, и Геродот, отец истории, и Феопомп ¹¹ приводят бесчисленное множество сказаний.

(11) *АТТИК*.— Вот случай, какого я желал; не упущу его.

МАРК.— Какой случай, Тит?

АТТИК.— Тебя уже давно просят, вернее, от тебя требуют исторического повествования; ведь люди думают, что, если таким повествованием займешься ты, то мы также и в этом отношении несколько не уступим Греции. А дабы ты знал мое личное мнение, я скажу, что это твой долг не только перед теми, кто занимается литературой и получает удовольствие от этого, но также и перед отечеством, чтобы оно, спасенное тобой ¹², тобой же было и возвеличено. Ведь в нашей литературе нет исторических повествований, как я и сам знаю, и от тебя весьма часто слышал. Ты же, конечно, можешь преуспеть в этом, так как (и ты сам склонен так думать) это труд, более всех других подходящий для оратора ¹³.

(6) Поэтому приступи, пожалуйста, к делу и выбери время для такого сочинения о событиях, донныне либо неизвестных нашим соотечественникам, либо оставленных ими без внимания. Ибо, если — после летописей верховных понтификов ¹⁴, самых приятных книг, какие только могут быть, — обратиться к Фабию ¹⁵, или к тому человеку, о котором ты всегда упоминаешь, — к Катону ¹⁶, или к Писону ¹⁷, или к Фаннию ¹⁸, или к Веннонию ¹⁹ (хотя среди них один отличается большей, другой — меньшей силой изложения), то кто может быть скучнее всех этих людей? Правда, Целий Антипатр ²⁰, современник Фанния, писал немного живее; именно он, хотя и от-

личался грубой силой и необработанным языком и был лишен блеска и искусства, все же мог подвинуть остальных на то, чтобы они писали тщательнее. Но вот ему на смену пришли Геллий²¹, Клодий и Аселлион²²; у них нет ничего общего с Целием, скорее есть нечто общее с бесцветностью изложения и неловкостью писателей старшего поколения. (7) Ибо зачем мне упоминать о Макре?²³ Он, при своей многоречивости, правда, отличается некоторым остроумием, но все же заимствует его не из ученого изобилия греков, а у жалких латинских переписчиков. Но его друг Сисенна²⁴, вводя в речах многое, вполне подходящее для латинского языка, несомненно, превзошел всех писателей, живших до нашего времени,— за исключением, пожалуй, тех, которые еще ничего не выпустили в свет; судить о них мы не можем²⁵. Однако в вашем кругу Сисенну никогда не считали оратором, и историю свою он излагал как-то по-ребячески, так что он, из всех греческих писателей читавший, по-видимому, одного лишь Клитарха²⁶, а кроме него не читавший никого, одному ему и хочет подражать; однако, если бы он и смог с ним сравняться, ему все же было бы далеко до совершенства. Итак, вот твоя задача; она возложена на тебя,— конечно если Квинт не другого мнения.

(III, 8) **КВИНТ**.— Отнюдь нет, и мы уже не раз об этом говорили, но между нами существует небольшое разногласие.

АТТИК.— Какое же?

КВИНТ.— Насчет времени, с какого следует начать изложение. По моему мнению — с самых отдаленных времен, потому что они описаны так, что этого даже и прочесть нельзя; но Марк предпочитает рассказ о современных ему событиях, дабы иметь возможность охватить те из них, в каких он участвовал сам.

АТТИК.— Я лично готов согласиться скорее с ним. Ведь важнейшие события произошли на нашей памяти и в наш век, более того, он таким образом прославил заслуги дражайшего Гнея Помпея²⁷ и коснется также и славного и достопамятного своего года²⁸. Предпочитаю, чтобы он говорил именно о нем, а не, как говорится, о Реме и Ромуле.

МАРК.— Я хорошо понимаю, Аттик, что от меня уже давно требуют такого труда. Я не стал бы отказываться от него, если бы мне предоставили для него хотя бы немного вполне свободного времени. Ведь за столь большой труд нельзя браться, когда ты поглощен делами и твое внимание отвлечено. Для такой работы необходимы два условия: быть свободным и от забот, и от государственных дел.

(9) **АТТИК**.— Скажи, а какой досуг был предоставлен тебе для работы над другими сочинениями, которых ты написал больше, чем любой из нас?²⁹

МАРК.— У меня кое-когда бывает свободное время, терять которое без пользы я себе не позволяю. Таким образом, если выдадутся свободные дни,

когда я могу пожить в деревне, то я, в зависимости от их числа, и занимаюсь своими сочинениями. Что же касается истории, то к ней можно приступить, только обеспечив себе досуг, и ее нельзя закончить в короткое время, да и я обыкновенно всякий раз, когда к чему-либо приступаю, не нахожу себе покоя, если бываю вынужден заняться другим делом, и разорванную ткань сплести вновь мне бывает труднее, чем закончить начатую.

(10) *АТТИК*.— Твои слова, бесспорно, свидетельствуют о том, что тебе нужно легатство³⁰ или какой-нибудь подобный ему перерыв в занятиях, обеспечивающий свободу и досуг.

МАРК.— Что касается меня, то я скорее рассчитывал на то освобождение от занятий, на какое имеешь право по возрасту,— тем более, что я, следуя заветам отцов, не склонен отказываться от того, чтобы, сидя в своем кресле, давать советы по вопросам права и нести лестные и почетные обязанности весьма деятельной старости³¹. Ведь таким образом я мог бы и к тому делу, которого ты ждешь от меня, и ко многим другим делам, еще более благодарным и важным, прилагать столько труда, сколько захочу.

(IV, 11) *АТТИК*.— Но твоих соображений, пожалуй, никто не знает, и тебе следует всегда говорить о них — тем более, что ты переменялся сам и усвоил себе другой вид красноречия, так что — подобно тому, как твой близкий друг Росций в старости стал петь стихи более тихо и даже замедляя сопровождение флейт³², — так и ты изо дня в день несколько умеряешь пыл своих выступлений, в прошлом обычно весьма резких, и речь твоя уже мало чем отличается от спокойных рассуждений философов. Так как даже глубокая старость, по-видимому, может сохранить такой вид красноречия, то я не думаю, чтобы тебя можно было освободить от ведения дел в суде.

(12) *КВИНТ*.— А я, клянусь Геркулесом, полагал, что наши сограждане одобрили бы тебя, если бы ты занялся истолкованием права. Поэтому тебе, я думаю, когда ты найдешь нужным, следует испытать себя в нем.

МАРК.— Да, Квинт, в такой попытке, конечно, не было бы никакой опасности. Но я боюсь, как бы я, желая уменьшить свой труд, не увеличил его, и как бы к этому ведению дел в суде, к которому я никогда не приступаю без подготовки и размышлений³³, не прибавилось толкование права³⁴, обременительное для меня не столько из-за труда, какого оно требует, сколько потому, что оно лишает меня возможности обдумывать свои речи, а без этого я ни разу не решался приступить ни к одному сколько-нибудь важному судебному делу.

(13) *АТТИК*.— Почему же ты не разъяснишь нам именно этого вопроса в это, как ты говоришь, выпавшее тебе свободное время и не напишешь о гражданском праве более подробно, чем писали другие? Ведь ты, помнится мне, с ранней молодости усердно изучал право, когда также и я посещал Сцеволу³⁵, и ты, казалось мне, никогда не отдавался ораторскому искусству настолько, чтобы на гражданское право смотреть свысока.

МАРК.— Ты вызываешь меня на длинное рассуждение, Атик! Все же — если Квинт не предпочитает, чтобы мы занялись чем-либо другим, — я приступлю к нему, и так как мы свободны от занятий, выскажусь.

КВИНТ.— Да, я охотно послушаю. И действительно, какое занятие мог бы я предпочесть этому, вернее, разве я мог бы провести этот день лучше?

(14) *МАРК.*— Почему бы нам, в таком случае, не направиться в места наших прогулок и нашего обычного пребывания? Побродив достаточно, мы там отдохнем и для нас, конечно, будет большим удовольствием задавать вопросы друг другу.

АТТИК.— Да, и если хотите, — сюда, к реке Лирис, по ее тенистому берегу. Но начни пожалуйста, уже сейчас излагать нам свои взгляды на гражданское право.

МАРК.— Мои взгляды? В нашем государстве, мне думается, были выдающиеся мужи, имевшие обыкновение разъяснять это право народу и давать ему советы; но они, объявив о важных делах, занимались мелочами. И в самом деле, что столь важно, как законы государства? И в то же время что столь незначительно, как задача людей, к которым обращаются за советом? Впрочем, их деятельность [народу] необходима, и я, право, не думаю, чтобы люди, взявшие на себя эту обязанность, не были сведущими и в общих вопросах права; но этим, так называемым гражданским правом они занимались только в такой мере, в какой хотели быть полезными народу³⁶. Ведь право, когда с ним знакомишься, кажется незначительным, а в жизни оно, напротив, необходимо. Итак, к чему ты призываешь меня, вернее, что мне советуешь? Книжечки составлять насчет падения капель дождя и общих стен?³⁷ Или же сочинять формулы стипуляций и судебных решений?³⁸ Все это уже тщательно написано многими людьми³⁹ и притом посвящено более мелким вопросам, чем те, решения которых, по моему мнению, ожидают от меня.

(V, 15) *АТТИК.*— Но если ты хочешь знать, чего от тебя жду я, так как ты написал сочинение о наилучшем государственном устройстве, то я думаю, что ты поступишь последовательно, если ты же напишешь и о законах. Ведь именно так, знаю я, поступил знаменитый Платон, перед которым ты преклоняешься, которого ты ставишь выше всех и очень любишь⁴⁰.

МАРК.— Итак, ты хочешь, чтобы мы — подобно Платону, который, как он сам описывает, в летний день, в кипарисовых рощах и на лесных тропях Гносса, часто останавливаясь и иногда отдыхая, рассуждал с критянином Клинием и лакедемонянином Мегиллом о государственных установлениях и наилучших законах, — чтобы мы, гуляя среди этих высоких тополей по зеленому и тенистому берегу и время от времени садясь отдохнуть, рассмотрели эти же вопросы немного подробнее, чем этого требуют обычаи, существующие на форуме?

(16) *АТТИК.*— Да, я желал бы послушать именно об этом.

МАРК.— А что скажет Квинт?

КВИНТ.— Ничего другого я так не жду.

МАРК.— И ты вполне прав. Вы можете быть уверены, что ни в одном виде рассуждений нельзя лучше выявить, что именно природа дала человеку; сколь велика сила наилучших качеств человеческого ума; какова задача, для выполнения и завершения которой мы родились и появились на свет; какова связь между людьми и каково естественное объединение между ними. Когда все это будет разъяснено, станет возможным найти источник законов и права.

(17) **АТТИК.**— Итак, по твоему мнению, учение о праве следует черпать не из преторского эдикта⁴¹, как ныне поступает большинство людей, и не из Двенадцати таблиц⁴², как поступали наши предшественники, а из глубин философии?

МАРК.— Ведь в этой беседе, Помпоний, мы не рассматриваем ни вопроса о том, как мы даем заключение перед претором⁴³, ни о том, какой совет нам следует дать в том или ином случае. Допустим, что это дело важное (таково оно и есть в действительности), что им некогда успешно занимались многие прославленные мужи, а теперь, благодаря своему необычайному авторитету и знаниям, занимается один человек⁴⁴, но мы должны при обсуждении охватить весь вопрос о праве и законах в целом так, чтобы этому, как мы его называем, гражданскому праву было отведено, так сказать, лишь небольшое и ограниченное место. Ведь мы должны разъяснить природу права, а ее следует искать в природе человека; нам придется рассмотреть законы, на основании которых гражданские общины должны управляться; затем изучить уже составленные и строго определенные права и постановления народов; при этом мы не пропустим так называемых гражданских прав также и нашего народа.

(VI, 18) **КВИНТ.**— Ты, брат мой, поистине глубоко и, как и надлежит, из самых истоков берешь то, что мы изучаем; те же, кто передает нам гражданское право иначе, передают нам не столько пути правосудия, сколько пути ведения тяжб.

МАРК.— Это не так, Квинт! Тяжбы порождает скорее неосведомленность в праве, а не знание права. Но об этом впоследствии; теперь обратимся к основам права.

Итак, ученейшие мужи⁴⁵ признали нужным исходить из понятия закона и они, пожалуй, правы — при условии, что закон, как они же определяют его, есть заложенный в природе высший разум, велящий нам совершать то, что совершать следует, и запрещающий противоположное. Этот же разум, когда он укрепился в мыслях человека и усовершенствовался, и есть закон. (19) Поэтому принято считать, что мудрость есть закон, смысл которого в том, что он велит поступать правильно, а совершать преступления запрещает. Полагают, что отсюда и греческое название «номос», так как закон

«уделяет» каждому то, что каждому положено⁴⁶, а наше название «lex», по моему мнению, происходит от слова «legere» [выбирать]. Ибо, если греки вкладывают в понятие закона понятие справедливости, то мы вкладываем понятие выбора; но закону все же свойственно и то, и другое. Если эти рассуждения правильны (а лично я склонен думать, что в общем это верно), то возникновение права следует выводить из понятия закона. Ибо закон есть сила природы, он — ум и сознание мудрого человека, он — мерило права и несправедливости⁴⁷. Но так как весь наш язык основан на представлениях народа, то нам время от времени придется говорить так, как говорит народ, и называть законом (как это делает чернь) те положения, которые в писаном виде определяют то, что находят нужным, — либо приказывая, либо запрещая.

Будем же при обосновании права исходить из того высшего закона, который, будучи общим для всех веков, возник раньше, чем какой бы то ни было писанный закон, вернее, раньше, чем какое-либо государство вообще было основано.

(20) *КВИНТ*. — Это будет более правильно и более разумно ввиду особенностей нашей беседы.

МАРК. — Итак, согласен ли ты с тем, чтобы мы проследили возникновение самого права от его источника? Когда мы найдем его, у нас не останется сомнений насчет того, к чему нам отнести то, что мы рассматриваем.

КВИНТ. — По моему мнению, так и следует поступить.

АТТИК. — Присоедини и мой голос к предложению брата.

МАРК. — Итак, коль скоро мы должны строго придерживаться того государственного устройства, превосходство которого Сципион доказал в известных шести книгах⁴⁸, соотносить все законы с этим родом государства и насаждать даже добрые нравы, но коль скоро устанавливать все это писаными законами нельзя, то я буду искать корни права в природе, под водительством которой нам и следует развивать все наше рассуждение.

АТТИК. — Совершенно правильно; именно под ее водительством заблудиться никак не возможно.

(VII, 21) *МАРК*. — Итак, согласен ли ты с нами, Помпоний, (ведь мнение Квинта я знаю) в том, что всей природой правят воля, разум, власть, мысль, повеления (быть может, есть еще какое-нибудь другое слово, которым я мог бы яснее выразить то, что хочу сказать) бессмертных богов? Ибо, если ты с этим согласен, то именно с этого нам лучше всего и начать рассмотрение вопроса.

АТТИК. — Я с этим вполне согласен, если тебе это угодно. Пение птиц и шум струй, пожалуй, избавят меня от опасений, что мои слова услышит кто-нибудь из моих единомышленников⁴⁹.

МАРК. — Но тебе следует остерегаться; ведь они обыкновенно (таково уж свойство доблестных мужей) очень гневливы и, конечно, не стерпят, если

узнают, что ты предал первое положение великого мужа, где он пишет, что божество не тревожится ни за себя, ни за других⁵⁰.

(22) *АТТИК* — Продолжай, пожалуйста; ибо я хочу знать, что следует из того, в чем я тебе сделал уступку.

МАРК. — Буду краток. Следует вот что: существо, способное предвидеть, сообразительное, разностороннее, наблюдательное, памятливое, приспосабливаемое разумом и смышленное, которое мы называем человеком, было создано высшим божеством и поставлено, так сказать, в превосходное положение. Ведь из существ всех видов и различной природы один только человек способен думать и размышлять, чего все остальные лишены. А что, не скажу — в человеке, но и на всем небе, и на земле более божественно, чем разум? ⁵¹ Когда этот разум достигнет зрелости и совершенства, то его по справедливости называют мудростью. (23) И вот, так как лучше разума нет ничего, и он присущ и человеку, и божеству, то первая связь между человеком и божеством — в разуме. Но если общим для божества и человека является разум, то этот разум, им свойственный, должен мыслить правильно; а так как разум есть закон, то мы, люди, должны считаться связанными с богами также и законом. Далее, между теми, между кем существует общность в виде закона, существует общность и в виде права. А те, у кого закон и право общие, должны считаться принадлежащими к одной и той же гражданской общине. Более того, если они повинуются одним и тем же империи и власти⁵², то они еще в большей степени повинуются небесному распорядку, божественной мысли и преобладающему божеству, так что весь этот мир следует рассматривать уже как единую гражданскую общину богов и людей⁵³. В гражданских общинах положение ветвей рода, на основании известных правил, о которых будет сказано в свое время, определяется агнацией⁵⁴; в природе это настолько более величественно и настолько более славно, что люди связаны с богами агнацией и происхождением.

(VIII, 24) Ибо, когда изучают природу человека, обыкновенно высказывают следующие взгляды (и они, бесспорно, соответствуют действительности): в связи с постоянными движениями и кругообращениями неба⁵⁵ некогда наступила известная зрелость вселенной — для того, чтобы мог быть насажден человеческий род, который, будучи распространен и посеян на земле, был наделен божественным даром — душой, и между тем как все другие начала, составляющие их, люди получили от смертных существ, причём начала эти непрочны и бранны, душу породило божество. Ввиду этого, мы по справедливости можем говорить о своем родстве с небожителями, или о своем божественном происхождении, или о «древе». Поэтому среди стольких живых существ, за исключением человека, нет ни одного, у которого было бы хоть какое-нибудь понятие о божестве, а среди самих людей не существует народа, ни столь развитого, ни столь дикого, чтобы он, даже

не ведая, кого ему подобает считать божеством, все же не знал, что признавать божество вообще следует.

(25) Таким образом, бога знает тот человек, который как бы вспоминает и сознает, от кого он произошел. Наконец, человеку и божеству при-суща одна и та же доблесть, которой лишены все остальные существа. Дobleсть эта не что иное, как природа, достигшая совершенства и доведенная до своей высшей степени; следовательно, в человеке есть сходство с божеством. Коль скоро это так, то возможно ли какое-либо более тесное и более прочное родство между ними обоими? И вот, для блага и нужд людей природа предоставила такое изобилие всего, что все возникающее кажется дарованным нам нарочито, а не происшедшим случайно, и притом не только то, что в виде хлебных зерен и ягод рождается землей благодаря ее плодородию, но также и скот, так как большинство его, как это очевидно, создано для удовлетворения нужд людей: одни виды — для использования при работах, другие — для употребления в пищу.

(26) Более того, люди придумали неисчислимые искусства благодаря наставлениям природы, подражая которой, разум хитроумно приобрел все необходимое для жизни.

(IX) А самому человеку та же природа не только даровала быстрый ум, но дала и чувства как бы в виде спутников и вестников, разъяснила ему многие темные и недостаточные [сложившиеся] представления, как бы основания для знания; природа придала ему внешний вид, подходящий и вполне соответствующий человеческому уму. Ибо она, заставив все другие живые существа наклоняться к земле, чтобы принимать пищу, одного только человека подняла и побудила его смотреть на небо, как бы на родное для него место и его прежнюю обитель; кроме того, она придала особый внешний вид его лицу, отобразив на нем сокровенные черты его характера.

(27) Ведь и наши глаза необычайно ясно говорят о наших душевных волнениях, и то, что называют выражением лица, из всех живых существ возможно только у человека и свидетельствует о его нраве; смысл этого понятия греки знают, но соответствующим словом для его обозначения не располагают. Не буду говорить о благоприятных свойствах и способностях остальных частей тела, об умении человека владеть своим голосом, о силе речи, которая по преимуществу и служит посредницей в человеческом обществе. Ведь всего этого мы не должны обсуждать в этой беседе; вопрос этот, мне кажется, достаточно подробно рассмотрел Сципион в тех книгах, которые вы прочитали. Теперь, так как божество именно таким создало и именно так снабдило человека, которого оно пожелало видеть основой всего прочего, то для нас становится очевидным (не станем обсуждать всех частей), что природа сама, своими силами, идет дальше; ведь она даже без наставлений с чьей бы то ни было стороны, исходя из понятий, виды кото-

рых она узнала по первым и начальным представлениям, сама, своими силами, укрепляет разум и совершенствует его.

(X, 28) *АТТИК*.— Бессмертные боги! Как далеко ты ищешь начала права! И притом так, что я не только не спешу дойти до того, чего я от тебя ожидал в вопросе о гражданском праве, но даже вполне согласен на то, чтобы ты хотя бы весь этот день затратил на нашу беседу. Ибо вопросы эти, которые ты охватываешь, быть может, для того, чтобы затем перейти к другим, более важны, чем даже те, ради которых ты их подготовляешь.

МАРК.— Эти вопросы, которых мы теперь касаемся вкратце, действительно важны. Но из всего того, что обсуждают ученые люди, конечно, ничто не важно в такой степени, в какой важно полное понимание того, что мы рождены для справедливости и что не на мнении людей, а на природе основано право. Это сразу станет очевидным, если мы вникнем в сущность человеческого общества и связей между людьми.

(29) Ведь ни одна вещь в такой степени не подобна другой, так не равна ей, в какой все мы подобны и равны друг другу. И если бы упадок наших обычаев и расхождение мнений не извращали и не отвлекали наших слабых умов, куда только пожелают, то каждый из нас был бы столь же подобен самому себе, сколь все люди подобны друг другу. Поэтому, каково бы ни было определение, даваемое человеку, оно одно действительно по отношению ко всем людям.

(30) Это достаточное доказательство того, что между людьми никакого различия нет. Если бы оно было, то одно единственное определение не охватывало бы всех людей. И в самом деле, разум, который один возвышает нас над зверями, разум, благодаря которому мы сильны своей догадливостью, приводим доказательства, опровергаем, рассуждаем, делаем выводы, несомненно, есть общее достояние всех людей; он различен в зависимости от полученного ими образования, но одинаков у всех в отношении способности учиться. Ведь чувства всех людей воспринимают одно и то же, и то, что действует на чувства, в равной степени действует на чувства всех людей, а то, что запечатлевается в умах (первоначальные представления, о которых я уже говорил), одинаково запечатлевается у всех, причем речь, истолковательница мысли, бывает различной по словам, употребленным в ней, но совпадает по смыслу. И ни в одном народе не найдется человека, который, избрав своей руководительницей природу, не смог бы достичь доблести.

(XI, 31) И сходство между людьми необычайно велико не только в хороших, но и в дурных качествах. Ибо все люди падки и на наслаждения, которые, хотя и увлекают их, принося им позор, все же, в некоторой степени, походят на естественное благо; доставляя нам удовольствие видимостью ласковости и приятности, они — ввиду заблуждения нашего ума — воспринимаются нами как нечто полезное. И вследствие подобного же неведения

люди бегут от смерти, словно она — разложение естества, и стремятся жить, так как жизнь сохраняет нас в таком состоянии, в каком мы родились. Боль они относят к числу величайших зол — как ввиду того, что она мучительна, так и потому, что за ней, по-видимому, следует уничтожение естества. (32) И так как между почетом и славой существует сходство, то те, кому оказан почет, кажутся нам счастливыми, а те, кто бесславен, — несчастными. Тяготы, радости, страсти, страхи овладевают умами всех людей одинаково, и если верования бывают у людей разные, то это не означает, что те, кто поклоняется собаке и кошке как божествам, не более суеверны, чем другие народы. Но какой народ не ценит приветливости, благожелательности, сердечной доброты и способности помнить оказанные благодеяния? Какой народ не презирает, не ненавидит надменных, злокозненных, жестоких и неблагодарных людей? И когда мы поймем, что это объединяет весь человеческий род, то останется [только показать, что этим объединением людей должны управлять законы, способные укреплять дружбу и основанные на разуме,] так как разумный образ жизни делает людей лучше. Если вы согласны с этим положением, перейдем к другим; если вы не удовлетворены чем-либо, сперва разъясним это.

АТТИК.—Мы вполне удовлетворены, если я могу ответить за нас обоих.

(XII, 33) **МАРК.**—Итак, следующее положение гласит, что природа создала нас для того, чтобы мы разделяли между собой всю совокупность прав и пользовались ими все сообща. И я, говоря «природа», хочу, чтобы во всем этом рассуждении меня так и понимали. Но испорченность, связанная с дурными наклонностями, так велика, что от нее как бы гаснут огоньки, данные нам природой, и возникают и укрепляются враждебные им пороки. И если бы люди — как по велению природы, так и в силу своего суждения — признавали, что «ничто человеческое им не чуждо», как говорит поэт⁵⁶, то все они одинаково почитали бы право. Ведь тем, кому природа даровала разум, она даровала и здравый разум. Следовательно, она им даровала и закон, который есть здравый разум — как в повелениях, так и в запретах. Если она им даровала закон, то она даровала и право; разум был дан всем. Значит, и право было тоже дано всем, и Сократ справедливо проклинал того, кто первый отделил пользу от права; право, жаловался он, — источник всяческих бед⁵⁷. Ведь отсюда и известное изречение Пифагора [насчет дружбы]: «У друзей все общее»⁵⁸. [Лакуна]

(34) ...Из этого явствует, что, когда мудрец переносит такое большое и такое глубокое расположение на другого человека, наделенного такой же доблестью, то это приводит к тому, что он в этом человеке (кое-кому это может показаться невероятным, но это неизбежно) любит себя не больше, чем его: и в самом деле, в чем может быть различие, когда равно все? Но если здесь может появиться хотя бы малейшее различие, то тотчас же ис-

чезнет даже название «дружба», смысл которой в том, что она перестает существовать, как только один человек пожелает для себя преимуществ перед другим⁵⁹.

Все это предпосылается нашей дальнейшей беседе и обсуждению всего вопроса, чтобы легче было понять, что право проистекает из природы. Высказавшись вкратце по этому вопросу, я перейду к гражданскому праву, которое и дало повод ко всей нашей беседе.

КВИНТ.— Да, разумеется, только вкратце; ведь из того, что ты сказал, лично я (даже если Аттик другого мнения) заключаю, что право, несомненно, возникло из природы.

(XIII, 35) **АТТИК.**— Могу ли я быть другого мнения, когда уже доказано следующее: во-первых, мы снабжены и украшены как бы дарами богов; во-вторых, у людей существует лишь одно, равное для всех и общее правило жизни; наконец, все люди связаны, так сказать, природным чувством снисходительности и благожелательности друг к другу, а также и общностью права. Раз мы (и, по моему мнению, правильно) согласились с тем, что все это верно, то как можем мы теперь отделять от природы законы и права?

(36) **МАРК.**— Ты прав, и дело обстоит именно так. Но, по почину философов, правда, не древних, но тех, которые устроили как бы «мастерские мудрости»⁶⁰, то, что некогда обсуждалось в более общих формах, теперь рассматривается расчлененным⁶¹; ведь эти философы думают, что положение, которым мы теперь заняты, невозможно рассмотреть удовлетворительно, если они не обсудят отдельно именно того, что право проистекает из природы.

АТТИК.— Значит, и ты утратил свободу обсуждения, вернее, именно ты, рассматривая вопрос, не следуешь своему собственному мнению, а склоняешься перед чужим авторитетом?

(37) **МАРК.**— Не всегда, Тит! Но, к чему клонится наша беседа, ты уже видишь: цель всего нашего обсуждения — укрепление государств, улучшение нравов и благо народов. Поэтому я не склонен допускать, чтобы закладывались основы, недостаточно хорошо продуманные и недостаточно изученные; я надеюсь, что эти основы будут одобрены если и не всеми людьми (ведь это и не возможно), то все же теми, кто признает нужным добиваться всего того, что само по себе справедливо и честно, и либо считать благом вообще только то, что похвально само по себе, либо, во всяком случае, видеть великое благо только в том, что действительно возможно хвалить само по себе; (38) и я жду одобрения тому, что высказал, от всех философов — независимо от того, в Старой ли Академии остались они вместе со Спевсиппом, Ксенократом и Полемоном⁶², или же, с ними по существу соглашаясь, но несколько отличаясь от них способом обучения, последовали учению Аристотеля и Феофраста⁶³, или же, в соответствии со взглядами

Зенона⁶⁴, не изменив содержания, переменили названия или даже последовали учению Аристона⁶⁵, трудному и суровому, но в настоящее время сломленному и отвергнутому, последовали с тем, чтобы, за исключением доблестей и пороков, ко всему остальному относиться с полным спокойствием. (39) Что же касается тех, кто к себе относится слишком снисходительно, является рабом своего тела и все то, чего ищет в жизни и от чего бежит, измеряет наслаждением и болью, то — даже если они и говорят правду (ведь нам нет нужды спорить по этому поводу) — мы предложим им высказываться в своих садиках⁶⁶, а от всякого участия в делах государства, которых они не знают даже частично и никогда не хотели знать, мы даже попросим их воздержаться на некоторое время. Новую же Академию, основанную Аркесилаем и Карнеадом и создающую путаницу во всех этих вопросах, мы будем умолять о молчании. Ведь если она нападет на эти положения, представляющиеся нам установленными и разработанными достаточно ясно, то она причинит очень сильные разрушения⁶⁷. Ее я желаю умиловить, не смею отстранять.

(XIV, 40) [Лакуна] ...Ведь мы очищены и без его окуриваний⁶⁸. Что же касается преступлений перед людьми и нарушений долга перед богами, то никакого очищения быть не может. Поэтому за них люди несут наказание не по суду (в древности нигде не выносили приговоров, ныне во многих местах их не бывает, а там, где их все же выносят, они весьма часто не справедливы); нет, преступников тревожат и преследуют фурии — и не пылающими факелами, как это бывает в трагедиях, а угрызениями совести и мучительным сознанием зла, содеянного ими⁶⁹. И если удержать человека от беззакония должна была бы кара, а не природа, то какая тревога могла бы терзать нечестивцев, переставших страшиться казни? Ведь ни один из них все же никогда не был столь дерзок, чтобы либо не постараться отрицать совершенное им преступление, либо не придумать какого-нибудь объяснения своего гнева и не искать оправдания для своего преступления в том или ином естественном праве. И если на естественные права осмеливаются ссылаться нечестивцы, то с каким же рвением их будут соблюдать честные люди! Но если от беззаконной и преступной жизни людей отвращает только кара, страх перед казнью, а не сама омерзительность такой жизни, то беззаконников нет и бесчестных людей следует считать скорее неосторожными⁷⁰. (41) А мы, если нас побуждает быть честными мужами не стремление к доблести, а та или иная польза и выгода, хитры, а не честны. Ибо как поступит в потемках человек, который боится только свидетелей и судьи? Как поступит он, встретившись в пустынном месте со слабым и одиноким человеком, у которого он может отнять много золота? Наш справедливый от природы и честный муж даже заговорит с ним, поможет ему, выведет его на дорогу. А тот, кто ничего не делает для ближнего и все измеряет своей собственной выгодой? Вы, думается мне, уже

знаете, как он поступит ⁷¹. Если же он станет отрицать, что он намерен лишить путника жизни и отнять у него его золото, то он всегда будет отрицать это не потому, что считает такое деяние позорным с точки зрения закона природы; он будет отрицать его только из опасения, что это станет известным, то есть навлечет на него беду. О, достойное соображение, от которого должны покраснеть, не говоря уже — образованные люди, нет, даже невежды!

(XV, 42) Но вот что нелепее всего: думать, что все, значащееся в установлениях и законах народов, справедливо. И даже если некоторые законы изданы тираннами? ⁷² Если бы Тридцать афинских правителей пожелали навязать свои законы всем и если бы все афиняне радовались законам тираннов, то разве это было бы основанием для того, чтобы законы эти были признаны справедливыми? Я полагаю, — ничуть не более справедливыми, чем закон, проведенный нашим интеррексом и давший диктатору право казнить, по своему усмотрению, любого гражданина, назвав его по имени, даже без слушания дела в суде ⁷³. Ибо существует лишь одно право, связывающее человеческое общество и установленное одним законом. Закон этот есть подлинное основание для того, чтобы приказывать и запрещать. Кто закона этого не знает, тот — человек несправедливый, независимо от того, писанный ли это закон или неписанный. Но если справедливость заключается в повиновении писаным законам и установлениям народов, и если, как утверждают все те же философы, следует все измерять выгодой, то этими законами пренебрежет и их, если сможет, нарушит всякий, кто сочтет, что это будет ему выгодно. Это учение приводит к тому, что, если справедливость не проистекает из природы, то ее вообще не существует, а та, которая устанавливается в расчете на выгоду, уничтожается из соображений выгоды для других.

(43) Более того, если право не будет корениться в природе, то все доблести уничтожатся. И в самом деле, где смогут существовать благородство, любовь к отечеству, чувство долга, желание служить ближнему или проявить свою благодарность ему? Ведь все это рождается оттого, что мы, по природе своей, склонны любить людей, а это и есть основа права. И будут уничтожены не только благожелательность к людям, но и священнодействия и обязанности по отношению к богам, а все это, полагаю я, следует сохранять не из чувства страха, а ввиду наличия тесной связи между человеком и божеством.

(XVI) Если бы права устанавливались повелениями народов, решениями первенствующих людей, приговорами судей, то существовало бы право разбойничать, право прелюбодействовать, право предъявлять подложные завещания, — если бы права эти могли получать одобрение голосованием или решением толпы ⁷⁴.

(44) Но если мнения и постановления глупцов столь могущественны,

что их голосование может нарушить порядок в природе, то почему же они не определяют, что дурное и пагубное должно считаться благим и спасительным? Или, раз закон может создать право из бесправия, то почему этот же закон не может создать блага из зла? Однако, что касается нас, то мы можем отличить благой закон от дурного только на основании мерила, данного природой. Руководствуясь природой, отличают не только право от бесправия, но и вообще все честное от всего позорного. Ибо с тех пор, как обыкновенная способность воспринимать ознакомила нас с предметами и запечатлела их в нашем уме, честное относят к доблести, к порокам — позорное.

(45) Думать, что все основано на мнении, а не на природе, свойственно безумцу. Ведь так называемая «доблесть» (мы при этом злоупотребляем названием) дерева или коня основана не на мнении, а на природе. А если это так, то также и честное, и позорное следует различать на основании природы. Ведь если бы доблесть, взятая в целом, основывалась на мнении, то на нем же основывались бы также и ее части. Но кто признаёт человека умным и, я сказал бы, глубокомысленным не по его поведению, а на основании какого-либо постороннего обстоятельства? Ведь доблесть есть совершенное проявление [какого-то доброго начала,] несомненно, существующего в природе; следовательно, и всякое добро — точно так же.

(XVII) Ибо, как истинное и ложное, как последовательное и противоречивое оцениваются по их существу, а не на основании посторонних соображений, так постоянный и неизменный образ жизни, являющийся доблестью, и непостоянство, являющееся пороком, будут определены на основании их природы. Не следует ли нам оценивать прирожденные качества по такому же правилу? (46) Или врожденные качества будут оцениваться на основании природы, а доблести и пороки, возникающие из врожденных качеств, будут расцениваться иначе? А если они не будут расцениваться иначе, то не придется ли нам непременно относить и честное, и позорное к природе? Если то, что заслуживает похвалы, есть добро, то в нем самом непременно должно и заключаться нечто такое, за что это хвалят; ибо добро само по себе существует не благодаря мнениям, а от природы. Ведь если бы было не так, то мы были бы счастливы также и благодаря чужому мнению, а можно ли назвать что-либо более нелепое? Итак, раз и добро, и зло расцениваются на основании их природы и являются началами природы, то и честное, и позорное должны расцениваться по такому же правилу и их следует относить к природе.

(47) Но нас смущает разнообразие мнений и разногласия между людьми, и так как этого несоответствия нет в том, что нам дают наши чувства, то мы и считаем последние надежными от природы⁷⁵; то, что одному человеку кажется одним, а другому другим, причем одним и тем же людям оно никогда не кажется одинаковым, мы называем мнимым. Но это далеко не

так. Ибо наших ощущений не извращают ни родители, ни кормилица, ни учитель, ни поэт, ни сцена; их не может изменить и общее мнение толпы. Напротив, для нашего ума устраиваются всяческие засады либо теми людьми, которых я только что перечислил и которые, получив нас в свои руки нежными и нетронутыми, воздействуют на нас и гнут нас, как им угодно,— хотя бы тем началом, что глубоко укоренилось в каждом чувстве: наслаждением, подобием добра, но при этом матерью всех зол. Поддавшись его очарованию, мы уже не различаем в достаточной степени того, что есть добро от природы, так как оно лишено этой соблазнительной сладости.

(XVIII, 48) Из этого следует (дабы мне уже закончить все это рассуждение) то, что с очевидностью вытекает из вышеизложенного: к праву и ко всему честному надо стремиться ради него самого. И в самом деле, все честные мужи ценят самое справедливость и право само по себе, и честному мужу не подобает заблуждаться и почитать то, что само по себе почитания не заслуживает. Итак, право само по себе требует, чтобы к нему стремились и его ценили. Но если этого заслуживает право, то этого заслуживает и справедливость, а с ней и остальные доблести следует почитать ради них самих. А щедрость? Она безвозмездна или ее можно купить? Если человек, не получая награды, оказывает благодеяния, то она безвозмездна; если — за плату, то она куплена. Нет сомнения в том, что человек, которого называют щедрым благодетелем, повинуется чувству долга, а не ищет выгоды. Следовательно, опять-таки и справедливость не ищет ни награды, ни платы: к ней стремятся ради нее самой, а таковы же основа и смысл всех доблестей.

(49) Наконец, если к доблести стремятся ради выгод, а не ради нее самой, то будет существовать лишь одна доблесть, которую будет правильнее всего назвать лукавством. Ведь насколько человек во всех своих действиях более всего руководствуется своей выгодой, настолько же он менее всего честный муж; так те, кто измеряет доблесть получаемой наградой, считают доблестью одно только лукавство⁷⁶. И право, где найдешь благодетеля, если никто не делает добра другому охотно? Где найдешь человека благодарного, если люди неблагодарны даже тогда, когда благодарят? Где пресловутая святая дружба, если даже друга самого по себе не любят, как говорится, всем сердцем? Ведь его даже следует покинуть и бросить, отчаявшись получить от него выгоду и пользу, а можно ли сказать что-либо более чудовищное? Но если дружбу следует почитать за нее самое, то и общества людей, равенства и справедливости следует добиваться ради них самих. Если это не так, то справедливости вообще не существует. Ведь самая большая несправедливость — желать платы за справедливость.

(XIX, 50) Что же сказать о скромности, умеренности, воздержности, искренности, совестливости и стыдливости? Что люди не наглы из боязни дурной славы или же из страха перед законами и судом? Значит, люди

неподкупны и совестливы ради похвалы и ради доброй молвы о себе стесняются вести бесстыдные речи? Но мне лично стыдно за тех философов, которые избегнуть осуждения за порок желают, а заклеяемыми самим пороком себя не считают⁷⁷. (51) Что же? Разве мы можем тех, кого от разврата удерживает боязнь дурной славы, признать стыдливими, когда дурная слава навлекается постыдностью самого проступка? Ведь что возможно по справедливости похвалить или осудить, если человек не считается с самой природой того, что, по всеобщему мнению, заслуживает либо похвалы, либо порицания? Значит, телесные уродства, если они будут огромны, будут нас отталкивать, а извращенность ума не будет? Но ведь позор, связанный с ней, очень легко усмотреть из самих пороков. И можно ли назвать что-либо более гадкое, чем алчность, более чудовищное, чем похоть, более презренное, чем трусость, более низкое, чем тупость и глупость? Что следует из этого? Разве тех, кто обладает какими-либо отдельными или многими пороками, мы называем несчастными вследствие понесенных ими утрат, или ущерба, или каких-либо мучений, испытанных ими, а не ввиду тяжести и постыдности их пороков? И наоборот, это же можно сказать о доблести в похвалу ей.

(52) Ибо, если к доблести стремятся ради других благ, то, очевидно, существует нечто более заманчивое, чем доблесть, будут ли это деньги, или почести, или красота, или здоровье. Но когда всем этим обладаешь, оно значит весьма мало, а как долго это сохранится, знать с уверенностью никак нельзя. Или же это будет то, что даже назвать очень стыдно, — наслаждение⁷⁸. Но именно в презрении к наслаждению и в отказе от него доблесть и проявляется более всего.

Итак, не ясно ли вам, какое возникает множество вопросов и мнений и как одни из них переплетаются с другими? Более того, я пошел бы дальше, если бы не сдержался.

(XX) *КВИНТ*.— Куда же? Ведь я, брат мой, охотно пошел бы вместе с тобой к тому же, к чему ты стремишься в своем рассуждении.

МАРК.— К пределу добра. Все имеет в виду эту цель и должно совершаться ради того, чтобы ее достигнуть. Вопрос этот спорный и чреватый разногласиями между ученейшими людьми, но рано или поздно его надо будет разрешить.

(53) *АТТИК*.— Как же это возможно после смерти Луция Геллия?⁷⁹

МАРК.— Какое отношение имеет это к делу?

АТТИК.— Помнится, я в Афинах слышал от Федра⁸⁰, что твой близкий друг Геллий, когда он после своей претуры прибыл в Грецию в качестве проконсула и находился в Афинах, созвал философов, которые там жили, и настоятельно посоветовал им положить конец разногласиям, бывшим между ними; если, сказал он, они не намерены провести всю свою жизнь в спорах, то достигнуть согласия возможно. При этом он обещал им

свое содействие в случае, если они могут придти к какому-нибудь согласию.

МАРК.— Ты шутишь, Помпоний, и многие не раз высмеивали это. Но я действительно хотел бы, чтобы меня сделали арбитром между Старой Академией и Зеноном.

АТТИК.— Каким же образом?

МАРК.— Так как они расходятся в мнениях лишь насчет одного; насчет прочего согласие между ними изумительно.

АТТИК.— Как? Разногласия между ними касаются только одного вопроса?

(54) *МАРК.*— К делу относится лишь одно: в то время, как Старая Академия признала благом все то, что согласуется с природой и помогает нам в жизни, Зенон признал благом только то, что честно.

АТТИК.— И ты говоришь, что это действительно спор незначительный, а не такой, который касается самого главного?

МАРК.— Ты был бы прав, если бы это были разногласия по существу, а не насчет слов.

(XXI) *АТТИК.*— Значит, ты согласен с Антиохом⁸¹, моим близким другом (сказать — учителем я не решаюсь), вместе с которым я жил. Ведь он чуть было не похитил меня из садов, дорогих моему сердцу⁸², и не привел в Академию, находившуюся от них на расстоянии всего нескольких шагов.

МАРК.— Это был муж глубокого и острого ума, в своей области достигший совершенства. Как ты знаешь, он был моим близким другом; однако, во всем ли я с ним согласен или не во всем, я вскоре решу; но я утверждаю одно: весь этот спор возможно уладить.

(55) *АТТИК.*— Как же ты представляешь себе это?

МАРК.— Так как, если бы (как сказал Аристон Хиосский⁸³) Зенон заявил, что есть единственное благо — то, что честно, и единственное зло — то, что позорно, а все остальное совершенно одинаково, причем вполне безразлично, существует ли оно или не существует, то он сильно разошелся бы в мнениях с Ксенократом, Аристотелем и школой Платона, и разногласие это касалось бы важнейшего вопроса и всего образа жизни. Но когда Зенон теперь говорит, что доблесть, которую Старая Академия объявила высшим благом, есть единственное благо, а бесчестие, которое она считала высшим злом, есть единственное зло; когда он богатства, здоровье, красоту называет «преимуществами», а не благами, бедность же, немощность, боль — «тяготами», а не злом, то он разделяет мнение Ксенократа и Аристотеля, но пользуется другими словами. Но из этого разногласия — не по существу, а насчет слов — и возник спор о границах; в этом споре (коль скоро законы Двенадцати таблиц не признали давности пользования в пределах пяти футов) мы не позволим этому хитроумному человеку пасть на старом владении Академии и, вместо одного арбитра по Мамилиеву за-

кону, мы, трое арбитров на основании законов Двенадцати таблиц, проведем границы⁸⁴.

(56) *КВИНТ*.— Какое же решение мы вынесем?

МАРК.— Мы сочтем нужным разыскать пограничные камни, установленные Сократом, и считаться с ними.

КВИНТ.— Ты, брат мой, теперь весьма удачно пользуешься словами, взятыми из пражданского права и из законов, и я жду от тебя рассуждения именно об этом. Это, конечно, важный вопрос, как я не раз слышал от тебя самого; несомненно, что жить в согласии с природой — высшее благо; это значит вести жизнь умеренную и согласную с доблестью; но следовать природе и как бы жить по ее закону, то есть (насколько это зависит от человека) не упускать ничего такого, что позволяет достигнуть того, чего требует природа⁸⁵, ...[Лакуна] В то же время природа хочет, чтобы мы жили как бы по закону доблести. Вот почему я и не знаю, удастся ли когда-нибудь разрешить этот вопрос; в нашей беседе этого, во всяком случае, сделать не удастся, если только мы намерены довести до конца то, что начали.

(XXII, 57) *АТТИК*.— Лично я весьма охотно согласился бы на это отступление.

КВИНТ.— Это можно будет сделать в другой раз. Теперь рассмотрим то, что мы начали, — тем более, что это разногласие насчет высшего зла и насчет высшего блага не имеет никакого отношения к этому.

МАРК.— Ты, Квинт, говоришь вполне разумно; ведь то, что я сказал до сего времени, ...[взято из глубин философии, ты же хочешь узнать законы государства.

КВИНТ.— Я лично] ...не требую разъяснения ни насчет законов Ликурга⁸⁶, ни насчет законов Солона⁸⁷, ни законов Харонда⁸⁸, ни наших Двенадцати таблиц, ни плебисцитов, но думаю, что в сегодняшней беседе ты преподашь как народам, так и отдельным лицам правила жизни и нравственности.

(58) *МАРК*.— То, чего ты ждешь, Квинт, и есть предмет нашего рассуждения. О, если бы это было мне по силам! Но дело обстоит, конечно, так: коль скоро «закон» должен исправлять пороки, а в доблестях наставлять, то из него и следует выводить правила жизни. Таким образом, матерью всех благ становится мудрость, от любви к которой и произошло греческое слово «философия» [любомудрие], а философия — самый благодетельный, самый щедрый, самый лучший дар бессмертных богов, принесенный ими человеку. Ведь это она одна научила нас как всем другим делам, так и самому трудному — познать самих себя; смысл и значение этого наставления так велики, что его считали изречением не человека, а дельфийского бога⁸⁹.

(59) Ведь всякий, кто познаёт самого себя, прежде всего почувствует, что обладает каким-то божественным качеством, и будет считать свой ум,

присущий ему, как бы священным изображением⁹⁰; и этот человек всегда будет совершать и обдумывать что-либо достойное столь великого дара богов и, сам постигнув и испытав себя всего, поймет, как его одарила природа при его вступлении в жизнь и какими средствами он располагает для приобретения и достижения мудрости; ибо в самом начале он своей душой и умом получил обо всем лишь смутные представления; разъяснив себе их, он, руководимый мудростью, поймет, что станет честным мужем и — именно по этой причине — счастливым.

(XXIII, 60) Ведь когда душа, познав и восприняв доблести, откажется от своей покорности и потворства телу, подавит в себе стремление к наслаждению, словно какой-то позорный недуг, избавится от всякого страха смерти и боли, благодаря взаимному расположению соединится со своими близкими, признаёт всех своих близких объединенными природой, сочтет себя обязанной почитать богов и соблюдать религию во всей ее чистоте и изощрит зоркость как глаз, так и ума до способности избирать благое, а противоположные качества отвергать (доблесть эта была названа предвидением, от слова «предвидеть»), то будет ли возможно назвать или себе представить более счастливое состояние?

(61) И когда этот человек обзрит небо, землю, моря и всю природу, когда он увидит, из чего все это возникло, к чему оно возвратится и когда и как погибнет, что в этом всем смертно и тленно и что божественно и вечно, и когда он воспримет, можно сказать, существование самого божества, правящего и царящего над всем этим, а себя самого признаёт не жителем какого-то ограниченного места, окруженного городскими стенами, а гражданином всего мира, как бы единого града, то — бессмертные боги! — каким среди этого великолепия и при этом созерцании и познании природы он себе представится сам! [Так ведь учил и Аполлон Пифийский.] Как будет он презирать, как свысока будет он смотреть, как будет он отвергать все то, что толпа называет самым ценным!⁹¹

(XXIV, 62) И все это он защитит как бы оградой — своим способом рассуждать, умением отличать истинное от ложного и, так сказать, искусством понимать, что из чего следует и что чему противоположно⁹². А когда он почувствует себя рожденным для общества граждан, то он сочтет нужным прибегать не только к подробному рассмотрению вопросов, но и к свободно льющейся непрерывной речи, дабы посредством нее управлять народами, устанавливать законы, порицать дурных людей, защищать честных, восхвалять великих мужей, обращаться к согражданам с убедительными правилами, клонящимися к благу и славе, быть в состоянии побуждать людей к доблести, отвращать их от позорного поведения, утешать униженных, а деяния и намерения храбрых и мудрых людей, наряду с осуждением позорных поступков людей дурных, делать памятными навсегда. Столь многочисленны и столь велики качества, которые может усмотреть в человеке

всякий, кто захочет познать самого себя; их мать и воспитательница — мудрость.

(63) *АТТИК*.— Мудрость, которую ты прославил достойно и справедливо. Но к чему все это клонится?

МАРК.— Прежде всего к тому, Помпоний, о чем мы теперь будем говорить и что считаем таким важным. Но ведь это таким не будет, если то, из чего оно проистекает, тоже не будет великим. Я ведь занимаюсь всем этим охотно и, надеюсь, поступаю правильно, так как мудрости, изучение которой меня захватывает и, во всяком случае, сделало таким, каков я теперь, я не могу обойти молчанием.

АТТИК.— Да, ты поступаешь правильно, справедливо и в сознании своего долга; как ты говоришь, в нашей беседе тебе так и надо было поступить.

КНИГА ВТОРАЯ

(I, 1) *АТТИК*.— Так как мы уже достаточно прогулялись, а тебе, в своей беседе, следует приступить к рассмотрению другого вопроса, то не согласишься ли ты перейти на другое место и сидя продолжать речь на острове, лежащем на Фибрене? Ведь так, если не ошибаюсь, называется другая река ¹?

МАРК.— Да, конечно. Я там бываю очень охотно, размышляя и занимаясь писанием или чтением.

(2) *АТТИК*.— Я, со своей стороны, именно теперь придя сюда, нагледеться не могу на это место, а к великолепным усадьбам, мраморным полам и штучным потолкам ² испытываю презрение. Что же касается прорытых каналов, которым некоторые дают названия «Нилов» и «Еврипов» ³, то кто не посмеется над ними, видя эту вот картину? И вот, подобно тому, как ты ранее, рассуждая о законе и праве, все относил к природе, так именно во всем том, что требуется для отдохновения души и для развлечения, господствует природа. Ведь раньше я удивлялся (в этой местности, думал я, нет ничего, кроме «скал и гор», и на такие мысли меня наводили твои речи и стихи ⁴), повторяю, удивлялся тому, что это место доставляет тебе такое удовольствие. Но теперь я, напротив, удивляюсь, что ты, уезжая из Рима, можешь предпочесть пребывание где-либо еще.

(3) *МАРК*.— Да, всякий раз, когда я могу покинуть Рим хотя бы на несколько дней, особенно в это время года, меня привлекает красота этой здоровой местности; однако это мне удается редко. Но меня, конечно, радует и другое обстоятельство, не имеющее значения для тебя, Тит!

АТТИК.— Какое же?

МАРК.— Именно здесь, сказать правду, настоящая моя родина и моего брата. Здесь мы появились на свет как отпрыски древнейшего рода; здесь

наши святыни, отсюда ведет начало наш род, здесь сохранилось много воспоминаний о наших предках. Чего тебе еще? Ты видишь эту усадьбу в ее нынешнем состоянии; она со вкусом отстроена трудами нашего отца. Будучи слаб здоровьем, он чуть ли не всю свою жизнь провел в литературных занятиях. И именно в этом месте, когда еще был жив мой дед, а усадьба, по старинному обычаю, была мала (подобно усадьбе Курия⁵ в Сабинской области), — знай это — родился я. И вот, я храню в своем сердце и уме воспоминания, заставляющие меня любить это место, пожалуй, еще сильнее, чем следует, и не без оснований, — если только тот мудрейший муж, увидев Итаку, действительно отказался от бессмертия, как о нем пишу⁶.

(II, 4) АТТИК.— Да, я действительно вижу в этом полное основание для того, чтобы ты охотно сюда ездил и любил эту местность. Более того, я сам, сказать правду, только теперь проникся большей любовью к этой усадьбе и ко всей этой местности, откуда ты приходишь и где родился. Ведь нас почему-то волнуют даже места, где сохранились следы о людях, вызывающих в нас чувство любви или восхищение. Меня само́ мои любимые Афины радуют не столько своими великолепными зданиями и изумительными произведениями древнего искусства, сколько воспоминаниями о великих мужах — о том, где тот или иной из них жил, где он восседал, где вел беседы⁷, и я смотрю с благоговением даже на их гробницы. Поэтому место, где родился ты, я буду отныне любить еще больше.

МАРК.— Вот почему я и рад, что показал тебе свою, можно сказать колыбель⁸.

(5) АТТИК.— И я, со своей стороны, очень рад, что увидел ее. Но что хотел ты сказать, заявив недавно, что эта местность, то есть Арпин (насколько я понял тебя), — ваша настоящая родина? Да разве у вас две родины? Или же одна — общая для всех родина? Если только для мудрого Катона⁹ родиной был не Рим, а Тускул.

МАРК.— Да, клянусь Геркулесом, и у него, и у всех членов муниципиев, по моему мнению, две родины: одна по рождению, другая по гражданству — подобно тому, как знаменитый Катон, хотя и родился в Тускуле, был принят в городскую общину римского народа и, тускуланин по происхождению, по своей гражданской принадлежности был римлянином, и у него была одна родина по местности, другая по праву; подобно тому, как ваши жители Аттики — до того, как Тесей повелел им всем переселиться с полей и отправиться в так называемый «град»¹⁰, — были и гражданами своего дема и аттическими, так и мы называем родиной и ту местность, где мы родились, и ту, которая нас приняла. Но по чувству привязанности, какое она в нас вызывает, должна стоять на первом месте та родина, благодаря которой название «государство» охватывает всю нашу гражданскую общину. За нее мы должны быть готовы умереть, ей полностью себя отдать, в нее вложить и ей как бы посвятить все свое достояние. Но родина,

которая нас произвела на свет, нам не менее дорога, чем та, которая нас приняла. Поэтому никогда не откажу я первой в названии родины, даже если вторая будет более обширной, а первая будет только входить как часть в ее состав; [разумеется, при условии, что всякий человек, независимо от места своего рождения.] будет участвовать в делах государства и считать это государство единым.

(III, 6) *АТТИК*.— Следовательно, наш знаменитый Великий в моем присутствии, вместе с тобой выступая в защиту Ампия¹¹, справедливо заявил в суде, что у нашего государства имеются все основания выразить свою благодарность этому муниципию, так как в нем родились два спасителя Рима¹²; вот почему я прихожу к заключению, что и та местность, которая произвела тебя на свет, — твоя родина.

Но мы пришли на остров. Не знаю более приятного места. И право, здесь Фибрен рассекается как бы корабельным тараном; разделившись на две равные части, он омывает обе стороны острова и, быстро расступившись, вскоре сливается вновь и охватывает лишь столько суши, сколько ее хватило бы для небольшой палестры¹³. Совершив это, Фибрен — как будто вся его задача и обязанность были в том, чтобы создать для нас место для беседы, — тотчас же впадает в Лирис и, словно войдя в патрицианскую ветвь рода¹⁴, теряет свое малоизвестное имя и делает воды Лириса гораздо более студеными. Право, я не видел реки холоднее, чем эта, хотя и побывал на берегах многих рек, и я едва могу ступить в нее, как Сократ делает в «Федре» Платона¹⁵.

(7) *МАРК*.— Так оно и есть. Но все же, как я часто слышу от Квинта, твой Тиам в Эпире, по своей прелести, нисколько не уступает этой реке.

КВИНТ.— Это так и есть. Поэтому и не думай, что может найтись что-либо, превосходящее Амальтей нашего Аттика и знаменитые платаны¹⁶. Но, если хотите, сядем здесь в тени и продолжим беседу в той ее части, от которой мы отклонились.

МАРК.— Твое предложение, Квинт, превосходно, — а я-то думал, что избавился от этого, — но перед тобой остаться в долгу не возможно.

КВИНТ.— Начни же; ведь мы предоставляем в твое распоряжение весь этот день.

МАРК.— «Музы с Юпитера песнь начинают». Так начал я свой перевод стихов Арата¹⁷.

КВИНТ.— Почему ты об этом упоминаешь?

МАРК.— Потому что и ныне мы должны начинать обсуждение с упоминания о Юпитере и о других бессмертных богах.

КВИНТ.— Превосходно, брат мой! Так и подобает поступать.

(IV, 8) *МАРК*.— Итак, прежде чем обратиться к отдельным законам, рассмотрим снова смысл и сущность закона вообще, дабы нас, коль скоро мы должны все относить к закону, обмолвка порою не привела к ошибке

и дабы мы не истолковали ложно смысла того названия, которым нам придется определять права.

КВИНТ.— Совершенно верно, клянусь Геркулесом! Это правильный путь изложения.

МАРК.— Итак, мудрейшие люди, вижу я, полагали, что закон и не был придуман человеком, и не представляет собой какого-то постановления народов, но он — нечто извечное, правящее всем миром благодаря мудрости своих повелений и запретов. И вот, — говорили они, — этот первый и последний закон есть мысль божества, разумом своим ведающего всеми делами, принуждая или запрещаая. Ввиду этого, закон, данный богами человеческому роду, был справедливо прославлен: ведь это — разум и мысль мудреца, способные и приказывать, и удерживать.

(9) **КВИНТ.**— Этого положения ты касался уже не раз. Но прежде чем перейти к законам народов, разъясни нам, пожалуйста, смысл этого небесного закона, дабы волны привычки нас не увлекли и не принесли к приемам обыденной речи.

МАРК.— Ведь мы, Квинт, научились еще в детстве положение: «Если зовут в суд, ...»¹⁸ — и другие в таком же роде называть законами. Но следует понять, что и это, и другие повеления и запреты народов не имеют силы призывать к честным поступкам и отвлекать от других, а сила эта не только древнее, чем народы и гражданские общины, но и ровесница божеству, ведающему и правящему небом и землей.

(10) Ведь и божественного замысла не может быть без разума, и божественный разум не может не обладать этой силой в определении честных и дурных поступков. И именно потому, что нигде не было написано, что один человек должен противостоять на мосту всему войску врагов и приказать разрушить этот мост у себя в тылу, мы и должны признать, что знаменитый Гораций Коклит совершил свой великий подвиг по закону и велению мужества¹⁹; и если в царствование Луция Тарквиния в Риме не было писаного закона об оскорблении чести, то это вовсе не значит, что Секст Тарквиний не преступил извечного закона, учинив насилие над Лукрецией, дочерью Триципитина²⁰. Ведь этот извечный закон был разумом, происшедшим из природы, побуждающим к честным делам и отвращающим от преступления, разумом, который начинает быть законом не только тогда, когда он уже записан, но уже и тогда, когда он возник. А возник он одновременно с божественной мыслью. Поэтому истинный и первый закон, способный приказывать и воспрещать, есть прямой разум всевышнего Юпитера²¹.

(V, 11) **КВИНТ.**— Я с тобой согласен, брат мой, в том, что все правильное и истинное вечно, причем оно и не возникает, и не исчезает вместе с записями постановлений.

МАРК.— Итак, если божественная мысль есть высший закон, то, когда человек обладает совершенным разумом, разум этот [проявляется] в мыслях

мудреца. Но те разнообразные законы, которые, применительно к обстоятельствам, были составлены для народов, называются законами скорее в виде уступки, чем потому, что это действительно так. В пользу того, что всякий закон, который можно по справедливости назвать законом, заслуживает хвалы, некоторые приводят следующие доказательства: твердо установлено, что законы были придуманы ради блага граждан, целостности государств и спокойной и счастливой жизни людей и что те люди, которые впервые приняли постановления такого рода, объявили народам, что напишут и предложат такие постановления, одоблив и приняв которые, народы будут жить в почете и счастье. И те постановления, которые были так составлены и приняты, они, по-видимому, и назвали законами. Из этого следует заключить, что те люди, которые составили для народов постановления пагубные и несправедливые, нарушив свои обещания и заявления, провели все что угодно, но только не законы, так что, истолковывая само название «закон» [lex], можно понять, что в нем содержится смысл и значение выбора [lege] справедливого и истинного начала.

(12) Итак, по обыкновению тех философов²², я и спрашиваю тебя, Квинт: если гражданская община лишена какого-либо качества и именно по той причине, что она лишена его, ее следует не ставить ни во что, то надо ли причислять качество это к благам?

КВИНТ. — Да, и притом к величайшим.

МАРК. — А следует ли гражданскую общину, не имеющую закона, именно по этой причине не ставить ни во что?

КВИНТ. — Бесспорно.

МАРК. — Следовательно, закон непременно надо относить к числу величайших благ.

КВИНТ. — Совершенно согласен с тобой.

(13) *МАРК.* — А многие вредные, многие пагубные постановления народов? Ведь они заслуживают названия закона не больше, чем решения, с общего согласия принятые разбойниками. Нельзя же по справедливости назвать предписаниями врачей те смертоносные средства, которые, под видом спасительных, прописывают невежественные и неискусшенные люди, а народ не должен называть законом любое, даже пагубное постановление, если народ таковое принял. Итак, закон есть решение, отличающее справедливое от несправедливого и выраженное в соответствии с древнейшим началом всего сущего — природой, с которой сообразуются человеческие законы, дурных людей карающие казнью и защищающие и оберегающие честных.

(VI) *КВИНТ.* — Прекрасно понимаю это и, право, думаю, что ничего другого нельзя, не говоря уже — считать, нет, даже называть законом.

(14) *МАРК.* — Значит, ты ни Тициевых, ни Апулеевых²³ законов не считаешь законами?

КВИНТ.— Нет, даже и Ливиевых²⁴.

МАРК.— И правильно — тем более, что они в одно мгновение, одной строчкой постановления сената, были признаны недействительными²⁵. Между тем закон, смысл которого я разъяснил, не может быть ни признан недействительным, ни быть отменен.

КВИНТ.— И ты в таком случае, очевидно, предложишь законы, которые никогда не будут отменены?

МАРК.— Конечно, если только они будут приняты вами обоими. Но и мне, думаю я, следует поступить по примеру Платона, ученейшего мужа и в то же время строжайшего из всех философов, который первым написал сочинение о государстве и другое — о законах, и, прежде чем прочитать самый закон, следует высказаться в пользу этого закона²⁶. Точно так же, вижу я, поступили Залевк²⁷ и Харонд²⁸, когда они не из простого усердия и не ради развлечения, а ради пользы государства составляли законы для гражданских общин. Последовав их примеру, Платон, по-видимому, признал, что закону свойственно также и стремление кое в чем убеждать, а не ко всему принуждать силой и угрозами²⁹.

(15) *КВИНТ.*— Но как объяснить то, что Тимей³⁰ вообще отрицает существование какого бы то ни было Залевка?

МАРК.— На том, что он существовал, настаивает Феофраст, авторитет не меньший, во всяком случае, по моему мнению (а многие считают его бóльшим); ведь Залевка помнят его сограждане, локряне, мои клиенты³¹. Но вопрос о его существовании не относится к делу; мы говорим о том, что сохранено преданием.

(VII) И так, пусть граждане будут с самого начала твердо убеждены в том, что над всем владеют и всем правят боги, что все совершается по их решению и воле, что они оказывают людям величайшие благодеяния и видят, каков каждый человек, что он делает, каковы его поступки, с какими мыслями, с каким благоговением чтит он обряды, и что они ведут счет и людям, исполняющим свой долг, и людям, не исполняющим его.

(16) Умы, проникшиеся такими мыслями, конечно, не будут далеки от полезных и правильных решений. Да может ли быть что-либо более правильное, чем уверенность, что никто не должен быть заносчив, чтобы думать, что ему самому разум и мысль присущи, а небу и вселенной не присущи? Иными словами, чтобы думать, что тела, [охватить] которые едва может высшая [сила] разума, движутся, не будучи подчинены разуму? Как вообще можно признать человеком того, в ком не вызывают чувства благодарности ни порядок движения светил, ни чередование дня и ночи, ни смена времен года, ни земные плоды, произрастающие для нашего пропитания? И так как все обладающее разумом стоит выше всего того, что разума лишено, и так как, согласно божественному закону, ничто не может быть выше природы в целом, то следует признать, что природе присущ разум³². Кто,

однако, станет отрицать пользу таких мыслей, понимая, сколь многое скрепляется клятвой, сколь благодетельны обязательства, налагаемые союзными договорами, сколь многочисленны люди, которым страх перед божьей карой не дал совершить преступление, сколь священные узы, объединяющие граждан, когда бессмертные боги участвуют в делах людей как судьи или как свидетели? Вот тебе введение к закону; ведь так его называет Платон³³.

(17) *КВИНТ*.— Да, брат мой, и во введении этом меня очень радует, что ты пользуешься не такими примерами и высказываешь не такие мысли, какие высказывает он³⁴. Ведь ничто в такой степени не отличается от высказываний Платона, как сказанное тобою ранее или именно это введение, касающееся богов. Мне кажется, ты подражаешь ему только в одном — в особенностях изложения.

МАРК.— Пожалуй, хочу подражать. И право, кто может, вернее, кто когда-либо сможет ему подражать? Ведь передавать чужие мысли — дело очень легкое, что я и стал бы делать, если бы не хотел быть вполне самим собой. Ибо совсем не трудно говорить то же самое, передавая это почти теми же словами.

КВИНТ.— Вполне с тобой согласен. Однако, как ты сам только что сказал, предпочитаю, чтобы ты был самим собой. Но теперь ознакомь нас, пожалуйста, со своими законами насчет религии.

(18) *МАРК*.— Да, я вас ознакомлю с ними, как смогу, а так как ни предмет, ни особенности языка [отнюдь не] подходят для приятельской беседы, то я прочту вам «законы законов» полным голосом.

КВИНТ.— То есть как?

МАРК.— Ведь законы, Квинт, составлены в определенных выражениях, хотя и не таких старых, в каких написаны древние Двенадцать Таблиц и священные законы³⁵, но все же — дабы они имели больший авторитет — в немного более старинных, чем те, в каких ведется наша беседа. Итак, этот способ изложения, в сочетании с краткостью, я и применю, если смогу. Законы будут приведены мною не полностью (ведь это было бы бесконечным), но будет изложена только их сущность и содержащаяся в них мысль.

КВИНТ.— Это действительно необходимо. Итак, мы тебя слушаем.

(VIII, 19) *МАРК*.— «К богам люди да обращаются чистыми, да проявляют они благочестие, да отказываются они от роскоши. Если кто-либо поступит иначе, его покарает само божество.

Да не будет ни у кого особых богов: ни новых, ни чужеземных, кроме богов, признанных государством³⁶; частным образом да чтут богов, по обычаю унаследованных от предков. В городах люди да устраивают святилища, в сельских местностях да сохраняют они священные роши и обиталища ларов³⁷. Да соблюдают они обычаи ветви рода и предков.

Богов и тех, кто всегда считался небожителями³⁸, да чтут, как и

тех, кого их заслуги перенесли на небо,— Геркулеса, Либера, Эскулапия, Кастора, Поллукса, Квирина; да чтут они и те качества, за которые людям дается доступ на небо,— Ум, Доблесть, Благочестие, Верность, и да будут устроены святилища в ознаменование этих заслуг, и да не устраивают священнодействий для прославления пороков³²

В дни празднеств да не будет ссор. Да проводят люди праздники, закончив работы, среди домохозяев. Поэтому да будет записано, что праздники по правилу должны приходиться на годовой круговорот⁴⁰. И жрецы да приносят всенародно в жертву зерна определенных злаков и притом во время жертвоприношений в определенные дни. (20) Равным образом да сохраняют они для других дней обилие молока и молодняка и да ведут они счет во избежание утрат. Течение года да определяют жрецы и да знают они наперед, какая жертва требуется и будет угодна тому или иному божеству.

И да будут у разных божеств жрецы разные: у всех богов — понтифики, у отдельных богов — фламины. И да поддерживают девы-весталки в Городе вечный огонь на очаге государства⁴¹.

А дабы все это и в частной жизни, и от имени государства совершалось по правилам и обычаям, несведущие да обучаются у государственных жрецов. Жрецы эти да будут трех родов: одни должны вестать священнодействиями и жертвоприношениями, другие — истолковывать таинственные речения предсказателей и ясновидцев, признанных сенатом и народом, а государственные авгуры, истолкователи воли Юпитера Всеблагого Величайшего, на основании знамений и авспиций да узнают грядущее⁴². (21) Да хранят они чистоту учений, да производят авгурацию жрецов, авгурацию виноградников и молодых побегов на благо народу; тем, кто будет вестать делами войны и делами народа, да возвещают они об авспициях, а те да повинуются им. И да видят они наперед гнев богов, руководствуются знамениями, сдерживают молнии в определенных участках неба и хранят Город, поля и «храмы» свободными и освященными⁴³. И все то, что авгур объявит неправильным, запретным, порочным, зловещим, да не будет выполнено и свершено; кто ослушается, да ответит головой⁴⁴.

(IX) Послами для заключения мирных договоров, для обсуждения дел войны и перемирия да будут фециалы; карателями да не будут они, да выносят они решения насчет войны⁴⁵.

Знамения и чудеса — если сенат повелит — да передаются на рассмотрение этруским гаруспикам. Этрурия да обучает первенствующих людей этой науке. Тех богов, которых гаруспики повелят умилостивить, да умилостивят; да очищают они места падения молний⁴⁶.

Женщины да не совершают ночных жертвоприношений, кроме тех, которые, по обычаю, совершаются за народ⁴⁷, и да не приобщают они

никого ни к одному священнодействию, кроме греческого, по обычаю обращенного к Церере⁴⁸.

(22) Содеянное кощунство, которое нельзя будет искупить, да останется неискупленным; то, которое можно будет искупить, да искупят жрецы государства.

Во время общественных игр... [да умилоствуют богов в цирке]; что же касается празднеств, на которых нет состязаний на колесницах и телесных упражнений, то ликование народа пусть умеряют пением и игрой на лирах и флейтах и пусть сочетается она с почестями, оказываемыми богам⁴⁹.

Из обычаев предков да соблюдаются все наилучшие.

Кроме слуг Идейской Матери⁵⁰, никто да не собирает денег — и то лишь в установленные дни.

Кто украдет или похитит предмет священный или доверенный священной охране, да будет «паррицидой»⁵¹.

За клятвopеступление да будет божьей карой смерть, человеческой карой — позор⁵².

За инцест понтифика да карают высшей казнью⁵³.

Да не дерзает нечестивый умилоствовать дарами гнев богов.

Обеты да выполняются тщательно. За нарушение права да будет кара. Да не совершает никто консекрации поля⁵⁴. В консекрации золота, серебра и слоновой кости да соблюдается мера.

Священнодействия от имени частных лиц да остаются постоянными.

Права богов-манов⁵⁵ да будут священны, умершие да причисляются к богам. Расходы на почитание их памяти и оплакивание да будут ограниченными».

(X, 23) АТТИК.— Ты ясно изложил нам содержание великого закона и притом так сжато! Но, по моему мнению, эти установления насчет религии мало отличаются от законов Нумы и от наших обычаев.

МАРК.— Но так как в книгах «О государстве» Публий Африканский убеждает нас в том, что из всех государств наше было в древности наилучшим, то не сочтешь ли ты необходимым издать законы, соответствующие наилучшему государственному устройству?

АТТИК.— Да, мое мнение именно таково.

МАРК.— Итак, я вам сообщу о законах, способных сохранить это наилучшее государственное устройство, и если я сегодня, быть может, предложу какие-нибудь законы, которых в нашем государстве нет и не было, то они все же будут, можно сказать, соответствовать обычаям наших предков, тогда имевшим силу закона.

(24) АТТИК.— Так представь нам, пожалуйста, доводы в пользу своего закона, дабы я мог сказать: «Как ты предлагаешь»⁵⁷.

МАРК.— И ты говоришь это, Атик! Ты не скажешь иначе?

АТТИК.— Во всяком случае, ни за что важное не буду голосовать иначе; в мелочах я, если захочешь, тебе уступаю.

КВИНТ.— И я такого же мнения.

МАРК.— Но смотрите, как бы мое изложение не затянулось.

АТТИК.— Тем лучше! Чем другим могли бы мы заняться?

МАРК.— Закон велит, чтобы люди «обращались к богам чистыми», видимо, чистыми духом, в котором сосредоточено все⁵⁸. Закон не отвергает и чистоты тела, но следует понять одно: так как дух во многих отношениях преобладает над телом, а тело свое люди и без того стараются держать в чистоте, то гораздо важнее сохранять чистоту души. Ибо осквернение тела проходит либо от окропления водой, либо по прошествии нескольких дней⁵⁹; что же касается духовного падения, то оно не может ни исчезнуть с течением времени, ни быть смыто никакими реками.

(25) Что касается веления закона «проявлять благочестие, отказываться от роскоши», то оно значит, что божеству угодна добропорядочность, а затрат надо избегать. И в самом деле? Желая, чтобы даже среди людей бедность была равноценна богатству, станем ли мы преграждать ей доступ к богам, связав совершение священнодействий с затратами?⁶⁰ Тем более, что самому божеству будет самым негодным, если путь для его умиловления и почитания не будет открыт для всех. А то, что будет карать не судья, а само божество, по-видимому, укрепляет религию страхом перед немедленным наказанием.

Иметь «особых богов» или же почитать «новых и чужеземных» значит вносить в религию путаницу и неизвестные нам священнодействия. (26) Что же касается богов, «унаследованных нами от предков», то им следует поклоняться, раз этот закон соблюдали сами предки.

Я полагаю, что в городах должны быть святилища, и не согласен с мнением персидских магов, по чьему настоянию Ксеркс, говорят, предал огню храмы Греции, так как, по мнению магов, в стенах этих храмов находились боги, перед которыми все должно быть открыто и свободно для доступа и чьи храмы и жилище представляет собой вся вселенная.

(XI) Греки и наши предки рассудили лучше: желая укрепить веру в богов, они признали, что боги обитают в тех же городах, где и мы. Такое верование приносит благочестие, полезное государствам,—если только справедливо высказывание Пифагора⁶¹, ученейшего мужа, что «благочестие и религиозное чувство сильнее всего охватывают нашу душу тогда, когда мы участвуем в обрядах в честь богов», и если справедливо то, что сказал Фалес, величайший из семи мудрецов⁶²: «Люди должны думать, что все, находящееся у них перед глазами, полно богов». Ведь люди становятся более чистыми душой, как бы находясь в храмах, и глубоко религиозными⁶³. Ибо перед нашими взорами (не только в наших умах), так сказать, благодаря вере появляется изображение богов. (27) Такое же значение имеют и

священные роши в сельских местностях, и нельзя отвергать почитания ларов, завещанного предками как владельцам земли, так и домочадцам, и обрядов, совершающихся на глазах у жителей имения и усадьбы.

Далее — «соблюдать обычаи ветви рода и предков» означает (так как древние были весьма близки к богам) соблюдать правила религии, как бы переданной нам богами. А то обстоятельство, что закон велит чтить обоготворенных людей, как Геркулес и другие, свидетельствует о том, что души всех людей бессмертны, а души храбрых и доблестных божественны⁶⁴.

(28) Хорошо, что человеческие качества, как Ум, Благодетие, Доблесть, Верность, обожествляются и что каждому из них в Риме государством сооружены храмы, так что люди, обладающие этими качествами (а ими обладают все честные люди), полагают, что сами боги пребывают в их душах.

Но дурно, что в Афинах после того, как преступление, совершенное по отношению к Килону⁶⁵, было искуплено, по совету критянина Эпименида был сооружен храм Оскорбления и Дерзости. Ибо надлежит обожествлять доблести, а не пороки. И древний алтарь Горячки на Палатине, как и алтарь Злой Судьбы на Эсквилине и все ненавистное в этом же роде должно быть удалено. А если надо придумывать имена, то лучше выбрать имя Вики Поты [оно происходит от слов «побеждать» и «овладевать»] и Статы [останавливающей отступающие войска], прозвания Статора и Непобедимого Юпитера и названия желательных качеств — Здоровья, Чести, Благоденствия, Победы⁶⁶, так как ожидание всего хорошего укрепляет дух; ведь Калатин⁶⁷ с полным к тому основанием обожествил Надежду. Что касается Фортуны, то пусть это будет либо Фортуна Нынешнего дня (ибо она обладает силой во все дни), либо Оглядывающаяся назад, дабы оказать помощь, либо Судьба, более выражающая случайность, либо Перворожденная, спутница наша со времени рождения на свет⁶⁸, ...[Лакуна]

(XII, 29) Когда ведется счет дням нерабочим и праздничным, для свободных людей это означает перерыв тяжб и споров⁶⁹, а для рабов — трудов и непосильной работы⁷⁰; при составлении календаря следует считаться с окончанием земледельческих работ. Что касается времени, когда, как сказано в законе, должны приноситься в жертву первые произведения земли и молодой скот, то следует тщательно совершать интеркаляцию; это было разумно введено Нумой⁷¹, но пришло в беспорядок из-за нерадивости позднейших понтификов.

Далее, в постановлениях понтификов и гаруспиков нельзя изменять ничего из того, что касается жертв, подлежащих закланию тому или иному божеству: кому требуется взрослое животное, кому сосунки, кому самцы, кому самки⁷².

Многие жрецы всех божеств и особые жрецы отдельных божеств старательно дают ответы по вопросам права и творят обряды. И так как Веста

как бы взяла под свою защиту очаг Города (ввиду этого она и получила греческое имя, которое мы почти сохранили как греческое, без перевода⁷³), то да служат ей шесть девушек⁷⁴, чтобы им было легче бодрствовать, поддерживая огонь, и дабы женщины на их примере понимали, что женское естество может переносить полное целомудрие.

(30) Дальнейшее относится не только к религии, но и к устройству общины, и без жрецов, от имени государства ведающих священнодействиями, некому будет руководить религиозными обрядами частных лиц⁷⁵. Ведь на том, что народ всегда нуждается в мудрости и авторитете оптиматов⁷⁶, государство и зиждется. При составлении списка жрецов не пропущен ни один из установленных видов служения богам⁷⁷. Ибо умилостивлять богов поручено одним жрецам, дабы они ведали торжественными священнодействиями, другим — истолковывать слова прорицателей и притом не многих, чтобы их обязанности были определенными, и чтобы лицо, не принадлежащее к их коллегии, не могло знать того, что было признано государством.

(31) Но величайшее и важнейшее в государстве право, соединенное с авторитетом, принадлежит авгурам. И я держусь такого мнения не потому, что сам я — авгур⁷⁸, но так как необходимо, чтобы о нас так думали. И в самом деле, существует ли большее право (если мы разбираем вопрос о праве), чем возможность отменить собрания и сходки, когда они назначены носителями высшего империя и высшей власти, и распускать их, когда они уже состоялись? Что-либо более важное, чем возможность прекращать уже начатое обсуждение, если хотя бы один авгур произнесет: «В другой день!»⁷⁹ Что-либо более величественное, чем право постановить, чтобы консулы отказались от своей магистратуры? Что-либо более священное, чем право разрешить обратиться с речью к народу или к плебсу⁸⁰ или отказать в этом позволении? Далее, а возможность отменить закон, если он был проведен не по праву, как это было с Тициевым законом в силу постановления коллегии, с Ливиевыми законами по решению консула и авгура Фиаиппа?⁸¹ А то обстоятельство, что ни одна мера, принятая магистратами в Городе или же в походах, ни у кого не может найти одобрение без согласия авгуров?

(XIII, 32) *АТТИК*.— Продолжай; я уже вижу и признаю, что права, о которых ты говоришь, велики. Но в вашей коллегии существует важное разногласие между выдающимися авгурами Марцеллом и Аппием⁸² (ведь я ознакомился с их книгами): один из них находит, что авспиции учреждены ради пользы государства; другому кажется, что в вашем ведении находится еще и дивинация⁸³. Я хотел бы знать твое мнение об этом.

МАРК.— Мое мнение? Я думаю, что дивинация, которую греки называют мантикой, действительно существует и что та часть ее, которая касается полета птиц и других знамений, подлежит нашему ведению. Ведь если мы допускаем, что боги существуют, что их мысль правит вселенной,

что они пекутся о людях и могут являть нам знамения, касающиеся грядущих событий, то я не вижу оснований отвергать дивинацию.

(33) То, о чем я говорил, соответствует действительности, а из этого неизбежно следует то, чего мы хотим. И в самом деле, и наше государство, и все царства, и все народы, и все племена знают множество примеров того, что многие события произошли в полном, в изумительном соответствии с предсказаниями авгуров. Ведь ни Полиид, ни Меламп, ни Мопс, ни Амфиарай, ни Калхант, ни Гелен⁸⁴ не прославились бы в такой мере, и столько народов, как фригийцы, ликаоняне, киликийцы, а особенно писидяне не сохранили бы этого искусства вплоть до нашего времени, если бы древность не доказала, что все это справедливо. Да и наш Ромул не заложил бы города, совершив авспиции⁸⁵, и имя Аттия Навия⁸⁶ не было бы окружено славой так долго, если бы все они не сообщили многих изумительных истин. Но это учение и искусство авгуров, несомненно, теперь уже исчезло и ввиду своей древности, и ввиду небрежения к нему. Поэтому я и не согласен ни с мнением того, кто заявляет, что этого знания вообще никогда не было в нашей коллегии, ни с мнением того, кто полагает, что оно существует и ныне. Во времена наших предков учение это, мне кажется, имело двойное значение: иногда к нему прибегали в связи с теми или иными событиями в государстве, но чаще всего при принятии решений⁸⁷.

(34) АТТИК.— Я, клянусь Геркулесом, так и думаю и согласен именно с твоим объяснением; но продолжай.

(XIV) МАРК.— Я продолжу и, если смогу, буду краток. Следует вопрос о праве войны⁸⁸. Мы установили законом, что тогда, когда войну начинают, когда ее ведут и когда ее прекращают, наибольшее значение должны иметь право и верность своему слову, и что должны быть истолкователи этого права и верности, назначенные государством⁸⁹.

Что касается правил, принятых у гаруспиков⁹⁰, искупительных обрядов и жертвоприношений для предотвращения несчастий, то в самом законе, думается мне, об этом сказано вполне ясно.

АТТИК.— Согласен с тобой, так как все это рассуждение относится к религии.

МАРК.— Но насчет дальнейшего я спрашиваю себя, Тит, согласишься ли с этим ты или отвергну это я.

АТТИК.— В чем же дело?

(35) МАРК.— Речь идет о ночных священнодействиях женщин.

АТТИК.— Да я согласен с тобой — тем более, что в самом законе есть оговорка насчет торжественного жертвоприношения от имени государства⁹¹.

МАРК.— Что же, в таком случае, станет с Иакхом и вашими Евмолпидами⁹², и со священными мистериями, если мы упраздним ночные священнодействия? Ведь мы издаем законы не для одного только римского народа, но и для всех народов, честных и стойких духом.

(36) *АТТИК*.— Ты, мне думается, сделаешь оговорку насчет тех мистерий, к которым мы сами приобщились.

МАРК.— Да, я сделаю оговорку. Ибо, если твои любимые Афины, по моему мнению, создали многое исключительное и божественное и сделали это достоянием человека, то самое лучшее — те мистерии, благодаря которым мы, дикие и жестокие люди, были перевоспитаны в духе человечности и мягкости, были допущены, как говорится, к таинствам и поистине познали основы жизни и научились не только жить с радостью, но и умирать с надеждой на лучшее⁹³. Но о том, что мне не нравится в ночных священнодействиях, сообщают комические поэты⁹⁴. Будь такая вольность допущена в Риме, чего бы только не натворил тот, кто с заранее обдуманным намерением внес разврат в священнодействие, во время которого божественный закон не велит даже бросать нескромные взгляды⁹⁵.

АТТИК.— Ну, вот ты и предлагай свой закон в Риме, но у нас не отнимай наших.

(XV, 37) *МАРК*.— Итак, возвращаюсь к нашим законам. Ими, конечно, строжайше определено, что яркий свет должен на глазах у множества людей оберегать доброе имя женщин и что приобщение к таинствам Цереры должно совершаться по тому же обряду, по какому приобщения совершаются в Риме⁹⁶. О суровости наших предков свидетельствует старое постановление сената о вакханалиях, произведенное консулами расследование с применением вооруженной силы и наказание, наложенное ими на виновных⁹⁷. К тому же (дабы мы не показались, пожалуй, не в меру суровыми) в сердце Греции Диагонд из Фив упразднил все ночные священнодействия своим законом, изданным без ограничения срока действия. Что касается новых божеств и ночных бдений для поклонения им, то Аристофан, остроумнейший поэт древней комедии, в своих насмешках над ними доходит до того, что Сабазий и некоторые другие иноземные божества у него, после осуждения в суде, изгоняются из гражданской общины⁹⁸.

Однако, если человек совершил проступок по неразумию своему и его сознательно искупил, то государственный жрец должен избавить его от страха кары, но дерзость и внесение дурных страстей в религиозные обряды должен осудить и признать нечестивыми.

(38) Что касается общественных игр, которые делятся на игры в театре и игры в цирке, то состязания в беге, кулачном бою и борьбе и на беговых колесницах с запряженными в них конями надо устраивать в цирке⁹⁹, до полной победы. Театр же пусть будет предназначен для пения и для игры на лирах и флейтах¹⁰⁰, но только с соблюдением меры, как предписано законом. Ибо я согласен с Платоном в том, что ничто не действует с такой легкостью на нежные и нестойкие умы, как разнообразные звуки музыки, и даже трудно сказать, как велика их власть и в хорошую, и в дурную сторону. Ведь музыка и пробуждает бездеятельных, и успокаивает возбужден-

ных людей, и то приносит умиротворение, то придает мужество¹⁰¹. В Греции многие гражданские общины считали нужным сохранять древний размер напевов¹⁰²; их нравы, ставшие изнеженными, изменились одновременно с напевами: либо нравы испортились из-за соблазнительной сладости напевов, как полагают некоторые, либо, когда строгость нравов пала вследствие иных пороков, в ушах и в изменившихся умах людей оказалось место также и для этой перемены¹⁰³.

(39) Вот почему мудрейший и ученейший муж Греции так сильно боится этой порчи. По его мнению, нельзя изменить законы музыки без одновременного изменения законов государства¹⁰⁴. Но я думаю, что этого не следовало так сильно бояться, но и нельзя этим совсем пренебрегать. Известно одно: напевы, бывало, полные приятной строгости благодаря размерам Ливия¹⁰⁵ и Невия¹⁰⁶, теперь сводятся к завываниям, причем исполнители вывертывают шею и выкатывают глаза при переходе из одного размера в другой. Древняя Греция некогда за это строго карала, уже заранее предвидя, что пагуба эта, постепенно проникая в умы граждан и порождая в них дурные стремления и дурные учения, неожиданно вызовет падение целых государств,— если верно, что суровый Лакедемон велел срезать с лиры Тимофея струны сверх положенных семи¹⁰⁷.

(XVI, 40) Затем, закон предписывает соблюдать наилучшие из обрядов предков. Когда афиняне стали спрашивать Аполлона Пифийского, каких именно обрядов им следует придерживаться, был объявлен оракул: «Тех, какие соответствуют обычаям предков». Когда афиняне явились снова, сказали, что обычаи предков часто изменялись, и спросили, какому же из разных обычаев им следовать, оракул ответил: «Наилучшему». Это, конечно, так и есть: древнейшим и наиболее близким божеству надо считать то, что лучше всего.

Сбор денег мы упразднили, сделав исключение для сбора для Идейской Матери, производимого в течение нескольких дней¹⁰⁸; ибо такие сборы наполняют умы людей суеверием и опустошают их дома.

Святотатец подлежит каре и не только тот, кто унесет священный предмет, но также и тот, кто похитит что-либо доверенное священной охране¹⁰⁹.

(41) Такой обычай и поныне существует во многих храмах, и в древности Александр, говорят, положил деньги в святилище близ Сол, в Киликии, а афинянин Клисфен, выдающийся гражданин, опасаясь за свое положение, доверил Юноне Самосской приданое своих дочерей¹¹⁰.

Что касается клятвопреступления и инцеста, то здесь, во всяком случае, обсуждать эти вопросы не следует¹¹¹.

Да не дерзают нечестивцы умиловать богов дарами; пусть они выслушают слова Платона, не допускающего сомнений в том, каково в этом случае будет решение божества; ведь от подлого человека не согласится принять дар ни один честный муж¹¹².

О тщательности при исполнении обетов достаточно сказано в законе, и обет заключает в себе спонсию¹¹³, которой мы обязуемся перед божеством. Что касается кары за оскорбление религии, то против нее законного возмездия быть не может. Но зачем мне здесь для примера называть таких преступников, когда в трагедиях их множество? Я лучше обращусь к примерам, которые у нас перед глазами. Хотя такое упоминание, пожалуй, может выйти за пределы судеб человеческих, все же, раз я говорю в вашем присутствии, я не умолчу ни о чем и хотел бы, чтобы то, что я скажу, лучше бессмертным богам было угодно, чем оскорбительно людям.

(XVII, 42) Когда вследствие преступления дурных граждан, после моего отъезда¹¹⁴, права религии были осквернены, то были оскорблены мои домашние лары, в их жилище был сооружен храм Своеволия, и из святилищ был прогнан тот, кто их спас. Остановите на мгновение свое внимание — ведь называть имена не к чему — на том, каковы были дальнейшие события. Меня, который не допустил, чтобы нечестивцы, разграбив и уничтожив все мое достояние, надругались над Охранительницей Города¹¹⁵, и потому перенес ее из своего дома в дом ее отца, сенат, Италия, более того — все народы признали спасшим отечество. Могло ли выпасть на долю человека что-либо более славное? А из тех, чьим преступлением тогда были растоптаны и уничтожены религиозные запреты, одни повержены, разбитые и рассеянные, а те из них, которые были зачинщиками этих преступлений и во всяческих кощунствах превзошли кого бы то ни было, я уже не говорю — испытали мучения и позор при жизни; нет, даже были лишены погребения и установленных похоронных обрядов¹¹⁶.

(43) *КВИНТ*. — Я хорошо это знаю, брат мой, и испытываю должное чувство благодарности богам. Но очень часто, как мы видим, дело принимает совершенно иной оборот.

МАРК. — Мы с тобой, Квинт, неправильно судим о том, в чем состоит божья кара; суждения черни вводят нас в заблуждение и мы не познаем истины. Мы измеряем несчастья людей смертью, или телесной болью, или душевной скорбью, или осуждением по суду; это — признаю я — есть удел человека и постигло многих честных мужей. Но кара за преступление грозна и, помимо своих последствий, сама по себе наиболее тяжела. Мы видели людей, которые, если бы не возненавидели отечества, никогда бы не стали и нашими недругами; мы видели их то горящими страстью, то охваченными страхом, то страдавшими от угрызений совести, то напуганными, что бы они ни делали, то, наоборот, презирающими религиозные запреты; путем подкупа они сломали правосудие человеческое, но не божье¹¹⁷.

(44) Но теперь я останавлиюсь и не буду продолжать — тем более, что я добился для них большего числа наказаний, чем то, какого я желал. Я только укажу, что божья кара за преступления двоякая; она заключается и в душевных мучениях при жизни, и в позоре после смерти, так: что гибель

преступников одобряется приговором живых и испытываемой ими радостью¹¹⁸.

(XVIII, 45) В том, что поля не должны подвергаться консекрации¹¹⁹, я вполне согласен с Платоном, который (если только я смогу перевести) говорит приблизительно так: «Итак, земля, подобно очагу, есть священное жилище всех богов. Поэтому никто не должен посвящать ее вторично. В городах золото и серебро — и у частных лиц, и в храмах — порождают зависть. Также и слоновая кость, извлеченная из бездыханного тела, не представляет собой достаточно чистого дара для божества. Далее, медь и железо — орудия войны, а не принадлежность храма. Но деревянный предмет (из цельного куска дерева) посвящать можно, если кто-нибудь захочет, также и каменный — в святилищах, доступных всем, — и тканый предмет, если он потребовал работы женщины продолжительностью не более месяца. Белый цвет особенно угоден божеству — как вообще, так особенно в тканях; ничего окрашенного не требуется, разве только для воинских знамен. Но самые угодные божеству приношения — птицы и изображения, исполненные одним живописцем в течение одного дня. И да будут остальные дары подобными этому»¹²⁰. Вот каково мнение Платона. Но я не ограничиваю прочего так строго, считаясь либо с богатством людей, либо с удобствами, связанными с временами года. Земледелие, подозреваю я, ухудшится, если к использованию земли и к ее обработке плугом присоединится какое-нибудь суеверие¹²¹.

АТТИК. — Это мне ясно. Теперь остается рассмотреть вопрос о преемственности священнодействий и о праве Манов¹²².

МАРК. — Что за изумительная память у тебя, Помпоний! А я упустил это из виду.

(46) *АТТИК.* — Охотно верю, но я об этом помню и жду рассмотрения этих вопросов тем более, что они относятся и к понтификальному, и к гражданскому праву.

МАРК. — Да, и ученейшие люди дали много ответов и многое написали обо всем этом, и я на протяжении всей нашей беседы, к какому бы роду законов наше обсуждение меня ни привело, насколько смогу, рассмотрю все, что относится к нашему гражданскому праву; но рассмотрю это так, чтобы было известно отправное положение, из которого выводится та или иная часть права, — дабы не было трудно любому человеку (лишь бы он мог руководствоваться своим умом), независимо от того, каковы будут возникшее новое судебное дело или новый поставленный ему вопрос, придерживаться их правовой стороны, когда известно, из какого начала следует исходить.

(XIX, 47) Однако законоведы либо ради того, чтобы вводить людей в заблуждение, дабы казалось, что они знают больше и решают более трудные вопросы, либо (и это более вероятно) ввиду своего неумения учить (ведь искусство не только в том, чтобы знать самому, но и в том, чтобы

уметь научить других) часто делят содержание одного вопроса на бесчисленное множество частей. Например, Сцеволы, бывшие оба понтификами и в то же время опытнейшими законооведами¹²³, очень широко понимают область, которой мы занимаемся. «Я,— говорил нам сын Публия,— часто слышал от отца, что хорошим понтификом может быть только человек, знакомый с гражданским правом». С гражданским правом в целом? К чему это? Что за дело понтифику до права «общих стен», или до права пользоваться водой, или до любых вопросов, кроме тех, которые связаны с религией?¹²⁴ А последних совсем немного. Это, я думаю, вопросы о священнодействиях, об обетах, о праздничных днях, о гробницах¹²⁵ и так далее. Почему же мы придаем именно этому такое большое значение, между тем как все остальное имеет лишь очень малое? Насчет священнодействий (а это более обширный вопрос) вот единственное решение: их всегда надо сохранять и передавать из одной ветви рода в другую и, как я изложил в законе, «священнодействия должны быть постоянными». (48) Но впоследствии решением понтификов было установлено, что священнодействия, дабы со смертью главы той или иной ветви рода память о них не уничтожалась, должны переходить к тем, кому после его смерти достанется имущество¹²⁶. С установлением одного этого положения, достаточного для нашего ознакомления с правилами, возникает неисчислимое множество случаев, которыми полны книги законоведов. Ибо спрашивается, на кого переходит обязанность совершать священнодействия. Положение наследников законнейшее; ибо нет человека, который мог бы лучше занять место того, кто ушел из жизни. Затем следуют те, кто с его смертью или по завещанию должен получить столько же, сколько получают все наследники вместе¹²⁷; и это в порядке вещей, так как соответствует установленному правилу. В третью очередь, если наследника не оказывается,— тот, кто на основании давности владения¹²⁸ получил наибольшую часть имущества умершего. В четвертую очередь — если никто не принял имущества — тот из заимодавцев умершего, который хранит наибольшую часть его имущества. (49) Последним — то лицо, которое, будучи должником умершего, денег никому не уплатило; поэтому оно должно считаться как бы получившим это имущество.

(XX) Вот чему мы научились у Сцеволы. Древние законоведы определили иные порядки. Ибо они учили так: люди трояким образом могут принять на себя обязательство совершать священнодействия: либо по наследству, либо при получении большей части имущества¹²⁹, либо (если большая часть имущества объявлена легатом) если кто-нибудь получит какую-либо часть его¹³⁰. (50) Но будем следовать указаниям понтифика. И вот, как видите, все определения вытекают из одного того, что понтифики требуют, чтобы с имуществом были связаны священнодействия и чтобы на этих же лиц возлагались и траурные обряды и церемонии.

Более того, Сцеволы выставляют также и следующее требование: когда

происходит раздел имущества — если в завещании указана «вычтенная часть»¹³¹ — и когда данные лица получили меньше, чем остается всем наследникам, то эти лица совершать священнодействия не обязаны. В случае дарения Сцеволы истолковывают это иначе: то, что глава ветви рода одобрил при дарении лицом, находящимся под его властью, действительно; то, что было сделано без его ведома, — если он этого не одобряет, — не действительно¹³².

(51) Из этих предпосылок возникают многие мелкие вопросы; кто не понимает их, тот, обратившись к их источнику, сам легко в них разберется. Например, если кто-либо примет имущество поменьше, дабы не обязываться совершать священнодействия, а впоследствии кто-нибудь из его наследников взыщет в свою пользу то, от чего лицо, чей он наследник, отказалось, и если имущество это, вместе с упомянутым поступлением, окажется не меньше имущества, оставленного всем наследникам, то тот, кто получит это имущество, тем самым один, без сонаследников, обяжется совершать священнодействия¹³³. Более того, Сцеволы предусматривают, что лицо, которому в виде легата оставлено больше, чем дозволено получать без принятия религиозных обязательств, должно «при посредстве меди и весов» освободить наследников от обязательства по завещанию, так как в этом случае имущество это оказывается отделенным от наследства, как если бы оно вообще не было завещано в виде легата¹³⁴.

(XXI, 52) По этому и по многим другим поводам я и спрашиваю вас, Сцеволы, верховные понтифики и, по моему разумению, мудрейшие люди: какие у вас основания приобщать к праву понтификальному право гражданское¹³⁵? Ведь учением о гражданском праве вы в какой-то мере упраздняете понтификальное. Ибо священнодействия связаны с имуществом в силу определения понтификов, а не по закону. Поэтому, если бы вы были только понтификами, у вас оставался бы авторитет понтификов; но так как вы в то же время величайшие знатоки гражданского права, то вы, используя эту отрасль знания, издеваетесь над той. Верховные понтифики Публий Сцевола и Тиберий Корунканий¹³⁶, как и другие, определили, что те лица, которые получают столько же, сколько все другие наследники, должны брать на себя обязательство совершать священнодействия. (53) Вот вам понтификальное право. Что прибавилось к нему из гражданского права? Глава о разделе имущества составлена с оговоркой — следует вычитать сто сестерциев; был придуман способ освобождать имущество от тягот в виде священнодействий. Ну, а если завещатель не пожелал внести эту оговорку? И вот, законовед, в данном случае Сам Муций (в то же время и понтифик), советует данному лицу принять имущество меньшее, чем то, какое остается всем наследникам. Старые законоведы говорили, что, какое бы имущество ни было принято, обязательства совершать священнодействия налагаются на принявшего; теперь это лицо от них освобождается. Но вот что не имеет

отношения к понтификальному праву и проистекает прямо из гражданского права: наследника надо при посредстве меди и весов освободить от обязательств по завещанию, и дело должно решаться так же, как если бы эго имущество не было завещано как легат, если лицо, в чью пользу легат отказан, обусловило, что имущество, оставленное ему по завещанию, то есть деньги, причитается ему в силу стипуляций¹³⁷ и не [выплачены ему по завещанию.]

(54) [Перехожу к правам Манов¹³⁸, мудрейше установленным и строжайше соблюдавшимся нашими предками; они повелели приносить умершим жертвы в феврале месяце, который тогда был последним месяцем в году. Как пишет Сисенна, Децим Брут¹³⁹, однако, совершал эти жертвоприношения в декабре. Что Брут этим самым, как я выяснил, отступил от обычая предков (ибо я вижу, что Сисенна не знает причины, почему Брут не соблюдал этого древнего завета), итак, что Брут дерзостно презрел завет наших предков, мне казалось невероятным;] ведь это был, несомненно, ученый человек, и его близким другом был Акции¹⁴⁰; но если древние считали последним месяцем года февраль, то Брут, по-видимому, считал им декабрь. Он полагал, что принесение величайшей жертвы умершим родным есть исполнение религиозного долга¹⁴¹.

(XXII, 55) Наконец, места погребения почитаются столь глубоко, что похоронить человека вне мест его родовых священнодействий, говорят, не дозволяет божеский закон, и во времена наших предков Авл Торкват¹⁴² вынес такое решение насчет Попиллиево рода. И если бы наши предки не повелели причислять к богам тех, кто ушел из нашей жизни, то праздниками назывались бы не «деникальные» дни (их название произошло от слова пех [смерть], так как они посвящены умершим¹⁴³), а дни отдыха, посвященные другим небожителям. И вот, наши предки постановили совершать эти обряды в такие дни, чтобы они не совпадали ни с частными, ни с общественными праздниками. Наше понтификальное право в целом — так, как оно составлено, — свидетельствует о глубоком религиозном чувстве и об уважении к обрядам. При этом мы не должны устанавливать, когда именно оканчивается траур семьи, которую посетила смерть, каковы особенности жертвоприношения, когда Лару закалывают баранов, каким образом отрезанную кость покрывают слоем земли, каковы права, возникающие после заклания свиньи¹⁴⁴, с какого времени место погребения начинает считаться «гробницей» и подпадает под религиозный запрет.

(56) Мне лично кажется, что самым древним видом погребения был тот, каким у Ксенофонта пользуется Кир: тело возвращают земле, помещают и кладут его, как бы обволакивая покровом матери¹⁴⁵. По такому же обряду, как мы узнали, в могиле, расположенной недалеко от алтаря Родника¹⁴⁶, был погребен наш царь Нума, а Корнелиев род, как известно, вплоть до наших дней прибегает к этому виду захоронения. После своей победы

Сулла повелел рассеять погребенные у реки Анио останки Гая Мария, движимый ненавистью, более жестокой, чем та, какую ему следовало бы питать, будь он мудр в такой же степени, в какой он был неистов. (57) Пожалуй, из страха, что это может случиться также и с его останками, Сулла, первый из патрициев Корнелиев, пожелал, чтобы его тело было, после его смерти, сожжено на огне. Ведь Энний пишет о Публии Африканском: «Здесь лежит он»¹⁴⁷. Это верно, так как «лежащими» называют тех, кто был погребен. Но о «гробнице» говорят только после того, как совершены все уставленные обряды и в жертву принесен боров. И то, что теперь совершают при всяких похоронах, дабы тело считалось «преданным земле», тогда относилось только к тем, чьи тела покрывала брошенная на них земля. И такой обычай подтверждается понтификальным правом. Ибо, пока кости не засыпаны землей, место, где было сожжено тело, еще не находится под религиозным запретом; когда же останки засыпаны комьями земли, то они считаются преданными земле, место называется гробницей, и только тогда на него распространяются многие религиозные права. Поэтому семью того, кто был убит на корабле и затем брошен в море, Публий Муций признал «чистой», так как кость такого человека не лежит на земле, но обязал наследника принести в жертву свинью: он должен соблюдать трехдневный траур и в искупление заклать свинью-самку. Если человек умер в море, находясь в плавании, то обязанности те же, но без искупительной жертвы и дней траура.

(XXIII, 58) АТТИК.— Теперь я знаю, что говорится в понтификальном праве, но хотел бы знать, что говорится в законах.

МАРК.— Очень немного, Тит, и, думается мне, хорошо известное вам. Но все это относится не столько к религии, сколько к правовому положению гробниц. «Умершего,— говорит закон Двенадцати Таблиц,— в Городе нельзя ни хоронить, ни сжигать». Я полагаю — хотя бы уже ввиду опасности пожара. А то, что закон добавляет «ни сжигать», указывает на то, что «хоронят» того, чье тело предают земле, а не того, чье тело сжигают.

АТТИК.— А почему же после издания законов Двенадцати Таблиц прославленные мужи все же были погребены в Городе?

МАРК.— Я думаю, Тит, это были либо люди, которым, еще до издания этого закона, этот почет был оказан за их доблесть,— Попликола¹⁴⁸, Турберт¹⁴⁹, причем это преимущество было по праву сохранено за их потомками, либо такие, как Гай Фабриций¹⁵⁰, которые этого были удостоены, за свою доблесть будучи освобождены от действия законов. Но если закон запрещает хоронить в Городе, то и коллегия понтификов постановила, что на участке земли, принадлежащем государству, устраивать гробницу нельзя. Вы знаете храм Чести, находящийся за Коллинскими воротами. По преданию, на этом месте когда-то стоял алтарь; около него нашли дощечку с надписью «Честь»; это послужило поводом для дедикации¹⁵¹ этого храма.

Но так как здесь было много гробниц, то они были сравнены с землей; ибо коллегия установила, что участок земли, принадлежащий государству, не может подпадать под действие частных религиозных запретов.

(59) Другие предписания Двенадцати Таблиц, ограничивающие расходы на погребение и оплакивание умершего, в общем перенесены в них из законов Солона. «Сверх этого, — говорится там, — ничего не делать». «Костра не выравнять топором»¹⁵². Продолжение вы знаете; ведь мы в детстве заучивали законы Двенадцати Таблиц как обязательную песнь; ныне никто не заучивает их. И вот, ограничив расходы изготовлением трех головных покрывал и пурпурной туники и платой десятирем флейтистам, закон упраздняет неумеренное оплакивание: «Во время похорон женщины не должны ни царапать себе щек, ни испускать воплей [lessus]». Древние толкователи Секст Элий и Луций Ацилий¹⁵³ говорили, что они не вполне понимают это место, но предполагают, что «лесс» — особая одежда для похорон; Луций Элий¹⁵⁴ же думает, что это — какое-то горестное рыдание, как показывает само слово. Такое объяснение кажется мне более правильным потому, что закон Солона именно это и запрещает¹⁵⁵. Такие указания похвальны и одинаково относятся и к богатым людям и к плебсу. Это вполне сообразно с природой: со смертью имущественное различие уничтожается.

(XXIV, 60) Законы Двенадцати Таблиц упразднили и другие обычаи при похоронах, усиливавшие проявления горя. «Костей умершего не следует собирать, чтобы впоследствии устроить похороны». Исключение допускается для случаев смерти на войне и на чужбине. Кроме того, в законах говорится: что касается умащения тела умершего — обязанности рабов, — то оно упраздняется, как и всякое круговое питье. Ведь это упраздняется с полным основанием и не было бы упразднено, если бы не существовало в прошлом. Обойдем молчанием запрет: «Да не будет ни дорого стоящего окропления¹⁵⁶, ни больших венков, ни кадильниц». Но вот свидетельство того, что награды за заслуги распространяются и на умерших: закон велит без опасений возлагать венки за доблесть и на останки того, кто его заслужил, и на останки его отца¹⁵⁷. И это, думается мне, потому, что в честь одного человека нередко несколько раз устраивались похороны и несколько раз постигалось ложе¹⁵⁸. И вот законом было определено, чтобы и этого не делали. И так как в этом законе говорится: «И да не приносят золота», — то обратите внимание на то, с какой добротой другой закон делает оговорку насчет этого: «Если у человека зубы соединены золотом, то, если его похоронят или предадут сожжению вместе с этим золотом, да не будет это вменено в вину». Одновременно обратите внимание и на то, что «похоронить» и «предать сожжению» были понятиями разными.

(61) Известны еще два закона о гробницах: один из них касается частных домов, другой — самих гробниц. Ибо, когда закон запрещает « устраи-

вать костер и место нового погребения на расстоянии менее шестидесяти футов от чужого дома без согласия его владельца», то это, видимо, делается во избежание пожара; из этих же соображений запрещается возжигать курения. Но когда закон запрещает, чтобы «форум», то есть вестибул¹⁵⁹ гробницы, «и место погребения переходили в собственность в силу давности»¹⁶⁰, то он охраняет права гробниц.

Вот это и находим мы в Двенадцати Таблицах — в полном согласии с природой, являющейся для закона образцом. Прочее определяется обычаем: чтобы о похоронах объявлялось, если они будут сопровождаться играми¹⁶¹; чтобы при устройстве похорон были акценс и ликторы¹⁶²; (62) чтобы о заслугах мужей, занимавших почетные должности, говорилось в речи на народной сходке и чтобы это сопровождалось пением под звуки флейт, которое называется «ненией»; этим словом также и греки называют скорбные песнопения¹⁶³.

(XXV) АТТИК.— Меня радует, что наши законы согласуются с природой, а мудрость наших предков меня восхищает. Но я хотел бы соблюдения меры как в расходах вообще, так и в расходах на сооружение гробниц.

МАРК.— Твое требование основательно. До каких расходов в этом отношении мы уже дошли, ты, думается мне, понял на примере гробницы Гая Фигула¹⁶⁴. О том, что в древности желание устраивать великолепные гробницы было весьма малым, свидетельствуют многие примеры из прошлого. А истолкователи наших законов в главе, в которой предписывается исключать из прав богов Манов «расходы и оплакивание», должны понять одно: прежде всего надо уменьшить великолепие гробниц. (63) И мудрейшие законодатели не оставили этого без внимания. Ведь в Афинах, говорят, еще во времена Кекропа¹⁶⁵ и по наши дни сохранился обычай хоронить в земле — с тем, чтобы после того, как близкие исполнят все должное и тело будет засыпано землей, на могиле были посеяны хлебные злаки, дабы умерший был как бы погружен в лоно и недра матери, и чтобы почва, очищенная принесенным ею урожаем, была возвращена живым¹⁶⁶. Затем происходило пиршество, которое устраивали близкие, надев на головы венки; в их присутствии дозволялось говорить о заслугах умершего одну только правду (ибо лгать считалось кощунством). Так отдавали последний долг.

(64) Когда впоследствии, как пишет Деметрий Фалерский¹⁶⁷, начали устраивать похороны, стоившие дорого и сопровождавшиеся громким плачем, то это было запрещено законом Солона; этот закон наши децемвиры¹⁶⁸ почти в тех же выражениях включили в десятую таблицу своих законов. Ведь указания относительно трех головных покрывал и многих мелочей принадлежат Солону. О сетованиях говорится его подлинными словами: «Женщины не должны по случаю похорон ни царапать себе щек, ни испускать воплей».

(XXVI) О гробницах у Солона говорится только следующее: «Никто

не должен ни разрушать их, ни хоронить в них сторонних людей». И устанавливается кара: «Если кто-нибудь,— гласит закон,— осквернит, опрокинет, сломает гробницу (ведь, по моему мнению, это и есть *tumbos*), или памятник, или колонну, ...» Но по истечении некоторого времени, ввиду великолепия гробниц, которые мы можем видеть на Керамике¹⁶⁹, законом было определено, что «никто не должен ни сооружать гробницу, которая требовала бы труда большего, чем труд десяти человек в течение трех дней», (65) ни покрывать ее штукатуркой, ни устанавливать на ней так называемые гермы¹⁷⁰; произносить речь о заслугах умершего разрешалось только при государственных похоронах и только тому лицу, которому это было поручено властями. Кроме того, добы уменьшить сетования, было запрещено собираться множеству мужчин и женщин; ведь стечение людей усиливает горе. (66) Вот почему Питтак¹⁷¹ вообще запрещает присутствовать на похоронах чужих людей. Но, опять-таки по свидетельству того же Деметрия, великолепие похорон и гробниц дошло до такой степени, какой оно ныне достигает в Риме. Деметрий ограничил этот обычай своим законом. Ведь Деметрий был, как вы знаете, не только ученейшим мужем, но и гражданином с величайшими заслугами перед государством и обладал огромным опытом в заботах о согражданах. И вот он не только уменьшил допускаемые денежные расходы, но и ограничил время дня, предназначенное для похорон: он повелел умершего выносить до рассвета. Он определил также и размеры вновь сооружаемых гробниц; на могильной насыпи он разрешил устанавливать только небольшую колонну вышиной не более трех локтей, или стол, или чашу для возлияний и поручил определенному магистрату следить за соблюдением этих предписаний.

(XXVII, 67) Итак, вот что постановили твои любимые афиняне. Но обратимся к Платону, который поручает похоронные обряды истолкователям требований религии; правило это соблюдаем и мы. О гробницах Платон говорит следующее¹⁷²: он запрещает занимать для устройства гробницы какую бы то ни было часть обработанной земли или земли, пригодной для посева; но если какой-нибудь участок земли, по своим особенностям, пригоден только для того, чтобы на нем хоронили мертвых и притом без ущерба для живых, то именно его и следует использовать; что же касается земли, которая может приносить урожай и, словно мать, давать нам пищу, то никто — ни живой, ни мертвый — не должен ее у нас отнимать.

(68) Платон запрещает возводить гробницу, более высокую, чем та, какую могли бы построить пятеро человек за пять дней, и ставить или класть камень большего размера, чем требуется для того, чтобы высечь хвалебную надпись, состоящую не более чем из четырех героических стихов, которые Эний называет «длинными стихами»¹⁷³. Таким образом, относительно гробниц мы знаем суждение также и этого выдающегося мужа, определяющего и допустимые расходы на похороны — от одной до пяти мин¹⁷⁴.

(69) Мне кажется, я разъяснил вам все, что относится к требованиям религии.

КВИНТ.— Вполне разъяснил, брат мой, и притом подробно; но продолжай.

МАРК.— Я продолжу, и так как вам захотелось меня к этому побудить, сделаю это, надеюсь, во время нашей беседы еще сегодня. Платон, вижу я, поступил так же, и вся его речь о законах была произнесена им в течение одного летнего дня¹⁷⁵.

И я так поступлю и буду говорить о магистратах. Конечно, именно магистратуры, после установления религии, более всего укрепляют государственный строй.

АТТИК.— Говори же и следуй намеренному тобой плану.

КНИГА ТРЕТЬЯ

(1, 1) *МАРК*.— Итак, я буду, как и предполагал, следовать мыслям мужа, вдохновленного богами, которого я, глубоко перед ним преклоняясь, прославляю, пожалуй, чаще, чем следовало бы.

АТТИК.— Ты, по-видимому, говоришь о Платоне.

МАРК.— Именно о нем, Аттик!

АТТИК.— Нет, прославления твои никогда не будут ни чрезмерными, ни чересчур частыми. Ибо даже мои единомышленники, желающие, чтобы прославляли только их учителя¹, позволяют мне чтить Платона, как я захочу.

МАРК.— И они, клянусь Геркулесом, поступают правильно. И в самом деле, что более достойно твоего утонченного ума? Ты, по моему мнению, и в жизни, и в своей речи достиг столь трудно дающегося сочетания достоинства и благожелательности.

АТТИК.— Я очень рад, что прервал тебя, так как ты превосходно высказал свое мнение обо мне. Но продолжай, как начал.

МАРК.— Итак, сначала приведем самый закон и укажем его подлинные и свойственные ему достоинства.

АТТИК.— Конечно; так же, как ты поступил, говоря о законе относительно религии.

(2) *МАРК*.— Итак, назначение магистрата, как вы видите, в том, чтобы руководить и отдавать распоряжения правильные, полезные и закономерные. Ибо, подобно тому, как магистратами руководят законы, так народом руководят магистраты, и можно с полным основанием сказать, что магистрат — это закон говорящий, а закон — это безмолвный магистрат. (3) Далее, ничто так не соответствует праву и естественному порядку (говоря это, я хочу, чтобы подразумевалось, что я говорю о законе), как империй², без

которого не могут держаться ни дом, ни гражданская община, ни народ, ни человечество в целом, ни вся природа, ни сама вселенная. Ибо и вселенная повинуется божеству, и ему покорны и моря, и суша, и жизнь людей подчиняется велениям высшего закона³.

(II, 4) Наконец,—перейду к событиям более близким и более известным нам — все древние племена некогда повиновались царям⁴. Этот вид империя вначале предоставлялся справедливейшим и мудрейшим людям (такой порядок был в полной силе и в нашем государстве, пока им правила царская власть), а затем передавался по порядку их потомкам. Такое положение и поныне остается у народов, которыми правят цари. А те народы, которым царская власть была негодна, отказались не от повиновения кому бы то ни было, но от повиновения всегда одному и тому же человеку. Мы же, коль скоро мы преподаем законы свободным народам и ранее изложили в шести книгах свои мысли о наилучшем государственном устройстве⁵, в настоящее время согласуем законы с тем государственным строем, который мы одобряем.

(5) Итак, надо, чтобы существовали магистраты⁶; ведь без их мудрости и усердия гражданская община существовать не может, и распределением полномочий между ними поддерживается весь государственный строй. При этом должна быть установлена не только для магистратов мера их власти, но и для граждан мера их повиновения. Ведь и тот, кто разумно повелевает, рано или поздно должен будет подчиняться, а тот, кто покорно подчиняется, достоин того, чтобы рано или поздно начать повелевать⁷. Поэтому надо, чтобы тот, кто подчиняется, надеялся на то, что он со временем станет повелевать, а тот, кто повелевает, думал о том, что ему вскоре придется подчиняться. И мы — как это делает Харонд в своих законах⁸ — даже предписываем гражданам не только покоряться и повиноваться магистратам, но также и уважать и любить их. Что же касается Платона, то он к потомкам титанов относит тех людей, которые — подобно тому, как титаны восстали против небожителей⁹, восстают против своих магистратов. После этих замечаний перейдем теперь к самим законам, если вы согласны на это.

АТТИК.— И с этим, и с предложенным тобою порядком обсуждения я согласен.

(III, 6) **МАРК.**— «Империй да будет законным; граждане да подчиняются империи покорно и беспрекословно. Магистраты да карают неповинующегося им дурного гражданина пеней, наложением оков, розгами¹⁰, — если ни носитель равной или большей власти¹¹, ни народ, к которому должна быть совершена провокация¹², этому не воспротивятся.

После того, как магистрат произнесет приговор или наложит пеню, решение относительно пени или кары да вынесет народ¹³. В походе¹⁴ да не будет провокации на решение того, кто будет облечен империем,

и все, что повелит тот, кто будет вести войну, да будет законным и обязательным.

Младших магистратов с меньшими правами да будет больше — для исполнения разных обязанностей¹⁵. В походе да повелевают они теми, кем им будет приказано повелевать, и да будут при них трибуны¹⁶; в Городе да охраняют они государственные деньги¹⁷, следят за целостью оков, наложенных на виновных, и совершают смертную казнь¹⁸; от имени государства бьют медную, серебряную и золотую монету¹⁹; разбирают возникающие тяжбы и приводят в исполнение все постановления сената²⁰.

(7) Эдилы да будут управителями Города, попечителями о продовольствии и торжественных играх и да будет это для них первой ступенью к более высоким почетным должностям²¹.

Цензоры да исчисляют народ по возрастам и составляют списки потомства, челяди и имущества; да ведают они городскими храмами, дорогами, водопроводами, эрарием²², поступлением дани; да распределяют они народ по трибам, делят население по имуществу, возрастам и сословиям, назначают юношество в конницу и пехоту, запрещают оставаться безбрачными, надзирают за нравами народа, не оставляют в сенате опозорившихся людей. Да будет их двое и да будут они магистратами в течение пяти лет²³. Остальные магистраты да обладают годичными полномочиями, и власть их да будет в силе в течение всего этого срока.

(8) Должностным лицом, разбирающим вопросы права и творящим суд или приказывающим творить суд по частным делам, да будет претор; да будет он охранителем гражданского права. Да будет у него столько коллег с равной властью, сколько постановит сенат или повелит народ²⁴.

Царским империем да будут облечены двое и да называются они — от слов «идти впереди» [praefere], «судить» [iudicare], «советовать» [consulere] — преторами, судьями, консулами²⁵. В походе да обладают они высшими правами и да не подчиняются они никому. Высшим законом да будет для них благо народа.

(9) Да не берет никто на себя одной и той же магистратуры до истечения десятилетнего срока. Да принимаются во внимание лета в соответствии с законом о возрасте²⁶.

Но когда будет тяжкая война или жестокие распри между гражданами, то да обладает один человек в течение шести месяцев, не более, — если постановит сенат — правами обоих консулов и да будет он, назначенный при полете птицы слева²⁷, главой народа. И да будет при нем начальник конницы, равноправный со всяким, кто будет ведать правосудием. Других магистратов да не будет²⁸.

Но когда не окажется ни консулов, ни главы народа, авспиции да будут в ведении «отцов» и да изберут они из своей среды одного, который сможет надлежащим образом провести в комициях выборы консулов²⁹.

Носители империя, носители власти и легаты — после постановления сената и повеления народа — да покидают Город, справедливо будут справедливые войны³⁰, оберегают союзников, будут воздержны сами и сдерживают своих; да возвеличивают они славу народа и возвращаются домой с честью³¹.

Да не назначают никого легатом ради его личной выгоды³².

Те, кого плебс изберет, числом десять, в свою защиту — ради оказания ему помощи против самоуправства, да будут трибунами плебса и, если они наложат запрет на чье-либо решение или предложат плебсу вынести какое-нибудь постановление, то да имеет это силу; да будут трибуны неприкосновенны и да не оставляют они плебса без своей помощи³³.

(10) Все магистраты да обладают правом авспиций и судебной властью и да составляют они сенат. Его постановления да имеют силу. А если носитель равной или большей власти наложит запрет, то да будет постановление сохранено в записи³⁴.

Сословие это да будет без порока и да служит оно примером для других.

После того, как избрание магистратов, судебные приговоры народа, повеления и запреты будут одобрены голосованием, да будет голосование оптиматом известно, для плебса свободно³⁵.

(IV) Но если будет надобность в каком-либо управлении вне полномочий магистратов, то народ да изберет лицо, которое будет управлять, и да даст ему право управлять.

Право обращаться с речью к народу и к «отцам» да будет у консула, у претора, у главы народа, у начальника конницы и у того лица, которое «отцы» назначат с тем, чтобы оно предложило консулов³⁶; трибуны, которых плебс изберет для себя, да будут вправе обращаться к «отцам»; они же да вносят на рассмотрение плебса то, что будет полезным.

Те предложения, которые будут обсуждаться перед народом или перед «отцами», да отличаются умеренностью.

(11) В случае неявки сенатор да оправдается; иначе да будет отсутствие поставлено ему в вину. Сенатор да говорит в свою очередь и с умеренностью; да будет он знаком с делами народа.

Насилие да не применяется в народе. Носитель равной или большей власти да обладает большими правами. Если во время обсуждения вопроса возникнут беспорядки, то да будет это поставлено в вину то-

му, кто произносил речь. Совершивший интерцессию по пагубному делу да считается гражданином, принесшим спасение.

Те, кто будет выступать с речью, да считаются с авспициями, да подчиняются государственному авгуру, да хранят обнародованные предложения³⁷ в эрарии, да обсуждают каждый раз не более одного дела, да разъясняют народу сущность каждого дела, да позволяют магистратам и частным лицам разъяснять ее народу.

Да не предлагают привилегии³⁸. О смертной казни и гражданских правах предложение да вносится только в «величайшие комиции»³⁹ и при участии тех, кого цензоры распределили по разрядам.

Подарков да не принимают и не дают, ни добываясь власти⁴⁰, ни исполняя свои должностные обязанности, ни исполняя их. Если кто-нибудь нарушит какое-либо из этих положений, то кара да соответствует преступлению.

Цензоры да блюдут подлинность законов. [Должностные лица,] сделавшись частными, да отчитываются перед ними в своей деятельности, не освобождаясь тем самым от ответственности по закону».

Закон прочитан. Приказываю вам отойти и велю вручить вам таблички⁴¹.

(V, 12) *КВИНТ*.— Как кратко ознакомил ты нас, брат мой, с распределением прав всех магистратов; но это относится, пожалуй, голько к нашему государству, хотя ты и прибавил кое-что новое.

МАРК.— Замечание твое, Квинт, вполне справедливо. Это именно то государственное устройство, которое Сципион превозносит в тех книгах⁴² и особенно одобряет; оно осуществимо только при таком именно распределении прав магистратов. Ибо вам следует твердо помнить: на магистратах и на тех, кто ведает делами, государство и держится, причем особенность того или иного государства возможно понять на основании их состава. А так как наши предки, проявив величайшую мудрость и величайшую умеренность, создали это государство, то мне почти не понадобилось вносить в законы что-либо новое.

(13) *АТТИК*.— В таком случае ты рассмотришь причины, почему такое распределение прав магистратов представляется тебе наиболее подходящим,— так же, как ты, по моему совету и просьбе, поступил, говоря о законе относительно религии.

МАРК.— Желание твое, Аттик, я исполню и рассмотрю этот вопрос в целом,— как он был изучен и изложен учеными людьми Греции, а затем, как я задумал, перейду к рассмотрению нашего права.

АТТИК.— Именно такого обсуждения я и жду.

МАРК.— Но об этом многое уже было сказано в книгах о государстве; мне пришлось сделать это, когда я старался найти наилучший вид государственного устройства. Относительно магистратов кое-что было точно и тща-

тельно изложено прежде всего Феофрастом⁴³, а затем стойком Дионом⁴⁴.

(VI, 14) *АТТИК*.— Как? Разве и стоики занимались этим вопросом?

МАРК.— Немного; разве только тот, кого я уже назвал, а впоследствии также и великий и ученейший человек — Панэтий⁴⁵. Ведь стоики прежнего времени рассматривали вопрос о государстве хотя и глубоко, но отвлеченно и не для распространения в народе и среди граждан. Все это преимущественно проистекает из Академии, по почину Платона. Затем Аристотель в своих рассуждениях осветил весь этот вопрос о государственном устройстве, как и Гераклид Понтийский⁴⁶, исходивший из учения того же Платона. Феофраст же, ученик Аристотеля, как вы знаете, был поглощен этими вопросами, а Дикеарх⁴⁷, другой ученик Аристотеля, вовсе не был чужд этим взглядам и учениям. В дальнейшем последователь Феофраста, знаменитый Деметрий Фалерский⁴⁸, о котором я уже говорил, на удивление всем извлек это учение из тайников, где его, пользуясь досугом, скрывали начитанные люди, и вывел его не только на свет солнца и на песок арены, но и для испытаний в битвах. Ведь мы можем назвать многих не особенно ученых людей, бывших великими государственными деятелями, и ученейших людей, неискусных в делах государства; что же касается человека, выдающегося в обоих отношениях, который был бы первым и в занятиях наукой, и в управлении государством, то кто может сравниться с Деметрием?

АТТИК.— Такой человек, думается мне, найтись может — ну, хотя бы один из нас троих. Но продолжай, как ты начал.

(VII, 15) *МАРК*.— Итак, эти ученые поставили вопрос: должен ли быть в государстве один магистрат — с тем, чтобы остальные магистраты подчинялись ему? Так после изгнания царей, как я понимаю, и решили наши предки. Но ввиду того, что царский образ правления, когда-то находивший одобрение, впоследствии был отвергнут не столько из-за недостатков царской власти, сколько из-за пороков царя, то будет казаться отвергнутым только название «царь», а существо дела сохранится, если один магистрат будет приказывать всем остальным. (16) Поэтому Феопомп⁴⁹ не без оснований противопоставил в Лакедемонии эфоров царям, а мы консулам — трибунов. Ведь консул обладает именно той властью, которая основана на праве: ему должны подчиняться все остальные магистраты за исключением трибуна, чья власть была учреждена позднее — для того, чтобы больше не могло совершаться то, что когда-то совершилось. Это прежде всего ограничило права консула, так как появился человек, на которого его власть не распространялась, и так как трибун мог оказать помощь другим людям — не только магистратам, но и частным лицам в случае их неповиновения консулу⁵⁰.

(17) *КВИНТ*.— Ты говоришь о большом зле. Ибо, после возникновения этой власти, значение оптиматов уменьшилось, а сила толпы окрепла.

МАРК.— Это не так, Квинт! Ведь не одни только права консулов неминуемо должны были показаться народу оскорбительными и таящими в себе насилие. После того, как в них было внесено умеренное и мудрое ограничение⁵¹, ...[Лакуна] Под действие закона должны подпадать все.

...Как сможет он защищать союзников, если ему нельзя будет выбирать между полезным и неполезным?

(XIII, 18) «Да возвращаются они домой с честью». И право, доблестные и бескорыстные люди не должны ни от врагов, ни от союзников принести с собой ничего, кроме чести.

Далее совершенно очевидно, что нет ничего более позорного, чем легатство не по делам государства⁵². Не стану говорить, как себя ведут и вели те, кто под предлогом легатства получает наследство или взыскивает деньги по синграфам⁵³. Это, пожалуй, порок, свойственный всем людям. Но я спрашиваю: что действительно может быть более позорным, чем положение, когда сенатор является легатом, но без определенного круга деятельности, без полномочий, без какого-либо поручения от государства? Я, в свое консульство, именно этот вид легатства, хотя сенатором он казался выгодным, все же — и притом с одобрения сената, собравшегося в полном составе, — упразднил бы, не соверши тогда интерцессии жалкий плебейский трибун⁵⁴. Но я все-таки сократил срок легатства, ранее неограниченный: я сделал его годичным. Таким образом, позор остается, но продолжительность его уменьшена. Но теперь, если вы согласны, покинем провинции и возвратимся в Рим.

АТТИК.— Мы-то вполне согласны, но те, кто находится в провинциях, вовсе не согласны на это⁵⁵.

(19) **МАРК.**— Однако, Тит, если они будут подчиняться законам, то самым дорогим для них будет Город, будет их дом и самым многотрудным и тягостным — управление провинцией⁵⁶.

Далее следует закон, определяющий власть плебейских трибунов, существующую в нашем государстве. Говорить о ней подробно необходимости нет.

КВИНТ.— Наоборот, брат мой, лично я, клянусь Геркулесом, хочу знать твое мнение об этой власти. Ведь мне она представляется пагубной, так как возникла во время мятежа и для мятежа⁵⁷. Она впервые возникла — если мы пожелаем вспомнить — во времена гражданской войны, когда части Города были осаждены и захвачены. Затем, после того, как она вскоре была убита⁵⁸ (подобно тому, как, по законам Двенадцати Таблиц, убивают ребенка-урода⁵⁹), она через некоторое время каким-то образом ожила и возродилась, еще более мерзкая и отвратительная.

(IX) И в самом деле, чего только не породила она? Ведь она сперва (этого можно было ожидать от нечестивого существа) лишила «отцов» всего почета, каким они пользовались, все низшее уравнила с высшим, все при-

вела в беспорядок, перемешала. Но, принизив высокое положение первенствовавших людей, она все же не успокоилась. (20) Ибо — не буду говорить ни о Гае Фламинии, ни о событиях, кажущихся уже отдаленными вследствие давности⁶⁰, — какие права оставил честным мужам трибуна Тиберия Гракха? ⁶¹ Впрочем, пятью годами ранее плебейский трибун Гай Куриций, человек самого низкого происхождения и презреннейший, заключил в тюрьму консулов Децима Брута и Публия Сципиона⁶², — каких и сколь выдающихся мужей! — чего ранее никогда не бывало⁶³. Что касается трибуна Гая Гракха, который, как он сам сказал, подбросил на форум кинжалы, чтобы граждане друг друга перерезали, то разве он не ниспроверг всего государственного строя?⁶⁴ А что сказать о Сатурнии⁶⁵, о Сульпиции⁶⁶, о других?⁶⁷ Ведь государство даже не смогло отразить их нападение, не прибегнув к мечу.

(21) Но зачем упоминать о событиях давних и касающихся других, а не о случившихся с нами и свежих в нашей памяти? Нашелся бы, говорю я, когда-либо человек, столь дерзкий и столь враждебный нам, что он замыслил бы поколебать наше положение, не наточив против нас кинжала какого-нибудь трибуна? Преступные и дурные люди, не находя такого человека, не говорю уже — ни в одном доме, нет, даже ни в одном роду, во мраке, спустившемся на государство, сочли нужным волновать роды. Но — обстоятельство, исключительно важное для нас и овевающее память о нас неумирающей славой, — ни за какую плату не удалось найти трибуна, который согласился бы действовать против нас, за исключением того, которому вообще нельзя было быть трибуном⁶⁸. (22) И каких только потрясений не вызвал он! Это были, разумеется, потрясения, какие могло причинить бессмысленное и бесцельное бешенство отвратительного зверя, распаленное бешенством толпы.

Вот почему, — во всяком случае, в этом деле, — я горячо одобряю действия Суллы, который законом своим отнял у плебейских трибунов власть совершать беззакония, но оставил им власть оказывать помощь⁶⁹, а Помпея нашего — за все его другие деяния — я всегда превозношу величайшими и высшими похвалами, но когда речь идет о власти трибунов, то я молчу⁷⁰. Ведь порицать его мне не хочется, а хвалить его я не могу.

(X, 23) *МАРК*. — Недостатки трибуна ты, Квинт, видишь превосходно, но, когда что бы то ни было осуждают, несправедливо перечислять только дурные стороны и отмечать недостатки, не обратив внимания на хорошие стороны. Ведь таким образом возможно осудить даже консулат, если собрать проступки консулов, называть которых мне не хочется. Я лично признаю, что самая власть трибунов таит в себе некоторое зло, но без этого зла не было бы и того доброго начала, которого в ней искали. «Власть плебейских трибунов, — скажешь ты, — чрезмерна». Кто отрицает это? Но сила народа бывает гораздо более дика и необузданна, а ведь она, когда

у народа есть вожак, иногда бывает более мягкой, чем при отсутствии вожака⁷¹. Ведь вожак помнит, что он действует на свою ответственность, народ же, в порыве своем, опасности не сознает.— «Но его иногда подстрекают».— А в то же время часто и успокаивают. (24) И в самом деле, найдется ли столь обезумевшая коллегия, чтобы в ней ни один из десяти членов не был в здравом уме, когда даже против Тиберия Гракха не преминул совершить интерцессию трибун, уже не говорю — отстраненный, нет, лишенный полномочий?⁷² И что другое нанесло удар Тиберию Гракху, как не то, что он отнял у коллеги власть совершать интерцессию?

Но оцени проявившуюся в этом мудрость наших предков: после того, как «отцы» предоставили плебсу эту власть, он сложил оружие, мятеж прекратился, и было найдено разумное решение, благодаря которому простые люди могли считать себя равными первенствующим, а в этом одном было спасение государства.

«Но ведь Гракхов было двое».— А помимо них (хотя можно назвать многих, так как избиралось десять трибунов) ты не найдешь ни одного злокозненного трибуна. Людей ничтожных? Пожалуй, найдешь. Нечестных? Быть может, даже не одного. Но ведь если высшее сословие не навлекает на себя ненависти, то и плебс не вступает в опасную борьбу за свои права. (25) Поэтому либо не следовало изгонять царей, либо надо было — на деле, а не на словах — дать плебсу свободу. Между тем она была дана так, что плебс должен был, несмотря на многие превосходные установления, склоняться перед авторитетом первенствовавших людей.

(XI) Мы в деятельности своей, мой добрейший и любимый брат, правда, пострадали от власти трибуна, но вовсе не вступали в борьбу с трибуном. Ведь к нашему положению не раздраженный плебс почувствовал ненависть; нет, были сняты оковы, и на нас были натравлены рабы, а к этому прибавилась и угроза со стороны войска⁷³. И нам тогда пришлось бороться не с памятной всем пагубой⁷⁴, а с тяжелейшим положением в государстве, и не склонись я перед ним, отечество не могло бы воспользоваться тем благодеянием, какое я ему оказал⁷⁵. И это подтвердил исход событий. В самом деле, был ли, не говорю уже — свободный человек, нет, даже раб, достойный свободы, которому наше избавление не было бы по-сердцу?

(26) И если действия, которые мы совершили ради блага государства, привели к тому, что я не всем людям стал угоден, если нас изгнала разожженная ненависть бешеной толпы, а самоуправство возбудило против меня народ,— подобно тому, как Гракх возбудил его против Лената⁷⁶, а Сатурнин против Метелла⁷⁷,— то смирился с этим, брат мой, и пусть нас утешают не столько философы, жившие в Афинах и велящие так поступать, сколько прославленные мужи, которые, будучи изгнаны из нашего города, предпочли расстаться с неблагодарными согражданами, только бы не жить среди подлых⁷⁸.

Что касается Помпея, чье поведение в одном этом деле ты не вполне одобряешь⁷⁹, то ты, мне кажется, не обращаешь должного внимания на то, что ему приходилось считаться не только с тем, что было наилучшим, но и с тем, что было необходимым. Ведь он понял, что восстановление этой власти в нашем государстве долгие откладывать уже нельзя. Ибо как мог бы наш народ быть лишен власти, которую он познал, после того, как он, ее еще не зная, добивался ее так настойчиво? Ведь это был долг мудрого гражданина — не оставлять дела, отнюдь не пагубного и столь популярного, что противиться ему было невозможно, в руках гражданина, достигшего угрожающей популярности. Ты знаешь, брат мой, в беседе такого рода, дабы можно было перейти к другому вопросу, принято говорить: «Очень хорошо» или «Совершенно верно».

КВИНТ. — Я не вполне согласен с тобой, но ты все же продолжай, прошу тебя.

МАРК. — Значит, ты упорствуешь и остаешься при своем прежнем мнении?

АТТИК. — Да и я, клянусь Геркулесом, вовсе не расхожусь во мнении с нашим Квинтом; но послушаем дальше.

(XII, 27) **МАРК.** — Далее, всем магистратам были даны право авспиций⁸⁰ и судебные права: судебные права — с тем, чтобы существовала власть народа, к которой была бы возможна провокация⁸¹; право авспиций — для того, чтобы оправдываемая отсрочка во многих случаях препятствовала созыву комиций, который могли бы принести вред⁸². Ведь бессмертные боги не раз пресекали авспициями незаконные стремления народа.

Что касается правила, что сенат должен состояться из бывших магистратов, то интересам народа вполне соответствует, чтобы высшего положения можно было достигнуть только по воле народа, с упразднением цензурской кооптации⁸³. Но связанный с этим недостаток тут же исправляется, так как наш закон подтверждает авторитет сената. (28) Ведь далее говорится: «Его постановления да имеют силу»⁸⁴. Ибо положение таково: если сенат главенствует в решениях по делам государства, то всякое его постановление должны защищать все, а если остальные сословия хотят, чтобы государство управлялось в соответствии с решениями первого сословия⁸⁵, то это соразмерное и преисполненное согласия государственное устройство может держаться на основе такого распределения прав, когда власть принадлежит народу, а ответственность несет сенат, — особенно если останется в силе следующий закон, в котором говорится: «Сословие это да будет без порока; да служит оно для других сословий примером».

КВИНТ. — Закон этот, брат мой, — чтобы «сословие было без порока», — превосходен, но положение, что сословие должно быть без порока, может быть слишком широко истолковано и требует разъяснения со стороны цензора⁸⁶.

(29) *АТТИК*.— Хотя сословие это и все на твоей стороне и с величайшей благодарностью вспоминает о твоём консульстве я, с твоего позволения, скажу: оно в состоянии dokonать не только цензоров, но и всех судей⁸⁷.

МАРК.— Оставь это, Аттик! Ведь мы беседуем не о нынешнем сенате и не об этих людях, которые входят в его состав теперь, а о будущих — если найдутся желающие повиноваться этим законам. Ибо, так как закон велит, чтобы сенат был свободен от каких-либо пороков, то ни один человек, страдающий пороком, не должен вступать в это сословие. Но достигнуть этого трудно, разве только путем воспитания и обучения, о чем мы, пожалуй, еще поговорим, если будут повод и время.

(30) *АТТИК*.— Повод, разумеется, будет, так как порядок рассмотрения законов зависит от тебя. Что касается времени, то в твоём распоряжении весь день. А я, даже если ты пропустишь это, потребую от тебя рассмотрения вопроса о воспитании и обучении.

«Да служит оно для других сословий примером». Если мы будем верны этому положению, то мы сохраним все. Ведь если страсти и пороки первенствующих людей обыкновенно портят все государство, то их воздержанность оно очищается и исправляется. Великий муж и наш общий друг, Луций Лукулл⁸⁸, когда его попрекнули великолепием его тускульской усадьбы, говоря, сказал (и это сочли удачайшим ответом), что у него двое соседей: выше — римский всадник, ниже — вольноотпущенник, и так как их усадьбы великолепны, то и ему следует позволить то же, что позволено им, принадлежащим к более низкому сословию. Но разве ты, Лукулл, не видишь, что ты сам вызвал у них такое стремление? Ведь им этого не позволили бы, если бы и ты так не поступил. (31) В самом деле, кто стал бы терпеть поведение этих людей, видя, что их усадьбы забиты статуями и картинами, одни из которых принадлежат государству, а другие даже взяты из храмов и священных мест?⁸⁹ Кто не постарался бы сломить их алчность, не будь те, кто должен был ее сломить, одержимы такой же страстью?

(XIV) И зло не только в том, что проступки совершают первенствующие люди (хотя это само по себе — большое зло), сколько в том, что у них находится очень много подражателей. Ибо, если обратиться к прошлому, то оказывается, что государство было таково, каковы были люди, занимавшие в нем наивысшее положение, и какое бы изменение ни произошло в среде первенствовавших, такое же последовало и в народе. (32) И это гораздо справедливее, чем мнение нашего Платона; ведь, по его словам, с изменением музыкальных напевов изменяется и государственное устройство⁹⁰. Я же полагаю, что с изменением всего образа жизни людей знатных изменяются и нравы в государствах. Порочные первенствующие люди причиняют государству ущерб тем больший, что они не только воспринимают пороки сами, но и распространяют их в государстве. Мешают они не только тем, что развращаются сами, но и тем, что развращают других, и примером

своим они вредят больше, чем своими проступками. Впрочем, правило это, распространившееся на все сословие, можно также и ограничить: ведь многие и даже совсем немногие, вознесенные почетом и славой, могут и развратить граждан, и исправить их нравы. Но на сегодня этого достаточно; это рассмотрено подробнее в упомянутых мною книгах⁹¹. Итак, перейдем к тому, что нам еще остается обсудить.

(XV, 33) Далее следует положение о голосовании, которое, по моему мнению, должно быть «известно оптиматам, а для народа должно быть свободным».

АТТИК.— На это я, клянусь Геркулесом, обратил внимание, но не понял достаточно хорошо, что́ хочет сказать этот закон, вернее, эти слова.

МАРК.— Скажу тебе это, Тит, и остановлюсь на трудном, подолгу и часто разбиравшемся вопросе о том, как лучше подавать голоса при представлении полномочий магистрату, при вынесении приговора подсудимому, при принятии закона или предложения,— тайно или открыто.

КВИНТ.— Разве и это вызывает сомнения? Я, пожалуй, снова не соглашусь с тобой.

МАРК.— Этого не будет, Квинт! Ведь я придерживаюсь такого мнения, какого, как мне известно, всегда придерживался и ты,— что при голосовании самым лучшим было громогласное заявление⁹²; но достижимо ли это, следует еще подумать.

(34) *КВИНТ*.— Но я все же скажу с твоего позволения, брат мой! Именно такая точка зрения и вводит неискушенных людей в глубокое заблуждение; весьма часто государству вредит, когда какую-нибудь меру называют правильной и справедливой, но заявляют, что провести ее, то есть оказать противодействие народу, невозможно. Ведь противодействие встречается прежде всего тогда, когда поступают сурово; затем, быть побежденным силой в правом деле лучше, чем уступить в дурном. Кто не понимает, что закон о голосовании подачей табличек уничтожил весь авторитет оптиматов? Народ, пока был свободен, никогда не нуждался в этом законе; но будучи угнетен владичеством и господством первенствовавших людей, он потребовал его издания. По этой причине по делам самых могущественных людей более суровые приговоры выносятся открытым голосованием, а не подачей табличек. Вот почему и надо было вырвать из рук могущественных людей этот непомерный произвол при голосовании по сомнительным делам, а не давать народу лазейку, благодаря которой — когда честные люди не знают, каково мнение каждого, — табличка скрывает злостное голосование. Поэтому среди честных людей никогда нельзя было найти ни человека, который согласился бы внести такое предложение, ни человека, который согласился бы его отстаивать.

(XVI, 35) Ведь существуют четыре закона о голосовании подачей табличек⁹³. Первый из них касался предоставления магистратур. Это Габиниев

закон, внесенный человеком малоизвестным и подлым. Два годами позже был издан Кассиев закон о судебных приговорах народа, предложенный Луцием Кассием, человеком знатным, но — с позволения его ветви рода! — отвернувшимся от честных людей и, в расчете на благоволение народа, собиравшим всяческие пересуды. Третий — закон Карбона о принятии или не принятии законов, закон мятежного и бесчестного гражданина; ведь даже его возвращение на сторону честных людей не смогло оправдать его в их глазах⁹⁴. (36) Открытое голосование, по-видимому, было оставлено для одного случая — для дел о государственной измене, и это исключение сделал сам Кассий. Но Гай Целий также и в этом суде ввел подачу табличек и потом всю жизнь сокрушался из-за того, что он, желая уничтожить Гая Попиллия⁹⁵, причинил вред государству. А дед наш, человек редкостной доблести, в течение всей своей жизни выступал в нашем муниципии против Марка Гратидия⁹⁶, на сестре которого, бабке нашей, он был женат. Гратидий предлагал закон о подаче табличек; ведь он, как говорится, «поднимал волны в ложке для жертвенных возлияний»; такие волны сын его Марий впоследствии вызвал в Эгейском море⁹⁷. И деду нашему, когда дело было перенесено в сенат, консул Марк Скавр⁹⁸ сказал: «О, если бы ты, Марк Цицерон, при твоём мужестве и доблести, вершил вместе с нами важнейшими государственными, а не муниципальными делами!»

(37) Поэтому, так как мы теперь не рассматриваем законов римского народа, но либо требуем восстановления тех из них, которые были отняты у нас, либо составляем новые законы, то ты, по моему мнению, должен называть нам не то, чего можно было бы добиться с нашим народом, но то, что наилучшее. Ведь в издании Кассиева закона повинен также и твой Сципион⁹⁹, по чьему замыслу он, говорят, и был предложен, а ты, если предложишь закон о подаче табличек, отвечать за него будешь сам. Ведь я не сторонник такого закона, как и наш Атик, насколько можно судить по выражению его лица.

(XVII) АТИК.— Мне лично никогда не нравилась ни одна мера в пользу народа, и я утверждаю, что наилучшее государственное устройство — то, которое было создано нашим собеседником в его консульство: когда у власти находятся наилучшие люди.

(38) МАРК.— А ведь вы, вижу я, и без таблички отвергли мой закон. Но я, хотя Сципион и достаточно сказал в свою пользу в тех книгах¹⁰⁰, предоставляю народу эту свободу — с тем, однако, чтобы влиянием обладали и его оказывали наилучшие люди. Ведь закон о голосовании, прочитанный мною, гласил: «Голосование да будет оптиматам известно, для плебса да будет оно свободным». Цель этого закона в том, чтобы отменить все законы, которые всячески оберегают тайну голосования, не позволяя никому ни взглянуть на табличку, ни спросить голосующего, ни заговорить с ним. Ведь даже Мариев закон требовал, чтобы помосты были узкими¹⁰¹.

(39) Если все эти меры направлены против людей, склонных скупать голоса (как это и бывает в действительности), то я не порицаю их¹⁰²; но если никакие законы все же не смогут уничтожить подкупа избирателей, то пусть народ сохраняет табличку, как бы защищающую его свободу, только бы ее показывали и добровольно предъявляли всем наилучшим и достойнейшим гражданам — с тем, чтобы свобода была именно в том, в чем народу дается власть — оказывать почет и доверие честным людям. Таким образом, теперь и происходит то, о чем ты, Квинт, только что упомянул, — подачей табличек осуждают меньшее число людей, чем их осуждали открытым голосованием, так как народ довольствуется уже тем, что обладает таким правом; с сохранением этого, в остальном воля народа — к услугам авторитетных и влиятельных людей. Итак (не стану говорить о голосах, недобросовестно приобретенных посредством подкупа), неужели ты не видишь, что — если только подкуп не пущен в ход — народ желает при голосовании знать мнение наилучших мужей? Поэтому наш закон и создает представление о свободе, сохраняет за лучшими людьми их авторитет, устраняет повод для соперничества... [Лакуна]

(XVIII, 40) Затем следует вопрос о людях, имеющих право обращаться с речью к народу или к сенату. Потом — важный и, по моему мнению, превосходный закон: «То, что обсуждается перед народом или перед „отцами“, да обсуждается с умеренностью», то есть с самообладанием и спокойно¹⁰³. Ведь говорящий оказывает большое влияние не только на намерения и волю, но, пожалуй, и на выражение лиц тех, перед кем он говорит. Если это происходит в сенате, то достигнуть этого не трудно; ведь от самого сенатора зависит не подчиниться мнению других людей, но хотеть, чтобы они следовали именно его предложению. На него распространяются три требования: присутствовать, так как вопрос приобретает значение, когда в сборе все сословие; говорить в свою очередь, то есть когда ему предложат; говорить умеренно, а не без конца. Ведь краткость при изложении своего мнения — большая заслуга не только сенатора, но и оратора, и никогда не следует держать слишком длинную речь (это бывает весьма часто при соискании должностей); только в том случае, когда сенат не собрался в полном составе и ни один магистрат не приходит на помощь, полезно говорить в течение всего дня¹⁰⁴, как и в том случае, когда вопрос столь важен, что от оратора требуется изобилие — либо с целью убеждения, либо с целью разъяснения. В обоих этих случаях бывает превосходен наш Катон¹⁰⁵.

(41) Когда закон прибавляет: «Да будет он знаком с делами народа», — то это значит, что сенатор должен знать государственные дела, а это охватывает много вопросов: знать, сколько в государстве солдат, каково состояние эрария, кто союзники государства, кто его друзья, кто его данники, какие относительно них существуют законы, условия, договоры. Сенатор должен быть знаком с порядком принятия постановлений, знать примеры из

прошлого. Вы теперь видите, как много надо знать, уметь и помнить такого, без чего сенатор никак не может быть подготовлен к своей деятельности¹⁰⁶.

(42) Далее следует вопрос о речах перед народом. Первое и важнейшее правило гласит: «Применения силы да не будет!» Ибо нет ничего более пагубного для государства, ничего более противного праву и законам, ничего менее подобающего гражданину и менее человеческого, чем насильно проводить что бы то ни было, живя в упорядоченном и устроенном государстве. Закон велит подчиняться интерцессии; это наилучший образ действия, так как лучше, чтобы хорошее дело встретило противодействие, чем было допущено дурное.

(XIX) А если я постановляю, чтобы «дурные последствия вменялись в вину лицу, выступавшему с речью», то я высказал все это в соответствии с мнением Красса¹⁰⁷, мудрейшего человека; это мнение было одобрено сенатом, признавшим, — по докладу консула Гая Клавдия¹⁰⁸ о мятеже Гнея Карбона, — что без воли того, кто обращался к народу с речью, мятеж возникнуть не может, так как это лицо всегда вправе распустить собрание, как только будет совершена интерцессия или начнутся беспорядки. Но тот, кто допускает, чтобы собрание продолжалось, когда обсуждать вопрос уже невозможно, стремится к насильственным действиям, за которые он, на основании этого закона, и должен нести ответственность.

Далее говорится: «Совершивший интерцессию по пагубному делу да считается гражданином, принесшим спасение!»¹⁰⁹ (43) Кто же не придет со всей преданностью на помощь государству, когда закон превозносит его столь прекрасной хвалой?¹¹⁰

Затем подряд следуют правила, содержащиеся также и в официальных постановлениях и законах: «Да соблюдают они авспиции, да подчиняются [государственному] авгуру!» Долг добросовестного авгура — помнить, что во времена важнейших событий в государстве ему следует быть на месте и что он назначен советчиком и помощником Юпитеру Всеблагому Величайшему; он должен знать, что ему надлежит обучать тех людей, которым он повелит совершать авспиции, и что ему, по воле богов, доверены участки неба¹¹¹, дабы он мог каждый раз получать оттуда помощь для государства. Далее речь идет о промульгации, о раздельном обсуждении вопросов¹¹², о предоставлении частным лицам и магистратам возможности говорить перед народом.

(44) Далее следуют два превосходных закона, перенесенных из Двенадцати Таблиц¹¹³; один из них упраздняет привилегии¹¹⁴; другой позволяет вносить предложения о всей совокупности гражданских прав только в «величайшие комиции»¹¹⁵. И то, что уже в те времена, когда еще не находилось мятежных плебейских трибунов, когда о них еще даже не думали, предки наши проявили такое большое предвидение, изумительно. Издавать

законы, направленные в ущерб интересам частных лиц, они не велили; ибо это — привилегия. Есть ли что-либо более несправедливое? Ведь смысл закона именно в том, что он принят и установлен для всех. Предки наши позволили проводить предложения, касающиеся отдельных лиц, только в центуриатских комициях. Ибо народ, когда он распределен на основании ценза, по сословиям и возрастам¹¹⁶, при голосовании проявляет осмотрительность бóльшую, чем тогда, когда он созван вперемежку по трибам.

(45) Тем справедливее были слова Луция Котты¹¹⁷, мужа большого ума и необычайной мудрости, заявившего при обсуждении моего дела, что обо мне вообще не было принято никакого постановления¹¹⁸. Мало того, говорил он, что те комиции собирались в присутствии вооруженных рабов; трибутские комиции, утверждал он, решать вопрос о совокупности гражданских прав не правомочны и вообще никакие комиции не могут решать вопрос о привилегии. Поэтому я, по его мнению, не нуждался в издании закона, так как относительно меня вообще ничего не было совершено в соответствии с законами¹¹⁹. Но и я, и прославленные мужи предпочли, чтобы именно о том самом человеке, о котором, по утверждению самих рабов и грабителей, ими было принято какое-то постановление, свое суждение высказала вся Италия¹²⁰.

(XX, 46) Далее следуют законы о взяточничестве и домогательстве должностей¹²¹. Так как преступления эти должны караться судебными приговорами в большей степени, чем словами, то прибавляется: «Кара да соответствует преступлению!» — дабы каждый нес наказание в соответствии со своим проступком: чтобы самоуправство каралось утратой гражданских прав, алчность — пеней, искательство почетных должностей — дурной славой.

Последние из законов у нас не применяются, но государству необходимы. Хранения записей законов у нас нет; поэтому законы у нас такие, каких желают наши прислужники: мы спрашиваем о них у наших письмоводителей, но официальноными записями, заверенными в архивах, не располагаем. Греки заботились об этом больше: у них избирались «номофилаки» [хранители законов], и они следили не только за записями (это делалось также и во времена наших предков), но и за поступками людей, которых они заставляли соблюдать законы. (47) Заботу эту следует поручить цензорам, так как мы желаем, чтобы они всегда существовали в государстве. Магистраты, срок полномочий которых уже истек, должны сообщать и докладывать цензорам о своей деятельности во время магистратуры, а цензоры должны составлять себе предварительное суждение о ней. В Греции это делается при посредстве официально назначаемых обвинителей, но они могут быть строги только в том случае, если высказываются добровольно. Поэтому лучше, чтобы бывшие магистраты давали отчет и сообщали о своей деятельности цензорам, а применение закона было всецело предоставлено обвинителю и суду.

Но вопрос о мигистратах уже рассмотрен достаточно. Или вы, быть может, хотите каких-либо дополнений?

АТТИК.— Как? Если мы молчим, то неужели сам вопрос не напоминает тебе, о чем именно тебе следует поговорить?

МАРК.— Мне? Я думаю — о судоустройстве, Помпоний! Ведь это связано с магистратурами.

(48) *АТТИК.*— Как? А о правах римского народа — так, как ты начал, — ты не считаешь нужным поговорить?

МАРК.— Какие же у тебя основания желать разъяснений по этому вопросу?

АТТИК.— У меня? Да ведь незнание этого людьми, занимающимися государственной деятельностью, я считаю позорнейшим. Ибо, подобно тому, как о законах справляются у письмоводителей, как ты только что сказал, так большинство магистратов, замечая я, ввиду неосведомленности в своих правах, разбираются в них лишь настолько, насколько этого хотят их прислужники. Поэтому, если ты, предлагая законы относительно религии, счел нужным поговорить об отказе от священнодействий, то долг твой также — после того, как магистратуры установлены законным путем, — постараться рассмотреть вопрос о правах носителей власти.

(49) *МАРК.*— Я сделаю это кратко, если смогу. Ибо об этом твоему отцу написал его товарищ Марк Юний¹²² более подробно и притом, — во всяком случае, по моему мнению, — со знанием дела и обстоятельно. Мы же должны о естественном праве размышлять и высказываться по своему разумению, а о правах римского народа говорить только то, что нам оставлено и передано.

АТТИК.— Вполне согласен с тобой и ожидаю именно того, о чем ты говоришь. ...[Лакуна]

ФРАГМЕНТЫ

Книга I

Как вселенная, ввиду общности природы всех своих составных частей, держится и зиждется на их взаимном соответствии, так все люди, объединенные природой, враждуют между собой вследствие злонравия своего и не понимают, что они родственны по крови и находятся под одной и той же защитой. Если бы люди это соблюдали, они вели бы поистине жизнь божественную (Лактанций, *Instit. div.*, V, 8, 10).

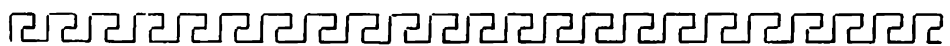
Книга V

Так как солнце, по-видимому, лишь немного склонилось за полдень, а эти молодые деревья еще не дают достаточной тени в этом месте, то не

спуститься ли нам к реке Лирис и не обсудить ли нам то, что еще остается рассмотреть, под тенью вон тех ольховых деревьев? (Макробий, «Сатурналии», VI, 4, 8).

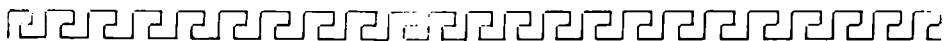
Неизвестная книга

И порадуемся за себя, так как смерть принесет нам состояние, либо лучшее, чем то, в каком мы находимся при жизни, либо, во всяком случае, не худшее; ведь когда, при отсутствии тела, дух сохраняет свою силу, то это жизнь божественная, а при отсутствии ощущений, конечно, ничего дурного больше быть не может (Лактанций, Instit. div., III, 19, 2).

П Р И Л О Ж Е Н И Я

ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ТРАКТАТЫ ЦИЦЕРОНА

(«О государстве» и «О законах»)

Цицерон широко известен как знаменитый оратор,— его имя даже стало нарицательным,— значительно менее он известен как политический деятель и почти вовсе неизвестен как философ. Такое распределение «аспектов» его славы не случайно. Как представитель ораторского искусства и римской литературы, он прочно и на века вошел в историю мировой культуры; как политический деятель он имел отношение к такой эпохе и событиям, которые ныне интересуют лишь историков (и то далеко не всех!) и, наконец, как философ он едва ли может считаться крупным и самостоятельным мыслителем, сказавшим в этой области какое-то новое слово¹. И тем не менее его философские произведения — в особенности те, которые отобраны для настоящего издания,— представляют большой интерес.

Они представляют интерес, прежде всего, как идеологический памятник, отражающий политические воззрения и теории, имевшие распространение в определенных кругах римского общества и оказавшие длительное воздействие на развитие этой идеологии, включая эпоху торжества христианской церкви. Кроме того, трактаты Цицерона «О государстве» и «О законах» крайне ценны как памятник исторический, сохранивший многие важные сведения и подробности, главным образом относительно государственного устройства римской республики. И, наконец, названные трактаты Цицерона важны и интересны еще тем, что они дают нам представление о ряде греческих философских трудов эллинистической эпохи, которые до нас не дошли, но на которые Цицерон неоднократно опирается в своем изложении.

В начале своей карьеры Цицерон интересовался философией лишь постольку, поскольку видел в ней одну из основ ораторского образования. Он начал заниматься философией еще в молодые годы, сначала в Риме, где слушал эпикурейца Федра, академика Филона и стоика Диодота. В 79 г.

¹ Общую оценку Цицерона как оратора, политического деятеля и писателя, а также биографические данные см.: История римской литературы, т. 1. М., 1959, изд. АН СССР, стр. 178—233; И. М. Тронский, История римской литературы. Л., 1947, стр. 327—339; Марк Туллий Цицерон, Речи, т. 1. М., 1962, изд. АН СССР, стр. 365—385, вступительная статья М. Е. Грабарь-Пассек. Издание подготовили В. О. Горенштейн и М. Е. Грабарь-Пассек.

он совершает с образовательной целью поездку в Грецию. В Афинах он посещает чтения эпикурейца Зенона Сидонского и академика Антиоха Аскалонского. На Родосе состоялось его знакомство с крупным представителем стоической школы — Посидонием, с которым он продолжал поддерживать отношения и в дальнейшем.

Общефилософские воззрения Цицерона отличались эклектизмом. Его основными источниками были представители новых (эллинистических) философских школ. Хотя он часто ссылается на Платона и уверяет, что следует ему, на самом же деле глубокого знакомства и понимания философской системы Платона он не обнаруживает. В теории познания он скорее всего придерживается взглядов, характерных для последователей новой Академии («пробабилизм»), в вопросах этики он примыкает то к стоикам, то и перипатетикам.

Безусловной заслугой Цицерона следует считать живое, ясное и доступное изложение философских доктрин, а также введение большого количества философских терминов в латинский язык. В одном из писем своему другу Аттику он так характеризовал свою работу в этой области: «Что касается латинского языка — не беспокойся. Ты спросишь: как ты пишешь такие сочинения? — Это — «копии»: они создаются с меньшим трудом: я только доставляю слова, которыми располагаю в изобилии» (Цицерон, «Письма к Аттику», XII, 52, 3; Плутарх, «Цицерон», 40). И поэтому, хотя изложение его философских трактатов не отличалось систематичностью, хотя он мог спутать — и неоднократно путал на самом деле — академиков с перипатетиками, хотя он не высказывал новых, глубоких и оригинальных взглядов, тем не менее Цицерон сумел своими трактатами достичь другой, и не менее важной цели — пробудить в римском обществе интерес к философии, которая с этого времени становится существенным и даже необходимым звеном в системе римского образования.

Философские произведения Цицерона написаны в поздний период его деятельности. Они относятся к тому времени, когда Цицерон — отнюдь не по собственному желанию, но волей обстоятельств — был выключен из активной политической жизни. Это происходило дважды: в годы господства так называемого первого триумvirата (60—51 гг.) и диктатуры Цезаря (48—44 гг.). Интересующие нас диалоги «О государстве» и «О законах» написаны в первый из этих вынужденных перерывов, а именно между 54 и 51 гг. Так как политическая ситуация этих лет, несомненно, оказала большое влияние на умонастроение Цицерона, на его позиции в развернувшейся борьбе и, в конечном счете, на выбор темы и ее трактовку, то необходимо, хотя бы в общих чертах, обрисовать обстановку, сложившуюся в Риме в 60—51 гг.

Как известно, в 60 г. возник так называемый первый триумvirат, т. е. союз трех крупных военных и политических деятелей Рима — Помпея, Красс-

са, Цезаря. Этот союз, хоть он и представлял собою негласное соглашение, в первые же месяцы своего существования превратился в руководящую силу римского государства. Трех названных деятелей заставили объединиться их личные цели и интересы, которые во многом были различны, но в одном безусловно совпадали — в своей антисенатской направленности. Недаром ярый сторонник сенатской олигархии Катон-младший говорил о том, что для римского государства (т. е. опять-таки для «сенатской республики») не так страшна борьба политических группировок и их главарей или даже гражданская война, как объединение этих сил, союз между ними (Плутарх, «Помпей», 47; «Цезарь», 13).

Первым ошутимым результатом деятельности триумvirата было избрание Цезаря в консулы на 59 г. Он же, в свою очередь, постарался полностью реализовать обязательства, принятые им по отношению к своим коллегам. Через народное собрание был проведен *lex Iulia de actis Pompeii*, согласно которому утверждались все распоряжения Помпея на Востоке (т. е. во время его войны с Митридатом, а также в результате походов в Закавказье и Сирию), которые долгое время не имели силы из-за противодействия сената (Дион Кассий, 38, 7; Плутарх, «Лукулл», 42; «Помпей», 48; Аппиан, «Гражданские войны», II, 13). Также, минуя сенат, Цезарь провел через народное собрание *lex Iulia de publicanis*, в результате чего была снижена на одну треть откупная сумма налогов в провинции Азии — вопрос, с которым публиканы уже обращались в сенат, но безуспешно. (Цицерон, «Письма к Аттику», II, 16, 2; Дион Кассий, XXXVIII, 7; Светоний, «Юлий», 20.) Это было сделано, несомненно, в угоду Крассу, отстаивавшему интересы римского всадничества. И, наконец, сам Цезарь после своего консульства получил (по *lex Vatinia de provincia Caesaris*) в управление Цисальпинскую Галлию вместе с Иллириком, сроком на пять лет и с правом набора трех легионов². Вскоре к этим провинциям была присоединена еще и Нарбонская Галлия (с правом набора дополнительного легиона).

В октябре 59 г. в плебейские трибуны (опять-таки при содействии Цезаря) был избран Публий Клодий. Это — один из последних крупных деятелей римской демократии и, кстати сказать, заклятый враг Цицерона. В числе первых законопроектов, проведенных во время его трибуната, фигурировал закон, направленный против тех магистратов, которые были повинны в казни римских граждан, совершенной без суда (Дион Кассий, XXXVIII, 14; Веллей Патеркул, II, 45). Всем было ясно, что в данном случае имелся в виду Цицерон и его расправа со сторонниками Катилины, учиненная при подавлении заговора.

² См.: Цезарь, «Галльская война», I, 10; I, 21; Цицерон, «Речь против Ватиния», 15, 35; «Речь о консульских провинциях», 15, 36; Дион Кассий, XXXVIII, 8; Плутарх, «Помпей», 48; «Цезарь», 14; «Катон мл.», 33; Аппиан, «Гражданские войны», II, 33; Светоний, «Юлий», 22.

Цицерон после опубликования законопроекта вел себя отнюдь не героически. Он облачился в траур и униженно просил консула Писона и Помпея о защите. Помпею он даже бросился в ноги. Так как все эти попытки не имели успеха, то, по свидетельству Аппиана, Цицерон, одетый в бедную и грязную одежду, не постеснялся прямо на улицах Рима останавливать прохожих, ища у них сочувствия и поддержки (Аппиан, «Гражданские войны», II, 15; Плутарх, «Цицерон», 30).

Римские всадники и часть сенаторов также облачились в траур. Была отправлена особая депутация к консулам. Она, однако, подверглась нападению вооруженного отряда Клодия, консулы отказались поддержать Цицерона, а когда, наконец, и сам Катон посоветовал ему добровольно уехать из Рима, то Цицерон понял, что игра проиграна и еще до принятия закона Клодия покинул Рим и отправился в Грецию. Дом его в Риме был разрушен, усадьбы разграблены, значительная часть имущества конфискована.

Чтобы превратить добровольное изгнание Цицерона в акт, имеющий юридическую силу, Клодий добился принятия еще одного закона, уже открыто направленного против Цицерона (*lex Clodia de exilio Ciceronis*). Закон этот подчеркивал, что именно Цицерон должен подпасть под более ранний и сформулированный в более общем виде закон. Под страхом смертной казни запрещалось предоставлять убежище изгнаннику (если он окажется на расстоянии менее 500 миль от Рима) и запрещалось когда-либо в будущем ставить вопрос о пересмотре или отмене данного закона (Цицерон, «Письма к Аттику», III, 23, 2—4; «Речь в сенате после возвращения из изгнания», 4, 8; «Речь о доме», 26, 68; 27, 70).

Но последнее положение закона оказалось чрезмерным, а потому и не реальным. Цицерон пробыл в изгнании неполных полтора года. За это время обстановка в Риме изменилась. В противовес Клодию сенатскими кругами был выдвинут плебейский трибун 57 г. Милон, по примеру Клодия организовавший вооруженные отряды из своих сторонников. Его начал поддерживать Помпей, который в этот период сблизился с сенатом. Поэтому, не без участия Помпея, через народное собрание было проведено решение о возвращении Цицерона в Рим. В августе 57 г. Цицерон высадился в Брундисии, и его путь до Рима, куда он прибыл в начале сентября, превратился в триумфальное шествие. В Риме он выступил с благодарственными речами перед сенатом и перед народом. Казалось бы, такие события, как ослабление позиций Клодия, сближение Помпея с сенатом, возвращение Цицерона в Рим, свидетельствовали об укреплении влияния сенатских кругов, а следовательно, и о возможности для Цицерона снова принимать участие в политической жизни Рима. Однако ближайшие события показали всю иллюзорность его надежд.

Весной 56 г. в г. Луке (северная Этрурия) произошло свидание триумфиров. О значении, каким фактически пользовалось это неофициальное пра-

вительство, свидетельствует тот факт, что в Луку прибыло 200 сенаторов, а 120 дикторов сопровождало съехавшихся сюда должностных лиц (Плутарх, «Помпей», 51; «Цезарь», 21; Аппиан, II, 17). Свидание в Луке укрепило союз (между Крассом и Помпеем уже начались было трения); кроме того, был принят ряд важных решений. Цезарю, который благодаря своим громким победам в войне с галлами стал наиболее популярной фигурой среди триумвиров, было решено продлить полномочия по управлению Галлией еще на пять лет, с правом довести армию до десяти легионов. Что касается Помпея и Красса, то было обусловлено, что они получают консульство на 55 г., а затем управление (на пятилетний срок) провинциями Испанией (Помпей) и Сирией (Красс). По возвращении в Рим Помпей и Красс, несмотря на сопротивление сенатских кругов, провели эти решения через народное собрание.

В свое консульство Помпей закончил постройку первого в Риме театра; открытие его было отмечено великолепными играми. По окончании срока консульства Помпей не уехал в Испанию, а остался в Риме, управляя провинцией через своих легатов. Красс, наоборот, еще в конце 55 г. отправился в Сирию, где он, стремясь подновить свою военную репутацию, померкшую после успехов Помпея, а в последнее время и Цезаря, начал войну с парфянами. В первый год войны военные действия шли для римлян удачно, но вскоре положение изменилось, и в 53 г., углубившись в Месопотамию, войско Красса потерпело сокрушительное поражение (битва при Каррах). Во время переговоров с предводителями вражеских сил Красс был убит.

Смерть Красса дала толчок к распаду первого триумvirата. Отношения между Помпеем и Цезарем начали осложняться. В Риме возникли беспорядки; на выборных собраниях происходили вооруженные столкновения между отрядами Клодия и отрядами Милона. Все четыре кандидата на консульство 53 г. были обвинены в предвыборных подкупах и вплоть до июля государство оставалось без высших магистратов. По свидетельству Аппиана, Помпей через своих агентов намеренно поддерживал беспорядки и анархию, чтобы возникла необходимость назначить диктатора (Аппиан, II, 20; ср. Плутарх, «Помпей», 54).

В 52 г. положение стало еще более напряженным. Год снова начался без магистратов. В стычке на Аппиевой дороге людьми Милона был убит Клодий. Его похороны происходили на форуме и вылились в грандиозную манифестацию. В этом же году началось общегалльское восстание, и Цезарь со своим войском на некоторое время оказался в затруднительном положении.

Все эти события лишь обостряли борьбу между сторонниками Цезаря и сторонниками Помпея в самом Риме. Происходили народные сходки, собрания, стычки, нередко кончавшиеся кровопролитием. Сенат был деморализо-

ван и почел за благо обратить свои взоры к Помпею. Когда на одном из заседаний сената обсуждался вопрос о диктатуре, то Бибул — давний враг Цезаря — предложил избрать Помпея консулом без коллеги (*sine collega*). Это была смягченная и компромиссная форма диктатуры, и сенат охотно пошел на это предложение (Плутарх, «Помпей», 54; Аппиан, II, 23). Помпей немедленно вступил в должность, что, конечно, еще более обострило его отношения с Цезарем и приблизило окончательный разрыв между бывшими триумвирами.

В этой напряженной обстановке и борьбе положение Цицерона было довольно двусмысленным. Вернувшись в Рим в значительной мере по милости Помпея, он волей-неволей был вынужден лавировать между сенатом и триумвирами. События 53—52 гг. — слабость сената, неудачная попытка защитить Милона на суде по поводу убийства Клодия, рост противоречий между Помпеем и Цезарем — все это еще более ослабляло его собственные позиции, еще в большей степени лишало его возможности занять независимое и самостоятельное положение. Именно в эти годы он говорит о том, что «государства нет», а «Помпей всемогущ», свою же политическую карьеру считает разбитой. Может быть, он именно поэтому довольно охотно принимает назначение проконсулом в Киликию, где он пробыл с середины 51 г. и до конца 50 г. (Плутарх, «Цицерон», 36).

Как уже говорилось, философские трактаты Цицерона «О государстве» и «О законах» были написаны в этот период. Трактат «О государстве» был начат Цицероном в 54 г. и опубликован, видимо, в 51 г., незадолго до его отъезда в Киликию. Трактат «О законах», служащий как бы естественным продолжением первого труда, — Цицерон в данном случае, несомненно, подражал Платону, который, как известно, дополнил свою «Политику» (очерк идеального государства) специальным и написанным с более «практических» позиций трудом «Законы», — был начат вслед за диалогом «О государстве», т. е. 52 г., но, по всем признакам, не был окончен. И хотя Цицерон в 46 г., как это явствует из его письма к Варрону, снова собирался приняться за изучение подобных вопросов (Цицерон, «Письма к близким», IX, 2, 5), трактат «О законах» так и остался не доведенным до конца и не обработанным. Во всяком случае, Цицерон сам его не публиковал: перечисляя в одном из более поздних произведений свои философские работы, он об этом трактате даже не упоминает (Цицерон, «О предвидении», II, 1).

* * *

Трактат Цицерона «О государстве» до начала прошлого столетия был известен только по упоминаниям о нем у других авторов и по отдельным цитатам, приводимым этими авторами, если не считать большого отрывка, которым заканчивался трактат в целом, — так называемого «Сновидения

Сципиона», сохраненного нам Макробием, грамматиком V в. н. э., написавшим к нему комментарий.

В эпоху Возрождения ценители и поклонники античности, начиная с Петрарки, разыскивали это сочинение Цицерона во всех книгохранилищах Европы и ездили с этой целью даже в Польшу, но все эти попытки долгое время оставались безрезультатными. Только в начале XIX в. ученый кардинал Анджело Май, префект Ватиканской библиотеки, нашел палимпсест, (т. е. рукопись на пергамене, с которого был стерт первоначальный текст и написан новый). Этот палимпсест содержал значительную часть первой и второй «книг» трактата, а также и отрывки из третьей, четвертой и пятой книг; из текста шестой книги палимпсест не сохранил ни одного отрывка. В 1822 г. Май издал рукопись, включив в нее фрагменты и цитаты, приводимые древними авторами, и снабдив издание своими комментариями; последующие издания были выпущены в 1828 и 1846 гг.

Сочинение Цицерона «О государстве» пользовалось довольно широкой известностью у современников. Так, например, один из корреспондентов Цицерона — Марк Целий Руф писал ему в Киликию в середине 51 г.: «Твои книги о государстве высоко ценятся всеми» (Цицерон, «Письма к близким», VIII, 1, 4). Но еще более популярным трактат становится в последующее время; этим и объясняется большое число ссылок на него и цитат, сохранившихся в сочинениях древних авторов, начиная с Сенеки и Плиния Старшего. Интересно отметить, что многие положения трактата охотно использовались так называемыми «отцами церкви», т. е. христианскими писателями — Амвросием (IV в.), Иеронимом (IV—V вв.), а в особенности Лактанцием (IV в.) и автором знаменитого в средние века труда «О граде божьем» (*De civitate Dei*) — Аврелием Августином (354—430 гг.). Последние два из упомянутых христианских писателей не только цитируют Цицерона, но и нередко в значительных отрывках пересказывают отдельные места и рассуждения из трактата.

Сочинение Цицерона «О государстве» написано им — опять-таки следуя примеру Платона — в форме диалога. Место действия — загородная усадьба Публия Сципиона Африканского Младшего, время действия — дни Латинских празднеств (*feriae Latinae*), 129 г. до н. э. (в консульство Г Семпрония Тудитана и Мания Аквилы). Главным действующим лицом диалога является сам Сципион; в диалоге, кроме него, принимают участие его друзья и родственники: Г Лелий, Л. Фурий Фил, Маний Манилий, Сп. Муммий, Кв. Элий Туберон, П. Рутилий Руф, Кв. Муций Сцевола и Г Фанний.

Нам известно, что Цицерон, работая над своим произведением, не раз менял его замысел и построение. Он сам говорит об этом в одном из писем к своему брату Квинту («Письма к брату Квинту», III, 5, 1—2). Первоначальный план, согласно которому в диалоге выступали лица, перечислен-

ные выше, он, по совету одного из своих друзей, хотел изменить и «осовременить», сделав участниками диалога самого себя и своего брата (там же). Но, в конечном итоге, он все же вернулся к прежнему плану: диалог ведется в ту эпоху, когда Римское государство, по мнению Цицерона, процветало.

Общая структура трактата следующая: он состоит из шести книг — по две книги на каждый день беседы, которая, таким образом, длится три дня. Каждый день посвящен обсуждению определенного вопроса: книги I и II — вопросу о наилучшем государственном устройстве (*De optimo statu civitatis*), книги III и IV — философскому обоснованию понятия государства (исходя из идеи справедливости) и, наконец, книги V и VI — вопросу о наилучшем государственном деятеле (*De optimo cive*). Как уже было отмечено, весь трактат завершается неким апофеозом — сновидением Сципиона Младшего, во время которого ему является знаменитый победитель Ганнибала, Сципион Африканский Старший. Последний предсказывает своему приемному внуку блестящую судьбу и, вместе с тем, объясняет ему, что людям, которые верно служили отечеству, уготовано бессмертие и вечное блаженство (См. Цицерон, «О государстве», VI, 9—29; «Сновидение Сципиона»).

Определение источников Цицерона в трактате «О государстве» не составляет особого труда, так они в том или ином месте перечисляются самим автором. Так, упоминая в одном из своих более поздних произведений интересующий нас трактат, Цицерон говорит о таких источниках, как Платон, Аристотель, Феофраст (и вообще школа перипатетиков) (Цицерон, «О предвидении», II, 1, 3); в самом же трактате, помимо многократных упоминаний имени Платона, можно найти ссылки на Полибия и Панэтия (Цицерон, «О государстве», I, 21, 34). От себя добавим еще имя Дикеарха, хотя к вопросу о его влиянии на Цицерона следует подходить осторожно³. В целом же, как в свое время правильно отметил В. Шур, трактат «О государстве» объединяет в одно целое политические теории Средней Стои с практическим опытом римского консула⁴. К вопросу об отношении Цицерона к своим источникам нам придется еще вернуться⁵.

³ См.: С. А. Утченко. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М., 1952, стр. 167, 216.

⁴ W. Schür. Sallust als Historiker. Stuttgart., 1934, S. 42 ff.

⁵ Об истории рукописи диалога «О государстве», его источниках, структуре и подробный разбор его содержания по отдельным книгам см. во вступительной статье К. Бюхнера в издании: Marcus Tullius Cicero. Vom Gemeinwesen, lateinisch und deutsch. Eingeleitet und neu übertragen von Karl Büchner, 2. Ausgabe. Zürich, 1960. Artemis Verlag. S. 7—77. Ср. с вступительными статьями в изданиях: M. Tullio Cicerone. De republica. Codice Vaticano, Somnium Scipionis, Frammenti. Introduzioni, testo e commento di Leonardo Ferrero. Firenze, 1957, P. IV—XII. M. Tullio Cicerone. De republica, libro primo, con introduzione e commento di Vito Sirago. Firenze, 1952, Pp. 7—24.

Трактат «О законах» сохранился в двух главных кодексах (списках), восходящих к IX и X вв. Как уже было указано, это произведение Цицерона, служившее как бы дополнением к диалогу «О государстве», осталось незаконченным. К тем соображениям, которые приводились выше как доказательства незаконченности трактата (отъезд Цицерона в Киликию, упоминание о намерении снова взяться за эту тему в письме к Варрону от 46 г. и, наконец, отсутствие названия трактата в перечне философских произведений, составленном самим Цицероном), можно добавить еще следующий аргумент: диалоги, которые Цицерон издавал сам, он обычно снабжал предисловием (Цицерон, «Письма к Аттику», IV, 6, 2); данный трактат предисловия не имеет.

Трактат «О законах» написан также в форме диалога, который, однако, происходит в современной Цицерону обстановке. Участники диалога — сам Цицерон, его брат Квинт и друг Цицерона Тит Помпоний Аттик. До нас дошло три «книги» трактата, но так как у Макробия есть упоминание о пятой книге (Макробий, «Сатурналии», VI, 4, 8), то некоторые исследователи предполагают, что все произведение, по аналогии с трактатом «О государстве», состояло из шести книг. Наиболее обработанной и законченной представляется первая книга диалога, дошедшая до нас в хорошей сохранности, хотя и в ней встречаются лакуны; во второй и третьей книгах многое приводит впечатление первоначальных набросков.

Первая книга трактата содержит рассуждение об естественном праве, вторая — о «праве божественном» (*ius sacrum*), третья — о магистратах. Законы, изложенные во второй и третьей книгах, переданы архаизированным языком, воспроизводящим колорит старины; о содержании книг, не дошедших до нас, судить трудно, хотя на этот счет высказывались различные предположения⁶.

Источниками Цицерона в трактате «О законах» были Платон и Хрисипп, один из наиболее плодovitых писателей стоической школы, автор сочинения, которое тоже называлось «О законах». Из представителей Средней Стои несомненно влияние Панэтия и, в какой-то мере, Антиоха Аскалонского (известного, кстати сказать, еще и тем, что он пытался согласовать учение Стои с Академией).

Такова, в общих чертах, картина состояния двух интересующих нас памятников, их построение и, наконец, краткий обзор источников, использованных Цицероном при работе над этими трактатами⁷, которые представ-

⁶ Так, например, иногда утверждают, что IV книга была посвящена рассуждению *de potestatum iure*, V книга — *de iure publico*, VI книга — *de iure civili*.

⁷ Более подробно о рукописи трактата «О законах», его структуре и источниках см. вступительную статью Ж. де Пленваль в издании: *Cicéron. Traité des lois. Texte établi et traduit par G. de Plinval. Collection des Universités de France publiée sous le patronage de l'Association Guillaume Budé. Paris, 1959, p. VII—LXXXII. Ср. с кратким введением*

ляют собой, по авторскому замыслу, нечто единое и целое и, пожалуй, могут считаться наиболее ярким выражением политико-философских теорий, имевших хождение среди наиболее образованной, «интеллигентной» и умеренно-консервативной части господствующего класса Рима.

* * *

Мы не имеем возможности рассмотреть в данной статье все проблемы, поднимаемые нашим автором в его обоих трактатах. Поэтому остановимся только на тех из них, которые представляются нам наиболее интересными и важными как для понимания политико-философских воззрений самого Цицерона, так и для представляемых им определенных кругов римского общества I в. до н. э.

Из диалога «О государстве» остановимся на теории наилучшего государственного устройства и на рассуждениях о государственном деятеле, а из диалога «О законах» — на теории естественного права.

Все теории государства в древности, как это было однажды справедливо и остроумно отмечено, развивались, по существу, в довольно ограниченных пределах между двумя вопросами: о государственных формах и о лучшей из этих форм. Ответом на эти вопросы, как бы венчающим развитие политико-философских воззрений, было учение о смешанной форме государственного устройства⁸. Проникновение этого учения в Рим, несомненно, связано с усилением эллинистических влияний. В греческой философии идея смешанного государственного устройства разрабатывалась еще до Платона и Аристотеля. Мы не можем сейчас останавливаться на развитии этих теорий греческой философской мыслью⁹. В данном случае нас интересует вопрос о перенесении этих идей на римскую почву и их дальнейшее развитие применительно к государственному устройству Рима.

Первым, кто приложил учение о смешанной форме к римской конституции, был, как известно, Полибий. Эта попытка была результатом его преклонения перед могущественной римской державой и ее государственными институтами. По его мнению, именно благодаря этим институтам, благодаря своему государственному устройству римляне и покорили весь обитаемый мир (Полибий, VI, 1, 3).

Поскольку полибиево учение о смешанном государственном устройстве вытекает из его преклонения перед реально существовавшим государственным строем, оно характеризуется, в первую очередь, отказом от отвлеченных и умозрительных схем, во-вторых, критикой других типов государст-

Клинтон Кейса в издании: Cicero. De re publica, De legibus. With an english translation by Clinton Walker Keyes. The Loeb Classical Library. London; Cambridge, Mass., MCMLI, p. 2—11; 289—295.

⁸ К. Büchner. Die römische Republik im römischen Staatsdenken. Freiburg in Breisgau, 1947, S. 5.

⁹ См. С. Л. Утченко. Указ. соч., стр. 165—167.

венного устройства (Афины, Фивы, идеальное государство Платона), вплоть до тех, которые некогда считались образцами смешанного устройства (Крит, Карфаген и даже Лакедемон).

Полибий уделяет большое внимание описанию правильных и извращенных форм государственного устройства, причем уже при этом подчеркивает, что наиболее совершенной формой следует считать такую, в которой объединяются особенности всех простых форм. Отсюда он переходит к вопросу о круговороте государственных форм (*ἀνακύκλισις*), дает довольно подробное описание его и, в качестве главной причины круговорота, указывает на неустойчивость простых форм и на их склонность к вырождению (Полибий, VI, 3, 9).

Затем разворачивается знаменитое определение римского государственного устройства как «самого лучшего из всех, какие были на нашей памяти», как такового, в котором необычайно удачно и искусно сочетаются элементы простых форм — монархии (консулы), аристократии (сенат) и демократии (комиции), причем ни одному из этих составных элементов не отдается предпочтения, но они взаимно дополняют и в то же время ограничивают друг друга (Полибий, VI, 11; 15—18).

Полибий, несомненно, был одним из основных источников Цицерона для первой книги трактата «О государстве». Не случайно изложение теории смешанного государственного устройства ведется устами Сципиона, в кружке которого, как известно, состоял и Полибий. Об отношении Цицерона к этому источнику будет сказано ниже, а теперь мы перейдем к изложению теории смешанного устройства в истолковании Сципиона.

Сципион начинает свой экскурс с изложения правила, которым, по его мнению, следует руководствоваться при обсуждении любого вопроса: «Если насчет названия предмета исследования все согласны, то надо разъяснить, что именно обозначают этим названием; если насчет этого тоже согласятся, то только тогда будет дозволено приступить к беседе; ибо никогда нельзя будет понять свойства предмета исследования, если сначала не поймут, что он собой представляет» (Цицерон, «О государстве», I, 24, 38).

После этого более чем предусмотрительного замечания Сципион переходит к определению государства, т. е. *res publica* как *res populi* (Цицерон, «О государстве», I, 25, 39). Затем кратко излагается причина возникновения государства (врожденная потребность людей жить совместно) и дается определение его сущности (совокупность людей, связанных общностью права и интересов). После этого Сципион переходит к перечислению основных форм государственного устройства. Он отмечает три простые формы: монархия, аристократия и демократия; ни одну из этих форм он не считает совершенной (Цицерон, «О государстве», I, 26, 42). Главный и основной недостаток заключается в том, что каждая из этих форм, взятая в отдельности, не устойчива и легко вырождается в соответствующую ей извращен-

ную форму (Цицерон, «О государстве», I, 28, 44). Так возникают круговороты сменяющих друг друга государственных форм, от чего застрахована лишь некая четвертая форма, которая как бы смешана из трех форм, названных выше (Цицерон, «О государстве», I, 29, 45).

Однако определения этой наиболее устойчивой формы пока не дается. Другой участник диалога — Лелий перебивает Сципиона и просит его сообщить, какую из трех названных простых форм он все же считает наилучшей. Вопрос Лелия дает Сципиону возможность изложить взгляды сторонников каждой из государственных форм¹⁰, и только на повторный вопрос Лелия он высказывает свою собственную точку зрения и говорит, что, если необходимо выбрать одну из «чистых» форм, то он предпочитает царскую власть (Цицерон, «О государстве», I, 35, 54).

Затем Сципион, на основании различных примеров, пытается убедить Лелия в правильности этой мысли и лишь в самом конце первой книги диалога дает развернутое определение смешанного государственного устройства, причем теперь указываются его преимущества. Это устройство должно объединять элементы трех вышеназванных простых форм таким образом, «чтобы в государстве было нечто выдающееся и царственное, чтобы некая часть власти была уделена и вручена авторитету первенствующих людей, а некоторые дела были предоставлены суждению и воле народа» (Цицерон, «О государстве», I, 45, 69). Преимуществами этого смешанного устройства следует считать, во-первых, «так сказать, [великое] равенство», во-вторых, прочность, так как нет оснований для переворота или вырождения там, где каждый прочно занимает подобающее ему место (там же).

Таково в общих чертах учение Цицерона о наилучшем государственном строе, изложенное им устами Сципиона. Насколько Цицерон в этом вопросе повторяет своих предшественников или, наоборот, отступает от них (т. е. отношение Цицерона к его источникам), будет освещено в дальнейшем; здесь мы отметим лишь ту любопытную деталь, что из простых форм он — хотя и с определенными оговорками — предпочитает царскую власть, — тем более, что этот момент в какой-то мере подводит нас к следующей из основных проблем — к учению Цицерона о наилучшем государственном деятеле.

Поскольку высказывания о государственном деятеле в тех книгах диалога, которые посвящены именно этому вопросу, т. е. в V и VI книгах, чрезвычайно фрагментарны или содержатся в наименее точных эскизах (извлечениях из сочинений других авторов), они, конечно, не могут дать нам четкого представления о концепции самого Цицерона (если в данном случае вообще можно говорить о более или менее разработанной концепции). Но все же некоторые намеки, некоторые терминологические детали,

¹⁰ Сципион, собственно говоря, излагает взгляды сторонников демократии и аристократии, но так как в тексте имеется лакуна, то можно предполагать, что Сципион начинал свой ответ с изложения взглядов сторонников царской власти.

а главным образом предпочтение, отдаваемое Цицероном царской власти, по сравнению с другими «чистыми» формами,— все это, вместе взятое, приводило многих исследователей к выводу, что Цицерон в своем трактате пропагандировал монархический идеал государственного деятеля.

Еще Р. Ю. Виппер утверждал, что *rector rei publicae* Цицерона есть не что иное, как «монархический президент»¹¹. О монархическом идеале Цицерона говорил и Рейтценштейн, считавший, что Цицерон в полибеву схему смешанного государственного устройства Рима подставил на место консулов (т. е. «царского элемента») своего *rector rei publicae*¹². По мнению Эд. Мейера, образом для Цицерона была «идеальная аристократия» под руководством принцепса, т. е., по существу, некая конституционная монархия¹³. На основании того, что Цицерон употребляет термин «принцепс» в единственном числе (и применяет его к Помпею), В. Шур делал вывод об уступке Цицерона «монархической действительности»¹⁴.

На наш взгляд, однако, монархическое толкование цицеронова идеала государственного деятеля едва ли состоятельно. В данном случае нам представляется наиболее приемлемой точка зрения, высказанная Фогтом. По его мнению, Цицерон имел в виду, конечно, не монархию как таковую, но некую форму «аристократического руководства», которая еще в далеком прошлом римского государства (а «государство предков» — идеал Цицерона) не раз воплощалась в руководстве личном¹⁵.

И действительно, Цицерон, в согласии с традиционной римской точкой зрения, выраженной в стихе Энния: «Древний уклад и мужи — вот римской державы опора», — считает, что процветание государства обязано взаимодействию этих двух факторов: *mores* и *virī*. Следовательно, для восстановления былого процветания государства нужна, прежде всего, нравственная реформа; но она, очевидно, может быть проведена только каким-то руководящим деятелем, способным выполнить такую задачу в силу своих собственных гражданских и нравственных достоинств. Подобного реформатора Цицерон называет *rector rei publicae* или *rector civitatis*. Кстати сказать, идея нравственной реформы была лейтмотивом известной речи по поводу помилования Марцелла Цезарем, произнесенной Цицероном в сенате в 46 г. По мнению Эд. Мейера, Цицерон в это время считал Цезаря именно таким *rector rei publicae*¹⁶.

¹¹ Р. Ю. Виппер. Очерки истории римской империи. М., 1908, стр. 271 (2-е изд., 1923, Берлин).

¹² R. Reitzenstein. Die Idee des Prinzipats bei Cicero und August. Gött. Nachrichten, Phil.—hist. Klasse, H. 3, 1917, S. 399; 436 ff.

¹³ Ed. Mayer. Caesars Monarchie und das Prinzipat des Pompejus. Berlin, 1922, S. 177 ff.

¹⁴ W. Schur. Op. cit., S. 36 ff.

¹⁵ J. Vogt. Ciceros Glaube an Rom. Darmstadt, 1963, S. 56 f.

¹⁶ Ed. Meyer. Op. cit., S. 405—410.

На наш взгляд, последнее маловероятно, так как на основании V и VI книг диалога «О государстве» мы можем без труда убедиться в том, что Цицерон, употребляя термин *rector*, всегда имел в виду «аристократа-реформатора» — Сципиона, Л. Эмилия Павла, Катона Старшего, Гракха-отца, Лелия, Сципиона Насику, — а в конечном счете примерял к этому идеалу государственного деятеля даже самого себя («Письма к Аттику», VI, 2, 9; VII, 3, 2). Все это достаточно определенно свидетельствует о том, что монархический оттенок никак не приложим к интересующему нас термину.

В трактате «О государстве» перечисляются лишь качества и обязанности *rectoris rei publicae*, но отнюдь не его права. Цицерон требует от политического деятеля благоразумия («О государстве», II, 40, 67), требует, чтобы в нем разум торжествовал над низменными страстями (там же), требует таких достоинств, как мудрость, справедливость, воздержность, красноречие и даже знание права и сочинений греческих авторов («О государстве», V, 1, 2).

Какие же задачи призван решать этот политический деятель, в каких случаях и каким образом он должен вмешиваться в ход государственных дел? Ответ на этот вопрос содержится в одной из речей Цицерона, где он определяет свою собственную норму поведения как государственного деятеля: «Я выполнил свои обязанности консула, ничего не совершив без совета сената, ничего — без одобрения римского народа, на роствах всегда защищая курию, в сенате — народ, объединяя народ с первенствовавшими людьми, всадническое сословие — с сенатом» (Цицерон, «Речь против Писона», 3, 7). Цицерон так действовал, будучи консулом, но если государственные учреждения или магистраты оказываются не на высоте, то именно в этот момент и должен выступить *civis optimus* (он может быть и частным лицом, а не обязательно магистратом («О государстве», II, 25, 46), в качестве *tutor et moderator rei publicae* или *rector et gubernator civitatis* («О государстве», II, 29, 51).

Таким образом, монархическое толкование образа *rector rei publicae* или *princeps civitatis* явно несостоятельно. Ссылки же на то, что употребление Цицероном этих терминов в единственном числе придает им якобы «монархический оттенок», не являются ни убедительными¹⁷, ни даже — как в свое время показал Р. Гейнце — достаточно точными¹⁸.

Перейдем теперь к рассмотрению последней из интересующих нас проблем — к проблеме естественного права. Она в свое время разрабатывалась еще софистами¹⁹, затем привлекла к себе внимание стоиков, но, как уже было указано выше, если и можно говорить о влиянии классических пред-

¹⁷ J. Vogt. Op. cit., S. 57, Anm. 94.

¹⁸ R. Heinze. Ciceros «Staat» als politische Tendenzschrift. Hermes, LIX, 1924, S. 73 ff.

¹⁹ M. Durić. Ideja prirodnog prava kod grčkih sofista. Beograd, 1958.

ставителей стоической школы на Цицерона (в частности, о влиянии Хрисиппа), то подобное влияние едва ли было непосредственным. Ближе всего Цицерон был связан с философскими течениями II—I вв. до н. э. (так называемый «период эклектизма»).

Определение «истинного закона» как некоего правильного положения, соответствующего природе, распространяющегося на всех людей, постоянного и вечного, которое призывает к исполнению долга, приказывая, и отпугивает от преступления, запрещая,— дано еще в трактате «О государстве» (III, 22, 33). Начиная же свое рассуждение в диалоге «О законах», Цицерон прежде всего говорит о необходимости охватить вопрос в целом, т. е. сначала выяснить самую природу права, а затем перейти к рассмотрению законов, на основании которых государство управляется, в том числе и к рассмотрению так называемых гражданских прав (*iura civilia*) («О законах», I, 5, 17).

Затем следует определение: «Закон ..есть заложенный в природе высший разум, велящий нам совершать то, что следует совершать, и запрещающий противоположное». Разум этот, когда он проникает в человека и укрепляется в нем, и есть закон. Следовательно, понятие права следует выводить из закона; он — «мерило права и бесправия». Что касается писаных законов,— а обычно люди только их и считают законами,— то такое толкование практически приемлемо, однако при установлении права следует исходить из того высшего закона, который, будучи общим для всех времен, возник раньше, чем любые писанные законы, раньше, чем возникло какое бы то ни было государство (Цицерон, «О законах», I, 6, 18—19).

Далее Цицерон, подчеркивая преемственность между обоими своими трактатами, говорит, что все законы необходимо сообразовать с тем государственным устройством, превосходство которого было доказано Сципионом (Цицерон, «О законах», I, 6, 20). После этого он переходит к рассмотрению вопроса о законах как главной связи между людьми и божеством. «Так как лучше разума нет ничего и он присущ и человеку, и божеству, то первая связь между человеком и божеством — в разуме». Но разум есть закон; следовательно, люди связаны с богами также и законом. А все те, кто связан между собой общими правами и законами, представляют собой единую общину (*civitas*). Поэтому весь мир можно рассматривать как единую общину богов и людей («О законах», I, 6, 23).

Затем следует доказательство того, что все люди похожи друг на друга и равны друг другу. «Какое бы ни было определение, даваемое человеку,— говорит Цицерон,— оно одно действительно по отношению ко всем людям». Это и есть достаточное доказательство в пользу того, что между людьми нет никакого различия; если бы такое различие существовало, то одно единственное определение не охватывало бы всех людей («О законах», I, 10, 29—30).

И наконец, в трактате проводится еще одна важная мысль. Сначала ее в общей форме высказывает Аттик: «Во-первых, мы снабжены и украшены как бы дарами богов; во-вторых, у людей существует лишь одно равное для всех и общее правило жизни, и все они связаны, так сказать, природным чувством снисходительности и благожелательности, а также и общностью права» («О законах», I, 13, 35). Таким образом, чувство социальной общности, влечение людей друг к другу тоже заложено в самой природе и тесно связано с понятием справедливости. «Справедливости вообще не существует, если она не основана на природе, а та, которая устанавливается в расчете на пользу, уничтожается из соображений другой пользы». Более того, если не считать природу основанием права и законов, то все доблести — благородство, любовь к отчизне, чувство долга, желание служить ближнему, чувство благодарности — все это уничтожается, ибо подобные чувства возникли и могли возникнуть лишь потому, что «мы, по природе своей, склонны любить людей, а это и есть основа права» (Цицерон, «О законах», I, 15, 42—43; ср. I, 10, 29). Итак, основа права — не мнения людей, но природа, не писанные законы, созданные людьми, но природный, естественный закон, который одновременно есть высший разум, справедливость и который служит связующей нитью между людьми и богами. И только руководствуясь им, люди способны отличать право от бесправия, честное от позорного («О законах», I, 16, 44), доброе от злого и стремиться к праву и к тому, что честно и справедливо, ради самих этих доблестей («О законах», I, 18, 48). Ибо нет на свете ничего более несправедливого, чем желание награды или платы за справедливость («О законах», I, 18, 49).

Таковы основные положения теории естественного права, развиваемые Цицероном в трактате «О законах». Как самый характер этих идей, так и непосредственные указания автора (см. выше) свидетельствуют о том, что данный трактат — логическое развитие и дополнение диалога «О государстве». Если же иметь в виду основные принципиальные положения этого первого трактата, т. е. учение о наилучшем государственном устройстве и учение о государственном деятеле, то все эти взятые вместе отправные посылы политико-философских воззрений Цицерона можно рассматривать как ту базу, тот фундамент, на котором возведено единое здание обоих диалогов.

* * *

Выше были указаны основные источники, которыми Цицерон пользовался, работая над трактатами «О государстве» и «О законах». Теперь на этом вопросе следует остановиться более подробно.

Когда говорят о Цицероне как философе, то почти всегда отмечают, что он был эклектиком. Но если это и так, то все же нет никаких оснований считать его только компилятором. Отношение Цицерона к своим источни-

кам сложное, иногда переходящее в прямую полемику. Нам трудно судить об этом в тех случаях, когда самые источники до нас не дошли или дошли в незначительных фрагментах и пересказе (Хрисипп, Панэтий, Посидоний, Антиох Аскалонский), но когда речь идет о таких источниках, как Полибий или Платон, то отношение к ним со стороны Цицерона может быть показано на ряде примеров и достаточно наглядно.

Что касается Полибия и центрального раздела его историко-философской концепции — учения о смешанном государственном устройстве, то Цицерон, как мы уже могли убедиться, во многом следует этому своему источнику. Пожалуй, наиболее важным в данном случае следует считать то обстоятельство, что он примыкает к Полибию в своем стремлении видеть смешанный строй осуществленным на историческом примере римского государства.

Однако, следуя в этом вопросе Полибию, Цицерон все же иногда отходит от него в сторону. Так, для Полибия круговорот простых форм (*'αναρχία*) обусловлен, собственно говоря, единственной причиной — неустойчивостью этих форм. Цицерон же, рассуждая об устоях смешанного устройства, на первое место ставит «великое равенство» (*aequalitas magna*) и только потом переходит к «прочности» (*firmitudo*). Конечно, Цицерон понимает это «великое равенство» достаточно своеобразно. Это, безусловно, не равенство в области имущественных отношений или в смысле равенства способностей, но, скорее, равенство прав, предполагающее, однако, определенную градацию «по достоинству».

Но как бы то ни было, для Цицерона основная причина круговорота простых форм лежит более глубоко, чем для Полибия, — в нравственных устоях государства. Как было в свое время правильно замечено, Цицерон потому и оценивает столь положительно смешанное устройство, что только оно одно, с его точки зрения, способно выразить идею справедливости²⁰.

Таким образом, Цицерон — по выражению Фогта — отходит от полибиева «биологического» схематизма, особенно в тех случаях, когда он говорит о возможности для политического деятеля влиять на смену государственных форм и даже, в какой-то мере, ее направлять²¹. Кроме того, у Полибия прочность смешанного устройства соотнесена лишь с естественной порой его «процветания» (т. е. опять-таки определяется «биологическими» факторами), тогда как Цицерон допускает в принципе «вечное» существование государства со смешанным устройством. Такого государства ничто не может поколебать или разрушить, если только не какие-то роковые ошибки его руководителей²².

²⁰ V Pöschl. *Römischer Staat und griechisches Staatsdenken bei Cicero*. Berlin, 1936, S. 14.

²¹ J. Vogt. *Op. cit.*, S. 87 f.

²² *Ibidem*.

Своеобразное отношение Цицерона к своим источникам еще более ярко проявляется, если обратиться к вопросу о влиянии Платона. Последнее отнюдь не исчерпывается только теми случаями (кстати сказать, довольно многочисленными), когда сам Цицерон его отмечает и подчеркивает. Более того, оно также может быть прослежено, так сказать, по двум противоположным направлениям: там, где Цицерон следует за своими источниками, и там, где он фактически с ними полемизирует.

Прежде всего принципиально различным оказывается — и об этом уже вскользь говорилось — общее представление о государстве. Если идеальное государство Платона («Полития» и даже, в какой-то степени, «Законы») имеет значение лишь абсолютной (и отвлеченной) нормы, то совершенное государство Цицерона есть построение, пригодное именно для Рима и даже связанное с определенной исторической эпохой. Государство Платона — идея, государство Цицерона — историческая реальность. Исходя из посылки, что *res publica* есть *res populi*, Цицерон рассматривает развитие и смену простых форм не вообще, а на примере истории Рима. Основными пороками этих форм, как только что говорилось, являются их «несправедливость», их неустойчивость, и только смешанная форма может считаться и справедливой, и устойчивой, причем эта устойчивость превращается у Цицерона в неизбежность и даже вечность. «Ибо государство, — пишет он, — должно быть устроено так, чтобы быть вечным» («О государстве», III, 23, 34); или: «Я все же тревожусь за наших потомков и за бессмертие государства, которое могло бы быть вечным, если бы люди жили по заветам и обычаям отцов» («О государстве», III, 29, 41). Последнее утверждение является «типично римским» и, в качестве такового, почти *locus communis*: развитие этой мысли мы находим и у Вергилия («Энеида», I, 269), и у Горация (Оды, III, 5, 30), а по свидетельству Светония — даже у самого Августа (Светоний, «Август», XI, 21).

Выше было сказано, что Цицерон дополнил свой труд «О государстве» вторым сочинением «О законах», следуя образцу в виде платоновых диалогов. К этому, несомненно, можно добавить, что сама литературная форма диалога тоже заимствована у Платона. Однако и на этом примере нетрудно показать своеобразное отношение Цицерона к своим источникам. Так, если в диалоге «О государстве» имеются чисто внешние и формальные «совпадения» с «Политией», то даже и в этих случаях все переделано на «римский лад». У Платона диалог происходит на празднике фракийской богини, в доме у человека, не являющегося даже гражданином Афин, у Цицерона — во время Латинских празднеств, в доме первого гражданина и государственного деятеля Сципиона Эмилиана. Это придает всему диалогу чисто римскую окраску. Платон, как известно, заключает свой диалог апофеозом, в котором выступает некий воин, павший в бою и очнувшийся от десятидневной очевидной смерти; Цицерон дает в заключение беседу между дву-

мя героями Рима и мотивирует ее введение вполне правдоподобным образом, т. е. сновидением. У Платона произведение кончается апофеозом философа, у Цицерона — апофеозом государственного деятеля.

Все вышеприведенные места являются как бы примерами «скрытой полемики». Но в трактате «О государстве» — наряду с самой высокой оценкой Платона — можно встретить также и прямые и открытые выпады против него. Так, Цицерон (устаи Сципиона) заявляет, что он может легче следовать избранной им теме, показав Римское государство на различных стадиях его развития, чем в случае, если бы он стал рассуждать о каком-то измышленном государстве, как это делает Сократ у Платона («О государстве», II, 1, 3).

Полемика против Платона незаметно перерастает в полемику вообще против греческих образцов и канонов. Весьма показательна приводимая в самом начале II книги трактата апология Катона Старшего, этого «истого римлянина», врага растлевающих иноземных влияний. Ссылаясь именно на него, Цицерон (устаи Сципиона) развертывает рассуждение о преимуществах Римского государства по сравнению с Критом, Спартой, Афинами, государственный строй которых всегда зиждился на законах и установлениях, введенных отдельными деятелями. «Напротив, наше государство, — говорит Цицерон, — создано умом не одного, а многих людей и не в течение одной человеческой жизни, а в течение нескольких веков и на протяжении жизни нескольких поколений» («О государстве», II, 1, 2).

Не менее полемический характер носит и рассуждение о выборе места для основания города, будущего Рима. В данном случае явно ощущается стремление противопоставить Рим греческим приморским полисам («О государстве», II, 3, 5—6). В этом же плане воспринимается и противопоставление выборной царской власти, существовавшей, по мнению Цицерона, у древних римлян, воззрениям Ликурга, который якобы настаивал на том, что цари не могут быть выбираемы, коль скоро они должны принадлежать к роду, ведущему свое начало от Геркулеса («О государстве», II, 12, 24).

Наконец, одним из наиболее ярких примеров полемики с греческими образцами и, вместе с тем, примером восхваления римской самобытности может служить отрицание Цицероном той версии, что Нума Помпилий был учеником Пифагора (или хотя бы его последователем). Это рассуждение заключается более чем характерным пассажем: «...меня радует, что мы воспитаны не на заморских и занесенных к нам науках, а на прирожденных и своих собственных доблестях» («О государстве», II, 15, 29).

В заключение мы хотели бы остановиться на вопросе, который тесно связан со всем предыдущим изложением. В каком соотношении находятся теоретические построения Цицерона с его практическими политическими позициями? Существует ли подобная связь вообще и в чем она выражается?

Так как для Цицерона его совершенное государство — и это мы установили выше — отнюдь не отвлеченная идеальная норма, но вполне реальный и исторический факт, то и смешанное устройство было, по его мнению, воплощено в жизнь в истории Рима. Конечно, воплощение это относится к прошлому (опять-таки *locus communis* почти всех аналогичных построений древних), ко времени предков (*maiores*). Подкрепляя это свое мнение ссылкой на авторитет Панэтия и Полибия, Цицерон говорит, что наилучшим состоянием государства было то, какое римлянам оставили их предки («О государстве», I, 21, 34). В конце I книги трактата «О государстве», именно там, где Сципион считает нужным перейти к изложению конкретно-исторического материала, снова подчеркивается, что смешанное устройство для определенного периода истории Рима было вполне реальным фактом («О государстве», I, 46, 70).

Что же это за период? Обычно в построениях подобного рода период наивысшего расцвета, «золотой век», относят к древнейшим временам У Цицерона это не так. Наоборот, у него можно встретить определенные указания на то, что в эпоху царей или ранней республики положение государства было недостаточно устойчивым («О государстве», I, 32, 49). Правда, эта точка зрения высказывается как бы сторонниками демократии; Цицерон может ее не разделять, но следует обратить внимание на тот момент, который зато неоднократно подчеркивается самим Цицероном; смешанное государственное устройство в Риме устанавливается постепенно, на протяжении веков и жизни многих поколений («О государстве», II, 1, 2; ср. II, 21, 37).

Трактат «О государстве», как уже говорилось, полностью не сохранился, и одна из больших лакун приходится именно на те разделы, в которых, по-видимому, было развернуто описание эпохи расцвета. Но нет оснований сомневаться в том, что Цицерон имел в виду римское государство, строй, созданный предками (*maiores*) и просуществовавший до времени Гракхов, до того, как «смерть Тиберия Гракха и еще раньше все его стремления как трибуна разделили единый народ на две части» («О государстве», I, 19, 31). Если говорить о хронологических рамках этого периода процветания, то, очевидно, следует иметь в виду отрезок римской истории от окончания борьбы между патрициями и плебеями и до движения Гракхов.

Если мы локализовали во времени эпоху осуществления или воплощения смешанного устройства в истории Рима, то теперь попытаемся определить наиболее характерную черту этого устройства, т. е. тот практический результат, тс общественное, государственное «благо» в его конкретном и практическом предомлении, во имя которого смешанный строй и должен быть установлен. Касаясь этого вопроса, мы вплотную подходим к определению основных политических лозунгов, политических позиций самого Цицерона. Ибо его политическим кредо, верность которому он сохранял на протяже-

нии всей своей жизни и политической деятельности (но не с самого ее начала!), был лозунг «согласия сословий» (*concordia ordinum* или *consensus bonorum omnium*). Недаром во II книге диалога «О государстве» дается чрезвычайно поэтичное, даже вдохновенное сравнение гармонии в области музыки и пения с гармонией сословий: «...так и государство, с чувством меры составленное путем сочетания высших, низших и средних сословий..., стройно звучит благодаря согласованию [самых несходных начал]» («О государстве», II, 42, 69).

Какой реальный смысл вкладывал сам Цицерон в этот свой излюбленный лозунг и на каких основаниях могло, с его точки зрения, существовать и укрепляться согласие в всех сословий?

Как только что было отмечено выше, лозунг *concordia ordinum* появился лишь в определенный момент политической деятельности Цицерона. В своих первых речах он выступает в роли разоблачителя нобилитета. И только впервые в 66 г., в его речи в защиту Клуенция, появляется идея блока между сенаторами и римскими всадниками (Цицерон, «Речь в защиту Клуенция», 55, 152). В дальнейшем этот лозунг становится лейтмотивом почти всех политических выступлений Цицерона. Особенно горячо он пропагандирует его в годы своего консульства, в период борьбы с Катилиной. Уже в его первой речи против Катилины говорится о необходимости единения сенаторов, всадников и всех «честных людей» с целью борьбы против общего врага («I речь против Катилины», 13, 32), а в четвертой речи против Катилины дается совершенно апологетическое описание той *concordia ordinum*, какой охвачены все слои населения, начиная от возродившегося союза между сенаторами и римскими всадниками и кончая отношением к заговору со стороны вольноотпущенников и даже рабов («IV речь против Катилины», 7, 14—8, 16).

Лозунг *concordia ordinum* — в том или ином аспекте — звучит в речах Цицерона после его возвращения из изгнания («Речь в сенате по возвращении из изгнания», 1, 2; 2, 27; «Речь о доме», 35, 94), в годы «анархии» и после смерти Цезаря («Речь в защиту Сестия», 12, 27, 14, 36; 50, 106; «Речь в защиту Милона», 22, 87) и, наконец, в «филиппиках», где он призывает всех «честных людей», все сословия объединиться против нового тирана — против Антония («I филиппика», 30, 37; «III филиппика», 13; «V филиппика», 30, 36; «IX филиппика», 8; «XIII филиппика», 34).

Каков же, в действительности, реальный смысл этого лозунга, который Цицерон считал возможным провозглашать и отстаивать в самых различных политических ситуациях, в самой изменчивой политической обстановке?

Мы не будем пытаться при ответе на этот вопрос выяснить такой интригующий, но мало уловимый момент, как внутренняя убежденность Цицерона в правоте этого лозунга, т. е. искренность его веры в возможность единения всех сословий. Это, в конце концов, момент второстепенный, хотя

вся практическая сторона деятельности Цицерона, а также и некоторые откровенные высказывания в его частных письмах едва ли могут оставить сомнения на этот счет («Письма к Аттику», I, 14, 3—4). Важнее другое. Объективный смысл и политическая сила лозунга состояли в том, что он в условиях современной Цицерону римской действительности, в условиях напряженной борьбы политических группировок и их главарей, наконец, в условиях гражданской войны мог звучать как лозунг «надпартийный», поднимающий над «частными» интересами и распрями, во имя интересов «отечества» в целом. Конечно,— и это достаточно известно,— понятие отечества для Цицерона отождествлялось с понятием сенатской республики, и когда он скорбит о «гибели отечества», он имеет в виду гибель традиционного сенатского режима, но это отнюдь не снижало политической привлекательности этого лозунга в глазах современников Цицерона. Недаром в толпе, заполнившей улицы Рима после убийства Цезаря, раздавались призывы к свободе и часто называлось имя Цицерона. Он не принадлежал к заговорщикам и ничего не сделал для свержения «тиранна», но имя его в такой момент приобрело особое обаяние: оно было символом республики, а не той или иной «партии»; оно напоминало о благе и интересах «отечества» в целом.

Кроме того, когда мы говорим, что Цицерон был сторонником «сенатской республики» или «сенатского режима», то это не следует понимать в том смысле, что он был выразителем интересов выродившейся сенатской олигархии, которая занимала наиболее консервативные, реакционные позиции. В его понимании «сенатская республика» — это тот строй, существовавший в «эпоху процветания», когда с руководящей ролью сената (и магистратов) разумно сочетались элементы «демократии» (т. е. было осуществлено смешанное государственное устройство). Недаром Цицерон все же считает нужным возразить своему брату Квинту, когда тот в диалоге «О законах» обрушивается на власть плебейских трибунов, как на наиболее типичный и, вместе с тем, наиболее пагубный элемент «демократического» строя («О законах», III, 8, 18—10, 24).

Таким образом, Цицерон выступает перед нами как выразитель умеренно-консервативных и «интеллигентных» кругов римского господствующего класса. Его пропагандистские лозунги *concordia ordinum* и *consensus bonorum omnium* имели достаточно четко выраженный политический смысл и направление. Учение же о наилучшем государственном устройстве (в той его части, где речь идет о смешении некоторых элементов «простых форм»), как и учение об естественном праве (в той его части, где подчеркивается идея социальной общности и естественного стремления людей друг к другу) — эти принципиальные положения служили теоретическим обоснованием пропагандистских лозунгов, которые применялись Цицероном в его политической практике.

ПРИМЕЧАНИЯ

Перевод с латинского сделан по изданиям: диалог «О государстве»: M. Tullius Cicero. De re publica. Bibliotheca Teubneriana (K. Ziegler). Lipsiae, 1958; M. Tullius Cicero. Vom Gemeinwesen. Lateinisch und deutsch (K. Büchner). Zürich, 1960; диалог «О законах»: Cicéron. Traité des lois. Texte établi et traduit par G. de Plinval. Collection Budé. Paris, 1958. В примечаниях ссылки на античную литературу даются по параграфам; хронологические даты — до нашей эры, Стихи переведены В. О. Горенштейном, кроме случаев, оговоренных особо. При ссылках на письма Цицерона указывается, помимо общепринятых данных, номер письма по изданию: М. Туллий Цицерон. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Перевод и комментарии В. О. Горенштейна, т. I—III. М.—Л., Изд. АН СССР, 1949—1951.

Примечания И. Н. Веселовского обозначены его инициалами (И. В.).

Диалог «О государстве» был издан в переводе и с примечаниями Б. П. Яблонко (Баку, 1928), «Сновидение Сципиона» («О государстве», VI, 9—29) — в переводе А. Шарбе (Казань, 1853) и в переводе Ф. А. Петровского (Москва, 1917). Диалог «О законах» выходит в переводе на русский язык впервые.

О ГОСУДАРСТВЕ

Участники диалога

1. Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Нумантийский, сын Луция Эмилия Павла, усыновленный сыном Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего; в 147 г. он был избран в консулы; в 146 г., во время третьей пунической войны, взял и разрушил Карфаген; в 142 г. был цензором; в 134 г., будучи консулом вторично, взял Нумантию. Сторонник нобилитета, противник Тиберия Гракха; глава «Сципионовского кружка» любителей античной культуры.

2. Гай Лелий (младший), консул 140 г., ближайший друг Сципиона, участник третьей пунической войны, юрист. Современники прозвали его Мудрым (Sapiens).

3. Луций Фурий Фил, консул 136 г., известный оратор.

4. Маний Манилий, консул 149 г., участник третьей пунической войны, юрист.

5. Спурий Муммий, брат Луция Муммия, разрушившего Коринф в 146 г., сторонник нобилитета, стоик.

6. Квинт Элий Туберон, сын Эмилии, сестры Сципиона Эмилиана; трибун 133 г., претор 123 г., противник Гракхов.

7. Публий Рутилий Руф, друг Сципиона и Лелия, ученик Панэтия; в 134 г. сражался под Нумантией, трибун 114 г., претор 110 г., консул 108 г.; в 100 г. был противником Сатурнина, в 94 г. как легат сопровождал в провинцию Азию проконсула Квинта Муция Сцевола, в 93 г. управлял этой провинцией и боролся со злоупотребле-

ниями откупщиков (римских всадников); по возвращении в Рим был обвинен в хищениях и осужден всадническим судом, после чего жил в изгнании в Смирне, где его в 78 г. посетили Марк и Квинт Цицероны.

8. Квинт Муций Сцевола («Авгур»), зять Гая Лелия, тесть оратора Луция Лициния Красса; трибун 123 г., консул 117 г., юрист, стоик, ученик Панэтия.

9. Гай Фанний, зять Гая Лелия; трибун 142 г., претор 132 г., консул 122 г.; стоик, ученик Панэтия.

Книга I

¹ Начало введения утрачено. В квадратных скобках, как и ниже, помещена конъектура. Ср. Цицерон, «О старости», 75; «Тускуланские беседы», I, 89.

² Гай Дуелий во время первой пунической войны одержал победу над карфагенянами в морском бою под Милами в 260 г.

³ Авл Атилий Калатин — консул 258 и 254 гг., диктатор 249 г., в 253 г. взял Панорм. См. Полибий, Всеобщая история, I, 38.

⁴ Луций Цецилий Метелл — консул 251 и 247 гг., диктатор 222 г., разбил Гасдрубала под Панормом. Метеллы, важнейшая ветвь плебейского Цецилиева рода, дали многочисленных консулов. См. Гней Невий (около 270—200):

Злой рок дает Метеллов Риму в консулы!

(Перевод Ф. А. Петровского)

⁵ Гней Корнелий Сципион Кальв — консул 222 г., был разбит Ганнибалом в 218 г. на реках Тицине и Требии; вместе с братом Публием Сципионом, консулом 218 г., пал в сражении с Гасдрубалом в Испании. Ср. Цицерон, речи: «I речь о земельном законе», 5; «В защиту Бальба», 34; «В защиту Планция», 60.

⁶ Квинт Фабий Максим Веррукос — консул 233, 228, 215, 214 и 209 гг., диктатор 221 и 217 гг., за свою тактику изматывания противника получил прозвание Кунтатора (Медлитель). См. Энный, «Анналы», фрагм. 306 Уормингтон:

Нам один человек республику спас промедленьем.

К Ганнибалу в то время примкнули некоторые италийцы, отпавшие от Рима, в частности Капуя. См. Цицерон, «Письма к Аттику», II, 19, 2 (46).

⁷ Марк Клавдий Марцелл — консул 222, 215, 214, 210, 208 гг., одержал в 216—215 гг. победы под Нолой и взял Сиракузы в 212 г. См. Цицерон, «Речи против Берреса», (II) IV, 115.

⁸ Публий Корнелий Сципион Старший разбил в 202 г. Ганнибала под Замой в Африке. Как триумфатор он получил прозвание «Африканский». См. прим. 19 к кн. VI.

⁹ Марк Порций Катон Старший (Цензорий) — (235—149), родом из Тускула, был консулом в 196 г. и цензором в 184 г. В глазах Цицерона — образец древней римской доблести. Цицерон назвал его именем свой трактат «О старости».

¹⁰ Homo pocus. Так называли человека, не принадлежащего к сословию сенаторов, который первым в своем роду добивался или добился избрания в консулы. См. Цицерон, «Речь в защиту Мурены», 17; Квинт Цицерон, «Краткое наставление по соисканию консульства», I, 1; Саллюстий, «Югурта», 85, 13, 14, 25.

¹¹ Otium. В данном случае — отказ от государственной деятельности ради занятий литературой и философией. Противоположное понятие — negotium, общепользная деятельность. См. Цицерон, «О дружбе», 104.

¹² Эпикурейцы, которых Цицерон осуждал за их политический абсентеизм; см. ниже, § 8 сл.: «Речь против Писона», 42, 59, 69; «Письма к близким», XIII, 1, 4 (198); Лукреций, «О природе вещей», II, 1 сл.

¹³ Имеется в виду политическая деятельность. Частая у древних метафора. Ср. Ал-

кей, фр. 47 А; Цицерон, «Речь в защиту Сестия», 46; Гораций, Оды, I, 14; Послания, II, I, 114.

¹⁴ В данном случае имеется в виду понятие *анапке* (греч.) стоической философии: сознаваемый человеком долг поступать доблестно. См. Цицерон, «О природе богов», I, 55.

¹⁵ *Ius gentium*. Во времена родового строя — междуродовое и междуплеменное право, субъектом которого был род или племя. С разложением родового строя и образованием государства оно разделилось на: 1) внутреннее право римской общины — право квиристов (*ius Quiritium*), впоследствии получившее название гражданского, или гражданского права (*ius civile*), и 2) право, регулирующее внешние отношения римского государства, т. е. международное право, *ius gentium*; другие его названия — право войны и мира (*ius belli et pacis*), фециальный устав (*ius fetiale*); см. кн. II, § 31. *Ius gentium* определяло также и права иностранцев в римском государстве. См. прим. 53 к кн. II.

¹⁶ *Ксенократ* — 396—314 г.г., родом из Халкедона, был учеником Платона; после Спевсилла стоял во главе Академии.

¹⁷ *Imperium*. В древнейшую эпоху совокупность прав царя. В эпоху республики полнота власти высших магистратов (консулов и преторов), ограниченная коллегиальностью и годичным сроком, а в пределах померия (сакральная городская черта города Рима) также и интереснейшей плебейских трибунов и правом провокации (апелляция к народу), которым обладал римский гражданин. Империй слагался из права авспиций (см. прим. 11 к кн. II), набора войска и командования им, созыва куриатских комитий, права принуждения и наказания и юрисдикции. Различался *imperium domi*, т. е. власть в пределах померия, и *imperium militiae*, т. е. вся полнота власти вне померия — в Италии и в провинциях — как в мирное, так и в военное время. Магистрату, уже обложенному гражданской властью (*potestas*), империй предоставлялся изданием особого куриатского закона (*lex curiata de imperio*). Магистрат, обладающий империем, не имел права вступать в пределы померия. В I в. единый империй сохранился только у наместников провинций: он не был ограничен ни интереснейшей, ни правом провокации и часто продолжался больше года. Под *imperium maius* разумели верховное командование с особыми полномочиями.

¹⁸ *Ius publicum* — совокупность правовых норм, определяющих взаимоотношения между государством и гражданином, а также и между гражданами, когда эти взаимоотношения имеют значение для государства в целом.

¹⁹ Энный, «Анналы», фрагм. 600 Мюллер. Квинт Энный (239—169), автор исторической хроники «Анналы» и ряда трагедий и комедий, ввел в римскую поэзию гексаметр, заменив им старинный сатурнический стих. Энный был связан дружескими отношениями с Корнелиями Сципионами. См. Цицерон, «Речь в защиту Архия», 22; «Об ораторе», II, 276; Гораций, Послания, II, I, 50.

²⁰ В § 4 приводятся возражения эпикурейцев. О самопожертвовании см. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 116.

²¹ *Мильтиад*, греческий стратег V века, одержал победу над персами под Марафоном в 490 г. После неудачной экспедиции против Пароса был обвинен афинянами в том, что дал себя подкупить, присужден к штрафу в 500 талантов и заключен в тюрьму, не будучи в состоянии его заплатить. См. Цицерон, «Речь в защиту Сестия», 141; Корнелий Непот, «Жизнь Мильтиада», VII, 5—6.

²² *Фемистокл* участвовал в победе над персами в морском бою под Саламином; был изгнан из Афин в 471 г. и умер в Магнесии в 461 г. См. Цицерон, «Речь в защиту Архия» 20; «Речь в защиту Сестия», 141; «Речь в защиту Скавра», 3; «Письма к Аттику», VII, 11, 3 (303); IX, 10, 3 (364). «*Варварская страна*» — всякая страна, населенная не греками и не римлянами.

²³ *Марк Фурий Камилл* — военный трибун с консульской властью, в начале IV в. завоевал Вейи и одержал победу над вольсками; обвиненный в утайке военной добычи, он в 391 г. удалился в изгнание и был возвращен в Рим в 390 г., во время нашествия галлов. См. Ливий, VII, 1.

²⁴ *Гай Сервилий Структ Агала* — помощник диктатора Луция Квинкция Цинцинната (середина V в.), убил римского всадника Спурия Мелия, обвиненного в стремлении к единовластию; Агала также был обвинен в таком же стремлении. См. Цицерон, речи: «I речь против Катилины», 3; «О доме», 86; 101; «В защиту Сестия», 143; «В защиту Милона», 8; «II филиппика», 26.

²⁵ *Публий Корнелий Сципион Насика Серапион* — консул 138 г., считался виновником гибели Тиберия Гракха (133 г.).

²⁶ *Публий Папилий Ленат* — консул 132 г., противник Гракхов, был изгнан в 123 г. по предложению Гая Гракха. См. Цицерон, речи: «В сенате по возвращении из изгнания», 37 сл.; «К квиритам по возвращении из изгнания», 6, 9, 11; «О доме», 82, 87.

²⁷ *Луций Опиций* — консул 121 г., противник Гая Гракха, в 115 г. был главой посольства, отправленного для переговоров с Югуртой; в 110 г. он был обвинен в получении взятки от Югурты и осужден на изгнание. См. Цицерон, речи: «К квиритам по возвращении из изгнания», 11; «В защиту Сестия», 140; «Против Писона», 95; «В защиту Планция», 69; «Брут», 128.

²⁸ *Квинт Цецилий Метелл Нумидийский* — консул 129 г., победитель Югурты, добровольно удалился в изгнание, отказавшись дать клятву в соблюдении земельного закона Луция Апулея Сатурнина. См. Цицерон, речи: «В сенате по возвращении из изгнания», 25; «О доме», 22; «В защиту Сестия», 37, 101; «Письма к Аттику», I, 16, 4 (22).

²⁹ Бегство из Италии после неудачи в борьбе против Суллы. *Гай Марий*, бывший родом из Арпина, как и Цицерон, был консулом в 107, 104—100 и 86 гг.; победитель кимвров и тевтонов. Цицерон часто говорит о Марии как о «спасителе отечества»; см. речи: «В сенате по возвращении из изгнания», 38; «К квиритам по возвращении из изгнания», 7, 9 сл.; «В защиту Сестия», 37 сл., 116; «Против Писона», 43; «В защиту Милона», 8 сл., 83.

³⁰ Имеются в виду жертвы сулланских проскрипций 82 г.

³¹ Цицерон имеет в виду свое консульство 63 г. (подавление движения Катилины) и свое изгнание в 58 г. Из числа друзей Цицерона эпикурейцами были Тит Помпоний Атик и Марк Марий; см. Цицерон, «Письма к близким», VII, 1 (127).

³² В последний день консульства Цицерона (29 декабря 63 г.) трибун Квинт Цецилий Метелл Непот не позволил ему обратиться к народу с речью. См. Цицерон, «Речь против Писона», 6; письма: «К близким», V, 2, 7 (14); «К Аттику», I, 16, 5 (22).

³³ Оптиматы («честные люди») высоко оценили действия консула Цицерона, направленные на подавление движения Катилины: Луций Аврелий Котта предложил устроить благодарственные молебствия богам; Луций Геллий признал его заслужившим «гражданский венок», которым награждали за спасение жизни римского гражданина; Квинт Лутаций Катул провозгласил его «отцом отечества». См. Цицерон, речи: «III речь против Катилины», 15; «Против Писона», 6. См. ниже, прим. 125.

³⁴ Ср. Цицерон, «Брут», 305—319; «Об ораторе», I, 2.

³⁵ Ср. Цицерон, «III речь против Катилины», 1.

³⁶ Цицерон употребляет слово «родина» в двойном значении: 1) место рождения и 2) отечество — как понятие юридическое; ср. «О законах», II, 5; «Об обязанностях», I, 53.

³⁷ Ср. Платон, «Критон», 51 A — C. Весь § 8 направлен против политического абсентизма эпикурейцев.

³⁸ Ср. Платон, «Государство», I, 347 C.

³⁹ Ср. Лукреций, «О природе вещей», V, 1117 слл.

⁴⁰ Имеется в виду борьба с движением Катилины.

⁴¹ Ср. Цицерон, «II речь о земельном законе», 1 сл.; «Письма к Аттику», II, 3, 4 (29).

⁴² Фалес Милетский, Солон Афинский, Биант Приенский, Питтак Митиленский, Клеобул Линдский, Перияндр Коринфский, Хилон Спартанский. См. Цицерон, «Об ораторе», III, 137.

⁴³ Обращение к брату Квинту, вместе с которым Цицерон ездил в 79—77 гг. в Грецию. По-видимому, диалог был обращен к Квинту Цицерону.

⁴⁴ *Гай Семпроний Тудитан* и *Маний Аквиллий* были консулами в 129 г. *Латинские празднества* ежегодно справлялись на Альбанской горе в честь Юпитера Ладиара, покровителя Латинского союза, вначале под главенством Альбы-Лонги, а впоследствии Рима: ночное жертвоприношение с закланием белого быка. Они продолжались три дня; в 129 г. они были в январе — феврале. См. Лукан, «Фарсалия», I, 550; V, 402.

⁴⁵ Ср. Платон, «Критон», I. Цицерон в точности повторяет начало этого диалога.

⁴⁶ Имеются в виду потрясения в государстве, связанные с земельной реформой Тиберия Гракха.

⁴⁷ Так называемые паралели. Если в воздухе носятся мелкие призматические кристаллы льда, то вокруг солнца бывают видны круги и проходящие через солнце вертикальные или горизонтальные полосы, которые в пересечении с окружающим солнце кругом дают усиленное освещенное пятно, называемое ложным солнцем. Обычно таких солнц наблюдаются два, но если одно из них закрыто тучей или находится ниже горизонта, то видно только одно ложное солнце. Такое явление наблюдалось в 129 г. Всплескствий его сочли предвестником смерти Сципиона Эмилиана. См. Цицерон, «О природе богов», II, 14; «О предвидении», I, 97. (И. В.).

⁴⁸ *Панэтий Родосский* (род. около 172 г.) — философ-стоик, друг Сципиона Эмилиана и Лелия, наставник Гая Фанния, Квинта Муция Сцеволы Авгура, Публия Рутилия Руфа и Квинта Элия Туберона; автор сочинений по астрономии и философии, в частности трактата «Об обязанностях» послужившего образцом для одноименного диалога Цицерона. См. Цицерон, «Письма к Аттику», XVI, 11, 4 (799).

⁴⁹ См. Ксенофонт, «Меморабилии», I, 1, 11 сл.; IV, 7, 2 сл. Ср. Цицерон, «Брут», 31; «Тускуланские беседы», V, 10.

⁵⁰ *Пифагор Самосский* (вторая половина VI в.) родился на Самосе в эпоху правления тирана Поликрата, союзника египетского фараона Амасиса, Самос был крупным центром инженерного искусства того времени (водопровод Евпалина и другие постройки). Благодаря связям с Египтом Пифагор мог познакомиться с основными интервалами (терция и квинта) струнных инструментов, а также и с архитектурой и скульптурой Египта; в последних давались числовые отношения размеров различных деталей здания (или частей тела), выраженных в некоторых единицах (модулях). Установив длину модуля по заданной совокупности отношений между частями, можно полностью восстановить соответствующее здание или фигуру. Таким образом, числа (у Пифагора целые) являлись «природой всех вещей»; в отличие от иранийцев, обращавших внимание на «материю», Пифагор интересовался «формой», выражая ее численными отношениями. Отсюда родился математический атомизм Пифагора. Переехавши из Самоса в Италию, Пифагор основал тайное общество, вступление в которое требовало значительной предварительной подготовки. Нельзя, конечно, считать Пифагора родоначальником мышления в математике, но очень существенно, что он обучал не столько различным теоремам геометрии, сколько умению их доказывать; на это указывает очень большое количество связанных с ним педагогических высказываний, сохранившихся у Ямвлиха («Жизнь Пифагора»). Очень трудно определить, какие математические теоремы были открыты Пифагором, если таковые существовали вообще (так называемая теорема Пифагора была известна вавилонянам за полторы тысячи лет до Пифагора), так как Пифагору приписывались все математические открытия, сделанные его учениками. После разгрома пифагорейских общин в южной Италии пифагорейцы разбрелись по всему греческому миру; оставшиеся влились в Академию Платона. (И. В.)

⁵¹ *Архит Тарентский* (около 400 г.) — был государственным деятелем, полководцем, математиком и механиком. Ему принадлежит решение задачи об удвоении куба и первая книга по механике. *Тимей Локрийский* был пифагорейцем. В его честь Платон назвал один из своих диалогов. Филолай известен своей космологической теорией, по которой Земля и «противоземля» (антитхон) вращались вокруг центрального огня. (И. В.)

⁵² Дома римляне носили сандалии, вне дома — башмаки особого покроя, укреплявшиеся ремнями; патриции — башмаки красного цвета, сенаторы — черного. Выходя из дому, римляне надевали поверх туники (рубашки) тогу; см ниже, прим. 98. Сципион оделся, уступая требованиям этикета. Ср. Цицерон. «Речи против Верреса», (II) V, 86.

⁵³ *Портик* (галерея) для прогулок, называвшийся также и *ambulatio*, был принадлежностью римского загородного дома. Ср. Цицерон, «Письма к брату Квинту», III, 1, 1 (145).

⁵⁴ По Виллиеву закону 180 г. (*lex Villia annalis*), магистратуры предоставлялись только после военной службы с промежутком в три года между каждой из них: квестура в возрасте не менее 27 лет, эдилитет — 30, претура — 33, консулат — 36. По Корнелиеву закону 81 г. (закон Суллы, *lex Cornelia de magistratibus*), квестура — не ранее 29-летнего возраста, претура (после обязательного 10-летнего промежутка) по достижении 39, консулат — 42 лет; второй консулат — только через 10 лет после первого. Избрание в указанном возрасте называлось избранием в «свой год» (*suo anno*). Бывший консул назывался консуляром (*vir consularis*), бывший претор — преторием, бывший эдил — эдилитием, бывший квестор — квесторием, бывший трибун — трибунием. В 132 г., был издан Пинариев закон о магистратурах, положения его нам неизвестны; см. Цицерон, «Об ораторе», II, 261.

⁵⁵ Представление, что мир (для Цицерона с вселенной отождествляется римская держава) есть общее жилище богов и людей, соответствует учению пифагорейцев. Ср. Цицерон, «Об обязанностях», I, 153; «О законах», I, 61.

⁵⁶ *Интердикт* — приказ претора, предписывавший или запрещавший то или иное действие. Далее в виде шутки приводится преторская формула насчет владения имуществом. Ср. Цицерон, «Речь по делу Цецины», 23, 36, 40, 55, 59.

⁵⁷ *Публий Муций Сцевола* — консул 133 г., верховный понтифик, юрист, противник насильственных мер против Тиберия Гракха. См. Цицерон, «О законах», II, 47; «Об ораторе», I, 240, 242.

⁵⁸ *Гай Сулпиций Галл* — астроном и политический деятель; претор в 169 г., легат Луция Эмилия Павла во время завоевания им Македонии (см. ниже, § 23), консул в 166 г. вместе с Марком Клавдием Марцеллом. См. Цицерон, «О старости», 49; «Брут», 78.

⁵⁹ *Архимед* — 287—212 гг., знаменитый сиракузский механик и математик, военный инженер царя Гиерона, ученик математика и астронома Конона; написал ряд сочинений, в которых определил площади и объем различных фигур и тел, дал построение длины окружности при помощи «архимедовой спирали», а также вычислил значение числа π (пи) — отношения окружности к диаметру. В механике ввел понятие о центре тяжести, определил положение последнего для ряда фигур и тел и установил закон равновесия плавающих тел.

Под конец жизни занимался астрономией, определял размеры мира («Псаммит») и построил астрономическую сферу, воспроизводившую движение небесных тел. Архимед был активным защитником Сиракуз против римлян; при взятии последними Сиракуз в 212 г. был убит. (*И. В.*)

Во время своей квестуры в Сицилии Цицерон разыскал могилу Архимеда. См. Цицерон, «Речи против Верреса», (II) IV, 131; «Тускуланские беседы», I, 63; V, 63 сл.; Овидий, «Фасты», VI, 277; Плутарх, «Марцелл», 19.

⁶⁰ Храм, построенный Марком Клавдием Марцеллом за Капенскими воротами Рима по обету, данному перед сражением под Кластидием в 222 г. Храм имел два отделения — божесть Чести и божесть Доблести. См. Ливий, XXIX, 11; Плутарх, «Марцелл», 20.

⁶¹ *Фалес Милетский* — (около 624—548), один из «семи мудрецов» Греции; занимался философией, математикой и астрономией (см. ниже, § 25); считал началом всего воду.

⁶² *Евдокс Книдский* — (около 350 г.), знаменитый греческий математик; дал определение отношений несоизмеримых величин и метод «исчерпывания» для определения

площадей и объемов; автор кинематической модели движения планет при помощи комбинаций концентрических сфер (сложение вращений вокруг пересекающихся осей), (И. В.)

⁶³ *Арат* — 315—240, член кружка македонского царя Антигона Гоната, затем придворный поэт сирийского царя Антиоха I, автор астрономической поэмы «Феомены», излагающей астрономические теории Евдокса. Эту поэму Цицерон перевел в молодости; до нас дошли отрывки его перевода. См. ниже, § 56; «О законах», II, 7; «Об ораторе», I, 69; Макробий, «Сатурналии», I, 18, 15. (И. В.)

⁶⁴ Известные в то время планеты Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн.

⁶⁵ *Мета* — три составленных вместе конических столба, находившиеся на каждом из концов продольной стенки или насыпи, перегораживавшей беговую дорожку римского цирка. Здесь коническая тень, падавшая на луно во время ее затмения (при движении солнца вокруг земли, по геоцентрической теории). См. Плиний, «Естественная история», II, 10, 47.

⁶⁶ *Луций Эмилий Павел Македонский* — консул 182 и 168 гг., отец Сципиона Эмилиана; разбил македонского царя Персея под Пидной в 168 г. и покорил Македонию.

⁶⁷ Имеется в виду Пелопоннесская война (431—404).

⁶⁸ *Перикл* — 493—429 гг., был главой демократической партии в Афинах. Упомянутое здесь затмение солнца произошло в 431 г. См. Плутарх, «Перикл», 35.

⁶⁹ *Анаксагор Клазоменский* — (около 510—426 гг.) афинский философ; занимался квадратурой круга, автор теории гомойомер, в которой утверждалась возможность бесконечной делимости тела, причем получающиеся сколь угодно малые части имели ту же природу, что и первоначальное тело. Анаксагор первым открыл причину затмений солнца и луны. (И. В.)

⁷⁰ Эний, «Анналы», фрагм. 166 Уормингтон. Цицерон следует датировке Полибия, согласно которой Рим был основан в 750 г. Таким образом, 350 г. по основании Рима соответствует 400 г. до н. э. Ноны — седьмое число месяцев марта, мая, квинктилия (июль) и октябрь и пятое число остальных месяцев. Эний допустил ошибку: упоминаемое им затмение солнца произошло 21 июня 400 г.

⁷¹ Верховный понтифик вел летопись о важнейших событиях, в частности консульствах. В 131 г. понтифик Публий Муций Сцевола переработал имевшиеся записи и выпустил их в 80 книгах под названием «Annales maximae». См. Цицерон, «Об ораторе», II, 52.

⁷² 7 июля 708 г. Ср. ниже, II, 17; Ливий, I, 16; Плутарх, «Ромул», 27.

⁷³ *Квириатами* (populus Romanus Quiritium) первоначально назывались мужчины-патриции, способные носить оружие, не военные. О квириатском праве см. выше, прим. 15.

⁷⁴ *Пехит*. В широком смысле — соглашение между римскими гражданами, заключающееся при свидетелях с совершением символических действий и произнесением установленной формулы (манципация). В тесном смысле — акт ссуды или займа, причем должник обязывался, в случае неуплаты в срок, признать себя осужденным (damnas) и предоставить себя в распоряжение заимодавца; он становился пехит и, по закону, сохраняя гражданские права, фактически был на положении раба и должен был отработать свой долг, чтобы освободиться (pexi liberatio); в древнейшие времена он мог быть продан в рабство «за Тибр» и даже казнен; пехит было запрещено Петелиевым-Папириевым законом (около 236 г.).

⁷⁵ Ср. Платон, «Государство», I, 347 В.

⁷⁶ *Публий Корнелий Сципион Африканский Старший* — о нем, по-видимому, писал Катон Старший в своем историческом сочинении «Начала» (Origines). См. Цицерон, «Речь в защиту Планция», 66.

⁷⁷ Сиракузский тиран *Дионисий Старший* — 406—367 гг.; ср. кн. III, 43.

⁷⁸ См. Цицерон, «Письма к Аттику», I, 18, 1 (24).

⁷⁹ Понятие апатии стоиков.

⁸⁰ Четыре характерные черты «мудрости» стоиков. Ср. Гораций, Послания, I, I, 106 л.:

Словом, мудрец — одного лишь Юпитера ниже: богат он,
Волен, в почете, красив; наконец, он и царь над царями.

(Перевод Н. С. Гинцбургера)

⁶¹ Ср. Цицерон, «О дружбе», 27; «О пределах добра и зла», III, 29.

⁸² Секст Элий Пет Кат — консул 198 г., юрист и оратор. См. Цицерон, «Письма и близким», VII, 22 (762); «Об ораторе», I, 198; III, 133; «Тускуланские беседы», I, 18; «Брут», 78; Энный, «Анналы», фрагм. 326 Уормингтон.

⁸³ О Сульпиции Галле см. выше, § 21 сл.

⁸⁴ Энный, «Ифигения», фрагм. 249 сл. Уормингтон; Овидий, «Фасты», V, 111 сл. Многие созвездия носили имена животных. Ахилл насмехается здесь над пророчеством Калханта.

⁸⁵ Марк Пакувий (220—130), «Антиопа». Трагический поэт Пакувий принадлежал к кружку Сципиона Эмилиана. Ср. Цицерон, «Об ораторе», II, 155.

⁸⁶ Энный, «Неоптолем», фрагм. 400 Уормингтон. Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», II, 1; «Об ораторе», II, 156; Вергилий, «Энеида», II, 491; Авл Геллий, V, 15, 9; 16, 5.

⁸⁷ Туберон, племянник Сципиона Эмилиана; см. выше, § 14 сл., «Речь в защиту Мурены», 75 сл. Патрицианский Элиев род делился на ветви: Тубероны, Петы, Галлы, Ламии. Эли, как и Юлии, вели свой род от богов.

⁸⁸ Тиберий Гракх был плебейским трибуном в 133 г. Воображаемая дата диалога «О государстве» — 129 г. (год смерти Сципиона Эмилиана).

⁸⁹ Брат консула 133 г. Публия Муция Сцеволы, усыновленный Публием Лицинием Крассом и получивший имя Публия Лициния Красса Муциана; консул 131 г. Его считали одним из авторов земельного закона Тиберия Гракха. См. Цицерон, «Брут», 98.

⁹⁰ Аппий Клавдий Пульхр — тесть Тиберия Гракха, консул 143 г. и цензор 137 г., поддерживал Тиберия Гракха и был противником Сципиона Эмилиана.

⁹¹ Квинт Цецилий Метелл Македонский — консул 143 г.

⁹² Лелий говорит о Сципионе Эмилиане. Подчеркивается, что государство нуждается в выдающейся личности, которая могла бы бороться с Гракхами.

⁹³ Союзниками (socii) назывались городские общины Италии, заключившие с Римом союзный договор (foedus), который обязывал их предоставлять Риму войска. Договор этот мог быть равным (f. aequum) или неравным (f. iniquum). В первом случае союзники юридически были суверенными, во втором они признавали над собой величество римского народа (maiestas populi Romani) и теряли свою самостоятельность. В особом положении были городские общины Лация, т. е. ближайшие и древнейшие союзники Рима (prisci Latini, древние латиняне); при переселении в Рим их члены пользовались всеми гражданскими правами. Из числа этих общин, после их последнего восстания против Рима в 340 г., сохранили самостоятельность лишь немногие — их члены сохранили только право вступать в браки с римлянами (ius conubii) и право вести с ними торговлю (ius commercii), — а остальные были превращены в мундипии, т. е. общины с ограниченными гражданскими правами (civitas sine suffragio). Союзники и латиняне получили полные права римского гражданства только в 90 г. на основании Юлиева закона, изданного по окончании Союзнической войны.

⁸⁴ Имеется в виду комиссия по проведению земельной реформы Тиберия Гракха.

⁹⁵ Имеется в виду concordia ordinum — согласие и сотрудничество между сословиями сенаторов и римских всадников, Цицерон считал такое согласие основой римской государственности. Ср. выше, § 31. См. «Речь против Писона», 7; «Письма к Аттику», I, 14, 4 (20); 17, 10 (23); 18, 3 и 7 (24).

⁹⁶ Полибий (около 210—125) — грек, привезенный в Рим в 168 г. в качестве заложника; учитель сыновей Луция Эмилия Павла; сопровождал Сципиона Эмилиана во

время пунической и нумантинской войн и принадлежал к его кругу; написал «Всеобщую историю» в 40 книгах; сторонник смешанной формы государственного устройства. О Панэтии см. выше, прим. 48.

⁹⁷ Циципион считает себя продолжателем политических традиций Корнелиев Циципионов и Эмилиев. Ср. Цицерон, «Об обязанностях», I, 116.

⁹⁸ Т. е. римского гражданина. *Toга* — шерстяная верхняя одежда римских граждан: мужчин и детей. Кусок ткани овальной формы, который по определенным правилам обертывали вокруг тела. Курульные (старшие) магистраты носили тогу с пурпурной каймой (*toga praetexta*), как и мальчики. На 16-м году жизни мальчик сменял детскую тогу на белую (*t. virilis*, *t. libera*, *t. pura*), после чего его записывали в члены трибы. Выбеленную мелом тогу (*t. candida*) носили лица, добывавшиеся магистратур («кандидаты»). Слово *togatus* означало: 1) римский гражданин, 2) магистрат, не применяющий военной силы.

⁹⁹ Ср. Цицерон, «Речь в защиту Сестия», 91 сл.; Лукреций, V, 922—1455.

¹⁰⁰ *Est ...res publica res populi*. «*Res*» как юридический термин — предмет, используемый человеком. В историческую эпоху термин «*res publica*» означал имущество, находящееся в общем, всенародном пользовании; таким образом, римское государство было предметом, используемым гражданской общиной (*civitas Romana*), идентичной греческому полису. *Populus* представляется юридическим лицом.

¹⁰¹ Взгляд Полибия (VI, 5, 4).

¹⁰² Ср. Аристотель, «Политика», I 1253a: человек по своей природе существо общественное.

¹⁰³ Три формы государственного устройства подробно рассмотрены Полибием (VI, 3 сл.) и Платоном, «Государство», VIII.

¹⁰⁴ *Кир Старший* — 600—529 гг. См. Ксенофонт, «Воспитание Кира»; Геродот, «История», I, 46 сл. См. Цицерон, «Письма к Квинту», III, 1, 8 (145).

¹⁰⁵ *Патронат и клиентела* — в древнейшую эпоху отношения между патрицием и зависевшими от него людьми, возможно, из покоренного населения: патрон покровительствовал и помогал клиенту; клиенты поддерживали патрона при соискании магистратур и пр. Впоследствии отношения между влиятельным лицом и его вольноотпущенниками или городской общиной, между бывшим наместником провинции и ее населением; они были преемственными.— *Массилия* (ныне Марсель) — колония фокидян, основанная около 600 г.; во II в. прибегала к помощи Рима во время войн; поэтому Эмилиан и говорит о клиентах. См. Цицерон, речи: «В защиту Фонтеев», 3; «В защиту Флакка», 63.

¹⁰⁶ *Ареопаг* — высший государственный совет Афин; вначале он был составлен из аристократов, занимавших в прошлом должность архонтов. В середине V в. за ареопагом была сохранена только судебная власть по делам об убийстве.

¹⁰⁷ *Фаларид* — тиран Агригента (570—554), приказавший изготовить поголо медного быка, в котором живо сжигали людей. См. Цицерон, «Речь против Верреса», (II) IV, 73; «Письма к Аттику», VII, 20, 2 (317); Овидий, «Метаморфозы», I, 653.

¹⁰⁸ Правление Тридцати тираннов (404—403).

¹⁰⁹ Имеется в виду учение о *круговороте* государственных форм. См. вводную статью С. Л. Утченко, стр. 163 и 169. Ср. ниже, II, 45; «Речь в защиту Планция», 93; «Письма к Аттику», II, 9, 1 (36); 21, 2 (48); «О предвидении», II, 6.

¹¹⁰ Ср. Платон, «Государство», VIII, 543 A — 545 C.

¹¹¹ Ср. Цицерон, «О законах», III, 31; «Письма к близким», I, 9, 12 (159); Платон, «Законы», IV, 711 C; Ксенофонт, «Воспитание Кира», VIII, 8, 3.

¹¹² Имеется в виду *ambitus* (буквально — обход по очереди), действия кандидата с целью расположить избирателей в его пользу; допустимым считалось обратиться к гражданину по имени и взять его за руку; недопустим был подкуп в любой форме, считавшийся преступлением (*crimen de ambitu*). Для борьбы с подкупом был издан ряд законов: Корнелиев закон карал запретом занимать магистратуры в течение 10 лет; Кальпурниев-Ацилиев закон 67 г. — штрафом и полным запретом занимать магистратуры; Туллиев закон 63 г. запрещал денежное вознаграждение, зрелища для народа и

угощение народа по трибам и карал 10-летним изгнанием. См. ниже, § 51; речи: «В защиту Суллы»; «В защиту Пландия»; «Письма к Аттику», IV, 15, 7 (142); Квинт Цицерон, «Наставление по соисканию консульства».

¹¹³ Римский сенат.

¹¹⁴ *Iudices delecti*. Судьи, для слушания данного дела отобранные городским претором (praetor urbanus) из общего списка судей (album iudicum, iudices selecti).

¹¹⁵ Под римским владычеством Родос пользовался некоторой автономией. В 167 г., после битвы под Пидной, сенат решил начать против Родоса войну ввиду его недружественного поведения во время войны с Македонией. Против этого выступил Катон Цензорий. См. Авл Геллий, VI, 3, 15.

¹¹⁶ Сципион говорит об Афинах своего времени. Впоследствии Афины оказались на стороне Митридата VI Евпатора, были взяты Суллой в 88 г. и утратили свою автономию.

¹¹⁷ Сципион приводит мнение сторонников демократии.

¹¹⁸ Ср. Саллюстий, «Катилина», 10, 4; «Югурта», 5, 2.

¹¹⁹ Речь идет о народе как источнике права. См. выше, § 39 и прим. 100.

¹²⁰ Ср. Саллюстий, «Катилина», 6—13; «Югурта», 41 сл.; Послания к Цезарю, II, 7.

¹²¹ Энный, «Тиест», фрагм. 303 Мюллер. Ср. Цицерон, «Об обязанностях», I, 26.

¹²² В историческую эпоху под термином *lex* понимали писанный закон. Ср. Цицерон, «О законах», I 18; Юстиниан, «Институции», II, 1, 11.

¹²³ *Царем* (*rex*) называли Юпитера; см. ниже, § 56.—Тиранией называлась сложившаяся в VI—IV вв. форма правления в греческом полисе, возникавшая после захвата власти лицом, часто принадлежавшем к знати, но опиравшимся на народ и действовавшим от его имени. При некоторых тираннах полисы достигли расцвета. Впоследствии тирания стала предметом ненависти народных масс. Цицерон в большинстве случаев придает понятию «тиранн» отрицательное значение. См. «Об обязанностях», III, 19, 32, 82; письма: «К Аттику», XIV, 14, 4 (720); «К близким», XII, 1, 2 (724); Вергилий, «Энеида», IV, 320.

¹²⁴ В Спарте царская власть была наследственной, в Риме, согласно традиции,—выборной.

¹²⁵ *Optimus*. Частая у Цицерона игра слов; *optimus* (наилучший, «честнейший») — оптимат.

¹²⁶ «Случайность» — избрание правителей по жребию (Афины). Частое у древних сравнение государства с кораблем. См. выше, прим. 13.

¹²⁷ Ср. Цицерон, «Речь в защиту Сестия», 96 слл.

¹²⁸ Имеется в виду подкуп избирателей.

¹²⁹ Ср. Цицерон, «О законах», III, 28 слл.

¹³⁰ Ср. Цицерон, «Об обязанностях», I, 50; II, 78. «Почет» (см. ниже) — избрание в консулы.

¹³¹ Об *Арате* см. прим. 63. Обращаться к Зевсу, начиная речь,—античная традиция. Ср. Цицерон, «О законах», II, 7; Вергилий, «Сельские поэмы», III, 60; Феокрит, «Идиллии», XVII, 1.

¹³² Ср. Цицерон, «О природе богов», II, 4; Гомер, «Илиада», I, 527 сл.; Вергилий, «Энеида», IX, 105; X, 2, 115.

¹³³ *Варварами* греки называли всех не греков, а римляне — всех не греков и не римлян.

¹³⁴ Согласно традиции, цари были изгнаны из Рима в 509 г.; диалог отнесен к 129 г.

¹³⁵ Царь Тарквиний Гордый.

¹³⁶ Царь Сервий Туллий.

¹³⁷ Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», IV, 78. Об *Архите* см. выше, § 16.

¹³⁸ *Familia rustica* — рабы, находящиеся в усадьбе, в сельской местности, в отличие от *familia urbana* — рабов, находящихся в городском доме, в Риме.

¹³⁹ Ср. выше, §§ 2 и 51.

¹⁴⁰ Имеется в виду Марк Фурий Камилл. См. выше, § 6; Ливий, V, 32.

¹⁴¹ Согласно традиции, это были Луций Брут и Коллатин; последний вскоре вернулся к частной жизни, и на его место был избран Публий Валерий Публикола (Попликола). Эти магистраты вначале назывались преторами, т. е. идущими впереди (войска), — от глагола *praerire*; впоследствии — консулами.

¹⁴² *Fasces* — связки прутьев, принадлежность ликторов, почетной охраны магистратов с империем; вне пределов померия в эти связки втыкались секиры. При диктаторе было 24 ликтора, при консуле — 12, при преторе — 2 в Риме и 6 в провинции. Ликторы приводили в исполнение наказания, а в провинции также и смертную казнь. См. ниже, кн. II, 53; Ливий, II, 7. Связки были опущены перед народом в знак признания его верховной власти.

¹⁴³ Согласно традиции, провокация к народу (апелляция со стороны гражданина, осужденного на смерть) восходит к правлению царя Туллы Гостилия: случай с победителем Горацием, убившим свою сестру за то, что она оплакивала смерть своего жениха Куриция, врага Рима. Традиция знала три Валериевых закона о провокации — 509, 445 и 300 г. Исторически достоверен только последний из них, приписывавшийся Публию Валерию Попликоле (прим. 141). См. ниже, кн. II, 53 сл.; речи: «Об ответах гарусников», 16; «В защиту Милона», 7; Ливий, I, 26; X, 9.

¹⁴⁴ Известно пять случаев такого «ухода» плебса из Рима, в связи с его борьбой за свои права: в 494 и 449 г. на Авентинский холм, в 445 г. на Яникул, в 342 и 287 г.

¹⁴⁵ *Апелляция* — жалоба на действия магистрата, обращенная к равному или к высшему магистрату.

¹⁴⁶ Скорее всего имеются в виду чрезвычайные полномочия, которые сенат предоставлял консулам в случае крайней опасности для государства, выносившее особое постановление, так называемое *senatus-consultum ultimum* или *s.-c. de re publica defendenda* по формуле: *Videant consules, ne quid detrimenti res publica cariat* (Да примут консулы меры, дабы государство не понесло ущерба). Оно давало консулам право казнить римского гражданина без формального суда. Впервые оно было принято в 121 г. для борьбы с движением Гая Гракха, затем в 100 г. для борьбы против Сатурнина, в 77 г. против Лепида, в 63 г. против Катилины, затем в 62, 52, 49, 48 и 40 г.

¹⁴⁷ Имеется в виду диктатор, которого назначают. См. Ливий, II, 18.

¹⁴⁸ Лелий и Сципий Эмилиан входили в состав коллегии авгуров. См. ниже, кн. II, 26 и прим. 11 и 26.

¹⁴⁹ Эний, «Анналы», фрагм. 117 сл. Уормингтон.

¹⁵⁰ Эний, «Анналы», фрагм. 119 Уормингтон.

¹⁵¹ Царь Тарквиний Гордый.

¹⁵² Ср. выше, § 44 сл.

¹⁵³ Ср. Цицерон, «Речь в защиту Сестия», 96: расширенное толкование понятия «*оптиматы*».

¹⁵⁴ Ср. Платон, «Государство», VIII, 562 С — 563 Е. Цицерон дает сокращенный пересказ.

¹⁵⁵ См. Цицерон, речи: «В защиту Суллы», 21; «Против Ватиния», 23.

¹⁵⁶ Термин, относящийся к боям гладиаторов.

¹⁵⁷ Ср. Цицерон, «Об обязанностях», II, 43, 72 сл., 85.

¹⁵⁸ *Лисистрат* — афинский тиранн (прим. 123), пришедший к власти в 560 г., изгнанный после 5 лет правления, возвратившийся в 545 г. и бывший у власти до своей смерти (527 г.). См. Плутарх, «Солон», 30; Аристотель, «Политика», V, 9, 23.

¹⁵⁹ Ср. Аристотель, «Политика», II, 3, 10.

¹⁶⁰ Ср. выше, § 52 сл., «Речь в защиту Сестия», 98 сл., «Письма к близким», I, 4, 7 сл. (97).

¹⁶¹ Эмили и Корнелии Сципионы.

¹⁶² Взятые Карфагена в 146 г. и Нуманцин в 133 г. Ср. Цицерон, «Речь в защиту Мурены», 28, 78; «О дружбе», 11.

¹⁶⁵ Отрывок из Гая Луцилия (II в.); см. Плиний, «Естеств. история», предисловие. *Т. Манилий* — участник диалога. *Гай Персий* был образованным человеком того времени. *Марк Юний Котт Гракхан* был историком и интересовался римскими древностями. См. Цицерон, «Речь в защиту Планция», 58; «Брут», 99; «Об ораторе», I, 256; II, 25. Смысл отрывка: автор предназначает свой труд для широкого круга читателей.

¹⁶⁴ Ср. выше, § 4 слл.

¹⁶⁵ Этот фрагмент можно было бы отнести к концу § 44.

Книга II

¹ Луций Эмилий Павел и Публий Корнелий Сципион, сын Сципиона Африканского Старшего, приемный отец Сципиона Младшего Эмилиана.

² См. Плутарх, «Катон Старший», 27.

³ *Минос* — по мифологии, сын Зевса и Европы, царь-законодатель Крита, судья в подземном царстве.

⁴ *Ликург* — законодатель Спарты (начало IX в.); см. ниже, §§ 15, 18.

⁵ *Тесей* — сын афинского царя Эгея, согласно традиции, объединил под главенством Афин сельские общины (демы) Аттики. В 621 г. архонт *Драконт*, по-видимому, уже историческое лицо, составил писаное уголовное право, отличавшееся суровостью. В 594 г. архонт *Солон* отменил рабство за долги, разделил население на четыре разряда по его имущественному положению и установил, что политические права определяются ценом. *Клисфен*, известный своей борьбой против тирании Писистратидов, в 508 г. приступил к демократическим реформам: усиление власти народных собраний и введение выборных должностей.

⁶ *Деметрий Фалерский* — философ-перипатетик и историк; участвовал в правительстве Афин с 317 по 307 г., произвел реформу законодательства.

⁷ Историческое сочинение Катона Старшего носило название «*Origines*» (Начала).

⁸ В диалоге Платона «Государство».

⁹ См. Ливий, I, 4. Мигрирующий сюжет; ср. сказание о Моисее, об Эдипе.

¹⁰ Волчица, предмет тотемистического культа у древних латинян.

¹¹ Официальные акты (созыв комиций, назначение диктатора, избрание интеррекса, выступление войска в поход и т. п.) требовали предварительного вопрошения воли богов — авгурий или *авспиций*; по представлению римлян, о ней можно было узнать на основании небесных явлений, полета и крика птиц, поедания корма священными курами, необычного поведения людей. Право *авспиций* принадлежало царю, а впоследствии магистратам с империем. Различались *auspicia urbana*, совершавшиеся внутри померия, и *a. bellica*, совершавшиеся в походе и перед боем; а. *impetrativa*, полученные при нарочитом наблюдении; а. *oblativa*, выявившиеся случайно, например, приступ падушей болезни во время комиций. В Риме городские *авспиции* совершались на *авгуракуле*, особом месте в крепости. *Авспиции* совершались в присутствии жреца-авгура, истолковывавшего их. Уже одного заявления магистрата, что им начаты *авспиции* (нунциация), было достаточно, чтобы комиции были отложены. Его заявление, что знамения неблагоприятны, называлось *обнунциацией*. Право нунциации и *обнунциации*, принадлежавшее магистратам и трибунам, по-видимому, было установлено Элиевым законом (середина II в.). Этим правом широко пользовались в политических целях. См. ниже, прим. 26.

¹² *Рутулы* населяли приморскую часть Лация. *Аборигены* — древнейшее население Лация. См. Ливий, I, 32, 11; 52, 2.

¹³ Царь *Анк Марций*, по преданию, основал город Остию. См. Ливий, I, 33.

¹⁴ *Карфаген* и *Коринф* были разрушены римлянами в 146 г.

¹⁵ *Флиунт* — город в Арголиде. См. Цицерон, «Письма к Аттику», VI, 2, 3 (257).

¹⁶ В М. Азии было два города, удаленных от побережья, носивших название *Магнесии*.

¹⁷ Каменные стены, окружавшие Палатинский холм и Семихолмие, относятся к IV в. Во времена царей укрепления были, скорее всего, бревенчатые.

¹⁸ Агх. Укрепленная северная вершина Капитолийского холма. См. Цицерон, «Речь в защиту Рабирия» (63 г.), 35.

¹⁹ Согласно традиции, в 390 г.

²⁰ *Консуалии* — празднества в честь Конса, покровителя зерна, брошенного в землю или сложенного в амбар; справлялись 21 секстилия (августа) и 15 декабря и сопровождалась скачками на лошадях. Сабиняне жили в центральной Италии.

²¹ Очевидно, будущий *Circus Maximus* (Большой цирк), место беговых состязаний и скачек; он находился в низине между Палатинскими и Авентинскими холмами. Там же находился алтарь божества Конса.

²² Это легендарное двоевластие можно связать с фактом существования двух консулов.

²³ *Лукумон* — этрусское имя. Названия триб — *Ramnes* (*Ramnenses*, *Ramnetes*); *Tities* (*Titienses*), *Luceres* (*Lucerenses*) — также этрусского происхождения. См. Ливий, I, 13;

²⁴ Слово «*сенат*» означает собрание старейших; сенат называли также и «*patres*» («отцы» в нашем переводе).

²⁵ Главным образом, с Вейями и Фиденями. См. Ливий, I, 14 сл.

²⁶ Коллегия жрецов, по преданию учрежденная Ромулом; вначале составлялась из патрициев; в 300 г., на основании Огульниева закона, в нее получили доступ и плебеи; пополнялась путем кооптации, а с 154 г., на основании Домициева закона, путем избрания 17 трибами, выбранными по жребию. Авгурат был пожизненным; *авгур* носил богатую одежду и изогнутый посох. Он истолковывал авспиции (прим. 11) и, признав их дурными, распускал собрание, произнося формулу: «*Alio die!*» (в другой день). Ср. Лукан, «*Фарсалия*», IV, 600.

²⁷ См. прим. 105 к кн. I.

²⁸ *Pecuniosus*; *rescipia* от *rescus* — скот.

²⁹ *Locuples* от *locus* — местность, участок земли.

³⁰ С 753 по 716 г.

³¹ См. I, 16.

³² Т. е., в 750 г. Эту дату принимает Полибий (I, 74). В традиции насчет времени основания Рима имеются расхождения; согласно Варрону, Рим был основан в 753 г. *Олимпиада* — период времени в полные четыре года; летосчисление по олимпиадам (по времени игр в Олимпии, повторяющихся через каждые четыре года на пятый) было введено в Греции в 776 г.

³³ Деятельность законодателя *Ликурга* относится к началу IX в. Его смешивали («ошибка в имени») с другим Ликуртом, который по случаю учреждения олимпиад ввел священное перемирие между Спартой и Афинами. См. Плутарх, «*Ликург*», 1.

³⁴ *Гесиод* — греческий поэт конца VIII и начала VII в., представитель дидактического эпоса. Его наиболее важные поэмы: «*Труды и дни*» и «*Феогония*» (Происхождение богов).

³⁵ Тисий из Гимеры, по прозвищу *Стесихор* («постановщик хоров»), — лирический поэт (около 630—550).

³⁶ *Симонид Кеосский* — лирический поэт, автор эпиграмм (556—468).

³⁷ По преданию, патриций из Альбы-Лонги. См. Ливий, I, 16; Плутарх, «*Ромул*», 28.

³⁸ Платон. Имеется в виду его диалог «*Государство*».

³⁹ Аристотель, Феофраст. Ср. Цицерон, «*О законах*», III, 13 сл.; «*О предвидении*», II, 3.

⁴⁰ Слово *patricius* — прилагательное, образовавшееся от слова *pater*, отец; впоследствии оно стало существительным.

⁴¹ *Interregnum*. В эпоху республики, в случае смерти обоих консулов, сенаторы-патриции избирали из своей среды правителя на пятидневный срок (интеррекс, «междущарь»); интеррекс проводил выборы новых консулов; иногда приходилось избирать нескольких интеррексов одного за другим. См. Цицерон, «О законах», III, 9; Ливий, I, 17.

⁴² См. Плутарх, «Нума», 2. *Куры* — главный город Сабинской области.

⁴³ Каждая курия составлялась из 10 родов; 10 курий составляли трибу. Куриатские комиции были патрицианскими. Закон об империи принимался куриатскими комициями; в I в. это стало формальностью: куриатские комиции представляли 30 ликторов, собиравшихся под председательством верховного понтифика.

⁴⁴ Коллегия из 15 жрецов: трех фламинов главных божеств — Юпитера, Марса и Квирина, и 12 фламинов младших божеств. Наибольшими правами и значением обладал фламин Юпитера (*Flamen Dialis*).

⁴⁵ Коллегия жрецов Марса.

⁴⁶ *Девы-весталки* — жрицы Весты, покровительницы домашнего и государственного очага; поддерживали неугасимый огонь в ее храме; в течение 30 лет служения богине были обязаны хранить целомудрие; нарушение этого обета каралось закапыванием в землю живого. Весталка имела право миловать осужденного на казнь, свидетельствовать в суде и составлять завещание. См. Ливий, I, 20.

⁴⁷ См. Цицерон, «О законах», II, 19; 25.

⁴⁸ По свидетельству Ливия (I, 21), Нума царствовал 42 года.

⁴⁹ *Летописи*, которые вел верховный понтифик. См. прим. 71 к кн. I.

⁵⁰ Греческие колонии на итальянском берегу Ионического моря.

⁵¹ Т. е. в 532—529 гг.

⁵² *Комиций* — северо-западная часть римского форума, место собраний; здесь было построено здание для собрания сената, получившее название *Гостилиевой курии*.

⁵³ *Фециалы* — коллегия жрецов бога верности (*dius Fidius*), следившая за соблюдением международных договоров, объявлявшая войну и заключавшая мир; при этом совершались ритуальные обряды: при объявлении войны старшина фециалов (*pater patratus*) бросал копье на вражескую территорию. См. прим. 15 к кн. I; «О законах», II, 21.

⁵⁴ *Остия* — морской порт Рима, расположенный в устье Тибра.

⁵⁵ См. Ливий, I, 32 сл.

⁵⁶ См. Ливий, I, 34. Далее речь идет о младшем сыне Демарата, переселившемся в Рим. *Кипсел* правил в Коринфе с 657 по 627 г.

⁵⁷ «*Высказывать мнение*» (*sententiam dicere*) — технический термин: выступать с речью в сенате, вносить мотивированное предложение. Число сенаторов было доведено до 300.

⁵⁸ Так называемые «*всадники*» составляли зажиточный класс граждан (18 центурий); они несли военную службу в коннице; государство оплачивало им содержание их коней. См. ниже, § 39.

⁵⁹ См. выше, § 14.

⁶⁰ Ср. Цицерон, «О законах», II, 33; «О предвидении», I, 31 сл.; «О природе богов», II, 9; Ливий, I, 36.

⁶¹ *Великие игры* — в честь капитолийских божеств: Юпитера, Юноны и Минервы; происходили с 5 по 19 сентября. См. Ливий, I, 35.

⁶² См. Ливий, I, 34—38.

⁶³ См. Ливий, I, 41.

⁶⁴ Текст испорчен. Увеличение числа центурий конницы до 18 (вместо прежних 6) приписывается Сервию Туллию. «*Младшие*» разряды были составлены из мужчин в возрасте до 45 лет, способных нести военную службу; «*старшие*» разряды были резервом. См. Ливий, I, 43.

⁶⁵ «*Шесть голосов*» — это 6 центурий римских всадников, которые учредил Тулл Гостилий. Таким образом, 12 + 6 центурий всадников + 70 центурий первого разряда + 1 центурия плотников составили 89 центурий. *Восемь центурий*, о которых гово-

рится здесь, — это центурии второго разряда. $89 + 8 = 97$, т. е. большинство. См. Цицерон, «Речь в защиту Флакка», 15.

⁶⁶ *Assiduus* — от слов *as* — монета и *do* — даю. Ср. Геллий, «Аттические ночи», XVI, 10, 15. Слово «пролетарий» происходит от слова *proles* — потомство.

⁶⁷ *Акценс* — в гражданском быту служителя консулов и преторов; в военном быту 1) помощники центурионов, 2) легковооруженная пехота.

⁶⁸ Согласно традиции, *Карфаген* был основан в 815 г., т. е. за 65 лет до основания Рима.

⁶⁹ См. I, 50.

⁷⁰ Царь Тарквиний Гордый.

⁷¹ В *Дельфах* (Фокида) находился знаменитый храм Аполлона и оракул.

⁷² См. I, 45.

⁷³ Царя Сервия Туллия.

⁷⁴ По представлению древних, преступник боялся кары за совершенное им злодеяние и потому его рассудок мог помутиться. См. Цицерон, «Речь об ответах гаруспиков»; 39.

⁷⁵ Ср. Цицерон, «Об обязанностях», III, 19; «Письма к близким», XI, 7, 2 (812). *Луций Юний Брут* — едва ли историческая личность. См. Ливий, I, 57—60.

⁷⁶ Согласно традиции, это произошло в 510 г.

⁷⁷ О *тирании* см. прим. 123 к кн. I.

⁷⁸ Ср. Цицерон, «О дружбе», 54 сл.

⁷⁹ Ср. кн. I, 65, 68. Возможно, намек на Цезаря.

⁸⁰ *Спурий Кассий Вецеллин* — консул 468 г., вместе с Прокулом Вергинием, предложил закон о распределении части государственных земель между плебсом; закон этот встретил сопротивление со стороны Вергиния и сената. Кассий предложил также возвратить плебсу деньги, уплаченные им за зерно, полученное из Сицилии. Кассий был обвинен в стремлении к царской власти и осужден на смерть. См. ниже, § 60; речи: «О доме», 101; «II филиппика», 87 и 114; Ливий, II, 41.

⁸¹ *Марк Манлий* — консул 390 г., отразил нападение галлов на Капитолий, за что был прозван Капитолийским; впоследствии был обвинен в стремлении к царской власти, но был оправдан; в 392 г. был обвинен снова, осужден и сброшен с Тарпейской скалы, как *Спурий Кассий*.

⁸² О *Спурии Мелии* см. прим. 24 к кн. I.

⁸³ Герусия состояла из 30 членов в возрасте старше 60 лет, избиравшихся народом. «Геронт» значит старик, старейшина.

⁸⁴ См. Платон, «Государство», VIII, 565 — IX, 580.

⁸⁵ Т. е. с 751 по 509 г.

⁸⁶ См. выше, прим. 41.

⁸⁷ *Луций Тарквиний Конлатин* (Коллатин) был родственником изгнанного царя Тарквиния Гордого. См. Ливий, II, 2.

⁸⁸ *Публий Валерий* заменил Конлатина, отказавшегося от консульства. Согласно традиции, он произвел демократические реформы. Ликторские связки (прим. 142 к кн. I) были опущены перед народом в знак признания его верховной власти. См. кн. I, 62; Ливий, II, 7.

⁸⁹ О *провокации* и *Валериевом законе* см. прим. 143 к кн. I. О *децемвирах* см. ниже § 61.

⁹⁰ По традиции, в 451 г. См. Ливий, III, 35 слл.

⁹¹ Консулы 449 г. См. Ливий, III, 39.

⁹² Известны три *Порциевых закона*, изданные в 198, 195 и 185 гг. Их обычно объединяли в один закон — *lex Porcia de tergo civium*. См. Цицерон, речи: «В защиту Гая Рабририя», 12; «Против Верреса», (II) V, 163; Ливий, X, 9.

⁹³ Кара за нарушение закона, упоминаемая в конце его текста.

⁹⁴ Секиры, вложенные в *ликторские связки*, символизировали право жизни и смер-

ти, которым магистраты, облеченные империем, располагали за пределами померия (*imperium militiae*). См. прим. 17 и 142 к кн. I.

⁹⁵ Ср. Цицерон, «О законах», III, 8; Ливий, II, 1, 7; IV, 3, 9; Полибий, VI, 11, 12.

⁹⁶ Так называемая *auctoritas patrum*; см. выше, § 25; Ливий, I, 17, 9; 22, 1; IV, 3, 10; VI, 42, 10.

⁹⁷ См. Ливий, II, 18, 4. Согласно традиции, это произошло в 498 г. *Тит Ларций*, консул 501 и 498 гг., был первым диктатором.

⁹⁸ В 493 г. Упоминание о требовании «природы вещей» отражает представления стоицизма. Ср. выше, § 45.

⁹⁹ См. I, 69.

¹⁰⁰ Об «уходах плебса» см. прим. 144 к кн. I. После первого ухода плебса был учрежден трибунал; плебейские трибуны получили право оказывать плебейам помощь, налагая запрет на решение магистратов (*ius auxilii*); см. ниже, § 59.

¹⁰¹ *Феопомп* царствовал в 704 г. Списки эфоров восходят к более раннему времени.

¹⁰² *Солон* в 592—591 гг. издал закон об уменьшении долгового бремени, запрещавший обращаться в рабство за долги, закон этот имел обратное действие. В Риме волнения были вызваны действиями ростовщика Луция Папририя; консулы Гай Петелий Либон и Луций Папририй Курсор в 323 г. провели закон (Петелиев — Папририев закон), запрещавший заключать должника в тюрьму, но не касавшийся его имущественной ответственности. См. Ливий, VIII, 28; Валерий Максим, VI, 7, 9. См. прим. 74 к кн. I.

¹⁰³ Первое в традиции упоминание о судебной власти квестора. См. выше, § 49.

¹⁰⁴ Консульские фасты относят этих консулов к 454 г. См. Ливий, III, 65; Дионисий Галикарнасский, X, 50.—Штраф (*multa*) в древнейшую эпоху платили скотом, впоследствии деньгами; штраф за неповиновение властям или за нарушение закона налагался либо магистратом, либо трибутскими комициями. *Иск* с внесением денежного залога (*legis actio sacramento*) был древнейшей формой гражданского процесса: каждая из сторон давала клятву (*sacramentum*) и вносила денежный залог; проигравшая сторона теряла этот залог, и он поступал в казну; залог этот также получил название *sacramentum*.

¹⁰⁵ Согласно традиции, в 430 г. См. Ливий, IV, 30.

¹⁰⁶ *Codex decemviralis. Duodecim tabulae*. Согласно традиции, в 451 г. комиссия в составе десяти патрициев выработала эти законы (см. ниже, § 63). Текст законов был вырезан на бронзовых досках, которые были выставлены на форуме; они погибли во время нашествия галлов. До нас дошли фрагменты, относящиеся к судебной процедуре и к гражданскому и уголовному праву. См. Ливий, III, 35 слл.

¹⁰⁷ *Гай Юлий Юл* был децемвиром второго года. См. Ливий, III, 33. Поручители должны были обеспечить явку обвиняемого в суд; обвиняемый оставался на свободе. *Провокация* (см. выше, § 51 слл.) совершалась к «народу» (*ad populum*), каковым в древнейшие времена считались только патриции. Совокупность прав римского гражданина обозначалась словом *сари*.

¹⁰⁸ Согласно традиции, *плебисцит Кануля* был принят в 445 г. Плебисцитом называлось постановление трибутских комиций.

¹⁰⁹ Северо-западная часть Альбанской горы; согласно традиции, это произошло в 449 г. Эпизод с Вергинией повторяет историю Лукреции; см. выше, § 46.

¹¹⁰ Согласно традиции, в 458 г.

¹¹¹ Ср. Цицерон, «О законах», II, 53.

¹¹² «Огромный зверь» — слон.

¹¹³ *Concordia ordinum*. См. выше, кн. I, 32, прим. 95.

Книга III

¹ Ср. Платон, «Государство», книги I, II, III (рассуждение о справедливости и несправедливости).

² Ср. Лукреций, «О природе вещей», V, 1022 1028; Платон, «Критон», 383 A—B.

³ Маний Курий Дентат — консул 290, 284, 275 и 274 гг., победитель самнитов и царя Пирра.

⁴ Первый фрагмент принадлежит Эннию, «Анналы», фр. 209 Уормингтон; второй фрагмент принадлежит Сенеке, Послания, 108, 33.

⁵ Южная Италия и Сицилия с преобладанием греческого населения.

⁶ Т. е. по сократическому методу: теза и антитеза.

⁷ Карнеад Киренский — 214—129 гг., основатель Новой Академии, участник посольства, прибывшего в 156 г. из Греции в Рим. В состав посольства входили также и перипатетик Критолай и стоик Диоген.

⁸ Орк (он же Плутон, у греков Аид) — божество, властитель царства умерших.

⁹ Аристотель. Имеется в виду его сочинение о справедливости (утрачено).

¹⁰ Хрисипп — около 281—204 гг., противник Карнеада, основатель средней Стои, систематизировал учение стоической философии.

¹¹ Платон и Аристотель.

¹² Т. е. естественное право.

¹³ Пакувий — (220—130) трагический поэт, принадлежал к Сципионовскому кружку.

¹⁴ Ср. Цицерон, «О законах», II, 26; «О природе богов», I, 115. См. Геродот, I, 131 VII, 109; Эсхил, «Персы», 809 слл.

¹⁵ Царь Александр Македонский и его отец Филипп III.

¹⁶ См. Павсаний, «Описание Эллады», X, 35, 2.

¹⁷ Черное море. «Понт Аксинский» — негостеприимное море; обычное название — Понт Евксинский — гостеприимное море. См. Овидий, «Тристии», IV, 4, 55 слл. Имеются в виду человеческие жертвоприношения Артемиде. См. Еврипид, «Ифигения в Тавриде»; Геродот, IV, 103. Высказано предположение, что иранское слово *axsaīna* (синий) было осмыслено греками как *axēipos*, а впоследствии заменено словом *suxēipos*.

¹⁸ По мифу, сын Посейдона, убитый Гераклом. Имеется в виду принесение чужеземцев в жертву богам. См. Аполлодор, II, 5, 11.

¹⁹ См. Цезарь, «Записки о галльской войне», VI, 16.

²⁰ См. Диодор Сицилийский, V, 31 сл.; XIX, 14; Энний, «Анналы», фрагм. 237 Уормингтон.

²¹ Об этолянах см. Фукидид, I, 5. Критские пираты, вместе с киприйскими, действовали против римлян.

²² См. Плутарх, «Алкивиад», 15.

²³ См. Цезарь, «Записки о галльской войне», VI, 22; Диодор Сицилийский, V, 32, 4.

²⁴ Этот запрет был издан сенатом в 154—125 гг. Для Массилии было сделано исключение.

²⁵ Имеются в виду илоты — коренное ахейское население Лаконики, превращенное дорийскими завоевателями в полусвободных, прикрепленных к земле.

²⁶ Консул 149 г., известный юрист, участник диалога «О государстве». См. Цицерон, «Об ораторе», I, 212.

²⁷ Легат — имущество, отказанное по завещанию.

²⁸ Закон, проведенный в 169 г. (или в 174 г.) трибуном Квинтом Вокоцием Саксой; он лишил женщин права наследовать по гражданину первого разряда, т. е. владеющему имуществом в 100 000 ассов, и ограничил легацію (см. прим. 27). См. Гай, «Институции», II, 226, 272.

²⁹ Публий Лициний Красс Муциан, консул 97 г., отец триумвира 60 г., был усыновлен Публием Лицинием Крассом Богатым.

- ³⁰ См. Цицерон, «О законах», I, 15 слл.; Платон, «Государство», I, 339 С.
- ³¹ См. Платон, «Государство», I, 331 слл.
- ³² О Пифагоре см. прим. 50 к кн. I. Эмпедокл Акрагантский — около 494—434 гг. — в своей философской поэме «Очищения» отразил представления Пифагора о природе животных и о метемпсихозе (последовательное переселение души в другие существа, сопровождающееся ее очищением).
- ³³ Гай Луцилий (148—102), фрагм. 1337 Маркс.
- ³⁴ Ср. I, 50.
- ³⁵ Приводится беседа между Александром Македонским и пленным пиратом. См. Августин, «О государстве божьем», IV, 4, 25. Миопарон — легкое военное судно.
- ³⁶ Император — в эпоху римской республики высшее военное почетное звание, присваивавшееся солдатами (также и сенатом) полководцу после решительной победы над врагом.
- ³⁷ Ср. Корнелий Непот, «Гамилькар», II, 5; Ливий, XXXVI, 1, 3.
- ³⁸ Ср. Павсаний, II, 14, 4; V, 1, 1; Овидий, «Фасты», II, 289.
- ³⁹ Имеются в виду эпикурейцы.
- ⁴⁰ Ср. Платон, «Государство», II, 361 сл.
- ⁴¹ В 137 г., во время войны в Испании, консул Гай Гостилий Манцин по собственному почину заключил договор о капитуляции римской армии, окруженной нумантинцами, и о мире с Нумантией. Римский сенат не утвердил этого договора и в 136 г., по предложению консула Луция Филадельфа, постановил выдать Манцина нумантинцам, которые, однако, не приняли пленника, не желая согласиться на расторжение заключенного им договора. — В 140 г. проконсул Квинт Помпей заключил с нумантинцами договор, подобный заключенному Манцином; договор этот был аннулирован сенатом, постановившим продолжать войну. См. Цицерон, речи: «По делу Цецины», 98; «Об ответах гарупиков», 43; «Об обязанностях», III, 109; «О пределах добра и зла», II, 54; «Брут», 103.
- ⁴² По-видимому, имеется в виду Карнеад.
- ⁴³ См. I, 30.
- ⁴⁴ Луций Сауфей и Патрон были эпикурейцами. См. Цицерон, «Письма к близким», XIII, 1 (198); «К Аттику», VI, 9, 4 (279); VII, 1, 1 (281).
- ⁴⁵ Геркулес (Геракл) и Ромул. См. I, 25; II, 17 слл.; «Речь в защиту Сестия», 143.
- ⁴⁶ Гай Фабриций Лусцин, консул 282, 278 и 273 гг., как и Маний Курий Дентат (прим. 3), считался образцом римской доблести и неподкупности.
- ⁴⁷ По аграрному закону Тиберия Гракха, земли союзников, находившиеся в Италии, также должны были быть отчуждены в пользу плебса. О союзниках и латинянах см. прим. 93 к кн. I.
- ⁴⁸ Сервий Сульпиций Гальба — консул 144 г., славился как оратор. Как и Сципион Эмилиан, он был членом коллегии авгуров («коллега»). См. Цицерон, «Брут», 86 и 333.
- ⁴⁹ По-видимому, речь идет об Исократе. Ср. Цицерон, «Об ораторе», II, 10; III, 28.
- ⁵⁰ Имеется в виду бык Фаларида. См. I, 44.
- ⁵¹ См. I, 39.
- ⁵² Тимей Тавроменский — (около 359—262), сицилийский историк. См. Цицерон, «О государстве», III, 43.
- ⁵³ Ср. Цицерон, «Речи против Верреса», (II) IV, 117 слл.
- ⁵⁴ См. I, 28.
- ⁵⁵ См. I, 44.
- ⁵⁶ В Афинах славился театр Диониса, палестры и гимнасии (места для гимнастических упражнений); философы вели там занятия; особенной известностью пользовались палестры Академии и Ликей. Пропилеи (украшенный колоннадами вход в Акрополь) были построены при Перикле. В храме Парфеноне находились статуи Зевса и Афины. известные Фидием. Пирей — морской порт Афин.
- ⁵⁷ См. II, 62.
- ⁵⁸ Т. е. к правлению народа. См. I, 41 и 66.

⁵⁹ Ср. I, 39.

⁶⁰ Ср. II, 47 и 67.

⁶¹ Ср. Цицерон, «О законах», III, 19 и 23.

⁶² Игра слов. См. прим. 135 к кн. I.

⁶³ В 141—139 гг. Сципион Эмилиан, с целью разбора некоторых династических споров в государствах Востока, подвластных Риму, в сопровождении Спурия Муммия, Луция Метелла Кальва и Панэтия совершил путешествие на Восток и посетил остров Родос.

⁶⁴ В Греции театр был местом народных собраний; курия в Риме была местом заседаний сената. Ср. Цицерон, «Речь в защиту Флакка», 16 слл.

⁶⁵ Мифический царь Ассирии, ошибочно отождествлявшийся с Ассурбанипалом (VII в.); по представлениям греков, тиранн, склонный к чувственным наслаждениям и роскоши. Окруженный врагами, он будто бы покончил с собой путем самоожжения.

⁶⁶ По свидетельству Витрувия («Об архитектуре», II, 2), зодчий Динократ предложил превратить гору Афон в огромную статую Александра Македонского.

Книга IV

По-видимому, имеется в виду Сервиева реформа. См. II, 39 сл. Вплоть до второй половины II в. сенаторы голосовали в центуриатских комициях вместе с римскими всадниками, подававшими голоса после голосования *centuriae praerogativae*, т. е. центурии, голосовавшей в первую очередь; она назначалась в первом разряде по жребию. См. Ливий, XXXIX, 44.

² Речь идет о *плебисците*, принятом в пользу римских всадников. См. Цицерон, «Речь в защиту Клуенция», 134.

³ См. I, 39. Ср. Аристотель, «Политика», I, 1252 b — 1253 a.

⁴ См. прим. 96 к кн. I.

⁵ См. Плутарх, «Ликург», 17 сл.

⁶ Римские обычаи не позволяли взрослому сыну мыться в бане вместе с отцом, зятю вместе с тестем. См. Цицерон, «Речь в защиту Клуенция», 141; «Об обязанностях», I, 129.

⁷ *Эфеб* (греч.) — юноша. В Афинах юноши начинали военную службу в 18-летнем возрасте; она длилась два года.

⁸ См. Плутарх, «Пир», 182 B.

⁹ См. Платон, «Государство», III, 416 сл.; V, 47; Плутарх, «Ликург», 8 слл., 15; Полибий, VI, 45, 3; 48, 3.

¹⁰ См. Платон, «Государство», III, 397 E — 398 A.

¹¹ Первый каменный театр в Риме был построен Гнеем Помпеем в 55 г.; он имел 27 000 мест для сидения и отличался большой пышностью; к нему примыкали портики и два храма — Венеры и Победы. См. Цицерон, «Об обязанностях», II, 60; «Письма к близким», VII, 1, 2 (127).

¹² Возможно, цитата из законов Двенадцати Таблиц. См. кн. II, 54 слл.

¹³ Во время Пелопоннесской войны, после победы афинского флота под Аргинусскими островами (406 г.), из-за бури на море оказалось невозможным найти в море и предать земле тела многих погибших. Шестеро афинских морских военачальников за это были преданы суду и, несмотря на заступничество Сократа (см. следующий фрагмент), осуждены на казнь. См. Ксенофонт, «Hellenica», I, 7, 12.

¹⁴ По-видимому, речь идет об авторах комедий.

¹⁵ См. Ливий, VII, 2, 12.

¹⁶ Афинские демагоги, осмеянные Аристофаном.

¹⁷ См. I, 1.

¹⁸ *Цецилий Стаций* (около 230—168) — ученик Энния, автор комедий из римской жизни, известных нам только по названиям и отдельным упоминаниям римских писателей.

¹⁹ См. II, 61.

²⁰ Эсхин (около 390—314) — противник Демосфена, известен своей речью «Против Ктесифонта». Ктесифонт предложил наградить Демосфена золотым венком в ознаменование его заслуг перед Афинским государством.

²¹ См. Цицерон, «Речь по делу Квинкция», 77 слл.

Книга V

¹ Эний, «Анналы», фрагм. 467 Уормингтон.

² См. I, 53; «Речь по делу Цецины», 37; «Об ораторе», I, 240.

³ Ср. II, 26.

⁴ Ср. III, 18.

⁵ В 44 г. Цицерон написал трактат «О славе». См. «Письма к Аттику», XV, 27, 2 (765); XVI, 2, 6 (772).

⁶ *Lar familiaris* первоначально считался покровителем земельного участка и людей, обрабатывавших его. В городе лары считались покровителями перекрестков (*Lares compositales*). Праздник Ларалий (или Компиталий) справлялся 23 декабря. См. Плавт. «Клад», Пролог.

⁷ См. Цицерон, «О законах», II, 47 слл.

⁸ Об императоре см. прим. 36 к кн. III.

⁹ См. Гомер, «Илиада», III, 212 слл.

¹⁰ Технический термин. См. прим. 57 к кн. II.

Книга VI

¹ Гай Клавдий Пульхр был консулом в 177 г.; цензором он был в 169 г., вместе с Тиберием Семпронием Гракком (отцом знаменитых трибунов); обвиненные в государственной измене в связи с их борьбой против злоупотреблений откупщиков, они были оправданы судом.

² Цитата из Филарха, афинского историка III в.; речь идет о колофонях. См. Афиней, XII, 526 а.

³ Возможно, речь идет о Квинте Фабии Максиме Кунктаторе. См. Плутарх, «Фабий», 17.

⁴ Имеется в виду речь Лелия, произнесенная им как претором в 145 г. Он возражал против предложения трибуна Гая Лициния Красса об установлении выборности членов жреческой коллегии (вместо кооптации).

⁵ См. Платон, «Государство», X, 614 В слл.

⁶ Маний Манилий Непот — в 149 г. консул вместе с Луцием Марцием Ценсоринном, начальствовал над войсками, осадившими Карфаген в начале третьей пунической войны.

⁷ Военные трибуны (*tribuni militum*) были офицерами, в течение двух месяцев командовавшими по очереди легионом. В легионе было шесть военных трибунов. Для первых четырех легионов они избирались комициями (*tribuni militum comitiati*); для остальных они назначались консулом (*tribuni militum rufuli*).

⁸ Нумидийский царь Масинисса (240—169) в начале второй пунической войны был на стороне Карфагена; с 206 г. он стал союзником Рима. Сципион Старший восстановил его на престоле и расширил его владения за счет владения царя Сифакса.

⁹ О культе Солнца и Луны у ливийцев см. Геродот, IV, 188; Платон, «Кратон», 397 С.

¹⁰ Имеется в виду Публий Корнелий Сципион Африканский Старший.

¹¹ Ср. Цицерон, «О предвидении», II, 128; Лукреций, IV, 962 слл.

¹² Эний, «Анналы», фрагм. 4 сл. Уормингтон; Лукреций, I, 117 слл.; Гораций, «Послания», II, 1, 50.

¹³ Речь идет о восковой маске умершего (*imago*). Восковая маска курульного магистрата хранилась его потомками в особом шкапу; ее несли во время похорон того или иного члена рода; это право называлось *ius imaginum*. Сципион Старший умер в 183 г. Сципион Эмилиан родился, по-видимому, в 185 г.

¹⁴ Обращение по прозвищу «Сципион» должно означать, что Эмилиан, будучи Сципионом, не должен испытывать страха.

¹⁵ Имеются в виду первая и вторая пунические войны. В Карфагене, после поражения во второй пунической войне ставшем данником Рима и обязавшемся разоружиться, снова восторжествовала военная партия.

¹⁶ Млечный путь. См. ниже, § 16; Цицерон, перевод «Феноменов» Арата, 249.

¹⁷ Преувеличение, подчеркивающее контраст между Эмилианом, военным трибуном, и будущим завоевателем Карфагена. Для молодого человека из нобилитета военный трибуна́т был началом военной карьеры. В нарушение Виллиева закона (см. прим. 54 к кн. 1), Эмилиан был избран в консулы, не достигнув 42 лет. См. Цицерон, «О дружбе», 11.

¹⁸ Имеется в виду почетное прозвание «Африканский». Карфаген был взят в 146 г., когда Сципион был уже проконсулом; он был консулом в 147 г.

¹⁹ Триумфом назывался религиозный акт, празднество в честь Юпитера Феретрийского, приуроченное к возвращению полководца (императора), одержавшего решительную победу над внешним врагом, во время которой он сам командовал войском. В ожидании разрешения сената справить триумф полководец находился в окрестностях Рима (*ad Urbem*) и должен был получить на этот день империй в Риме (*imperium in Urbe*), насчет чего издавался куриатский закон. В шествии участвовали сенаторы и магистраты; за ними шли трубачи, несли предметы военной добычи, изображения взятых городов, вели быков для жертвоприношения и наиболее важных пленников в оковах. За ними в триумфальной колеснице, запряженной четверкой белых лошадей, стоя ехал триумфатор в тоге, расшитой звездами и с лавровой ветвью в руке; лицо триумфатора было выкрашено в красный цвет (как на древнейших изображениях Юпитера); государственный раб держал над его головой золотой венки. Колесницу окружали ликторы, связи которых были обвиты лавром. За полководцем ехали верхами его военные трибуны и легаты. Шествие замыкали солдаты, иногда распевавшие песни с насмешками над триумфатором. Процессия вступала в город через Триумфальные ворота, проходила через Большой цирк, *forum boarium*, Велабр и форум. На Капитолийском склоне пленников уводили и чаще всего казнили. В Капитолии триумфатор приносил жертву Юпитеру Феретрийскому и слагал с себя венки. Его имя вносили в списки триумфаторов (*fasti triumphales*); он получал право появляться в расшитой тоге во время общественных игр.

²⁰ Сципион Эмилиан был цензором в 142 г. и вторично консулом в 134 г. О его легатстве см. прим. 63 к кн. III.

²¹ В 132 г. Сципион Эмилиан получил прозвание «Нумантинский» триумфом по окончании Нумантинской войны.

²² Имеется в виду враждебный интересам нобилитета земельный закон трибуна 133 г. Тиберия Гракха, старшего сына Корнелии, дочери Публия Корнелия Сципиона Африканского Старшего.

²³ Т. е. после возвращения Сципиона из-под стен Нуманции и до его смерти (133—129). Тон пророчества: частое у древних противопоставление короткой жизни, проведенной в государственной деятельности и на войне, и долгой жизни, проведенной в покое за наслаждениями. Ср. миф о Геркулесе на перепутье.

²⁴ Торжественный тон: 56 лет, возраст Сципиона Эмилиана в год его смерти. Речь идет о видимом движении Солнца по эклиптике: оно описывает вокруг земли окружность, поднимаясь от тропика Козерога к тропику Рака (*anfractus*), а затем опускаясь в обратном направлении (*reditus*). См. Арат, «Феномены», 60 сл., 264 (перевод Цицерона); Лукреций, V, 683; Цицерон, «О природе богов», II, 102.

²⁵ См. прим. 50 к кн. I.

²⁶ «Честные люди» — оптиматы. О союзниках и латинянах см. прим. 93 к кн. I; см. прим. 47 к кн. III.

²⁷ *Сципион Эмилиан* был найден мертвым в своей постели утром того дня, когда он намеревался выступить против судебного закона Тиберия Гракха. В его смерти обвиняли Корнелию, мать Гракхов, его жену Семпронию, их сестру, и триумвиров по распределению земли — Гая Папирия Карбона, Марка Фульвия Флакка и Гая Гракха. Свидетельства источников противоречивы. Ср. I, 31; Цицерон, «Речь в защиту Милона», 16; «О дружбе», 12; Макробий, «Сатурналии», III, 14, 6.

²⁸ Ср. I, 2, 12.

²⁹ Ср. I, 39.

³⁰ Т. е. из области Млечного пути. По учению пифагорейцев, душа человека — астрального происхождения, состоит из эфира и огня и является порождением божественного разума. См. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 66 сл.

³¹ В соответствии с учением Платона и пифагорейцев. См. Платон, «Федон». 67 С — D; Цицерон, «О старости», 75, 77; «О дружбе», 14; «Тускуланские беседы», I, 75.

³² *Templum* — первоначально часть неба, которую авгур своим посохом отграничивал для наблюдения знамений; впоследствии — освященный участок земли, затем — здание (храм); здесь — вселенная. См. ниже, § 24; Платон, «Федон», 62 В.

³³ Платон и пифагорейцы не допускали самоубийства. См. Платон, «Федон», 62 В; Цицерон, «О старости», 73.

³⁴ В соответствии с геоцентрическим учением о вселенной. См. Цицерон, «О природе богов», II, 37; «Тускуланские беседы», I, 40, 68; Платон, «Федон», 97 Е, 108 Е.

³⁵ См. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 19; «О природе богов», II, 39, 47; Платон, «Тимей», 40 В.

³⁶ Смешение двух концепций: 1) пифагорейцев и Платона — о человеческом теле как о «тюрьме»; 2) прагматической — о долге человека и гражданина. Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 74; «О старости», 72, 77.

³⁷ Ср. Цицерон, «Об обязанностях», I, 57.

³⁸ Т. е. с Земли; возможно, звезды Южного полушария.

³⁹ Луна. При рассматривании из области Млечного пути Луна должна была казаться малой величины; еще меньшей величины должна была казаться Земля.

⁴⁰ Т. е. небо, несущее на себе неподвижные звезды. По учению стоиков, небо (небесный эфир) отождествлялось с божеством. Ср. Цицерон, «О природе богов», II, 47 сл., 65; «Тускуланские беседы», I, 68.

⁴¹ По геоцентрическому учению, Земля неподвижна; вселенная ограничена небом неподвижных звезд, вращающимся вокруг Земли с запада на восток; в это небо концентрически заключены семь сфер, несущих на себе планеты и вращающиеся вокруг Земли с востока на запад. См. Цицерон, «О природе богов», II, 49 сл.

⁴² Древние, в частности халдеи, приписывали небесным светилам, особенно планетам, способность оказывать влияние на судьбу человека. См. Цицерон, «О предвидении», II, 87; Гораций, Оды, I, 11, 2 сл.

⁴³ Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 40; «О природе богов», II, 98; «Об ораторе», III, 178.

⁴⁴ Гармония вращающихся сфер, по учению Пифагора. См. Платон, «Государство», X, 617 В; Аристотель, «О небе», II, 290 в.

⁴⁵ Т. е., с одной стороны, небо неподвижных звезд; с другой — круг, занимаемый Луной.

⁴⁶ См. I, 22. *Круги, «обладающие одинаковой силой»*, — это круги Меркурия и Венеры. Семь звуков соответствуют семи звукам гектахорда (семиструнный инструмент) Терпандра (VII век).

⁴⁷ Таким образом, Цицерон открывает доступ в область Млечного пути не только государственным деятелям и полководцам, но и певцам и музыкантам. См. Квинтилийан, «Обучение оратора», I, 10, 12 сл.

⁴⁸ Верхние пороги на Ниле. См. Геродот, II, 17; Плиний, «Естественная история»; VI, 181.

⁴⁹ Речь идет о жителях разных широт, в том числе и об антиподах; см. ниже, § 21.

⁵⁰ Учение о зонах (*поясах*) принадлежит Пармениду, Эратосфену и Аристотелю.

⁵¹ *Кавказский хребет и река Ганг* считались восточными пределами Земли.

⁵² По учению стойков, по окончании «большого года» (см. ниже, § 24) происходит всеобщий пожар, существующий мир уничтожается и возникает новый (палингенез); затем начинается новый цикл. См. Цицерон, «О природе богов», II, 118.

⁵³ Т. е. по истечении «большого года».

⁵⁴ Согласно легенде, Ромул исчез в 716 г.; беседа, о которой сообщает Сципион Эмилиан, относится к 149 г. Если промежутки времени в 567 лет меньше одной двадцатой части «большого года», то для Цицерона последний не меньше 11 340 лет.

⁵⁵ Т. е. в область Млечного пути. См. § 11.

⁵⁶ Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 52.

⁵⁷ Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 65.

⁵⁸ Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 53 слл.; Платон, «Федр», 245 С — Е.

⁵⁹ Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 75; «О старости», 78; Платон, «Федон», 67 С — D.

⁶⁰ Ср. Платон, «Федон», 81 С — D.

⁶¹ Ср. Платон, «Федр», 107 E; 108 В — С; 249 А сл.; «Государство», I, 615, А.

⁶² См. Эний, Эпиграммы, фрагм. 3 сл. Уормингтон. Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», V, 49; Сенека, Письма, 108, 34.

О законах

Участники диалога

1. Марк Туллий Цицерон.

2. Квинт Туллий Цицерон, младший брат оратора, родился в 103 или 102 г. и воспитывался вместе со старшим братом, вместе с которым в молодости совершил поездку в Грецию, где они слушали философов и риторов. Он был эдилом в 65 г. и претором в 62 г., затем в течение трех лет пропретором в провинции Азии. В 56 г. Квинт Цицерон был легатом Помпея, ведавшего снабжением Италии хлебом, в 54 г. — легатом Цезаря и отличился в галльской войне; в 51 г. был легатом брата Марка во время его проконсульства в Киликии. Во время гражданской войны Квинт Цицерон, как и брат Марк, был на стороне сената, но после поражения Помпея под Фарсалом покорился Цезарю. После убийства Цезаря Квинт Цицерон встал на сторону сената и был убит в 43 г., по воле триумвиров. Квинт Цицерон был женат на Помпонии, сестре Тита Помпония Аттика.

До нас дошли письма Марка Цицерона к брату Квинту и большое письмо Квинта к Марку, известное под названием «Краткое наставление по соисканию консульства», написанное в 64 г., когда Марк Цицерон выставил свою кандидатуру в консулы; кроме того, до нас дошли фрагмент поэмы и две эпиграммы Квинта Цицерона.

3. Тит Помпоний Аттик (109—32), близкий друг Цицерона, богатый римский всадник, эпикуреец. Он не занимал магистратур и по многу лет жил вне Рима — в Афинах (в связи с этим он и получил прозвание «Аттик») и в своих поместьях в Эпире и в Италии. Аттик давал крупные денежные ссуды городским общинам Греции. Если судить по письмам Цицерона, советовавшегося с Аттиком во многих случаях, когда ему предстояло принять важное для него решение, то Аттик обладал большим политическим опытом и пользовался влиянием.

Аттик интересовался литературой и искусством и устроил у себя «издательство»: многочисленные рабы переписывали и размножали (на продажу) сочинения античных авторов, в том числе и произведения Цицерона. До нас дошли 16 «книг» — писем Цицерона к Аттику, являющиеся весьма важным историческим источником и памятником эпистолярной литературы. Возможно, что Аттик принимал участие в подборе писем Цицерона для выпуска их в свет уже после смерти оратора. Письма Аттика к Цицерону до нас не дошли.

Книга I

¹ Написанная Цицероном в молодости поэма о Гае Марии (см. «О государстве», прим. 29 к кн. 1). Марий родился в Арпине в 159 г., Цицерон — в 106 г. Арпин получил права римского гражданства в 188 г. См. Цицерон, «Письма в Аттику», II, 15; 3 (43).

² Квинт Цицерон занимался поэзией и писал трагедии. См. Цицерон, «Об ораторе», II, 10; «Письма к Квинту», III, 4, 4 (151); 5, 7 (153); 9, 6 (157).

³ Скорее всего имеется в виду Квинт Муций Сцевола Авгур, консул, 117 г., участник диалога «О государстве». Возможно, Сцевола был одним из персонажей поэмы.

⁴ По мифу, между Афиной и Посейдоном возник спор насчет имени, которое должно было быть дано городу. Афина ударила в землю Акрополя копьем, после чего на этом месте выросла олива; Посейдон ударил в землю своим трезубцем, и из земли вышел конь; боги решили спор в пользу Афины, и город был назван Афинами.

⁵ Гомер, «Одиссея», VI, 162 слл.

⁶ См. Цицерон, «О предвидении», I, 106 слл. Стих из «Мария», Речь идет об орле, полет которого по направлению к востоку считался благоприятным знамением. См. «О государстве», прим. 11 к кн. II.

⁷ Ср. Цицерон, «О государстве», II, 20.

⁸ См. Платон, «Федр», 229 В. По мифу, Орифия была дочерью афинского царя Эрехафея.

⁹ См. Цицерон, «О государстве», II, 25 слл.; Ливий, I, 21.

¹⁰ См. Ливий, I, 34. О фламинах см. «О государстве», прим. 44 к кн. II.

¹¹ Феопомп Хиосский (род. в 380 г.) написал историю современной ему Греции. См. Цицерон, «Брут», 66.

¹² Имеется в виду подавление движения Катилины, что Цицерон всегда ставил себе в заслугу.

¹³ См. Цицерон, «Об ораторе», II, 62; «Оратор», 66.

¹⁴ Ср. Цицерон, «Об ораторе», II, 52.

¹⁵ Фабий Пикто (260—190) — один из первых анналистов, довел историю Рима до второй пунической войны.

¹⁶ Имеется в виду Марк Порций Катон Старший. Ср. Цицерон, «О государстве», I, 1; II, 2.

¹⁷ Луций Кальпурний Писон Фруги — консул 133 г., анналист. См. Цицерон, «Брут», 106.

¹⁸ Гай Фанний Страбон, зять Гая Лелия младшего, анналист.

¹⁹ Венноний упоминается только здесь и в письме Цицерона к Аттику, XII, 3, 1. (616).

²⁰ Луций Целий Антипатр написал историю второй пунической войны. См. Цицерон, «Об ораторе», II, 54.

²¹ Дионисий Галикарнасский упоминает о двух Геллиях, Сексте и Гнее, чьими трудами он пользовался.

²² Клодий Квадригарий и Публий Семпроний Аселлион были анналистами; последний написал историю нумантинской войны. См. Авл Геллий, II, 13, 1; V, 18, 8.

²³ Гай Лициний Макр — трибун 73 г., анналист. См. Цицерон, «Брут», 238.

²⁴ Луций Корнелий Сисенна — претор 78 г., легат Помпея в 67 г., написал историю гражданской войны, доведя ее до смерти Суллы. «Речи» — речи, которые автор приписывает историческим лицам. См. Цицерон, «Брут», 228, 259.

²⁵ Возможно, намек на Цезаря, писавшего в 52 г. свои записки о галльской войне, или на Луция Лукция; см. Цицерон, «Письма к близким», V, 12 (112).

²⁶ Клитарх — историк, биограф Александра Македонского, сопровождавший царя во время его похода на Восток. См. Цицерон, «Письма к близким», II, 10, 3 (225).

²⁷ См. Цицерон, «Речь о Манилиевом законе», 27 слл. Это место свидетельствует о том, что диалог был написан до 49 г.; кроме того, после 48 г. между братьями Марком и Квинтом Цицеронами произошла ссора. Иронический тон Аттика можно объяснить тем, что Помпей в 58 г. отказал в помощи Цицерону, когда ему грозило изгнание. См. III, 26; Письма: «К Аттику», III, 15, 4 (73); X, 4, 3 (380); «К брату Квинту», III, 15, 4 (72); Плутарх, «Цицерон», 31.

²⁸ Год консульства Цицерона (63 г.), ознаменовавшийся подавлением движения Каттидины. В 60 г. Цицерон написал поэму о своем консульстве (утрачена). См. «Письма к Аттику», I, 19, 10 (25); II, 1, 3 (27); 3, 4 (29).

²⁹ К этому времени Цицерон уже выпустил в свет диалоги «Об ораторе» и «О государстве» и ряд своих литературно обработанных речей. См. «Письма к Аттику», II, 1, 3 (27).

³⁰ Имеется в виду *legatio libera*, т. е. поездка, которую сенатор совершал за счет казны как официальное лицо, но по своим делам; см. III, 18. Как консул Цицерон боролся с этим обычаем. Цезарь в 59 г. ограничил свободные легатства своим законом о вымогательстве (*lex Julia de repetundis*). См. Цицерон, речи: «О земельном законе», I, 8; II, 45; «В защиту Флакка», 86; «Письма к Аттику», II, 18, 3 (45); XV, 11, 4 (746).

³¹ Ср. Цицерон, «Об ораторе», I, 199; II, 143, 226; III, 133.

³² Актер Квинт Росций Галл, по делу которого Цицерон выступал в 76 или 70 г. Флейты сопровождали так называемый кантик, т. е. сольную партию или монолог. См. Цицерон, «Речь в защиту поэта Архия», 17; «Об ораторе», I, 130, 258; «Брут», 290; «Оратор», 57; «Письма к близким», IX, 22, 1 (638).

³³ О подготовке к произнесению речи см. Цицерон, «Брут», 139.

³⁴ Имеется в виду деятельность юрисконсульта. См. Цицерон, «Речь в защиту Мурины», 22 сл.; Горацкий, Сатиры, I, 1, 9 сл.

³⁵ Имеется в виду Квинт Муций Сцевола «Понтифик», консул 95 г., под чьим руководством Марк и Квинт Цицероны изучали право. См. II, 47.

³⁶ См. Цицерон, «Речь в защиту Мурины», 23 слл.; «Об ораторе», I, 236.

³⁷ Имеются в виду городские сервитуты. Сервитутом называлось право частичного пользования чужим имуществом, создававшее выгоды для определенного лица и налагавшее обязательства на владельца этого имущества. В данном случае имеется в виду отведение дождевой воды от участка соседа (или же отведение дождевой воды на участок соседа) и использование общей стены двух смежных городских владений. См. II, 47; «Речь в защиту Мурины», 22; «Оратор», 72.

³⁸ Стипуляция — устная торжественная форма обязательства, касавшегося имущества; она содержала вопрос заимодавца и ответ должника. Торжественная формула произносилась и при иске (*legis actio*). См. «О государстве», прим. 104 к кн. II; «Речь в защиту Мурины», 25 слл.

³⁹ Согласно традиции, древние судебные формулы были собраны писцом Гнеем Флавием в конце IV в. (*Ius Flavianum*); другой список формул приписывали Сексту Элию Пету (начало II в.); эти формулы применялись еще во времена Цицерона, как и формулы из списка Мания Манилия. См. Цицерон, «Об ораторе», I, 186; «Речь в защиту Мурины», 25; «Письма к Аттику», VI, 1, 8 (251); Ливий, IX, 46.

⁴⁰ Ср. Платон, «Законы», I. 1. Далее упоминаются участники этого диалога.

⁴¹ Городской претор, приступая к исполнению своих обязанностей, издавал *эдикт*, т. е. постановление, в котором он разъяснял некоторые законы и сообщал основные положения, руководствоваться которыми он намеревался. Это так называемый *edictum perpetuum*. Он был действителен только во время данной претурты, но мог быть частично или полностью принят претором следующего года (*edictum tralatitium*). Преторские эдикты легли в основу так называемого *ius honorarium*, важного источника римского права.

⁴² См. Цицерон, «О государстве», II, 61.

⁴³ *In iure*. Речь идет о предварительном разборе гражданского дела перед городским претором. После принятия дела претором и указания им формулы, на основании которой оно должно было разбираться, дело рассматривал назначенный им судья; это была процедура *in iudicio* или *arud iudicem*. См. Цицерон, «Речь в защиту Мурены», 26.

⁴⁴ Возможно, имеется в виду Сервий Сульпиций Руф (105—43), консул 51 г., известный юрист. См. Цицерон, «Речь в защиту Мурены»; «Филиппики», IX; «Брут», 150 слл.

⁴⁵ Имеются в виду стойки, взгляды которых излагаются ниже.

⁴⁶ Греческое слово *nomos* (закон) одного корня с глаголом *neto* (уделять).

⁴⁷ Ср. Цицерон, «Речь в защиту Милона», 19. Оратор доказывает законность убийства при самозащите, исходя из естественного права.

⁴⁸ Имеется в виду диалог «О государстве»; Цицерон подчеркивает связь между обоими диалогами.

⁴⁹ Тит Помпоний Аттик был эпикурейцем.

⁵⁰ Ср. Эпикур, письмо к Менекею, 123; Лукреций, «О природе вещей», II, 646 слл.; Гораций, Сатиры, I, 5, 101.

⁵¹ Положение стоицизма, сформулированное Хрисиппом. См. Цицерон, «О природе богов», I, 25, 45; II, 16.

⁵² Об империи см. «О государстве», прим. 17 к кн. I. «Власть» (*potestas*) — гражданская власть римских магистратов.

⁵³ Положение стоицизма. См. Цицерон, «О природе богов», II, 154. «Предержащее божество» — Юпитер.

⁵⁴ *Агнаты* — свободнорожденные, подвластные одному и тому же главе ветви рода (*pater familias*; см. прим. 132 к кн. II). *Агнация* — связь между агнатами.

⁵⁵ Ср. Цицерон, «О государстве», VI, 21.

⁵⁶ Теренций, «Самоистязатель», 77. Измененный перевод А. В. Артюшкова. Ср. Цицерон, «Об обязанностях», I, 30.

⁵⁷ Ср. Цицерон, «Об обязанностях», III, 11.

⁵⁸ В тексте лакуна. Дается одна из предложенных конъектур. Ср. Цицерон, «Об обязанностях», I, 56.

⁵⁹ Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», I, 70.

⁶⁰ Имеются в виду стойки, последовательно рассматривающие философские вопросы; *древние философы* — сократики, академики и перипатетики.

⁶¹ Намек на строгую диалектику более новых школ (перипатетики и стоики) в противоположность более общему методу рассмотрения, характерному для Платона.

⁶² После смерти Платона Старую Академию возглавил *Спевсилл*. Его сменил *Ксенократ* (338—314), а затем *Полемон* (314—269). Средняя Академия была основана *Аркесидаем* (315—241), Новая Академия — *Карнеадом* (213—129). Школа была названа по имени владельца усадьбы, Академа, в саду у которого Платон собирал своих слушателей.

⁶³ Цицерон объединяет со школой Платона также и *Аристотеля* (384—322), ученика последнего, и *Феофраста* (372—287), сменившего Аристотеля. Феофраст был главой школы перипатетиков; он занимался этикой и естествознанием, главным образом ботаникой. Школа Аристотеля открылась в Ликее в 335 г.

⁶⁴ *Зенон* (334—262 гг.) — основоположник стоицизма. Вел занятия в Афинах в портике, известном под названием *στοά ποικίλη*; отсюда название школы.

⁶⁵ *Аристон Хиосский* (около 275 г.) — был учеником Зенона и развил этическую сторону его учения.

⁶⁶ Имеются в виду эпикурейцы с их политическим абсентеизмом. Ср. Цицерон, «О государстве», I, 1 и 8. Эпикур вел занятия в саду. В 173 г. эпикурейцы Алкей и Филиск были изгнаны из Рима.

⁶⁷ Ср. Цицерон, «О государстве», кн. III.

⁶⁸ Ср. Цицерон, «О государстве», III, 19. Возможно, намек на очистительные обряды пифагорейцев. Римляне применяли окуривания серой с целью очищения оскверненного предмета или человека. См. Цицерон, «Речь в защиту Клауенция», 193; Катон, «Земледелие», 141; Проперций, Элегии, V, 8, 81.

⁶⁹ По греческой мифологии, эринии (у римлян фурии) Алекто, Тисифона и Мегера изображались в виде змееволосых женщин с зажженными факелами в руках. Ср. Эсхин, «Речь против Тимарха», 190 сл.; Цицерон, речи: «В защиту Секста Росция», 24; «Против Писона», 20.

⁷⁰ Ср. Цицерон, «О государстве», III, 21 (из Лактанция).

⁷¹ Ср. Цицерон, «О государстве», III, 20; «О пределах добра и зла», II, 52, 59; «Об обязанностях», III, 37 сл., 77.

⁷² См. Цицерон, «О государстве», I, 44; III, 32; прим. 123 к кн. I.

⁷³ Имеется в виду закон, проведенный в конце 82 г. интеррексом Луцием Валерием Флакком и одобренный все действия Суллы как консула и проконсула; этот закон предоставил Сулле неограниченные полномочия, право жизни и смерти по отношению к римским гражданам. См. Цицерон, речи: «Против Верреса», (II) III, 82; «О земельном законе», III, 5; «О доме», 49.

⁷⁴ Имеются в виду постановления трибутских комиций (*plebis scita*).

⁷⁵ Ср. Лукреций, IV, 478 сл.; Цицерон, «О пределах добра и зла», I, 22.

⁷⁶ Ср. Цицерон, «О государстве», III, 21.

⁷⁷ Текст испорчен. Ср. Цицерон, «Об ораторе», I, 120. Имеются в виду эпикурейцы.

⁷⁸ Точка зрения эпикурейцев. Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», I, 42.

⁷⁹ *Луций Геллий* — друг Цицерона, современник ораторов Луция Лициния Красса, консула 95 г., и Марка Антония, консула 99 г. См. Цицерон, «Брут», 105, 173.

⁸⁰ *Федр* — видный эпикуреец, современник Цицерона. См. Цицерон, «Письма к близким», XIII, 1, 2 сл. (198).

⁸¹ *Антиох Аскалонский* — философ-стоик, ученик Филона, был учителем Цицерона, Марка Брута, Аттика и Варрона.

⁸² Имеется в виду учение Эпикура.

⁸³ См. выше, § 38.

⁸⁴ Игра слов. Вначале речь идет о границах добра и зла, затем о так называемой *уссарии*, получении прав собственности в силу давности владения и пользования (по законам Двенадцати Таблиц, для недвижимого имущества — два года); при этом полоса земли шириной в 5 футов, проходившая между смежными владениями, не подлежала отчуждению. Мамилев закон (165 г. ?) требовал участия третейского судьи при этой процедуре. Указание *границ* (*demonstratio finium*) было важным юридическим актом при передаче прав собственности. См. Цицерон, «Речь по делу Туллия», 17.

⁸⁵ Текст испорчен.

⁸⁶ О *Ликурге* см. Цицерон, «О государстве», II, 1, 9 сл.

⁸⁷ См. Цицерон, «О государстве», II, 59.

⁸⁸ *Харонд* — легендарный основатель Локр (Сицилия).

⁸⁹ Т. е. Аполлона. Над входом в храм Аполлона в Дельфах, по преданию, было высечено изречение: «Познай самого себя»; о нем говорится ниже. Ср. Цицерон, «Тускуланские беседы», I, 52.

⁹⁰ Ср. Платон, «Пир», 215 В.

⁹¹ Ср. Цицерон, «О государстве», VI, 9 сл., «Сновидение Сципиона».

⁹² Имеется в виду диалектика.

Книга II

¹ Ср. Цицерон, «Письма к брату Квинту», III, 1, 1 (145). *Фибрен*, приток реки Лирис, делился на два рукава, один из которых протекал вблизи от усадьбы Цицерона.

² Ср. Гораций, Оды, II, 18, 1 сл.

³ *Еврип* — пролив между островом Евбеей и материком; в течение суток в нем несколько раз менялось направление течения. Богатые римляне проводили в своих усадьбах каналы.

⁴ Ср. Цицерон, «Речь в защиту Планция», 20 и 22; «Письма к Аттику», II, 11, 2. (39).

⁵ *Маний Курий Дентат* был консулом в 290, 284, 275 и 274 гг. Ср. Цицерон, «О государстве», III, 6 и 40; «О старости», 55.

⁶ Одиссей. См. Гомер, «Одиссея», I, 55; V, 135. Ср. Цицерон, «Об ораторе», I, 196.

⁷ Ср. Цицерон, «О пределах добра и зла», V, 4. Римские законы не допускали двойного гражданства; поэтому Атик не принял предложенного ему афинского гражданства. См. Цицерон, речи: «По делу Цецины», 100; «В защиту Бальба», 28; Корнелий Непот, «Атик», 3.

⁸ См. Цицерон, «Письма к Аттику», II, 15, 13 (42).

⁹ Имеется в виду *Марк Порций Катон Цензорий* (234—149). Ср. Цицерон, «Речь в защиту Планция», 20. См. «О государстве», прим. 36 к кн. I.

¹⁰ Согласно мифу, царь *Тесей* объединил городские общины Аттики и переселил их в Афины. См. Фукидид, II, 15; Плутарх, «Тесей», 24.

¹¹ «*Великий*» (*Magnus*) — прозвание Гнея Помпея. *Тит Амий Бальб* — трибун 63 г., претор 58 г., во время гражданской войны сторонник сената и Помпея. О его процессе сведений нет. См. Цицерон письма: «К Аттику», VIII, 11 b, 2 (327); «К близким», II, 16, 3 (390); VI, 12 (489).

¹² Родом из Арпина были Гай Марий, победитель кимвров и тевтонов (102—101 гг.), и Цицерон, «спасший Рим» подавлением движения Катилины. См. Цицерон, речи: «В защиту Суллы», 26, 33, 83; «В защиту Гая Рабирия» (63 г.), 27 слл.; «К квиритам после возвращения из изгнания», 19 сл.; «О доме», 92, 132; «В защиту Сестия», 50; «Против Писона», 43; «Письма к Аттику», IX, 10, 3 (364).

¹³ *Палестра* (греч.) — место для гимнастических упражнений, имевшее помещения для переодевания и отдыха; на палестрах философы вели занятия с учениками.

¹⁴ При усыновлении (адопция, адрагация) усыновляемый получал личное и родовое имя усыновителя. Здесь шутка.

¹⁵ См. Платон, «Федр», 230 В.

¹⁶ Атик владел в Эпире, на реке Тиаме, имением, где он устроил «Амальтей», храм нимфы Амальтеи. См. Цицерон, «Письма к Аттику», I, 13, 1 (19); 16, 15 слл. (22).

¹⁷ См. Цицерон, «О государстве», I, 22, 56, прим. 63 и 131.

¹⁸ Цитата из закона Двенадцати Таблиц: «Если человека зовут в суд, он должен идти; если не пойдет, надо призвать свидетелей, а затем взять его силой». Имеется в виду процедура *in iure*; см. прим. 43 к кн. I.

¹⁹ Эпизод на свайном мосту через Тибр (*pons Sublicius*) во время войны с этрусками (508 г.). См. Ливий, II, 10.

²⁰ См. Цицерон, «О государстве», II, 46. По традиции, это послужило поводом к восстанию и изгнанию царей (510 г.).

²¹ Ср. Платон, «Законы», I, 631.

²² Имеются в виду стойки. См. Цицерон, «Тускуланские беседы», III, 13.

²³ Имеются в виду законы трибуна *Луция Аппулея Сатурнина* — земельные, о распределении хлеба и об оскорблении величества римского народа (100 г.) и земельный закон трибуна *Секста Тиция* (99 г.). Сатурнин встретил сопротивление нобилитета; восстание Сатурнина было подавлено консулом Гаем Марием; Сатурнин и претор Глав-

ция были убиты. См. Цицерон, «Речь в защиту Гая Рабирия (63 г.), 18 сл.; «Брут», 224; «Об ораторе», II, 48.

²⁴ Законы, предложенные в 91 г. трибуном *Марком Ливием Друсом* младшим: по судебному закону сенат, пополненный римскими всадниками, должен был получить судебную власть; по земельному и хлебному законам плебс должен был получать дешевый хлеб и быть наделен землей в Италии и Сицилии; по закону о гражданстве италийки должны были получить права римского гражданства. Сопrotивление нобилитета привело к восстанию италиков против Рима (Союзническая, или Итальянская, война, 91—88 гг.). Друс был убит.

²⁵ Возможно, имеется в виду *senatus-consultum ultimum*. См. «О государстве», прим. 146 к кн. I. Ливиевы законы были объявлены недействительными по формальным причинам: они охватывали разные вопросы (в нарушение Цецилиева — Дидиева закона 98 г.). См. ниже, § 31.

²⁶ См. Платон, «Законы», IV 722 D сл.

²⁷ См. выше, I, 57; Диодор Сицилийский, XII, 19, 3—21, 3.

²⁸ См. Диодор Сицилийский, XII, 11, 3—19, 2.

²⁹ см. Платон, «Законы», IV, 718 B—C, 720 A, 722 B.

³⁰ Сицилийский историк IV—III вв. См. Цицерон, «О государстве», III, 43.

³¹ Цицерон был патроном локрян. См. «Речь в защиту Планция», 97; «О государстве», прим. 105 к кн. I.

³² См. выше, I, 18 сл.

³³ См. Платон, «Законы», IV, 722 D.

³⁴ См. Платон, «Законы», IV, 715 E сл.

³⁵ Законы об учреждении трибуната и о неприкосновенности личности плебейских трибунов; по традиции, они были приняты в 494 г., в связи с первым «уходом» плебса. См. «О государстве», прим. 144 к кн. I.

³⁶ В Риме были приняты иноземные культы Изиды, Сераписа, Сабазия, Эскулапа, Кибелы.

³⁷ Имеются в виду *лары* перекрестков (*Lares compitales*, *L. publici*). См. «О государстве», прим. 6 к кн. V. «Святимище» (*delubrum*) — участок земли с храмом.

³⁸ Двенадцать главных божеств (*dii maiorum gentium*): Юпитер и Юнона, Нептун и Церера, Аполлон и Диана, Вулкан и Минерва, Марс и Венера, Меркурий и Веста. См. Энцикл., «Анналы», фр. 426—7 Мюллер. Они составляли «совет богов» (*dii consentes*).

³⁹ Возможно, намек на деятельность плебейского трибуна Публия Клодия Пульхра, который в 58 г., после изгнания Цицерона, построил на его участке на Палатинском холме в Риме храм Свободы, который Цицерон ниже (§ 42) называет *храмом Своеволия*. См. ниже, § 36 и прим. 59.

⁴⁰ «Годовой круговорот», по-видимому — зимнее солнцестояние (в декабре, когда справлялись Сатурналии). Упоминаемое здесь предписание могло относиться к празднованию Компиталий и Сатурналий. См. «О государстве», прим. 6 к кн. V. Цицерон, «О предвидении», I, 102; Овидий, «Фасты», I, 71 сл.; Горацій, Сатиры, II, 7, 4 сл.; Макробий, «Сатурналии», I, 7, 26.

⁴¹ *Понтифики* — коллегия жрецов, наблюдавшая за соблюдением требований религии; со времени Суллы она состояла из 15 жрецов. Верховному понтифику были подчинены прочие коллегии жрецов — *фламины*, «царь священнодействий» и *девьи-весталки*. О фламинах см. «О государстве», прим. 44 к кн. II; о весталках — прим. 46 к кн. II.

⁴² Таким образом, Цицерон подразделяет жрецов на: 1) служителей культа, 2) истолкователей пророчеств, признанных государством (книги Сивиллы), т. е. квиндецимвиров, 3) истолкователей воли богов, т. е. авгуров и гаруспиков. См. «О государстве», прим. 11 и 26 к кн. II; о гаруспиках см. ниже, прим. 45. Ср. Тацит, «Анналы», VI, 12.

⁴³ Авгур своим посохом разделял небо на четыре части и, обратившись лицом к югу, наблюдал знаменья, из которых благоприятными считались появлявшиеся слева, особенно молнии. Участок неба, в пределах которого авгур совершал наблюдения, назывался

templum («храм»); так же назывался и соответствующий участок на земле; различался «большой храм», т. е. участок, в пределах которого авспиции были действительны (в городе Риме его границы совпадали с померием, т. е. сакральной городской чертой), и «малый храм», или авгуракул, возвышенное место, где стоял авгур. Авгуру должен был быть обеспечен свободный обзор, и он был вправе требовать сноса зданий, мешавших ему. Авгур производил также инаугурацию (посвящение, наделение властью, объявление неприкосновенными) понтификов и магистратов и совершал моление о ниспослании урожая (*авгурация виноградников и молодых побегов*). См. Цицерон, «II филиппика», 110; Ливий, I, 18, 6. Об «очищении» места падения молнии см. ниже, прим. 46.

⁴⁴ Жизнь, а также совокупность гражданских прав (*caput*).

⁴⁵ См. Цицерон, «О государстве», II, 31 и прим. 53.

⁴⁶ Гаруспициной называлось сложившееся в Этруррии учение о знаменьях и о предсказании судьбы. Гаруспики объясняли значение удара молнии, гадали по внутренностям жертвенного животного (необычное расположение или необычный внешний вид внутренностей, особенно печени, считался дурным знаком) и истолковывали знаменья. Гаруспицина была уделом патрицианских родов. *Гаруспики* входили в состав когорты полководца или наместника в провинции. В городе Риме были странствующие гаруспики, к которым могли обращаться частные лица. См. Цицерон, «Письма к близким», VI, 6, 3, 9 (491).

Место падения молнии ограждалось четырьмя камнями и накрывалось двускатной кровлей; этим оно исключалось из мирского использования; эта процедура называлась «похоронить молнию» (*fulgur condere*).

⁴⁷ Имеется в виду жертвоприношение древнему италийскому божеству Доброй богине (*Bona dea*): бдение римских матрон, совершавшееся в ночь с 3 на 4 декабря в доме магистрата с империем; присутствие мужчин в доме в эту ночь запрещалось. См. ниже, § 36 и прим. 95.

⁴⁸ Его совершали жрицы-гречанки родом из Кампании. См. Цицерон, «Речь в защиту Бальба», 55; Дионисий Галикарнасский, II, 19.

⁴⁹ См. ниже, II, 38; «Речь об ответах гаруспиков», 21 сл.

⁵⁰ Фригийский культ *Идейской Матери* (Великой Матери богов, Кибелы) был перенесен в Рим в 204 г., во время второй пунической войны. В ее честь справлялись игры Мегалесии (4—10 апреля); в эти дни на форуме приостанавливались все дела. См. Цицерон, речи: «В защиту Целия», 1; «Об ответах гаруспиков», 22 сл.; Овидий, «Фасты», IV, 350 сл.; Ливий, XXIX, 14.

⁵¹ *Parricidium* — убийство римского гражданина, отца, главы ветви рода (*pater familias*); это преступление каралось так называемой роена *cullei*, носившей сакральный характер: убийцу зашивали в кожаный мешок и топили в реке или в море. См. Цицерон, «Речь в защиту Секста Росция», 28 сл. Цицерон относит к этому преступлению также и святотатство.

⁵² Ср. Цицерон, «О государстве», IV, 6; «Об обязанностях», III, 111; Платон, «Законы», XII, 948.

⁵³ В данном случае *инцест* — обольщение девы-весталки. В широком смысле инцест — кровосмешение и оскорбление религии.

⁵⁴ *Консекрация* — официально совершаемая передача имущества (участка земли, здания) во власть божества, т. е. из области применения *ius humanum* в область применения *ius divinum*; такое имущество становилось *res sacra*. См. ниже, прим. 151.

⁵⁵ Обожествленные души умерших родичей, младшие божества.

⁵⁶ Ср. Цицерон, «О государстве», I, 70.

⁵⁷ *Uti togas*. Обычная формула согласия при голосовании подачей табличек. См. ниже, III, 34 сл.

⁵⁸ Ср. Цицерон, «О природе богов», II, 71.

⁵⁹ Имеются в виду очистительные обряды. См. прим. 68 к кн. I.

⁶⁰ Ср. Цицерон, «О государстве», II, 26 сл.

⁶¹ О *Пифагоре* см. Цицерон, «О государстве», прим. 50 к кн. I.

⁶² См. Цицерон, «О государстве», прим. 42 к кн. I.

⁶³ См. Исократ, «Апофтегмы», 7; Сенека, Письма, 94, 42.

⁶⁴ См. выше, § 19. Ср. Цицерон, «Речь в защиту Сестия», 143.

⁶⁵ В 612 г. евпатрид Килон пытался захватить власть в Афинах. После подавления заговора сторонники Килона были убиты в храме Афины, где они искали убежища. Для отвращения гнева богов Эпименид совершил очистительные обряды. См. Фукидид, I, 126; Плутарх, «Солон», 12.

⁶⁶ См. выше, § 19.

⁶⁷ Авл Атtilий Калатин — консул 259 г., диктатор 249 г., во время первой пунической войны завоевал Панорм.

⁶⁸ Ср. Цицерон, «О природе богов», II, 61.

⁶⁹ Ср. Цицерон, «О предвидении», I, 102.

⁷⁰ Ср. Марк Порций Катон, «Земледелие», гл. 2.

⁷¹ Согласно традиции, при Ромуле год состоял из 10 месяцев, царь Нума Помпилий прибавил январь и февраль месяцы. Календарь был лунный, в году было 355 дней, с дополнительным месяцем (mensis intercalaris) — 377 или 378 дней, при четырехлетнем цикле. Календарем ведали понтифики; интеркаляция производилась ими небрежно, иногда ею злоупотребляли из политических соображений. В 46 г., при Гае Юлии Цезаре, была произведена реформа календаря с введением солнечного года. См. Ливий, I, 19; Светоний, «Божественный Юлий», 40.

⁷² Ср. Цицерон, «О государстве», II, 26 сл.; Ливий, I, 20.

⁷³ *Vestā* — *Vesta*. Оба имени имеют общий корень. Ср. Цицерон, «О природе богов», II, 67.

⁷⁴ Весталки. См. Цицерон, «О государстве», II, 14.

⁷⁵ См. выше, § 20. Платон («Законы», X, 909 D) запрещает отправление религиозных культов в домах частных лиц.

⁷⁶ См. Цицерон, «Речь в защиту Сестия», 96 слл.

⁷⁷ Ср. Цицерон, «О природе богов», III, 5; «О предвидении», II, 112.

⁷⁸ Цицерон был кооптирован в коллегию авгуров в 53 г. См. Цицерон, «Брут», I, 1.

⁷⁹ *Alio die!* Формула обнунциации. См. Цицерон, «О государстве», прим. 11 и 26 к кн. II.

⁸⁰ Право магистратов обращаться с речью или с предложением к народу (в древнейшее время к патрициям) в комициях и к плебсу на сходках (*ius agendi*).

⁸¹ См. выше, § 14. Луций Марций Филипп — консул 91 г., противник Марка Ливия Друса. См. выше, прим. 24; Цицерон, «Брут», 173, 186.

⁸² Гай Клавдий Марцелл — пропретор Сицилии в 70 г., член коллегии авгуров. Анний Клавдий Пульхр — консул 54 г., автор «Авгуральных книг». См. Цицерон, «Брут», 267; «Письма к близким», III, 4, 1 (194).

⁸³ Т. е. предсказывать грядущее. См. Цицерон, «О предвидении», I, 105; II, 75.

⁸⁴ Легендарные герои Греции. О Полииде см. Гомер, «Илиада», V, 148; о Мелампе — Гомер, «Одиссея», XV, 225; Мопс, жрец Аполлона, участвовал в походе аргонавтов. Амфиарай — герой фиванского цикла. О Калханте см. «Илиада», I, 68; II, 299; о Гелене — «Илиада», VI, 76; Вергилий, «Энеида», III, 294 слл.

⁸⁵ См. Цицерон, «О государстве», II, 5 слл.

⁸⁶ См. Цицерон, «О государстве», II, 36.

⁸⁷ См. Цицерон, «О предвидении», I, 75.

⁸⁸ См. выше, § 21 (о фециалах).

⁸⁹ См. выше, § 20; «О государстве», III, 35.

⁹⁰ См. выше, § 21; «О предвидении», II, 28 слл.

⁹¹ См. выше, § 21.

⁹² *Иакс* — божество из цикла Деметры, отождествлявшееся с Дионисом — Ваком. Мистериями в его честь, справлявшимися в Афинах, ведали *Евмолпиды*, потомки жреца Евмолпа. В честь Деметры устраивалось ночное шествие женщин с факелами в руках;

оно происходило на Пниксе в Афинах; затем участницы шествия направлялись в Элевсин. См. Цицерон, «Письма к Аттику», I, 9, 2 (5).

⁹³ Имеются в виду Элевсинские мистерии, посвященные Деметре; присутствие на них разрешалось только избранным. Римляне, находясь в Греции, добивались этой чести. См. Исократ, «Панегирик», 28.

⁹⁴ Имеется в виду распушенность нравов. См. Менандр, «Суд», 234 слл.; Плавт, «Клад», 36.

⁹⁵ Имеется в виду кошунство Публия Клодия, проникшего в декабре 62 г. в дом верховного понтифика и претора Гая Цезаря, когда там происходило жертвоприношение Доброй Богине (см. выше, прим. 47). См. Цицерон, речи: «Об ответах гаруспиков», 8, 37, 44; «О консульских провинциях», 24; «Письма к Аттику», I, 13, 3 (19); 16 (22); Плутарх, «Цезарь», 9; «Цицерон», 28.

⁹⁶ В Риме был храм божеств Цереры, Либеры и Либера, построенный в 496 г. См. выше, § 21. О приобщениях сведений нет. Игры в честь Цереры справлялись 19 апреля.

⁹⁷ Оргиастический культ Вакха, покровителя земледелия, проник в Рим из Этрурии и распространился в Кампании. Вакханалии были запрещены постановлением сената в 186 г. (бронзовая доска с его текстом до нас дошла). См. Ливий, XXXIX, 13.

⁹⁸ Сабазий — фракийское божество. См. Аристофан, «Осы», 9; «Птицы», 874; «Лисистрата», 389.

⁹⁹ В цирке происходили скачки и бега, а иногда также и священнодействия. См. Цицерон, «Речь об ответах гаруспиков», 21 слл. Для устройства цирка обычно использовали ложбину между холмами. Места для зрителей устраивались на возвышении. Беговая дорожка имела продолговатую форму и была разделена по длине невысокой стенкой или насыпью (spina), по концам которой было по тройному столбу (meta). При состязаниях возницы старались направить колесницы возможно ближе к мете. «Большой цирк» (Circus Maximus) находился между Палатинским и Авентинским холмами. Физические упражнения были введены в Риме в 186 г. См. Ливий, XXXIX, 22.

¹⁰⁰ См. «О государстве», прим. 11 к кн. IV.

¹⁰¹ См. Платон. «Государство», III, 398 слл.; 401 сл.; IV, 410 С; 424 D.

¹⁰² См. Платон, «Законы», VII, 800.

¹⁰³ См. Платон, «Законы», III, 700.

¹⁰⁴ См. Платон. «Государство», IV, 424 С.

¹⁰⁵ Грек Луций Ливий Андроник (около 275—200) — был привезен в Рим как военнопленный и стал рабом Ливия Салинатора; он перевел «Одиссею» на латинский язык сатурническим стихом и переделал для римской сцены ряд греческих трагедий и комедий, в которых играл сам; во время второй пунической войны сочинил песнопение в честь Юноны с мольбой об отвращении опасности. См. Цицерон, «Брут», 72; Ливий, VII, 2.

¹⁰⁶ Гней Невий (около 270—200) — автор поэмы «Пуническая война» (первая), написанной сатурническим стихом, и ряда комедий с нападками на Цецилиев Метеллов и Сципионов. См. Цицерон, «Об ораторе», III, 45.

¹⁰⁷ Тимофей Милетский — автор дифирамбов, жил в V—IV вв. Со времени Терпандра (VII в.) кифара была семиструнной.

¹⁰⁸ См. прим. 50. Ср. Ксенофонт, «Меморабилии», IV, 3, 16; Лукреций, «О природе вещей», II, 626; Овидий, «Фасты», IV, 249; Ливий, XXIX, 10.

¹⁰⁹ В 43 г. триумвирсы изымали из храма Весты ценности, принесенные туда на хранение. См. Плутарх, «Антоний», 21.

¹¹⁰ Ср. Цицерон, «О государстве», II, 2. Клисфен был изгнан из Афин, подвергнутый остракизму, который он сам ввел.

¹¹¹ См. выше, § 22.

¹¹² См. Платон, «Законы», IV, 716 слл.

¹¹³ В римском праве устное соглашение, контракт, заключаемый сторонами путем вопросов и ответов.

¹¹⁴ Имеется в виду отъезд Цицерона в изгнание в 58 г. Его римский дом был сожжен и на этом участке трибуном Публием Клодием был построен храм Свободы; Цицерон называет здесь этот храм *храмом Своеволия*. «Спасение ларов» — подавление движения Катилины. Ср. Цицерон, речи: «В сенате по возвращении из изгнания», 6, 33; «О доме», 76, 99, 110, 131; «Письма к Аттику», IV, 1, 7 (90).

¹¹⁵ Перед своим отъездом в изгнание Цицерон перенес из своего дома в Капитолий статую Минервы с надписью «Охранительница Города». См. «Речь о доме», 144; Плутарх, «Цицерон», 31.

¹¹⁶ Намек на совершенное в Гостилиевой курии сожжение тела Публия Клодия, убитого в январе 52 г. на Аппиевой дороге. См. Цицерон, «Речь в защиту Милона», 86; Асконий, «Введение к речи Цицерона в защиту Милона».

¹¹⁷ Ср. Цицерон, речи: «О доме», 105; «Об ответах гаруспиков», 39; «Против Писона», 99.

¹¹⁸ Ср. Цицерон, «Речь в защиту Милона», 77.

¹¹⁹ См. выше, прим. 54.

¹²⁰ Ср. Платон, «Законы», XII, 955 E — 956 B.

¹²¹ См. ниже, § 67.

¹²² См. выше, § 22.

¹²³ Публий Муций Сцевола — консул 133 г., юрист. См. Цицерон, «О государстве», I, 20, 31; «Об ораторе», I, 217, 240 сл. Его сын Квинт, консул 95 г., написал 12 книг по гражданскому праву. См. Геллий, VI, 15, 2.

¹²⁴ См. выше, I, 14; «Речь в защиту Мурены», 22.

¹²⁵ Римляне часто хоронили близких в своих усадьбах. При продаже владения обуславливалось право доступа к гробнице — *iter ad sepulcrum*; это был один из видов сервитута (прим. 37 к кн. I). Возможно, что здесь имеется в виду именно это. Ср. Цицерон, «Речь в защиту Секста Росция», 24.

¹²⁶ В древнейшую эпоху обязанность совершать родовые священнодействия переходила к старшему сыну или к лицу, усыновленному главой ветви рода; впоследствии — также и к наследникам по завещанию. См. Цицерон, «Речь в защиту Мурены», 27.

¹²⁷ Наследник мог получить все имущество (*ex asse*) или его долю, которая обозначалась частями монеты *assa*: *ex uncia* — одна двенадцатая, *ex quadrante* — четверть, *ex semisse* — половина, *ex dodrante* — три четверти. Права законных наследников ограждались Вокониевым законом; см. «О государстве», III, 17, прим. 28.

¹²⁸ *Давность владения* — см. прим. 84 к кн. I.

¹²⁹ Возможно, на основании давности или в силу дарения лицом, находящимся на смертном ложе; см. ниже, прим. 132.

¹³⁰ *Легат* — см. «О государстве», прим. 26 к кн. III. Во втором из рассматриваемых случаев имеется в виду дарение.

¹³¹ «*Вычтенная часть*», возможно, предназначалась для лиц, неспособных получать легаты (утратившие гражданскую честь, чужеземцы), или же это символическая сумма в 100 сестерциев для покрытия расходов на священнодействия. См. ниже, § 53.

¹³² Под «*властью главы ветви рода*» (*patria potestas*) разумеют существовавшую в древнейшие времена, а в исторические сохранившуюся только формально власть главы рода или ветви рода (*pater familias*) над всеми домочадцами: жена, дети, жены сыновей, внуки от сыновей, рабы и все имущество. Она включала в себя даже право жизни и смерти и право продажи в рабство («за Тибр»); после трехкратной продажи в рабство (даже фиктивной) она прекращалась, как и после утраты главой ветви рода его гражданских прав. — В данном случае речь идет о дарении лицом, находящимся под властью главы ветви рода, когда дарение совершается на смертном ложе (*mortis causa*). См. Дигесты, 39, 6, 25, 1.

¹³³ Наследник, который — непосредственно после смерти завещателя — добровольно отказался от части наследственного имущества, мог (сам или его наследники) впоследствии заявить притязание на дополнительное имущество.

¹³⁴ Имеется в виду манципация: символическая древняя процедура передачи прав полной собственности; она совершалась с участием «весодержателя» и свидетелей; покупатель брал в руки вещь, произносил установленную формулу и ударял по весам куском меди, т. е. деньгой. Такая процедура, по-видимому, совершалась также и при освобождении от обязательства совершать родовые священнодействия.

Передача путем манципации превращает наследование в акт продажи. Пример: *A* оставляет *B* легат в 10 000 сестерциев. *B*, наследник *A*, обязан выплатить эту сумму. *B* заключает контракт с *V*, отказывается от своих прав на легат и получает эту сумму от *V*. Таким образом, *B* «продал» *V* свои права на легат, а так как он ничего не получил из наследства, то он свободен от обязательств совершать священнодействия. См. ниже, § 53; Гай, Институции, II, 103, 252.

¹³⁵ Ср. Цицерон, «Брут», 156.

¹³⁶ *Тит Корунканий*, законовед, первый верховный понтифик из плебеев, консул 279 г. См. Ливий, Эпитома XVIII.

¹³⁷ См. прим. 38 к кн. I.

¹³⁸ О *Манах* см. выше, § 22. В квадратных скобках дана конъектура Ламбина.

¹³⁹ О *Сисенне* см. прим. 24 к кн. I. *Децим Брут Галлекский* (Каллекский) — консул 138 г., завоеватель Луситании. См. Цицерон, «Брут», 107.

¹⁴⁰ *Луций Акций* — трагический поэт II в. См. Цицерон, «Брут», 229.

¹⁴¹ Речь идет о «парентации», принесении жертвы умершим. *Паренталии*, дни жертвоприношений умершим родичам, продолжались с 13 по 21 февраля (февраль был последним месяцем года в древнейшие времена, месяцем «очищений»); последний день паренталий назывался фералиями, от слова *fero* — несу; на могилах приносили в жертву хлеб, соль, вино и венки. Могилы украшались цветами.

¹⁴² Возможно, *Авл Манлий Торкват*, консул 243 и 240 гг. *Попиллии* — плебейский род.

¹⁴³ Предлагаемая Цицероном этимология сомнительна. *Dies denicales, d. novemdiales* означали время траура; на девятый день после похорон приносилась жертва (*novemdiale sacrificium*), и траур оканчивался.

¹⁴⁴ После того, как установился обычай сжигать умерших, у умершего отрезали палец (*os resectum*), который хоронили в земле. Принесение барана в жертву носило искупительный характер; свинью приносили в жертву с целью «очищения» (*rogas graecidanea*).

¹⁴⁵ См. Ксенофонт, «Воспитание Кира», VIII, 7, 25; Цицерон, «О старости», 79 слл.

¹⁴⁶ *Алтарь Родника* находился в Риме близ Яникула (участок в древнейшей части Рима, в так называемом Сервиевом городе).

¹⁴⁷ Гробница *Корнелиев Сципионов* находилась на Аппиевой дороге, недалеко от Рима. Эпитафия Сципиона Африканского Старшего, сочиненная Эннием, сохранена для нас Сенекой, Письма, 108, 33. См. Цицерон, «Речь в защиту Архия», 22.

¹⁴⁸ О *Луции Валерии Попликоле* см. Цицерон, «О государстве», II, 53, 55.

¹⁴⁹ *Публий Постумий Туберт* — консул 505 и 503 гг., победитель сабинян.

¹⁵⁰ *Гай Фабриций Лусцин* — консул 282 и 278 гг., был известен своим бескорыстием и неподкупностью. См. Цицерон, «Тускуланские беседы», III, 56.

¹⁵¹ Под *деликацией* разумели первую часть акта освящения храма или участка земли: магистрат передавал это имущество понтифику. Вторая часть (консекрация) состояла в том, что понтифик, взяв в руку за дверной косяк, объявлял здание принадлежащим божеству. См. Цицерон, «Речь о доме», 119 сл.; Овидий, «Фасты», I, 610. См. также прим. 54.

¹⁵² Без применения железа в Риме в древнейшую эпоху был построен свайный мост (*pons Sublicius*) на Тибре. Ср. законы Двенадцати Таблиц, X, 4 Уормингтон. Плутарх, «Нума», 9. Цицерон, «Тускуланские беседы», II, 55.

¹⁵³ О *Сексте Элии Лете Кате* см. Цицерон, «О государстве», I, 30; III, 33. О *Луции Ацилии* см. Цицерон, «О дружбе», 6.

¹⁵⁴ Луций Ацилий Стилон, старший современник Цицерона, истолкователь древних текстов. См. Цицерон, «Брут», 205 сл.

¹⁵⁵ См. ниже, § 64; Плутарх, «Солон», 21.

¹⁵⁶ Обливание костей умершего вином и благовониями после сожжения его тела.

¹⁵⁷ Возможно, венки, полученные за победу на состязаниях в цирке, или же венки за подвиги на войне.

¹⁵⁸ Имеются в виду символические погребальные обряды. См. Тацит, «Анналы», III, 2. «Ложь» — парадное, на которое помещали умершего.

¹⁵⁹ Вестибул — участок перед входом в римский дом, ограниченный с боковых сторон выступающими вперед крыльями дома. См. Авл Геллий, XVI, 5, 3. Здесь — свободный участок вокруг гробницы.

¹⁶⁰ Т. е. приобретения прав собственности на основании давности не допускалось. См. выше, прим. 124 и прим. 84 к кн. I.

¹⁶¹ Имеются в виду бои гладиаторов. Они были заимствованы римлянами у этрусков и первоначально (в середине III в.) устраивались во время похорон знатных людей. Это было связано с представлениями древних о том, что во время похорон должна пролиться человеческая кровь. Бои гладиаторов утратили свой культовый характер только в конце II в. или в начале I в. Гладиаторами становились преимущественно рабы и военнопленные, содержащиеся в особых казармах, «школах». Они бились парами, причем подбирались гладиаторы с различным вооружением, легким и тяжелым. Бои происходили вначале на форуме, а впоследствии в амфитеатрах. Древнейший из известных нам амфитеатров (в Помпеях) был построен в 80 г.

¹⁶² Об акценсе см. «О государстве», прим. 67 к кн. II; о ликторах — там же, прим. 142 к кн. I.

¹⁶³ Похоронная процессия останавливалась на форуме, где один из родственников произносил речь с прославлением заслуг умершего. Текст вызывает сомнения, так как скорбные песнопения во время похорон называются по-гречески threnos.

¹⁶⁴ Гай Марций Фигул был консулом в 64 г. Год его смерти не известен. См. Цицерон, «II филиппика», 12.

¹⁶⁵ Кекроп — легендарный основатель Афин.

¹⁶⁶ Ср. Цицерон, «О старости», 51.

¹⁶⁷ О Деметрии Фалерском см. Цицерон, «О государстве», II, 2.

¹⁶⁸ О децемвирах см. Цицерон, «О государстве», II, 54 и 61.

¹⁶⁹ Керамик — «рынок гончаров»; внутренний Керамик Афин находился внутри городских стен; на внешнем, находившемся к северо-западу от городских стен, хоронили павших при защите города.

¹⁷⁰ Первоначально четырехгранный столб, увенчанный изображением Гермеса; он ставился в Греции на улицах, площадях и у ворот общественных и частных владений. Впоследствии гермой называли портретный бюст.

¹⁷¹ Питтак — легендарный законодатель Митилеи (VII—VI вв.).

¹⁷² См. Платон. «Законы», XII, 958 D — 959 D.

¹⁷³ Шестистопный дактило-спондеический стих, применявшийся в героическом эпосе.

¹⁷⁴ Значительная сумма. 5 мин равнялись 500 драхм.

¹⁷⁵ См. Платон, «Законы», III, 683 C.

Книга III

¹ Эпикур. Ср. Лукреций, V, 8; Цицерон, «О государстве», IV, 5.

² См. Цицерон, «О государстве», прим. 17 к кн. I.

³ Точка зрения стоиков. Ср. I, 23.

⁴ Ср. Цицерон, «О государстве», I, 36; Аристотель, «Политика», I, 1; Помпей Трог Эпитома (Юстин), I, 1.

⁵ Диалог «О государстве», вышедший в свет в 54 г.

⁶ См. Платон, «Законы», VI, 751 A.

⁷ См. Платон, «Законы», VI, 762, E.

⁸ См. выше, I, 22; II, 14; Харонд, Пролог, 9 (Стобей, IV, 2, 24).

⁹ По мифу, титаны — сыновья Урана и Геи, восставшие против Зевса, попытавшиеся подняться на Олимп и низвергнутые в Тартар. См. Платон, «Законы», III, 701 C.

¹⁰ Изданный в 198 г. *Порциев закон* (lex Porcia de tergo civium) запрещал подвергать римских граждан порке. Известно еще два Порциева закона о неприкосновенности личности римского гражданина (195 и 185 гг.). Ср. Цицерон, «О государстве», II, 54; «Речь против Верреса», (II) V, 162 слл.

¹¹ Интерцессия — осуществляемое личным вмешательством магистрата наложение запрета на распоряжение или предложение его коллеги или низшего магистрата; в частности, совершаемое плебейским трибуном наложение запрета на указ магистрата, законопроект или постановление сената. См. Цицерон, «Письма к близким», VIII, 8, 4 сл. (222).

¹² См. «О государстве», прим. 143 к кн. I.

¹³ См. ниже, § 44.

¹⁴ Речь идет об *imperium militiae*, т. е. за пределами померия, сакральной городской черты Рима. См. Цицерон, «О государстве», прим. 17 к кн. I.

¹⁵ Старшие магистраты (цензор, консул, претор) избирались центуриатскими комициями и совершали «величайшие» авспиции с участием авгура. Остальные («младшие») магистраты, избравшиеся трибутскими комициями, совершали «малые» авспиции, возможно, без участия авгура. См. Цицерон, «О государстве», II, 26 и прим. 11; Авл Геллий, XIII, 15, 4.

¹⁶ О военных трибунах см. «О государстве», прим. 7 к кн. VI.

¹⁷ Квесторы, вначале обладавшие судебной властью и ведавшие уголовными делами; впоследствии они стали ведасть финансами в Риме, где они управляли эагрием (см. ниже, прим. 22), и в провинциях. При Сулле было 20 квесторов; Цезарь в 44 г. назначил 40.

¹⁸ *Tresviri capitales* (nocturni).

¹⁹ *Tresviri aere argento auro flando feriundo*.

²⁰ *Decemviri stlitibus diiudicandis*.

²¹ Эдилы, избравшиеся трибами (а не центуриями), ведали общественными зданиями, снабжением Рима продовольствием, устройством общественных игр и поддержанием порядка. Эдилитет был первой курульной (старшей) магистратурой. См. «О государстве», прим. 54 к кн. I.

²² Эрарий — государственное казначейство; он находился в храме Сатурна.

²³ Цензура была учреждена в 443 г. Власть цензоров была значительно ограничена Суллой.

²⁴ В городе Риме в историческую эпоху преторы обладали судебной властью, председательствуя в постоянных судах по уголовным делам (*quaestiones perpetuae*); городской претор (*praetor urbanus*) ведал гражданскими делами; претор по делам чужеземцев (*praetor peregrinus*) ведал тяжбами между чужеземцами и тяжбами между ними и римскими гражданами. О преторском эдикте см. прим. 41 к кн. I.

²⁵ Согласно традиции, в первые годы республики преторы, командовавшие войском, исполняли обязанности, впоследствии перешедшие к консулам. См. Цицерон, «Об ораторе», II, 165.

²⁶ См. «О государстве», прим. 54 к кн. I.

²⁷ Т. е. с востока, если стать лицом к югу; это считалось хорошим знаком. См. Эний, «Анналы», фр. 95 сл. Уормингтон; Цицерон, «О предвидении», I, 107 слл.

²⁸ От упоминаемой здесь диктатуры, назначавшейся на срок не более шести месяцев при наличии особой опасности для государства и слагаемой по миновании ее, отличаются диктатура Суллы, установленная в 82 г. без ограничения срока, и диктатура Цезаря (48—44 гг., *dictator perpetuus*).

²⁹ Интеррекс; см. «О государстве», II, 26, прим. 41. В 52 г. интеррекс Сервий Суль-

гиций провел избрание Помпея в консулы без коллеги. См. Асконий, «Введение к речи Цицерона в защиту Милона», 3 и 10.

³⁰ Противники Цезаря, в частности Катон, считали незаконными его военные действия в Галлиях.

³¹ Речь идет о полномочиях проконсулов и пропреторов на войне и в провинциях. Наместники иногда совершали сами и допускали вопиющие злоупотребления. См. Цицерон, «Речи против Верреса», (II) II—V; «Письма к Аттику», V, 21 (249); VI, 1 (251); 2 (257).

³² «Свободное легатство»; см. прим. 30 к кн. I.

³³ Трибунат вначале не был магистратурой; задачей плебейских трибунов была защита прав плебса. Права магистратов — право созывать собрания и сходки и обращаться к народу с речью и право законодательной инициативы — трибуны получали впоследствии. Постановления плебса (трибутских комиций и concilium plebis) назывались плебисцитами.

³⁴ Об интерцессии см. выше, прим. 11. Постановление сената называлось сенатус-консультом. В случае интерцессии оно записывалось как *senatus auctoritas* («суждение сената»). См. Цицерон, «Письма к близким», I, 7, 4 (116); VIII, 8, 5 слл. (222).

³⁵ См. ниже, § 33 слл. Речь идет об открытом и тайном голосовании.

³⁶ Т. е. у интеррекса; см. выше, § 9.

³⁷ На основании Цецилиева — Дидиева закона 98 г. и Юниева — Лициниева закона 62 г., законопроект объявляли народу на форуме за три нундины (8-дневные недели) до его обсуждения в комициях; этот акт назывался промьюльгацией («обнародование»), Цецилиев — Дидиев закон запрещал также включать несколько вопросов в один законопроект.

³⁸ *Привилегией* назывался закон, издаваемый в пользу или в ущерб интересам одного лица (*lex in privum hominem*). См. Цицерон, речи: «О доме», 43; «В защиту Сестия», 65; Геллий, X, 10, 4.

³⁹ Центуриатские комиции («разряды народа»). См. Цицерон, «О государстве», II, 61.

⁴⁰ Имеется в виду незаконное домогательство должностей (*crimen de ambitu*). См. «О государстве», прим. 112 к кн. I.

⁴¹ Цицерон приводит слова автора законопроекта, когда он объявляет в комициях о предстоящем голосовании подачи табличек. См. ниже, § 33 сл.

⁴² См. Цицерон, «О государстве», I, 29, 46.

⁴³ О *Феофрасте* см. выше, I, 38; II, 15.

⁴⁴ Этот *Дион* нам не известен; быть может, ошибка переписчика, и речь идет о *Диогене* из Селевкии, авторе трактата «О законах» и участнике посольства, прибывшего в Рим из Афин в 155 г.

⁴⁵ См. Цицерон, «О государстве», I, 15, 34, прим. 48.

⁴⁶ *Гераклид Понтийский* (390—310), ученик Платона. См. Цицерон, письма: «К брату Квинту», III, 5, 1 (204); «К Аттику», XIII, 19, 4 (513).

⁴⁷ *Дикеарх Мессанский* — ученик Феофраста, писал о городских общинах Греции. См. Цицерон, «Письма к Аттику», II, 2, 2 (28).

⁴⁸ *Деметрий Фалерский* (около 350—280). См. выше, II, 64, 66; «О государстве», II, 2.

⁴⁹ *Феопомп* — царь Спарты (конец VIII в.). См. Цицерон, «О государстве», II, 58.

⁵⁰ См. Цицерон, «О государстве», II, 59.

⁵¹ *Лакуна*; по-видимому, далее говорилось о правах консулов. Переводчик перенес сюда нижеследующий фрагмент.

⁵² «Свободное легатство». См. прим. 30 к кн. I.

⁵³ *Синграфа* (греч.) — долговая расписка; этот термин был понятен всем. См. Цицерон, речи: «В защиту Мурены», 35; «Об ответах гаруспиков», 29; «Письма к Аттику», V, 21, 11 (249).

⁵⁴ Об этом сведений нет.

⁵⁵ Возможно, намек на Цезаря, упорно сохранявшего в это время свою проконсульскую власть в Галлиях. См. Цицерон, «Речь о консульских провинциях».

⁵⁶ Ср. письма проконсула Цицерона из Киликии: «К близким», II, 11, 1 (254); 12, 2 (265).

⁵⁷ См. Цицерон, «О государстве», I, 62; II, 59; прим. 144 к кн. I.

⁵⁸ Во времена децемвиров, когда не было ни консулов, ни трибунов. См. «О государстве», II, 61 слл.

⁵⁹ Согласно традиции, Ромул ограничил так называемую экспозицию (обычай оставлять новорожденных детей мужского пола на произвол судьбы) случаями уродства. См. Цицерон, «О государстве», II, 4; Законы Двенадцати Таблиц, IV, 1.

⁶⁰ В 232 г. плебейский трибун Гай Фламиний Непот предложил распределить между плебеями земли, завоеванные в Цисальпийской Галлии и Пиценской области. См. Цицерон, «Брут», 57; «О старости», 11.

⁶¹ Тиберий Семпроний Гракх был трибуном в 133 г. См. Цицерон, «О государстве», I, 19; III, 29; VI, 12.

⁶² Консулы Децим Юний Брут и Публий Корнелий Сципион Насика были арестованы в 138 г. Насика был противником Тиберия Гракха, к убийству которого он был причастен.

⁶³ Ливий (Эпитома XLVIII) сообщает об аресте консулов Постумия Альбина и Луция Лициния Лукулла (151 г.).

⁶⁴ Гай Гракх был трибуном в 123 и 121 гг. Здесь приводится традиционная отрицательная оценка деятельности Гракхов. См. «Речь в защиту Милона», 8; «Об обязанностях», II, 43, «О дружбе», 41; положительная оценка дается Цицероном во «II-й речи о земельном законе», 10.

⁶⁵ См. выше, II, 14; «Речь об ответах гаруспиков», 43.

⁶⁶ Противник Суллы, плебейский трибун 88 г. Публий Сульпиций Руф предложил законы: о возвращении всех изгнанных в связи с движением Сатурнина; об исключении из сената лиц, обремененных большими долгами; о приписке новых граждан из числа италиков ко всем 35 трибам (а не к восьми). После принятия этих законов Сулла двинулся на Рим и взял его; Сульпиций погиб. См. Цицерон, «Речь об ответах гаруспиков», 42.

⁶⁷ Возможно, имеется в виду Марк Ливий Друс. См. выше, II, 14.

⁶⁸ Патриций Публий Клавдий (Клодий) Пульхр, из политических соображений добывавшийся трибуна, должен был для этого путем усыновления перейти из патрицианского рода в плебейский. Цицерон оспаривает закономерность усыновления Публия Клодия, которое было совершено в 59 г. при содействии Цезаря и Помпея. См. Цицерон, «Речь о доме», 34 слл, 41; «Письма к Аттику», II, 9, 1 (36).

⁶⁹ В 80 г. диктатор Сулла провел закон о лишении плебейских трибунов права законодательной инициативы и интердессии; бывшие трибуны были лишены права занимать магистратуры; это право было им возвращено Аврелиевым законом 75 г.

⁷⁰ В 70 г., в первое консульство Помпея и Красса, на основании Помпея — Лициниева закона, трибунам была возвращена вся полнота их прежней власти.

⁷¹ См. Цицерон, «Речь в защиту Клуенция», 138.

⁷² Плебейский трибун Марк Октавий; земельный закон Тиберия Гракха был принят после отстранения Октавия. См. Цицерон, «Брут», 95.

⁷³ Речь идет о событиях 58 г., предшествовавших изгнанию Цицерона; армия Цезаря в это время находилась вблизи от Рима. См. Цицерон, речи: «В сенате по возвращении из изгнания», 32; «О доме», 5; «В защиту Сестия», 40; «Письма к Аттику», IV, 1, 5 (90).

⁷⁴ Публий Клодий Пульхр, плебейский трибун 58 г.

⁷⁵ Подавление движения Катилины.

⁷⁶ Публий Попиллий Ленаг — консул 132 г., председатель суда над сторонниками

Тиберия Гракха, в 123 г. был изгнан по предложению Гая Гракха; он был возвращен из изгнания в 121 г. См. Цицерон, «Речь о доме», 87; «Брут», 98.

⁷⁷ *Квин Целилий Метелл Нумидийский* — консул 109 г., победитель Югурты, в 100 г. отказался дать клятву соблюдать земельные законы Сатурнина и добровольно отправился в изгнание. См. Цицерон, речи: «В сенате по возвращении из изгнания», 25, 37; «К квириатам по возвращении из изгнания», 6, 9, 11; «О доме», 82; «В защиту Сестия», 37, 101, 130; «Письма к близким», I, 9, 16 (159).

⁷⁸ *Фемистокл*, *Мильтиад*, *Аристид*. См. Цицерон, «О государстве», I, 5; «Речь в защиту Сестия», 141 сл.

⁷⁹ См. прим. 27 к кн. I.

⁸⁰ См. «О государстве», прим. 11 к кн. II.

⁸¹ О *провокации* см. «О государстве», I, 62, прим. 143. «*Власть народа*» — центуриатские комиции.

⁸² Правом авспиций злоупотребляли в политических целях. Так, в 59 г. консул *Марк Кальпурний Бибул*, отстраненный от деятельности своим коллегой *Цезарем*, объявил недействительными все законы, проведенные *Цезарем*, на том основании, что он, *Бибул*, в это время наблюдал небесные знамения. См. Цицерон, «Письма к Аттику», II, 16, 2 (43); 19, 2 (46).

⁸³ Сенат составлялся из бывших магистратов, т. е. из людей, в прошлом избранных комициями. Так как их число было больше установленного числа сенаторов, то цензоры — на основании *Овиниева закона* 312 г. — производили отбор (lectio senatus) и составляли список сенаторов. Сулла во время своей диктатуры, а впоследствии *Цезарь* ввели в сенат своих сторонников, не бывших ранее магистратами. При Сулле число сенаторов было доведено до 600 (вместо обычных 300).

⁸⁴ См. выше, § 10. *Постановления сената* подлежали утверждению комициями. Во время диктатуры Суллы этот порядок был отменен.

⁸⁵ О руководящей роли сената, по представлению Цицерона, см. «Речь в защиту Сестия», 137.

⁸⁶ Цензоры, обязанные блюсти чистоту нравов (cura morum), могли исключить из сената лицо, опозорившееся в том или ином отношении. См. выше, § 7.

⁸⁷ Намек на подкупность сенаторов. В 50 г. цензоры *Аппий Клавдий* и *Луций Кальпурний Писон* исключили из сената многих сенаторов, в том числе и противников *Помпея*, руководствуясь политическими соображениями. Так же поступил и *Цезарь* во время своей диктатуры. См. *Светоний*, «*Божественный Юлий*», 43.

⁸⁸ *Луций Лициний Лукулл Понтийский* — консул 74 г., легат Суллы во время первой войны с *Митридатом VI Евпатором* (88—84). Во время второй войны с *Митридатом* он вначале как проконсул командовал войсками, затем был заменен *Помпеем* (на основании *Манилиева закона*). См. Цицерон, речи: «В защиту *Мурены*», 33; «В защиту *Сестия*», 93; *Плутарх*, «*Лукулл*», 39.

⁸⁹ Ср. Цицерон, «Речи против *Верреса*», (II) IV; V, 184 сл.

⁹⁰ См. выше, кн. II, 39 сл.; «Письма к близким», I, 9, 12 (159); *Платон*, «*Законы*», III, 700: IV, 711 В — С.

⁹¹ По-видимому, в утраченной части диалога «О государстве».

⁹² См. Цицерон, «II речь о земельном законе», 4.

⁹³ *Плебейский трибун Квинт Габиний* провел в 139 г. закон о тайном голосовании при выборах магистратов. В 137 г. трибун *Луций Кассий Лонгин Равилла* провел закон о тайном голосовании в центуриатских комициях при слушании дел о правоспособности римского гражданина (de capite), за исключением дел о государственной измене (*Кассиев закон*). *Гай Папирий Карбон*, трибун 131 г., предложил производить тайное голосование при принятии законов в комициях. В 107 г. трибун *Гай Целий Кальд* ввел тайное голосование при суде за государственную измену (*Целиев закон*). См. Цицерон, «Речь в защиту *Сестия*», 103; «*Брут*», 97, 106. Тайное голосование осуществлялось подачей таблички (навощенной дощечки). При выборах на ней писали имя кандидата. По поводу

предложения в комициях писали VR (uti rogas — согласие) или A (antiquo — несогласие). В суде писали A (absolvo — оправдываю), или C (condemno — осуждаю), или NL (non liquet — неясно).

⁹⁴ *Гая Папирия Карбона* считали виновным в смерти *Сципиона Эмилиана*, происшедшей в 129 г. при загадочных обстоятельствах. В 120 г., Карбон, будучи консулом, старался сблизиться с нобилитетом, способствуя оправданию *Луция Олимпия*. См. Цицерон «О государстве», прим. 27 к кн. I; письма: «К брату Квинту», II, 3, 3 (102); «К близким», IX, 21, 3 (496)

⁹⁵ *Гай Целий Кальд* в 107 г. обвинил *Гая Попиллия Лената*, легата консула *Луция Кассия*, в государственной измене. Ленат, разбитый тигуринами в сражении, принял унижительные условия капитуляции. Он отправился в изгнание, не дожидаясь суда.

⁹⁶ *Марк Гратидий* — брат Гратидии, бабки Цицерона, трибун 105 г.

⁹⁷ *Марк Марий Гратидиан* — приемный сын брата *Гая Мария*, сторонник *Цинны*, в 82 г. был казнен *Луцием Сергием Катилиной*. См. Квинт Цицерон. «Краткое наставление по соисканию консульства», 10.

⁹⁸ *Марк Эмилий Скавр* — консул 108 и 105 гг., глава нобилитета. См. Цицерон, речи: «В защиту *Гая Рабирия*» (63 г.), 21, 26; «В защиту *Мурены*», 36; «Об ораторе», I, 214; «Брут», 112.

⁹⁹ *Сципион Эмилиан*. См. Цицерон, «О государстве», IV, 8.

¹⁰⁰ Эта часть диалога «О государстве» утрачена.

¹⁰¹ Закон, проведенный в 119 г. *Гаем Марием*, тогда плебейским трибуном. Речь идет о помостах для голосования (pontes suffragiorum), по которым в трибутских комициях проходили избиратели, чтобы голосовать открыто — заявлением счетчику или, впоследствии, тайно — опуская табличку (прим. 93) в корзину. См. Цицерон, «Письма к *Аттику*», I, 4, 5 (20).

¹⁰² См. Цицерон, речи: «В защиту *Мурены*», 67; «В защиту *Планция*», 44.

¹⁰³ Ср. Цицерон, «Об ораторе», II, 333.

¹⁰⁴ Способ обструкции в комициях и в сенате: так как с наступлением темноты собрание распускали, то оратор иногда говорил до захода солнца. См. Цицерон, «Речи против *Верреса*», (II) II, 96; «Письма к *Аттику*», IV, 2, 4 (91).

¹⁰⁵ В 59 г. *Марк Порций Катон*, выступая против *Цезаря*, отказался покинуть ораторскую трибуну; его оттуда стащили силой. См. *Плутарх*, «*Катон мл.*», 45; *Авл Геллий*, IV, 10, 8.

¹⁰⁶ Ср. Цицерон, «Об ораторе», I, 159, 202; II, 334.

¹⁰⁷ *Луций Лициний Красс* — консул 95 г., выведенный Цицероном как участник диалога «Об ораторе».

¹⁰⁸ *Гай Клавдий Пульхр* был консулом в 92 г. *Гней Папирий Карбон*, трибун 92 г. консул 85 г., был сторонником *Мария* и *Цинны*; он был казнен *Гнеем Помпеем*. См. Цицерон, «Письма к близким», IX, 21, 3 (496).

¹⁰⁹ Ср. Цицерон, «О государстве», II, 46: «При защите свободы граждан нет частных лиц»; «I речь против *Катилины*», 3.

¹¹⁰ Ср. Цицерон, «Речь в защиту *Гая Рабирия*» (63 г.), 3.

¹¹¹ Ср. выше, II, 21; «О государстве», II, 16.

¹¹² См. Цицерон, «Речь о доме», 53; о промультяции и о *Цецилиевом* — *Дидиевом* законе см. выше, прим. 37.

¹¹³ Ср. Цицерон, «О государстве», II, 61; речи: «О доме», 43; «В защиту *Сестия*», 65.

¹¹⁴ См. выше, прим. 38.

¹¹⁵ *Центуриатские комиции*. Ср. Цицерон, «Речь в сенате по возвращении из изгнания», 27.

¹¹⁶ Т. е. в центуриатских комициях. О цензорах см. выше, § 7.

¹¹⁷ *Луций Аврелий Котта* — претор 70 г., консул 65 г. В 70 г. он провел закон о судеустройстве, согласно которому в постоянных судах по уголовным делам (quaestiones

perpetuae) были введены три декурии судей: сенаторов, римских всадников и эарных трибунов.

¹¹⁸ Имеются в виду Клодиевы законы 58 г.— О правах римского гражданина и об изгнании Цицерона. Ср. Цицерон, «Речь о доме», 47.

¹¹⁹ Ср. Цицерон, речи: «О доме», 69; «В защиту Сестия», 73.

¹²⁰ Ср. Цицерон, «Речь в сенате по возвращении из изгнания», 25 слл.; «Письма к Аттику», IV, 1, 5 (90).

¹²¹ См. «О государстве», прим. 112 к кн. I.

¹²² О *Конге* см. «О государстве», прим. 163 к кн. I.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Марк Туллий Цицерон (106—43). Мрамор. Флоренция. Уффици* 6
- Ватиканский палимпсест (кодекс 5757). Основной текст — Цицерон, «О государстве», кн. I, 27; унциальный шрифт IV в. Новый текст — Августин, Псалмы; полуунциалы VIII в.* 16
- Суперобложка: Цицерон. Мрамор. Лондон*

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Г — «Q государстве»; 3 — «O законах». Римская цифра означает книгу, арабская — параграф. Хронологические даты — до н. э.

- Аборигены Г II, 5
Авентин (холм в Риме) Г II, 33, 58, 63
Аврелий Котта, Луций, консул 65 г., цензор 64 г. 3 III, 45
Агала см. Сервилий Агала
Агригент (Акрагант) Г III, 45
Азия Малая Г, II, 9; III, 41; VI, 11
Академия Новая 3 I, 39
Академия Старая 3 I, 38, 53 слл.
Аквилий, Маний, консул 129 г., Г I, 14
Аквилон (греч. Борей) 3 I, 3
Акрагант см. Агригент
Аксинский понт Г III, 15
Акций, Луций, трагический поэт, 3 II, 54
Альба Лонга, город Г II, 4
Альгид, гора Г II, 63
Александр Великий (356—323) Г III, 15; 3 II, 41
Амальфей 3 II, 7
Амний Бальб, Тит, плебейский трибун 63 г., 3 II, 6
Амфиарай 3 II, 33
Амулий, царь Г II, 4
Анаксагор, философ (500—428) Г I, 25
Анаксимен, философ Г I, 57
Анио, река 3 II, 56
Анк Марций, царь Г II, 5, 33, 35, 38
Антиох Аскалонский, философ 3 I, 54
Антипатр см. Целий Антипатр
Апис Г III, 14
Аппий см. Клавдий, Аппий
Аполлон Г II, 44; 3 I, 14
Апулеевы законы 3 II, 14
Апулей Сатурнин, Луций, плебейский трибун 100 г. 3 II, 14; III, 20, 26
Арат (315—240), Г I, 22, 56; 3 II, 7
Ареопаг Г I, 43
Аристодем, актер Г IV, 13
Аристон Хиосский философ-стоик 3 I, 38, 55
Аристотель (384—322) 3 I, 38, 55; III, 14
Аристофан (444—380) 3 II, 37
Аркасилай из Питаны, философ (315—240) 3 I, 39
Арпин, город 3 I, 1, 4; II, 5
Архимед (287—212) Г I, 21, 22, 28
Архит из Тарента Г I, 16, 59, 60
Аселлион см. Семпроний Аселлион
Атерний Вар, Авл, консул 454 г. Г II, 60
Атилий, Авл, консул 269, 266 гг. Г I, 1
Атилий Калатин, Авл, консул 258, 254, диктатор 249 гг. 3 II, 28
Атлантический океан Г VI, 21
Аттий Навий, авгур Г II, 36; 3 II, 33
Аттик см. Помпоний Аттик
Аттика Г III, 42; 3 II, 5
Афины Г I, 5, 25, 43, 44, 47, 68; II, 2, 59; III, 14, 15, 25, 33, 44, 45; IV, 13; 3, I, 2, 3, 42; 53; II, 4, 28, 36, 40, 41, 63, 67; III, 26
Афон, гора Г III, фр. 5
Африка Г II, 9; VI, 9; фр. 8
Африканский см. Корнелий Сципион
Ахиллес Г I, 30
Ацилий, Луций, юрист 3 II, 59
Благочестие, божество 3 II, 19, 28
Брут см. Юний Брут
Брут, Децим, консул 138 г. 3 II, 54; III, 20
Бусирус, царь Г III, 15
Вакханалии 3 II, 37
Валерий Публикола (Публикола), Публий, консул 509 г. Г II, 53, 55; 3 II, 58

- Валерий Потит, Луций, консул 449 г. Г II, 54
 Валерий Флакк, Луций, интеррекс 82 3 I, 42
 Великая Греция Г III, 7
 Велия, холм в Риме Г VI, 53
 Венера (планета) I VI, 17
 Венноний, историк 3 I, 6
 Вергилий, Децим или Луций Г II, 53
 Верность, божество 3 II, 19, 28
 Веста 3 II, 28
 Весталки Г II, 26; III, 17; 3 II, 20, 28
 Вика Пота, божество 3 II, 28
 Вокониев закон Г III, 17
 Вольски Г III, 7

 Габиниев закон 3 III, 35
 Галл см. Судьпиций Галл
 Гальба см. Сервилий Гальба
 Ганг, река Г VI, 21
 Гелен 3 II, 33
 Геллий Попликола, Луций, консул 72 г., цензор 70 г. 3 I, 53
 Геракл см. Геркулес
 Гераклид Понтийский 3 III, 14
 Геркулес Г фр. 3; 3 II, 19, 24, 27
 Геродот Галикарнаский (490—428) 3 I, 5
 Гипербол Г IV, 11
 Гносс см. Кносс
 Гомер Г I, 56; II, 18, 19; IV, 5; VI, 10; 3 I, 2
 Горацій Барбат, Марк, консул 449 г., Г II, 54
 Горацій Коклит, 3 II, 10
 Горячка, божество, 3 II, 28
 Гостилий Манцин, Гай, консул 137 г., Г III, 28
 Гостилий см. Тулл Гостилий
 Гракхи, 3 III, 24. См. Семпроний Гракх
 Гратидий, Марк (Гай?) 3 III, 36
 Греция, греки Г I, 5, 12, 30, 34, 36, 58; II, 8, 9, 18, 21, 34, 37, 47, 49, 58; III, 8, 14, 15, 43, фр. 3; IV, 3, 4, 6; V 3; VI, 11, 16; 3 I, 5, 7, 19, 27, 53, 58; II, 21, 26, 28, 32, 37, 38, 39, 62; III, 13, 46, 47
 Греция Великая, Г III, 7

 Делос, остров, 3 I, 2
 Дельфы Г II, 44; 3 I, 58
 Демарат Г II, 34
 Демиртий Фалерский (350—280) Г II, 2; 3 II, 64, 66; III, 14

 Дерзость, божество 3 II, 28
 Диагонд 3 II, 37
 Дикеарх Мессанский 3 III, 4
 Диоген Селевкийский, стоик 3 III, 13
 Дион, стоик 3 III, 13
 Дионисий Старший, сиракузский тиранн (405—367) Г I, 28; III, 43
 Доблесть, божество Г I, 21; 3 II, 19, 28
 Долопы, племя в Фессалии Г II, 28
 Дорида Г II, 8
 Дракон, афинский законодатель Г II, 2
 Дуелий (Дуилай), Гай (или Марк), консул 260 г. Г I, 1

 Евдокс Книдский (ок. 390—337) Г I, 22
 Евмолпиды 3 II, 35
 Еврип 3 II, 2
 Египет, египтяне Г III, 14, 15; VI, 11

 Залевк 3 I, 57; II, 14, 15
 Здоровье, божество 3 II, 28
 Зенон (336—264) 3 I, 38, 53
 Зет Г I, 30
 Злая Судьба, божество 3 II, 28

 Иакх (Дионис) 3 II, 35
 Идейская Матерь (Кибела) 3 II, 22, 40
 Инд, река Г II, 67
 Итака, остров 3 II, 3
 Италия Г II, 9, 10, 28, 29; III, 7; 3 II, 42; III, 45
 Ифигения Г I, 30

 Кавказ Г VI, 21
 Калатин см. Агилий Калатин
 Кальпурний Писон Фруги, Луций 3 I, 6
 Калхант 3 II, 33
 Камилл см. Фурий Камилл Г I, 6
 Канулеев плебисцит Г II, 63
 Капитолий Г II, 36, 44; VI, 11
 Карбон см. Папирий Карбон
 Карнеад из Кирены (ок. 213—129) Г III, 8, 9; 3 I, 39
 Карфаген, карфагеняне Г I, 1, фр. 3; II, 9, 43, 67; III, 7, фр. 3, 15; VI, 11
 Кассиев закон см. Кассий Лонгин Равилла, Луций, плебейский трибун 137 г. 3 III, 35, 36, 37
 Кассий Вецелин, Спурий Г II, 49, 57, 60
 Катадупа, пороги на Ниле Г VI, 19
 Катон см. Порций Катон
 Кастор 3 II, 19
 Квинций Цинциннат, Луций, консул 460 г., диктатор 458 г. Г II, 63

- Квинт см. Туллий Цицерон, Квинт
Квирина, божество Г II, 20; 3 I, 3; II, 19
Квиринал, холм в Риме Г II, 11, 20
Квириты Г I, 27
Кекропс 3 II, 63, 64
Керамик 3 II, 64
Кибела см. Идейская Матерь
Киликия и киликияне 3 II, 33, 41
Килон 3 II, 28
Кипсел, тиранн Коринфа, 650 г. Г II, 34
Кир Великий Г I, 43, 44; 3 II, 56
Клавдий Марцелл, Гай, претор 80 г., 3 II, 32
Клавдий Марцелл, Марк, консул 166 и 165 гг. Г I, 21
Клавдий Марцелл, Марк, консул 222 г. и сл. Г I, 1; V, 10
Клавдий Пульхр, Аппий, консул 54 г. 3 II, 32
Клавдий Пульхр, Аппий, консул 143 цензор 137 г. Г I, 31
Клавдий Пульхр, Гай 3 III, 42
Клавдий Пульхр, Гай Г VI, 2
Клавдий (Клодий) Пульхр, Публий 3 II, 42; III, 21, 25
Клеон, афинский государственный деятель (427—422) Г IV, 11
Клеофон, афинянин (410—404) Г IV, 11
Клиний Критский, 3 I, 15
Клисфен, ок. 500 г. Г II, 2; 3 II, 41
Клитарх Колофонский 3 I, 7
Клодий, римский историк 3 I, 6
Книд, полуостров в М. Азии Г I, 22
Кносс, город 3 I, 15
Коклит см. Гораций Коклит
Коллатин см. Тарквиний Конлатин
Коллинские ворота в Риме 3 II, 58
Коминий Арунк, Постум, консул ок. 496 г. Г II, 57
Конг см. Юний Конг
Конлатин см. Тарквиний Конлатин
Консуалии, празднество Г II, 12
Коринф, коринфяне Г II, 7, 8, 34, 36
Корнелиев род 3 II, 56, 57
Корнелий Сисенна, Луций, ок. 120—67 гг., историк 3 I, 7; II, 54
Корнелий Сулла, Луций (138—78), консул 88 г., диктатор 82—79 гг. 3 II, 56; III, 22
Корнелий Сципион Африканский Старший Публий (235(?)—181), консул 205, 194 гг., цензор 199 г. Г I, 1, 27; VI, 10, 15, 17, 20 26, фр. 6; 3 II, 57
Корнелий Сципион Африканский Младший Эмилиан, Публий (184—129), консул 147, 134 гг., цензор 142 г. Г passim; 3 I, 20, 27; II, 23; III, 12, 37, 38
Корнелий Сципион Кальв, Гней, консул 222 г. Г I, 1; IV, 11
Корнелий Сципион Насика Серапион, Публий Г I, 6; 3 III, 20
Корнелий Сципион, Публий, консул 218 г. Г I, 1; IV, 11
Корунканий, Тиберий, консул 288 г. 3 II, 52
Котта см. Аврелий Котта
Красс см. Лициний Красс
Крит, критяне Г II, 2; III, 15; 3 I, 15; II, 28
Кротон, город Г II, 28
Ксенократ из Халкедона, ок. 396—314 Г I, 3; 3 I, 38, 55
Ксенофонт (ок. 430—354) 3 II, 56
Ксеркс, царь, 485—465 гг. Г III, 14; 3 II, 26
Куриаций, Гай 3 III, 20
Курий Дентат, Маний, консул 290, 284, 275 гг. Г III, 6, 40; 3 I, 3
Куры, город Г II, 25; 3 II, 3
Лакедемон, лакедемоняне (Спарта) Г I, 25, 50; II, 2, 15, 24, 42, 43, 50, 58; III, 15; IV, 3, 4; 3 I, 15; II, 39; III, 16
Лаконяне Г V, 11
Лар Г V, 7; 3 II, 19, 27, 42, 55
Ларций, Тит, консул 506, 498 гг. Г II, 56
Лаций, латиняне Г I, 14, 31; II, 33, 44; III, 7, 41; VI, 12; 3 I, 1, 7
Лелий Гай, консул 140 г., участник диалога «О государстве» Г I, 18, 19, 20, 30, 31, 33, 35, 37, 38, 46, 53, 54, 56, 59, 61, 70; II, 21, 33, 37, 64, 65, 69; III, 5, 8, 32, 42, 44, 45; IV, 4; VI, 2, 8, 12
Ленат см. Попилий Ленат
Либер (Дионис) 3 II, 19
Ливиевы законы 3 II, 14, 31
Ливий Андроник, Луций 3 II, 39
Ликаоняне 3 II, 33
Ликург Г II, 2, 15, 18, 42, 43, 50, 58; III, 16; IV, 5; 3 I, 57
Лирис, река 3 I, 14; II, 6; фр. 3
Лициний Красс, Луций, консул 95 г., оратор 3 III, 42
Лициний Красс Богатый Муциан, Публий, консул 131 г. Г I, 31; III, 17

- Лициний Лукулл Понтийский, Луций, консул 74 г. 3 III, 30
 Лициний Макр, Гай, плебейский трибун 73 г., анналист 3 I, 7
 Локры, город Г I, 16; 3 II, 15
 Лукреций Триципитин, Спурий, консул 509 г. Г II, 46, 55; 3 II, 10
 Лукреция Г II, 46; 3 II, 10
 Лукулл см. Лициний Лукулл
 Лукумон Г II, 14
 Луцеры Г II, 14, 36

 Магнезия, город Г II, 9
 Майя Фортуна, божество 3 II, 28
 Македония Г I, 23
 Макр см. Лициний Макр
 Максим см. Фабий Максим
 Макций Плавт, Тит (254—184) Г IV, 11
 Мамилиев закон 3 I, 55
 Манилий, Маний, консул 149 г., участник диалога «О государстве» Г I, 18, 20, 34; II, 28, 29; III, 17; VI, 9
 Манлий Капитолин, Марк, консул Г II, 49
 Манлий Торкват, Авл, консул 244, 241 гг. 3 II, 55
 Манцин см. Гостилий Манцин
 Мариев закон 3 III, 38
 Марий, Гай, плебейский трибун 119, консул 107 г. и след. Г I, 6; 3 I, 1, 2, 3, 4; II, 56; III, 36
 Марс Г II, 4; VI, 17
 Марцелл см. Клавдий Марцелл
 Марций Фигул, Гай 3 II, 62
 Марций Филипп, Луций, консул 91, 3 II, 31
 Масинисса, царь, 238—149 гг. Г VI, 9
 Массалия Г I, 43, 44
 Мегилл 3 I, 15
 Меламп 3 II, 33
 Мелий, Спурий Г II, 49
 Менелай, царь Г V, 11
 Меркурий Г VI, 17
 Метелл см. Цицилий Метелл
 Милет, город I, 22, 25
 Мильтиад Г I, 5
 Мопс 3 II, 33
 Музы 3 II, 7
 Муммий, Спурий, участник диалога «О государстве», Г I, 18, 34; III, 46, 47, 48; V, 11
 Муций Сцевола, Квинт («авгур»), консул 117 г., участник диалога «О государстве» Г I, 18, 33; 3 I, 13

 Муций Сцевола, Квинт («понтифик»), консул 95 г. 3 II, 47, 49, 50, 52
 Муций Сцевола, Публий, консул 133 г., юрист Г I, 20, 31; 3 II, 47, 50, 52, 57
 Муций Сцевола неизв. 3 I, 1

 Навий см. Аттий Навий
 Надежда, божество 3 II, 28
 Насика см. Корнелий Сципион Насика
 Невий, Гней Г IV, 11; 3 II, 39
 Нил, река Г VI, 19; 3 II, 2
 Неоптолем Г I, 30
 Нума Помпилий Г II, 25, 26, 28, 29, 31, 33; III, 47; V, 3; 3 I, 4; II, 23, 29, 56
 Нуманция, город Г I, 17; III, 28; VI, 11

 Океан см. Атлантический океан
 Олимп, гора Г I, 56; III, фр. 5
 Олимпиада, Г II, 18, 20, 28, 42
 Опимий, Луций, консул 121 г. Г I, 6
 Опс, божество 3 II, 28
 Орифия 3 I, 3
 Оскорбление, божество 3 II, 28

 Павел Македонский см. Эмилий Павел
 Пакувий, Марк Г I, 30; III, 14
 Палагин, Паладий, холм 3 II, 28
 Панэтий Родосский, философ (ок. 180—110 гг.) Г I, 15, 34; 3 III, 14
 Папирий Карбон, Гай, 3 III, 35
 Папирий Карбон, Гней 3 III, 42
 Папирий, Луций, цензор 430 г. Г II, 60
 Папирий, Публий, консул 430 г. Г II, 60
 Пелопоннес Г II, 8
 Пелопоннесская война Г III, 44
 Первожденная, божество 3 II, 28
 Перикл (500—429 гг.) Г I, 25; IV, 11
 Персий, Маний Г I, фр. 1
 Персы Г I, 5, 43; III, 7, 14, 15
 Пинарий, Публий, цензор 430 г. Г II, 60
 Пирей, город Г III, 44
 Пирр, царь (318—272 гг.) Г III, 40
 Писидяне 3 II, 33
 Писон Фруги см. Кальпурний Писон
 Питтак 3 II, 66
 Пифагор Самосский Г I, 16; II, 28, 29; III, 19; 3 I, 34; II, 26
 Пифийский (Аполлон) 3 I, 61; II, 40
 Плавт см. Макций Плавт
 Платон (426—347 гг.) Г I, 16, 22, 29, 65; II, 3, 22, 51; IV, 4, 5; 3 I, 15, 55; II, 6, 14, 16, 38, 41, 45, 67, 69; III, 1, 5, 14, 32

- Победа, божество 3 II, 28
 Полемон, философ (314—276 гг.) 3 I, 38
 Полибий, историк (ок. 201—120 гг.) Г I, 34; II, 27; IV, 3
 Полиейд 3 II, 33
 Поллукс (см. Кастор) 3 II, 19
 Помпей Великий, Гней (106—48 гг.), консул 70, 55, 52 гг. 3 I, 8; II, 6; III, 22, 26
 Помпей, Квинт, консул 141 г. Г 3, 28
 Помпоний Атик, Тит (109—32 гг.) 3 *passim*
 Понт, область, в М. Азии 3 III, 14
 Попилаев род 3 II, 55
 Попилаий, Гай 3 III, 36
 Попилаий Ленат, Публий, консул 132 г. Г I, 6; 3 III, 26
 Попликола см. Валерий Попликола
 Порций Катон, Марк (Старший, Цензорий) (234—149 гг.), консул 195 г., цензор 184 г. Г I, 1, 27; II, 1, 3, 37; III, 40, IV, 11; V, 8; 3 I, 6; II, 5
 Порций Катон, Марк (Утический) (95—46 гг.) 3 III, 40
 Порций Лека, Марк, претор 195 г. Г II, 54
 Порций Лека, Публий, плебейский трибун 199 г. Г II, 54
 Постум см. Коминий Постум
 Постумий Турбет, Публий, консул 505, 503 гг. 3 II, 58
 Прокул см. Юлий Прокул
 Публикола см. Валерий Публикола
 Пунийцы см. Карфаген
 Пуническая война вторая (218—201 гг.) Г I, 1
 Рамны Г II, 36
 Рем Г II, 4, 36; 3 I, 8
 Рим, римляне Г I, 7, 58; II, 12, 25, 30, 33, 36, 52, 53, 61; III, 33; 44; IV, 12; V, 2 VI, 35, 36; 3 II, 2, 5, 28, 35, 36, 37, 66; III, 30, 37, 48, 49
 Родник, божество 3 II, 56
 Родосцы Г I, 47; III, 48
 Ромул Г I, 25, 58, 64; II, 4, 10, 11, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 50, 51, 52; 53; III, 47; IV, 24; 3 I, 3, 8; II, 33
 Росций Галл, Квинт 3 I, 11
 Рутилий Руф, Публий, консул 105 г., участник диалога «О государстве» Г I, 13, 17
 Рутулы Г II, 5
 Руф см. Рутилий Руф
 Руф см. Сульпиций Руф
 Сабазий, фригийское божество 3 II, 37
 Сабиняне Г II, 12, 13, 14, 25, 36; III, 7, 40; 3 II, 3
 Салии, жрецы Марса Г II, 26
 Самний, самниты Г III, 7, 40
 Самос остров Г VI, 2; 3 II, 41
 Сарданапалл Г III, фр. 4
 Сатурн, божество Г VI, 17
 Сатурнин см. Апулей Сатурнин
 Своеволие, божество 3 II, 42
 Священная гора Г II, 58, 63
 Семпроний Аселлион, историк 3 I, 6
 Семпроний Гракх, Гай, плебейский трибун 123 г. 3 III, 20, 24, 26
 Семпроний Гракх, Тиберий, цензор 169 г. Г VI, 2
 Семпроний Гракх, Тиберий, плебейский трибун 133 г. Г II, 49; III, 41; 3 III, 20, 24
 Семпроний Тудитан, Гай, консул 129 Г I, 14
 Сервилий Агала, Гай Г I, 6
 Сестий, Луций Г II, 61
 Сибарис, город Г II, 28
 Симонид Кеосский (ок. 556—467 гг.) Г II, 20
 Сиракузы, город Г I, 21; III, 43, 45
 Сирия Г VI, 11
 Сисенна см. Корнелий Сисенна
 Сицилия Г II, 9
 Скавр см. Эмилий Скавр
 Смирна, город Г I, 13
 Сократ (469—399 гг.) Г I, 15, 16; II, 3, 22, 51; III, 5; 3 I, 33, 56; II, 6
 Солнце, божество Г VI, 9
 Солон (639—559 гг.) Г II, 2, 59; 3 I, 57; II, 59, 64
 Солы, город 3 II, 41
 Спарта см. Лакедемон
 Спевсипп (ок. 395—334 гг.) 3 I, 38
 Стата, божество 3 II, 28
 Статор (Юпитер) 3 II, 28
 Стойки 3 III, 13, 14
 Суесса Помеция, город Г II, 44
 Сулла см. Корнелий Сулла
 Сульпиций Гальба, Сервий, консул 144 г. Г III, 42
 Сульпиций Галл, Гай, консул 166 г. Г I, 21, 22, 30

- Сульпиций Руф, Публий, плебейский трибун 88 г. 3 III, 20
 Сцевола см. Муций Сцевола
- Тавры, народ Г III, 15
 Тарент, тарентинцы Г I, 16, 59
 Тарквинии, город Г II, 34, 37
 Тарквиний, Гордый, Луций, царь Г I, 62; II, 28, 46, 51, 52; 3 II, 10
 Тарквиний Конлатин, Луций, консул 509 г. Г II, 46; II, 53
 Тарквиний Приск, Луций, царь, Г II, 35, 37, 38; 3 I, 4
 Тарквиний, Секст 3 II, 10
 Гарпей, Спурий, консул 454 г. Г II, 60
 Таций, Тит, сабинский царь Г II, 13, 14
 Тесей Г II, 2, 3 II, 5
 Тиам 3 II, 7
 Тибр, река Г II, 4, 33
 Тимей Локрийский, философ Г I, 16
 Тимей из Тавромения (Сицилия) философ Г III, 43; 3 II, 15
 Тимофей из Милета, философ 3 II, 39
 Титаны 3 III, 5
 Титиевы законы 3 II, 14, 31
 Титии Г II, 36
 Туллий, Сервий, царь Г II, 37, 38; III, 47
 Торкват см. Манлий Торкват
 Трансальпийские народы Г III, 16
 Триципитин см. Лукреций Триципитин
 Туберон см. Элий Туберон
 Туберт см. Постумий Туберт
 Тудитан см. Семпроний Тудитан
 Тулл Гостилий, царь Г II, 31, 53
 Туллий Цицерон, Квинт 3 passim
 Туллий Цицерон, Марк 3 passim
 Туллий Цицерон, Марк (дед оратора) 3 III, 36
 Тускул, город Г I, 1; 3 II, 5; III, 30
- Ум, божество 3 II, 19, 28
 Улисс (Одиссей) 3 I, 2
- Фабий Пиктор, Квинт, анналист 3 I, 6
 Фабий Максим Кунктатор, Квинт, консул 223 г. и след. Г I, 1; V, 10
 Фабриций Луцин, Гай, консул 282, 278, 273 гг. Г III, 40; 3 II, 58
 Фаларид, тиранн Агригента Г I, 44
 Фалер, город 3 II, 64; III, 14
 Фалес Милетский (ок. 636—549 гг.) Г I, 22, 25; II, 26
- Фанний, Гай, консул 122 г., участник диалога «О государстве» Г I, 18, фр. 2; 3 I, 6
 Федр, философ 3 I, 53
 «Федр», диалог Платона 3 II, 6
 Фемистокл (514—449 гг.) Г I, 5
 Феопомп, царь Г II, 58
 Феопомп Хиосский 3 I, 5; III, 16
 Феофраст Лесбосский 3 I, 38; II, 15; III, 13, 14
 Фесей см. Тесей
 Фибрен, река 3 II, 1, 6
 Фивы, фивяне Г IV, 4; 3 II, 37
 Фигул см. Марций Фигул
 Фидий, ок. 450 г. Г III, 44
 Фил см. Фурий Фил
 Филипп см. Марций Филипп
 Филипп III, царь Македонии, Г III, 15; IV, 13
 Филолай Кротонский, философ Г I, 16
 Филострат, тиранн в Афинах (ок. 560—528 гг.) Г I, 68
 Фламиний, Гай, плебейский трибун 238 г. 3 III, 20
 Флиунт, город Г II, 8
 Формии, город Г I, 61
 Фортуна нынешнего дня 3 II, 28
 Фортуна Оглядывающаяся назад 3 II, 28
 Фурий Камилл, Марк Г I, 6
 Фурий Фил, Луций, консул 136 г., участник диалога «О государстве» Г I, 17, 19, 20, 21, 34, 37; III, 5, 8
 Фракийцы Г II, 9
 Фригийцы 3 II, 33
- Харонд 3 I, 57; II, 14; III, 5
 Хиос, остров 3 I, 55
 Хрисипп (280—206 гг.), философ Г III, 12
- Целий Антипатр, Луций, ок. 120 г., историк 3 I, 6
 Целий Кальд, Гай, консул 94 г. 3 III, 36
 Целий, холм в Риме Г II, 33
 Церера 3 II, 21, 37
 Цецилий Метелл Македонский, Квинт, консул 143 г., цензор 131 г. Г I, 31
 Цецилий Метелл Нумидийский, Квинт, консул 109 г., цензор 102 г. Г I, 6; 3 III, 26
 Цецилий Метелл, Луций, консул 251 247 гг. Г I, 1
 Цецилий Стадий, комический поэт Г IV, 11

- Цинциннат см. Квинкий Цинциннат
 Цицерон см. Туллий Цицерон
- Честь, божество 3 II, 28, 58
- Эбузиев закон
 Эгейское море 3 III, 36
 Эгерия, нимфа 3 I, 4
 Эквы, триба Г II, 36
 Элида, элидяне Г IV, 4
 Элий Пет Кат, Секст, консул 198 г. Г I, 30; III, 33; 3 II, 59
 Элий Стилон, Луций (150—90 гг.), грамматик 3 II, 59
 Элий Туберон, Квинт, консул 118 г., участник диалога «О государстве» Г I, 14, 15, 16, 17, 23, 26, 29, 31; II, 64, 65
 Эмилиий Павел Македонский, Луций, консул 182, 168 гг. Г I, 14, 23, 31; VI, 14
 Эмилиий Скавр, Марк, консул 115, 108 гг. 3 III, 36
 Эмпедокл из Агригента (ок. 494—434 гг.) Г III, 14
 Энианы, народ Г II, 8
 Энный, Квинт (ок. 239—169 гг.) Г I, 3, 25, 30, 49, 64; III, 6; V, 1; VI, 10; фр. 4; 3 II, 57, 69
 Эпикур (ок. 342—270 гг.) Г VI, 3; 3 I, 39, 54
 Эпименид из Кносса 3 II, 28
 Эпир 3 II, 7
 Эскивалинский холм Г II, 11; 3 II, 28
 Эскулапий 3 II, 19
 Эсхин (ок. 390—320 гг.), оратор Г IV, 3
 Этоляне Г III, 15
 Этрурия, этрусски Г II, 9, 34, 38; III, 7; 3 II, 21
- Юлий, Гай, децемвир 450 г. Г II, 61
 Юлий Гай (или Луций), консул 430 Г II, 60
 Юлий Прокул Г II, 20; 3 I, 3
 Юний Брут, Луций, консул 509 г. Г II, 46
 Юний Конг Гракхан, Марк Г I, фрагм. 1; 3 III, 49
 Юнона 3 III, 41
 Юпитер Г I, 30, 50, 56; II, 36, 43; VI, 17; 3 I, 2; II, 7, 10, 20, 28; III, 43
 Юпитер Непобедимый 3 II, 28

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
О ГОСУДАРСТВЕ (Перевел В. О. Горенштейн)	
Первый день	7
Книга первая	7
Фрагменты из первой книги	33
Книга вторая	34
Второй день	54
Книга третья	54
Фрагменты из третьей книги	70
Книга четвертая	70
Третий день	75
Книга пятая	75
Книга шестая	79
Сновидение Сципона	81
Фрагменты из неизвестных книг	88
О ЗАКОНАХ (Перевел В. О. Горенштейн)	
Книга первая	89
Книга вторая	109
Книга третья	133
Фрагменты	149

ПРИЛОЖЕНИЯ

Политико-философские трактаты Цицерона («О государстве» и «О законах»). С. Л. Утченко	153
Примечания	
«О государстве» (Составили И. Н. Веселовский и В. О. Горенштейн)	175
«О законах» (Составил В. О. Горенштейн)	197
Список иллюстраций	216
Указатель собственных имен (Составил В. О. Горенштейн)	217

Цицерон

Диалоги

Утверждено к печати редколлегией серии «Литературные памятники»

Редактор издательства М. Е. Грабарь-Пассек

Художник Н. А. Седельников

Технический редактор О. Г. Ульянова

Сдано в набор 17/XI Подписано к печати 14/II 1966 г. Формат 70 × 90¹/₁₆
Печ. л. 14 + 2 вкл. (0,25 п. л.) Усл. печ. л. 16,67 Уч.-изд. л. 16,3
Тираж 20 000 экз. Изд. 679/66 Тип. зак. 3402

Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
28	17 св.	Гарентскому	Тарентскому
39	17 св.	подозрения в гибели	подозрения, связанные с исчезновением
63	4 сн.	он завладеет	он не завладеет
80	18 сн.	это: богами	эта богами
88	9 сн.	Бурный,	Бурый,
213	4 св.	Квин Целилий Метелл Нумидийск	Квинт Цецилий Метелл Нумидийский

Цицерон. Диалоги